Джим Батчер

ГРЯЗНАЯ ИГРА

Грязная игра
Джим Батчер

Аннотация
Джим Батчер. Грязная игра
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51

Аннотация

Гарри Дрезден, единственный профессиональный чародей в Чикаго, близок к чёрной полосе своей жизни… Ибо как Зимний Рыцарь Королевы Воздуха и Тьмы, Гарри никогда не знает, чем могут обернуться для него интриги Мэб. Обычно это неприятности. Он и половины не знает… Мэб попросту обменяла умения Гарри на погашение одного из своих долгов. И теперь он обязан помогать группе сверхъестественных злодеев, возглавляемых одним из жутчайших и презреннейших врагов Гарри — Никодимусом Архлеоне, вломиться в самое охраняемое место города, чтобы получить доступ к самому охраняемому месту в Небывальщине. Это налёт для возвращения самого что ни на есть Святого Грааля из хранилищ величайшего склада ценностей сверхъестественного мира, принадлежащих самому Аиду — повелителю долбаного Подземного мира и вообще неприятной личности. Хуже того, Дрезден подозревает, что параллельно идёт другая игра, о которой никто не упоминает. А ещё

он до смерти уверен, что Никодимус не намерен отпускать живым ни одного свидетеля из своей команды. Особенно Гарри. Дрезден всегда умел выкручиваться, но ему придётся вести предательскую игру, чтобы выжить в этой буче — если только собственные союзники не убьют его раньше, чем это сделают его враги…

Джим Батчер
Грязная игра

Посвящается Лори, Джули и маме. Вы действительно всегда меня поддерживали. Спасибо вам.

Глава 1

В моей голове тикала бомба замедленного действия, а единственный надёжный человек, который мог прийти и вытащить её, так и не появлялся и не разговаривал со мной уже более года.

Это куча времени, чтобы начать задавать себе вопросы. *Кто я? Что я сделал со своей жизнью? Кому я могу доверять?*

Последний вопрос — самый противный. Вы задаетесь им в минуты сомнений. Иногда, просыпаясь посреди ночи, вы начинаете гадать, тем ли людям вы доверяете. Иногда, оказавшись в одиночестве по какой-либо причине, вы начинаете перебирать в памяти каждую мелочь о ком-то, в поисках незначительных на первый взгляд вещей, которые вы могли упустить.

Это пугает. Это заставляет вас думать, что, возможно, вы наделали каких-то ужасных ошибок в последнее время. Это побуждает вас *делать* что-то, действовать — только когда вы застряли на острове посреди озера Мичиган, у вас несколько ограниченный выбор того, что именно вы може-

те сделать, чтобы выпустить пар.

Я использовал свой привычный способ. Я бегал по длинным туннелям, наполненными демонами, монстрами и ночными кошмарами, потому что это было проще, чем ехать в тренажёрный зал.

Туннели были большие, размером с некоторые подземные улицы под городом Чикаго, их стены, сделанные из земли и камня, пронизывали штуковины, которые выглядели, как корни, но не могли принадлежать никакому дереву так глубоко под землёй. Через каждые несколько ярдов, более или менее регулярно, встречались друзы из светящихся бледно-зелёных кристаллов кварца. Внутри каждой кварцевой друзы находилась тёмная лежащая фигура. Некоторые группы кристаллов содержали существ не крупнее собаки среднего размера. Некоторые из них были величиной с дом.

Я только что закончил перебираться через одну из огромных друз и побежал к следующей, первой в серии из трёх друз, более или менее соответствующих размером моему покойному Жучку.

— Паркур! — выкрикнул я и подпрыгнул, оттолкнулся рукой от верхушки и перемахнул на ту сторону. Приземлившись, я перешёл в кувырок

вперёд через плечо, вскочил и побежал дальше.

— Паркур! — крикнул я перед следующей друзой, опуская одну руку вниз, чтобы во время прыжка помочь придать телу горизонтальное положение, на одной линии с головой, взял барьер, приземлился и продолжил движение.

— Паркур! — крикнул я снова перед третьей друзой, и просто перелетел через неё по длинной дуге. Идея была в том, чтобы, преодолев барьер, приземлиться на руки, перейти в плавный кувырок, встать и бежать дальше, но не получилось. Я ошибся при прыжке, зацепил ногой кристалл, в результате плюхнулся на живот и закопался лицом в грязь на той стороне.

Я полежал некоторое время, пока вышибленный из лёгких воздух вновь их не наполнил. Упасть было не страшно. Бог знает, сколько раз я падал за свою жизнь. Я перевернулся на спину и застонал.

— Гарри, у тебя слишком много свободного времени.

Мой голос отозвался эхом в туннеле — седьмом из тринадцати по счету.

— Паркур, — повторило эхо где-то вдали.

Я встряхнул головой, поднялся и начал выбираться наружу. Ходить по одному из туннелей

под островом Предел Демона всегда в некотором роде испытание. Когда я бежал, то миновал друзы довольно быстро.

Когда я шел, у заключенных, пойманных внутри, было время, чтобы заговорить со мной.

«Позволь мне выполнить все твои желания», — напевно мурлыкал шёлковый голос в моей голове, пока я обходил один из них.

«Кровь и власть, богатство и силу, я могу дать тебе всё, что ты...» — обещал следующий.

«Однажды, смертный, я буду свободен и высосу мозг из твоих костей», — злобно рычал другой.

«Склонись в страхе и ужасе передо мной!»

«Ненавидь меня, дай мне пожрать тебя, и я сделаю твои сны реальными».

«Освободи меня, или я уничтожу тебя!»

«Засыпай. Засыпай. Спи и впусти меня в себя...»

«Кровьбольсмертькровьплотькровьбольсмерть...»

«БУЛЬК ХЛЮП ШШШ ФРРРР ФХТАГН!»

Ну, вы поняли.

Как обычно.

Я обогнул довольно маленькую друзу, чей обитатель просто послал мне ментальный образ, который не давал мне заснуть пару ночей после того, как я прошёл мимо в прошлый раз, и мино-

вал один из крайних кристаллических курганов перед выходом.

Пока я проходил, обитатель кургана испустил мысленный вздох и послал чёткий образ человека, закатывающего глаза: *«Ох. Ещё один новичок».*

Я остановился и вгляделся в друзу. Как правило, я не общаюсь с заключёнными. Если вы заперты под Пределом Демона, вы были кошмаром настолько, что не многие способны до конца постичь — бессмертным, первобытно свирепым, и, вероятно, бешеным с-пеною-у-рта и в придачу дьявольски сумасшедшим.

Но… Я был заперт на протяжении месяцев, почти так же как эти пленники, пойман в ловушку на острове и в пещерах под ним. Выбор тут был небольшой. Покуда я не выставлю некую сущность из моей головы снова наружу, только остров способен держать ее в узде. У меня иногда бывали гости, но зимние месяцы, из-за погоды и льда, опасны на озере Мичиган, а первые признаки весны лишь едва начали появляться. Уже много времени прошло с тех пор, как я кого-нибудь видел.

Так что я уставился на кристаллический курган, размером примерно с гроб, и спросил:

— В чём твоя проблема?

«Очевидно, в тебе, — ответил заключённый. — *Ты хотя бы знаешь значение слова стазис? Оно означает, что ничего не происходит. Ты стоишь здесь, ходишь мимо, заговариваешь со мной, да Бога ради — это полное надругательство, то, что вы новички всегда делаете. Как там говорится? Ах, да. Отвали».*

Мои брови поползли вверх. До сегодняшнего дня каждый заключённый, который пытался общаться со мной, довольно очевидно стремился выбраться наружу, ну, или завывал, рехнувшись. Этот парень создавал впечатление просто… британского джентльмена.

— Чего? — сказал я.

«Ты слышал меня, Страж? Греби. Отсюда».

Я поразмышлял, не понять ли его буквально, просто из хитрожопости, но решил, что плоский юмор ниже достоинства чародея Белого Совета и Стража Предела Демона, опровергая, таким образом, всех, кто утверждал, что я не кто иной, как великовозрастная шпана.

— Кто ты? — спросил я вместо этого.

Долгое время было тихо. А потом ко мне пришла мысль, наполненная ужасной усталостью и чисто эмоциональной тоской, подобными тем,

что я испытывал лишь в самые худшие моменты моей жизни. Но для этого существа такая боль не была низшей отметкой. Это было его постоянное состояние.

«Тот, кто должен быть здесь. Уходи, мальчик».

По мне прокатилась волна тошноты. Окружающее пространство внезапно стало слишком ярким, нежное свечение кристаллов слишком резким. Я опомнился уже в нескольких шагах от друзы, отступая до тех пор, пока этот ужасный прилив ощущений не сошёл на нет. Но это не помешало головной боли, спровоцированной этими эмоциями, обрушиться на меня так резко и сильно, что было трудно удержаться на ногах.

Я опустился на одно колено, стиснув зубы, чтобы не кричать. Головные боли неизменно усиливались, и, несмотря на то, что я учился справляться с болью всю свою жизнь, несмотря на могущество мантии Зимнего рыцаря — они начали основательно доставать меня ещё несколько недель назад.

Некоторое время я воспринимал только боль и ноющую, выматывающую тошноту.

В конце концов, боль медленно начала убывать, я поднял голову и увидел стоящую надо

мной громадную фигуру в тёмном плаще. Она была десяти или двенадцати футов высотой и имела сложение и размеры тяжеловесного мускулистого человека, хотя я никогда на самом деле не видел большую часть сущности под плащом. Он уставился на меня из глубин своего капюшона парой ярко горящих зеленью булавочных огней, которые заменяли ему глаза.

— СТРАЖ, — произнёс он низким рокочущим голосом, — Я НА ВРЕМЯ ОСЛАБИЛ ПАРАЗИТА.

— Как раз вовремя, Альфред, — пробормотал я. Потом сел и стал прислушиваться к себе. Я пролежал довольно долго, пот на моей коже уже высох. Хреново дело. Древний дух острова весь год сдерживал неведомое нечто в моём черепе, не давая меня убить. Раньше, когда моя голова начинала болеть, ему стоило только появиться, произнести слово, и боль утихала. В последние несколько недель стало хуже.

На этот раз ему потребовалось более часа.

Чем бы ни было сверхъестественное или потустороннее существо, которое сидело в моей голове и использовало меня, чтобы расти, теперь оно готовилось убить меня.

— АЛЬФРЕД, — серьёзным тоном повторил дух. — ЭТО БУДЕТ МОЁ НОВОЕ ИМЯ?

— Давай оставим Предел Демона, — ответил я.

— Я ОСТРОВ, — задумчиво произнёс огромный дух.

— Ну да, — сказал я, с трудом поднимаясь на ноги. — Его хранитель. Дух места.

— И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ Я СУЩЕСТВУЮ ОТДЕЛЬНО ОТ ОСТРОВА. САМОСТОЯТЕЛЬНО.

Я уставился на духа:

— Но ты ведь понял, что обращение «Альфред» было шуткой?

Тот пристально смотрел на меня. Несуществующий ветер раздувал полы его плаща.

Я поднял руки вверх, словно сдавался, и сказал:

— Что ж, полагаю, тебе можно дать и собственное имя. Пусть будет Альфред Предел Демона.

На мгновение его глаза вспыхнули ярче, и он склонил передо мной свою голову в капюшоне. Затем сказал:

— ОНА ЗДЕСЬ.

Я вскинул голову, сердце внезапно ускорило темп. Это заставило слабые отголоски боли вновь пронзить мою голову. Неужели она наконец ответила на мои послания?

— Молли?

— НЕ КУЗНЕЧИК. НОВАЯ МАТЬ КУЗНЕЧИКА.

Я почувствовал, как напряжение сковало мои плечи и шею.

— Мэб, — произнёс я низким, огрубевшим голосом.

— ДА.

— Фантастика, — буркнул я. Мэб, королева Воздуха и Тьмы, монарх Зимней династии Сидхе, госпожа и наставница каждого нечестивого создания в Феерии — мой босс — игнорировала меня месяцами. Я регулярно отправлял к ней посланников — безрезультатно. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Но почему теперь? Зачем появляться сейчас, после всех этих месяцев безмолвствования?

— А потому, болван, — пробормотал я себе, — что ей что-то нужно.

Я повернулся к Пределу Демона:

— Ладно, Альфред. Где она?

— НА ПРИЧАЛЕ.

Это было разумно. Предел Демона, как практически всякая тюрьма, одинаково хорошо подходил для удержания посетителей как внутри, так и снаружи. Когда долбаный Идущий из Иномирья и его банда объявились, чтобы организовать узникам острова массовый побег из тюрьмы, они были отбиты благодаря стараниям островной

обороны и нескольких ключевых союзников.

Последний год я провёл, знакомясь с секретами острова, оборонительной системой, о существовании которой даже не подозревал, — средствами защиты, которые могли быть приведены в действие только Стражем. Если бы Идущий попытался разыграть эту карту снова, я мог бы уделать его одной левой. Даже Мэб, какой бы могущественной она ни была, не мешало бы поостеречься, если она собиралась вести дела на территории Предела Демона.

Поэтому-то она и осталась на причале.

Она ожидала от меня недовольства. Стопроцентно, ей было что-то нужно.

По моему опыту, когда королева Воздуха и Тьмы решает, что она чего-то от тебя хочет, самое время забиться в нору и законопатить за собою выход.

Но моя голова пульсировала слабыми приступами боли. Мои головные боли постепенно становились все хуже и хуже на протяжении нескольких лет, а я лишь недавно обнаружил их причину — у меня была патология, о которой следовало позаботиться прежде, чем нечто, застрявшее в моей башке, начнёт проламывать себе путь прямо сквозь череп. Я не решался покинуть остров, боясь, как бы этого не произошло,

и если Мэб наконец-то решила ответить на мои послания, мне не оставалось ничего иного, кроме как встретиться с ней.

Вероятно, именно поэтому она и не удосуживалась поговорить со мной — до сих пор.

— Чёртовы фейри и их интриги, — ворчал я себе под нос, направляясь к лестнице, ведущей из Колодца к поверхности острова.

— Оставайся поблизости и будь настороже, — сказал я Пределу Демона.

— ТЫ ПОДОЗРЕВАЕШЬ, ЧТО ОНА ХОЧЕТ ПРИЧИНИТЬ ТЕБЕ ВРЕД?

— Эх, — вздохнул я, начиная подниматься по ступеням. — Так или иначе. Пойдём.

Глава 2

Мы с братом построили причал Что-За-Хрень-Док на берегу одного из трёх небольших пляжей Предела Демона, самом близком к проходу в каменных рифах, окружающих остров. Где-то век назад на склонах холмов за пляжем был город, но его забросили после того как его жителей, очевидно, медленно ввергла в помешательство тёмная энергия, окружающая отвратительных существ, заключённых в тюрьму под островом.

Руины города всё еще виднелись, наполовину поглощённые лесом — труп, медленно пожираемый плесенью и мхом. Иногда я задавался вопросом: как долго я смогу оставаться на проклятом острове, прежде чем так же помешаюсь.

К причалу была пришвартована дорогая моторная яхта, столь же неуместная здесь, как «Феррари» на скотном дворе, белая, со множеством вставок из заиндевело-голубоватого хрома. По ней сновала пара человек команды, но наряд их скорее производил впечатление маскарадного костюма, чем настоящей одежды моряка. Складки слишком прямые, ткань слишком чи-

стая, слишком безупречно сидит. Наблюдая за их движениями, я не сомневался, что они носили оружие и отлично умели убивать. Это были сидхе, лорды Феерии, высокие, красивые и опасные. Но меня они не впечатлили.

Главным образом потому, что они не были настолько красивы или опасны, как женщина, стоящая на самом краю моего причала — кончики её дорогих туфель были в половине дюйма от берега Предела Демона. Если рядом с вами в воде находится большая белая акула, трудно волноваться по поводу нескольких барракуд, плывущих вслед за ней.

Мэб, королева Воздуха и Тьмы, носила сшитый на заказ деловой костюм, оттенка где-то между перепачканной древесным углём газетной бумагой и замороженными барвинками. Блузка под ним была белоснежна, как и её волосы, искусно уложенные в причёску, подражающую моде сороковых. В мочках её ушей и на шее блестели опалы глубоких оттенков зелёного и синего, сочетаясь с постоянно меняющимся цветом её холодных идеальных глаз. Она была бледна и красива, настолько красива, что любая попытка описать эту красоту звучала бы как грубое оскорбление, я же питал к ней естественный и рациональный

ужас.

Я спустился к причалу по старым каменным ступеням в склоне и остановился на расстоянии вытянутой руки от Мэб. Кланяться в пояс не стал, но голову по всем правилам склонил. С лодки за нашей встречей наблюдали другие сидхе, а я давно понял, что Мэб не станет терпеть непочтительность к своему положению, даже если её самолюбие и не будет задето. Абсолютно уверен, если Зимний рыцарь открыто бросит ей вызов перед её же Двором, это будет, по сути, объявлением войны, и, несмотря на все мои нынешние знания об острове, мне не хотелось ничего подобного с Мэб.

— Моя королева, — сказал я приветливо. — Как делишки?

— Безупречно, мой рыцарь, — ответила она. — Как всегда. Забирайся на борт.

— Зачем? — спросил я.

Её губы поджались в гримаске легчайшего неодобрения, что противоречило внезапной вспышке довольства в глазах.

— Я предсказуем, да? — поинтересовался я у неё.

— Во многом, — ответила она. — Должна ли я отвечать тебе без обиняков?

— Хотелось бы.

Мэб кивнула. Затем она подалась вперёд, совсем чуть-чуть, и её взгляд стал тяжелее, а голос — холоднее и жёстче обледеневшего камня:

— Потому что я велела тебе сделать это.

Я сглотнул, и мой желудок проделал небольшой вираж на американских горках внутри меня.

— Что произойдёт, если я не стану? — спросил я.

— Ты уже дал понять, что станешь сопротивляться мне, если я попытаюсь силой заставить тебя повиноваться моим приказам, — ответила Мэб. — Это сделало бы тебя бесполезным для меня, а на данный момент я нахожу обременительным готовить тебе замену. Поэтому я ничего не стану с тобой делать.

Я моргнул:

— Ничего? Я могу отказать вам, и вы просто… уйдёте?

— Совершенно верно, — сказала Мэб, отворачиваясь. — Ты умрёшь через три дня, а за это время я должна буду предпринять меры по твоей замене.

— Э-э-э… Что?

Мэб остановилась и бросила взгляд через плечо.

— Паразит внутри тебя вылупится в это время.

Ты, конечно же, заметил усиление боли.

Боже, конечно, я заметил. Всё сходилось.

— Чёрт побери, — зарычал я, стараясь говорить не слишком громко, чтобы не услышали головорезы на борту. — Вы меня подставили.

Повернув лицо ко мне, Мэб одарила меня лёгкой улыбкой.

— Я посылал Тука и Лакуну с сообщениями для вас и Молли каждый проклятый день. Что, они ни разу до вас не долетели?

— Они фейри, — ответила Мэб. — А я — королева Феерии.

— А мои послания к Молли?

— Я соткала тенёта для перехвата любых заклинаний, покидающих этот остров, в тот самый миг, как сказала тебе: «Прощай, мой рыцарь», — ответила она. — И сообщения, которые ты послал со своими друзьями, были изменены согласно моим потребностям. Я нахожу полезным то, как крошечная доля недоверия создаёт столь много возможностей для недопонимания. Твои друзья пытались навестить тебя ещё несколько недель назад, но озёрный лёд продержался необычайно долго в этом году. Увы.

Я стиснул зубы.

— Вы знали, что я нуждался в её помощи.

— И до сих пор нуждаешься, — резко и едко подтвердила она.

Три дня.

Адские колокола.

— Вы никогда не рассматривали возможность просто попросить меня о помощи? — спросил я её. — Может, даже произнести «пожалуйста»?

Она изогнула светлую бровь:

— Я — не твой клиент.

— Поэтому вы просто перешли к вымогательству?

— Я не могу заставить тебя, — сказала она рассудительным тоном. — Поэтому вынуждена следить за тем, чтобы это делали обстоятельства. Ты не можешь покинуть остров, боль сломает тебя. Не можешь послать за помощью без моего позволения. Твоё время почти истекло, мой рыцарь.

Я обнаружил, что едва цежу слова сквозь стиснутые зубы:

— Почему? Для чего вам понадобилось загонять меня в угол подобным образом?

— Возможно, потому, что это необходимо. Возможно, это защитит тебя от самого себя, — её глаза сверкнули гневом, пока ещё отдалённым, как гроза на горизонте. — Или, возможно, просто

потому, что я *могу* это сделать. В конечном счёте, неважно — почему. Всё, что имеет значение — это результат.

Я несколько раз вдохнул и выдохнул, чтобы не позволить гневу бурлить в моём голосе. Учитывая, чем ей приходилось руководить, вполне вероятно, что манипулирование мной и угрозы смерти — это своеобразный способ просить вежливо, — по стандартам Мэб, конечно. Но это не означает, что мне это должно нравиться.

Кроме того, она была права. Если Мэб сказала, что жить мне осталось три дня, то это всерьёз. У неё не было ни возможности, ни надобности произносить никакой прямой лжи. А если это правда — в чём я был удручающе уверен — значит, она связала меня по рукам и ногам.

— Чего вы хотите? — почти вежливым тоном спросил я.

Вопрос вызвал довольную улыбку на её губах и кивок, подозрительно похожий на одобрение.

— Я хочу, чтобы ты выполнил одно задание для меня.

— А чтобы его выполнить, мне случайно не нужно будет покинуть остров? — спросил я.

— Безусловно.

Я указал пальцем на висок:

— Тогда у нас есть проблема кое с кем недееспособным от боли. Вам придётся привести меня в порядок.

— Если я сделаю это, ты никогда не согласишься на него, — спокойно сказала Мэб, — и мне придётся искать тебе замену. Поэтому ради своего собственного здоровья и безопасности, ты будешь носить вот это.

Она подняла руку и протянула ко мне ладонью вверх.

В ней был маленький камень — тёмно-синий опал. Я наклонился немного ближе, рассматривая его. Он был закреплён на серебряной шпильке — серёжка.

— Этого должно быть достаточно, чтобы сдержать паразита на оставшееся время, — сказала Мэб. — Надевай.

— У меня не проколоты уши, — возразил я.

Мэб изогнула бровь.

— Ты — Зимний рыцарь или какой-то плаксивый ребёнок?

Я угрюмо посмотрел на неё:

— Подойдите сюда и повторите это.

На что Мэб спокойно ступила на берег Предела Демона, носками туфель почти коснувшись моих. Она была на несколько дюймов выше шести

футов ростом, и ей почти не пришлось тянуться вверх, чтобы взять пальцами мочку моего уха.

— Подождите! — спохватился я. — Подождите!

Она остановилась.

— В левое.

Мэб наклонила голову набок:

— Почему?

— Потому что… Слушайте, это заморочки смертных. Просто — в левое, ладно?

Она коротко выдохнула через нос. Затем покачала головой и сменила ухо. Я почувствовал раскалённый укол боли в левой мочке, а затем медленную ленивую пульсацию, почти притягательно холодную, как воздух осенней ночью, когда открываешь окна спальни и засыпаешь как убитый.

— Ну вот, — сказала Мэб, прикрепляя на место зажим. — Неужели это было таким уж тяжёлым испытанием?

Я сердито посмотрел на неё и потянулся к камню левой рукой. Пальцы подтвердили то, на что пожаловались уши — он был совершенно холодным на ощупь.

— Теперь, когда я получил то, что позволит мне безопасно покинуть остров, — очень тихо сказал я, — что мешает мне приказать Альфреду

сию секунду бросить вас в клетку и решать мои проблемы самостоятельно?

— Я, — ответила Мэб. Она послала мне очень слабую и очень холодную улыбку и подняла палец. На нём была крошечная капля моей крови, алая на фоне её бледной кожи.

— Последствия для твоего мира смертных, если в нём не станет Мэб, будут плачевными. Последствия для тебя, если ты попытаешься, ещё хуже. Испытай меня, чародей. Я готова.

На секунду я задумался об этом. Она накопила достаточно рычагов давления, чтобы принудить меня ко всему, что пожелает, и к тому, что будет мне точно не по нраву. В любом случае я никогда не собирался прислуживать Мэб вечно. Босс перестанет быть боссом, если я запру её в кристалле в сотнях футов под водами озера Мичиган. По всему видно, на небольшой отпуск в личном холодильнике она точно заработала. Мэб была по-настоящему «плохим парнем».

За исключением того, что… она была *нашим* крутым плохим парнем. Какой бы ужасной и безжалостной она ни являлась, она оставалась стражем, защищающим мир от вещей, которые были ещё хуже. Её внезапное исчезновение из расстановки сил могло быть хуже, чем просто

катастрофическим.

И признайся хотя бы себе, Дрезден. Ты струсил. Что, если ты попытаешься отправить её вниз — и промахнёшься? Помнишь, что случилось с последним парнем, который предал Мэб? Ты никогда не одерживал над нею верх. Ты даже близко к этому не подходил.

Я не позволил себе вздрогнуть. Она бы восприняла это как слабость, а показывать слабость кому-то из фейри — это не лучшая идея. Я просто выдохнул и отвернулся от этих холодных, бездонных глаз.

Мэб отметила свою победу лишь лёгким наклоном головы. Затем она отвернулась и пошла обратно на пристань.

— Возьми всё, что может понадобиться. Мы отбываем немедля.

Глава 3

Яхта Мэб доставила нас в залив Белмонт, где последний февральский лёд, по всей видимости, раскололся сегодняшним не по сезону тёплым утром. Моё ухо пульсировало вспышками холода, зато голова не беспокоила, и когда мы пришвартовались, я прыгнул на пирс, перемахнув через планшир, с большим вещевым мешком в одной руке и новым чародейским посохом в другой.

Мэб с достоинством спустилась по трапу и неодобрительно посмотрела на меня.

— Паркур, — объяснил я.

— Деловая встреча, — напомнила она, плавно проскальзывая мимо меня.

Нас ждал лимузин, в комплекте с ещё двумя сидхе в костюмах телохранителей. Мы помчались через город по Лейк-Шор-драйв, пока не оказались в районе Чикаго-Луп, затем лимузин повернул и остановился перед Карбид-энд-Карбон-билдинг, грандиозным, тёмно-зелёным небоскрёбом, который, при всём его вызывающем декоре, напоминал мне Монолит из «Космической одиссеи 2001 года». Я всегда считал, что он

выглядит слишком вычурным и неприветливым, но потом он превратился в отель «Хард Рок».

Ещё двое телохранителей-сидхе дожидались, когда мы выйдем из машины, высокие и нечеловечески красивые. Затем все сидхе мгновенно сменили внешность фотомоделей на облик настоящих головорезов, с худыми, вытянутыми лицами, стрижками «ёжик» и миниатюрными наушниками в ухе — чары, легендарная способность фейри создавать иллюзии. Мэб не напрягалась с изменением внешности, ограничившись тем, что надела модные солнцезащитные очки. Четверо телохранителей оперативно выстроились в каре вокруг нас, и мы все двинулись к ожидающему лифту. Цифры на панели стремительно сменялись вплоть до номера верхнего этажа — а потом лифт поднялся *ещё* на один этаж выше.

За открывшейся дверью обнаружился экстравагантный пентхаус. Моцарт доносился из динамиков такого качества, что на мгновение я предположил, что играют настоящие музыканты. Четырнадцатифутовые, от пола до потолка, окна открывали потрясающий вид на озеро и береговую линию к югу от отеля. Полы были сделаны из полированной древесины. Тропические деревья

росли в горшках по всей комнате, вместе с яркими цветущими растениями, которые все вместе действовали на обоняние так, словно решили устроить цветочный эквивалент нападения при отягчающих обстоятельствах. Мебельные гарнитуры были расставлены тут и там — на полу и на помостах, расположенных на различных уровнях. Имелись также бар и небольшая сцена со звуковой системой, а в дальнем конце шикарного чердака была лестница, ведущая на высокую платформу, которая, судя по стоявшей там кровати, должно быть, служила спальней.

У лифта ждали ещё пять головорезов в чёрных костюмах с дробовиками в тон. Когда двери открылись, громилы взялись за пушки, хотя прямо в нас целиться не стали.

— Мадам, — сказал один из них, гораздо моложе остальных, — пожалуйста, назовите себя.

Мэб бесстрастно смотрела на них сквозь солнцезащитные очки. Затем, пренебрежительно повела бровью. Движение было настолько слабым, что вряд ли кто-нибудь из них его заметил.

Я хмыкнул, поднял руку и пробормотал:

— *Infriga*.

Я не вложил в заклинание много энергии, но её было достаточно, чтобы втолковать, что к чему:

внезапно толстый слой инея с треском заискрился на нижней части тел головорезов, покрывая сапоги, дробовики и руки, которые их держали. Мужчины дернулись от неожиданности и тихо зашипели от дискомфорта, но хватку на оружии не ослабили.

— Леди не общаются с лакеями, — сказал я им, — и вам чертовски хорошо известно, кто она такая. Тому из вас, болваны, у кого имеется мозг, вероятно, надо бы пойти и сказать своему боссу, что она здесь, прежде чем она почувствует себя оскорблённой.

Молодой головорез, заговоривший с нами, кинулся прочь, вглубь пентхауса, обходя стену из деревьев и цветов. В то время как остальные остались внешне бесстрастными, но чувствовали себя явно неуютно.

Мэб посмотрела на меня и спросила интимным шёпотом:

— Что это было?

Я ответил в том же духе:

— Не имею привычки убивать смертного, чтобы просто сделать замечание.

— Но ты был готов убить одного из моих сидхе по этой причине.

— Я играю на твоей стороне, но ты не с моего

района, — ответил я ей.

Она посмотрела на меня поверх оправы своих очков, а затем произнесла:

— Брезгливые не становятся Зимними рыцарями.

— Дело не в брезгливости, Мэб, — сказал я.

— Нет, — согласилась она. — Дело в слабости.

— Согласен, — произнёс я, снова повернувшись лицом к залу. — Я всего лишь человек.

Взгляд Мэб задержался на мне, тяжёлый и холодный как снежный покров:

— Пока.

Я не вздрогнул. Просто иногда у меня бывают мышечные спазмы. Вот и всё.

Головорез, способный к человеческой речи, вернулся и, старательно избегая с кем-либо встречаться взглядом, поклонился в пояс примерно в направлении Мэб:

— Ваше Величество, пожалуйста, проходите. Ваши четверо охранников могут подождать здесь, с нашими четырьмя, а я провожу вас к нему.

Мэб не удостоила говорившего даже кивком. Она просто элегантно вышла из лифта, размеренно цокая каблуками по твёрдому полу, а мы с головорезом поспешили за ней, пытаясь не отставать.

Мы обогнули стену кустарника, за которую до этого убегал головорез, и обнаружили за ней искусно сделанный помост, на который вели три широкие ступени. Окружающая его густая стена растительности создавала атмосферу уютной беседки. Дорогая мебель для гостиной была расставлена на помосте идеально для ведения беседы. Там-то и ждал нас тот, с кем у Мэб была назначена встреча.

— Сэр, — произнёс головорез. — Её Величество королева Мэб и Зимний рыцарь.

— Который не нуждается в представлении, — сказал мужчина с глубоким и звучным голосом, который я узнал. Раньше этот голос был плавным и текучим, теперь же в нём появился намёк на шероховатость, грубость, которой раньше не было, как шёлк, скользящий по старому гравию.

Человек среднего роста и телосложения поднялся со стула. Он был одет в чёрный шёлковый костюм, чёрную рубашку и поношенный серый галстук. У него были тёмные волосы с серебряными росчерками, чёрные глаза, и двигался он с гибкой грацией змеи. Когда он посмотрел на меня, улыбка была на его устах, но не в глазах:

— Сколько лет, сколько зим, Гарри Дрезден.

— Никодимус Архлеоне. Мой удар улучшил

тфой голош, — произнёс я, подражая акценту Шона Коннери.

Что-то уродливое мелькнуло в глубине его глаз, а голос стал чуть грубее, хотя улыбка не изменилась:

— Вы подошли ближе, чем кто-либо за очень и очень долгое время.

— Может, это признак приближающейся старости, — сказал я. — Допускаете промахи в мелочах, например, оставили язык одному из своих людей. Он ведь наверняка ощущает себя ущербным, будучи единственным, кто может разговаривать.

Это заставило Никодимуса улыбнуться шире. Прежде я встречал его банду прихлебателей, у них у всех были отрезаны языки.

Он повернулся к Мэб и поклонился в пояс более элегантно, чем это когда-либо мог сделать я, воспитанный в другое время:

— Ваше Величество.

— Никодимус, — сказала Мэб с морозом в голосе, затем произнесла более нейтральным тоном: — Андуриил.

Никодимус не двигался, но его долбаная тень всё равно склонила голову. Независимо от того сколько раз я это видел, это действие всё ещё нервировало меня.

Никодимус был рыцарем Ордена Тёмного Динария, или точнее, вполне определённым рыцарем Ордена Тёмного Динария. Он владел одной из тридцати серебряных монет, той, что содержала суть падшего ангела Андуриила. Динарианцы были плохой новостью — главным образом потому, что хотя падшие ангелы сильно ограничены в возможности использовать свою силу, будучи стреножены и привязаны к смертному партнёру, они столь же опасны, как и всё, что бродит в тени, а объединившись с психами мирового класса, подобными Никодимусу, становятся на несколько порядков хуже. Никодимус, насколько я смог выяснить, творил злодеяния уже пару тысячелетий. Он был умным, безжалостным, упорным, и убивать людей было для него почти таким же пустяковым делом, как выбросить пустую пивную банку.

Я однажды уцелел при встрече с ним. Он однажды уцелел в схватке со мной. Ни один из нас не смог убить другого.

До сих пор.

— Я прошу вас на минуту проявить снисхождение, — сказал Никодимус Мэб. — Есть второстепенный вопрос внутреннего протокола, которому я должен уделить внимание, прежде

чем мы продолжим.

После мгновения ледяного недовольства Мэб ответила:

— Конечно.

Никодимус ещё раз поклонился, затем сделал несколько шагов и повернулся к головорезу, который нас сюда привёл. Поманив его, он сказал:

— Брат Джордан, подойдите.

Джордан вытянулся по стойке смирно, сглотнул и вышел вперёд, остановившись точно напротив Никодимуса, после чего снова вытянулся.

— Вы успешно прошли испытания Братства, — с теплотой в голосе объявил Никодимус. — Заслужили самые высокие рекомендации от своих товарищей. Проявили неколебимое мужество перед лицом опасного противника. По моему мнению, вы продемонстрировали свою преданность и приверженность, выйдя за пределы скудных обязательств любой клятвы.

Он протянул руку и положил её на плечо молодого человека:

— Вам есть что сказать в качестве последнего слова?

Глаза паренька заблестели от внезапно нахлынувших эмоций, дыхание ускорилось.

— Я благодарю вас, милорд.

— Хорошо сказано, — с улыбкой прожурчал Никодимус, затем позвал: — Дейрдре.

Со своего места на заднем плане поднялся второй из ожидавших на помосте людей. Это была молодая женщина в простом чёрном платье. Ее лицо было худым и суровым, а тело имело лёгкие, изящные изгибы опасной бритвы. Длинные тёмные волосы сочетались с чёрными глазами, такими же, как у самого Никодимуса. Подойдя к Джордану, она одарила его почти сестринской улыбкой.

А затем начала меняться.

Сперва её тёмные глаза превратились в два провала, горящих ярким малиновым светом. Над ними открылась вторая пара глаз, на этот раз светящихся зелёным. А потом её лицо исказилось, кости начали двигаться. Кожа будто бы пошла рябью, затем застыла, потемнев до темно-фиолетового оттенка свежего синяка и став жесткой, как толстая шкура. Платье, замерцав, просто исчезло, открыв исказившиеся ноги, ступни сильно удлинялись, пока пятки не стали выглядеть словно выгнутые в обратную сторону коленки. Волосы также изменились — кончики удлинялись, скользя всё дальше от головы, словно десятки извивающихся змей, уплотняясь в

твёрдые, иссиня-чёрные металлические ленты, что шелестели, двигаясь и струясь, словно наделённые собственной волей.

Одновременно с этим тень Никодимуса начала расти, хотя освещение при этом никак не менялось. Она вытянулась позади него, затем вверх по стене, поднимаясь всё выше и выше, пока не заняла всю стену огромного пентхауса.

— Засвидетельствуйте, — негромко произнес Никодимус, — как брат Джордан станет оруженосцем Джорданом.

Зелёные глаза над глазами Дейрдре ярко вспыхнули, когда Дейрдре подняла свои когтистые руки и довольно нежно обхватила ими лицо Джордана. Затем наклонилась и поцеловала его, с открытым ртом.

Мой желудок сжался и совершил кульбит. Я постарался, чтобы этого никто не заметил.

Внезапно голова Дейрдре ещё немного подалась вперёд, и Джордан застыл. Из-под губ Дейрдре донёсся приглушённый вскрик, но быстро захлебнулся. Я увидел, как челюсти Дейрдре сжались, потом она внезапно дёрнула головой в сторону, резким движением акулы, вырывающей кусок плоти у своей жертвы. Голова её откинулась назад в чем-то до ужаса напоминающем экстаз, и я

увидел окровавленный язык Джордана, зажатый между её зубами.

Изо рта молодого человека фонтаном брызгала кровь. Он что-то неразборчиво промычал и, пошатнувшись, упал на одно колено.

Голова Дейрдре задергалась в глотательных движениях, какими морская птица заглатывает рыбу, раздался тихий глотающий звук. Затем она вздрогнула и медленно открыла горящие глаза. Потом повернулась и неспешно подошла к Никодимусу, её пурпурные губы почернели от крови, и пробормотала:

— Дело сделано, отец.

Никодимус поцеловал её в губы. И, о боже, вид его, делающего это с языком, ещё больше выбивал из колеи, чем в *первый* раз, когда я наблюдал за этим.

Через мгновение он оторвал рот от Дейрдре и произнёс:

— Поднимись, оруженосец Джордан.

Молодой человек, шатаясь, поднялся на ноги, нижняя половина его лица была залита кровью, стекающей на подбородок и горло.

— Приложи лёд и отправляйся к врачу, оруженосец, — сказал Никодимус. — Мои поздравления.

Глаза Джордана вновь засверкали, губы растянулись в жуткой улыбке. Он повернулся и поспешил прочь, оставляя за собой след из капающей крови.

Мой желудок сжался. В один из таких дней мне придется заставить себя научиться держать язык за зубами. Никодимус только что с легкостью изувечил молодого человека исключительно для того, чтобы проучить меня за мою подначку. Я сжал зубы и решил использовать этот инцидент, чтобы напомнить себе, с каким именно монстром имею здесь дело.

— Вот и всё, — сказал Никодимус, снова поворачиваясь к Мэб. — Приношу свои извинения, если доставил какие-то неудобства.

— Мы уже можем перейти к нашему делу? — поинтересовалась Мэб. — У меня не так много времени.

— Конечно, — ответил Никодимус. — Вы знаете, по какому вопросу я обратился к вам.

— Действительно, — ответила Мэб. — Андуриил когда-то одолжил мне услуги своего… союзника. Теперь я возвращаю этот долг, предоставив вам услуги своего.

— Погодите. Что? — вымолвил я.

— Превосходно, — произнёс Никодимус. Он

вытащил визитную карточку и протянул ей: — Наша небольшая группа встречается здесь на закате.

Мэб потянулась за карточкой и кивнула:

— Договорились.

Я перехватил её руку, забрав визитку прежде, чем она успела до неё дотянуться.

— *Не* договорились, — заявил я. — Я не буду работать с этим психопатом.

— Вообще-то, социопатом, — сказал Никодимус. — Хотя на практике эти термины почти взаимозаменяемы.

— Вы скверный тип, и я не хотел бы подпускать вас к себе ближе, чем на дистанцию, на которую мог бы отшвырнуть вас пинком, и очень хотел бы на практике выяснить, какова эта дистанция, — огрызнулся я в ответ, затем повернулся к Мэб: — Скажите, что вы это не серьёзно.

— Я, — процедила она, — предельно серьёзна. Ты пойдешь с Архлеоне. Ты будешь оказывать ему всю возможную помощь и содействие до тех пор, как он не достигнет своей цели.

— *Какой* ещё цели? — требовательно спросил я.

Мэб перевела взгляд на него.

Никодимус улыбнулся мне:

— Ничего ужасно сложного. Это будет непросто, конечно, но не слишком. Мы собираемся ограбить хранилище.

— Вам не нужна ничья помощь в таком деле, — ответил я. — Вы можете справиться с любым хранилищем в мире.

— Верно, — сказал Никодимус. — Но хранилище находится не в этом мире. А в Подземном.

— В Подземном мире? — переспросил я.

При этих словах у меня возникло не очень хорошее предчувствие.

Никодимус в ответ лишь вкрадчиво улыбнулся.

— И чьё же? — спросил я его. — Чьё хранилище вы хотите ограбить?

— Древнего существа огромнейшей силы, — ответил он своим погрубевшим голосом, его улыбка расширилась. — Вам он может быть известен как Аид, владыка Подземного мира.

— Аид, — повторил я. — *Тот самый* Аид. Греческий бог.

— Тот самый.

Я медленно перевёл взгляд с Никодимуса на Мэб.

Её лицо было красивым и решительным. Холодок от серёжки, что поддерживала во мне жизнь,

монотонно пульсировал на моей коже.

— Ох, — тихо сказал я. — Адские колокола.

Глава 4

Мой мозг врубил верхнюю передачу.

Меня снова припёрли спиной к стене, но в этом не было ничего нового. За долгие годы опыта в подобных обстоятельствах я хорошо усвоил одну вещь: любая игра ради лишней капли пространства, времени или помощи стоила свеч.

Я посмотрел прямо в безжалостные глаза Мэб и сказал:

— Необходимо определить одно условие.

Её глаза сузились:

— Что за условие?

— Напарник, — ответил я. — Хочу иметь дополнительную пару глаз поблизости. Кто-то на мой выбор.

— Зачем?

— Потому что Никодимус — убийца, на убийце сидит и убийцей погоняет, — сказал я. — И если он подберёт команду, они все будут ничуть не лучше. Я хочу иметь рядом ещё одну пару глаз, чтобы убедиться, что кто-нибудь из них не выстрелит мне в спину, как только я отвернусь — в конце концов, вы даёте Зимнего рыцаря взаймы.

А не выбрасываете за ненадобностью.

Мэб приподняла бровь:

— М-м-м-м…

— Я боюсь, что это невозможно, — произнёс Никодимус. — План уже составлен, и в нем нет места для посторонних.

Мэб очень медленно повернула голову в его сторону.

— Насколько я помню, — её тон был подобен арктическим льдам, — когда вы оказывали мне услугу, то прихватили своё исчадие с собой. Я считаю, что это требование соразмерно.

Никодимус прищурился. Затем он глубоко вздохнул и чуть склонил голову в знак согласия:

— У меня нет явной власти над каждым участником. Я не могу гарантировать безопасность ни для вашего рыцаря, ни для его… помощника.

На лице Мэб появилась едва заметная улыбка:

— Как и я не могу ничего обещать для ваших союзников, сэр Архлеоне, стоит вам нарушить договорённость, достигнутую по доброй воле. Может быть, заключим перемирие до того момента, как ваша миссия будет закончена?

Никодимус задумался на секунду, после чего кивнул:

— Договорились.

— Тогда всё, — заявила Мэб и вырвала визитку из моих пальцев. — Идём, мой рыцарь?

Я одарил неприязненным взглядом Никодимуса и его перепачканную кровью дочь. Волосы Дейрдре скреблись и шуршали, скользя друг по другу, словно длинные, извивающиеся полоски листового металла.

Черта с два я буду помогать этому сумасшедшему.

Но сейчас было не время и не место, чтобы заявлять об этом.

— Хорошо, иду, — процедил я сквозь зубы.

Стараясь ни на секунду не поворачиваться к динарианцам спиной, я последовал за Мэб к лифту.

Когда лифт закончил спуск, я повернулся к телохранителям Мэб и сказал:

— Пора вам, ребятки, выйти и подогнать машину. — Когда никто из них не шелохнулся, я добавил: — Ну, ладно. Парни, вы ведь заполняли какие-то бумаги с пожеланиями, как именно должны распорядиться вашими останками?

На это сидхе только моргнули. И уставились на Мэб.

Мэб продолжала смотреть вперёд. Я видал статуи, которые выражали свои желания более явно.

И они вышли.

Я подождал, когда двери лифта закроются за ними, щёлкнул пальцами и пробормотал: *«Hexus»*, высвобождая частичку своей воли. Смертные чародеи и техника несовместимы. Для большей части электроники достаточно лишь оказаться поблизости от чародея, активно использующего магию, чтобы испустить дух. А если уж он *специально пытается* испортить её, мало что уцелеет.

Панель управления лифтом испустила фонтан искр и погасла. Электрические лампочки негромко хлопнули и перегорели, вместе с аварийными огнями, и кабина лифта неожиданно погрузилась во тьму, разбавленную лишь толикой дневного света, что просачивалась под дверь.

— Вы что, с ума сошли? — спросил я у Мэб требовательно.

Но тихо.

Света было как раз достаточно, чтобы разглядеть блеск её глаз, когда она наконец взглянула на меня.

— Я *не собираюсь* помогать этому мудаку, — прорычал я.

— Ты будешь в точности следовать инструкциям.

— Нет, не буду, — ответил я. — Я знаю, как он

работает. Что бы он ни делал, ничего хорошего это не сулит. Людям собираются причинить боль, и я не намерен в этом участвовать. Я не собираюсь помогать ему.

— Очевидно, ты слушал меня недостаточно внимательно, — произнесла Мэб.

— А для меня очевидно, что вы просто *не понимаете*, — ответил я. — Есть вещи, которые просто не стоит делать, Мэб. И помогать такому вот монстру заполучить то, что он хочет — одна из них.

— Даже если отказ будет стоить тебе жизни? — спросила она.

Я вздохнул.

— А вы и не заметили за последние пару лет? У вас есть какие-то сомнения, что я скорее предпочту умереть, чем стану частью чего-то подобного?

В темноте свернула белая вспышка её зубов.

— И всё же ты здесь.

— Вы действительно хотите довести до этого? — спросил я. — Уже готовы потерять своего блестящего новенького рыцаря?

— Вряд ли это будет большой потерей, если рыцарь не выполняет простые команды, — сказала Мэб.

— Я буду выполнять приказы. Я выполнял их

и раньше.

— Да, выполнял. В собственном извращённом стиле, — возразила Мэб.

— Да, но только не в этот раз.

— Ты будешь в точности следовать инструкциям, — повторила Мэб, приблизившись ко мне ещё на полшага. — Или ощутишь последствия.

Я сглотнул.

Последний рыцарь, разозливший Мэб, закончил тем, что умолял меня прикончить его. Несчастный ублюдок был мне *благодарен*.

— Какие последствия? — спросил я.

— Паразит, — ответила Мэб. — Убив тебя и вырвавшись наружу, он отыщет всех, кого ты знаешь. И сотрёт их с лица земли… начиная с одного конкретного ребёнка.

Мои руки покрылись мурашками. Она говорила о Мэгги. Моей дочери.

— До неё ему не добраться, — прошептал я. — Она защищена.

— Но не от этого, — отстранённо произнесла Мэб. — Не от создания, плоть от плоти твоей, как и она сама. Твоя смерть впустит в этот мир смертельно опасное существо, мой рыцарь… того, кто знает о твоих друзьях всё, что известно тебе самому. О любимых. О семье.

— Нет, этого не случится, — ответил я. — Я вернусь на остров. Я скажу Альфреду заточить его, едва он вырвется на свободу.

Улыбка Мэб стала искренней. И это было гораздо страшнее её пристального взгляда.

— О, милое моё дитя, — она покачала головой. — С чего ты взял, что я позволю тебе вернуться?

Я стиснул кулаки и процедил сквозь зубы:

— Ах ты… *сука*.

Мэб залепила мне пощёчину.

Ладно, это не очень хорошо отражает то, что на самом деле произошло. Её рука двинулась. Её ладонь ударила меня в левую скулу, и через мгновение правая сторона моего черепа врезалась в дверь лифта. Моя голова отскочила от неё, как мячик для пинг-понга, ноги стали ватными, и я получил возможность очень, очень хорошо рассмотреть мраморную плитку на полу лифта. Металл зазвенел, словно гонг, и эхо этого звона не стихло даже пару минут спустя, когда я смог медленно сесть. Или, может быть, оно повторялось только у меня в голове.

— Я с радостью выслушаю твои предложения, вопросы, мысли и аргументы, мой рыцарь, — спокойно произнесла Мэб.

Она изящно приподняла ножку и уперлась

кончиком высокого каблука мне в горло. Затем надавила на него, совсем чуть-чуть, и это было адски больно.

— Но я — *Мэб*, смертный. Не тебе меня судить. Понятно тебе?

С каблуком, упирающимся в гортань, не очень-то поболтаешь. Пришлось дёрнуть головой, изображая кивок.

— Откажись повиноваться мне, если этого ты хочешь, — сказала она. — Я не смогу помешать тебе сделать это… если ты желаешь заплатить назначенную цену.

С этими словами она убрала ногу от моего горла.

Я сел и принялся его растирать.

— Это не очень хороший способ сохранить со мной хорошие рабочие отношения, — прохрипел я.

— Я кажусь тебе дурой, мой рыцарь? — спросила она. — Подумай.

Я оглядел её. Голос Мэб был совершенно спокоен. После того, что я сказал ей, после проявленного мной неповиновения, это было неожиданно. Она никогда не стеснялась показывать свой гнев, если считала, что собеседник это заслужил. И это абсолютное самообладание было… не то чтобы

не в её характере, но я ожидал намного больше напряжённости, чем она демонстрировала. Мое неповиновение поставило под угрозу её планы, а это никогда не оставляло её в хорошем настроении.

Если только…

Я закрыл глаза и снова прокрутил в голове её слова.

— Ваши указания, — медленно произнес я, — заключались в том, чтобы пойти с Никодимусом и помогать ему до тех пор, пока он не достигнет своей цели.

— Верно, — сказала Мэб. — А своей целью он назвал изъять содержимое хранилища.

Она наклонилась и, ухватившись за рубашку, подняла меня на ноги с такой легкостью, словно я весил не больше чихуахуа.

— Я ведь не говорила, что ты должен делать после этого.

При этих словах я моргнул. Несколько раз.

— Вы… — я понизил голос: — Вы хотите, чтобы я обвёл его вокруг пальца?

— Я жду, что ты вернёшь мой долг, следуя моим инструкциям, — ответила Мэб. — А после этого… — в полумраке её губы снова растянулись в улыбке, на этот раз самодовольной, — я жду, что

ты будешь собой.

— Что бы Никодимус ни замышлял на этот раз… вы тоже хотите его остановить, — выдохнул я.

Она склонила голову, лишь слегка.

— Вы знаете, что он не собирается честно соблюдать перемирие, — негромко произнес я. — В какой-то момент он собирается разделаться со мной. Он собирается предать меня.

— Разумеется, — сказала она. — Я жду незаурядного, более изобретательного предательства с твоей стороны.

— Не нарушая при этом вашего слова и помогая ему? — требовательно спросил я.

Её улыбка стала шире.

— Что, не пара пустяков? — спросила она. — В молодости я бы получила удовольствие от такой нестандартной задачи.

— Да, — сказал я. — Круто. Спасибо.

— Капризные не становятся Зимними рыцарями, — ответила Мэб.

Она повернулась к дверям лифта, где теперь красовалась огромная вмятина в форме чародейской черепушки. Створки разошлись перед ней с протестующим стоном металла.

— Сделай это для меня, и я обеспечу безопасное удаление паразита, когда задание будет выпол-

нено.

— Никодимус, его дочь, и бог знает кто ещё там в его команде… — сказал я. — А я вынужден работать со связанными руками, и вы ждёте, что я выживу в этой игре?

— Если ты хочешь жить, если хочешь, чтобы жили твои друзья и семья, я жду, что ты не просто выживешь, — сказала Мэб, выходя из лифта. — Я жду, что ты сдерёшь с них кожу живьём.

Глава 5

— К чести Мэб, — произнесла Кэррин Мёрфи, — стоит заметить, что она просит тебя сделать *именно* то, в чём ты спец.

Я моргнул:

— И что *сие* должно означать?

— Есть у тебя, Гарри, такая склонность — увиливать от сделок, в которые ты себя втягиваешь, — сказала она. — У тебя в этом богатый опыт.

— Хочешь сказать, я не должен им противиться? — требовательно спросил я.

— Вероятно, тебе лучше сосредоточиться на том, чтобы вообще не втягивать себя в них, — ответила она, — но это лишь скромное мнение бывшего копа.

Мы сидели в гостиной Кэррин, в маленьком домике, увитом розами, доставшемся ей в наследство от бабушки. Кэррин медленно попивала чай, свернувшись в клубок на одном из концов дивана, её подтянутое мускулистое тело выглядело расслабленным. Мой большой серый кот, Мистер, растянулся у меня на коленях, нежась и мурлыча, пока я чесал его.

— Ты хорошо заботилась о нём, — произнёс я. — Спасибо.

— Из него вышла отличная компания, — заметила она. — Хотя теперь я думаю, может, ему больше понравилось бы жить с тобой.

Я оставил в покое спинку Мистера и принялся чесать ему за ушами именно так, как он больше всего любил. Его урчание стало напоминать рёв небольшой моторной лодки. Я и не понимал, как сильно скучал по этому комку шерсти, пока он не прибежал и не врезался плечом мне в голени. Мистер весил почти тридцать фунтов. Мне было интересно, как миниатюрной Кэррин удавалось при каждом возвращении домой не оказываться сбитой с ног под напором его привязанности. Может, она использовала для самозащиты какие-то приёмы айкидо.

— Это можно было бы устроить, — сказал я. — Я… можно сказать, что уже обосновался там. К тому же на острове нет никого достаточно большого, чтобы напасть на него. Но зимой там достаточно холодно, а он не становится моложе.

— Все мы не становимся моложе, — сказала Кэррин. — Кроме того, ты только взгляни на него.

Мистер перевернулся на спину и счастливо покусывал кончики моих пальцев, шлёпая меня

лапами по рукам, не выпуская, впрочем, когти. Конечно, это был потрёпанный в боях старый котяра, без кончика хвоста и с порванным ухом, но чёрт побери, если это не было мило, и я вдруг почувствовал, что к моим глазам подступают слёзы.

— Ну да, — ответил я. — Он мне своего рода друг, не так ли?

Голубые глаза Кэррин улыбнулись мне из-за ободка кружки. Только то, как она держала себя, не позволяло относиться к ней, как к милой малышке. Её золотисто-каштановые волосы, завязанные в конский хвост, стали длиннее, чем когда-либо на моей памяти. На ней были облегающие штаны для занятий йогой, майка и фланелевая рубашка, а когда я пришёл, она упражнялась в каком-то боевом искусстве.

— Конечно, — продолжила она, — ты мог бы решить проблему и иным способом.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты мог бы жить здесь, — ответила она. Затем добавила, чуть поспешно: — В Чикаго. Ты мог бы, ну ты понял. Переехать обратно в город.

Я нахмурился, продолжая ласкать кота:

— Я не… Слушай, когда очередной урод сожжёт мой дом дотла, возможно, я окажусь не настолько

везучим, как в прошлый раз.

— Твой прошлый раз закончился сломанной спиной и работой на монстра, — парировала Кэррин.

— Именно, — продолжил я. — И только благодаря буквально божественному вмешательству никто из моих соседей не погиб, — я покачал головой. — Остров — это недоброе место, но никто не придёт туда искать неприятности на свою голову.

— Кроме тебя, — мягко произнесла она. — Меня беспокоит, что с тобой может случиться, если ты останешься там один слишком долго. Такого рода изоляция не пойдёт тебе на пользу, Гарри.

— Это необходимо, — ответил я. — Так безопаснее для меня. Так безопаснее для всех остальных.

— Что за чушь, — сказала она беззлобно. — Ты просто боишься.

— Ты чертовски права, — произнёс я в ответ. — Боюсь, что какой-нибудь жукоглазый урод придёт, чтобы вернуть должок, и убьёт невинных людей просто потому, что они оказались в зоне поражения.

— Нет, — возразила она. — Тебя пугает не это, — она махнула рукой. — Ты не хочешь, чтобы это случилось, и ты будешь сражаться, если это про-

изойдёт, но пугает тебя не это.

Я опустил взгляд на Мистера, нахмурившись:

— Мне… действительно сложно об этом говорить.

— Так преодолей это, — сказала Кэррин ещё мягче. — Гарри, когда вампиры схватили Мэгги… Они, можно сказать, разрушили твою жизнь. Они забрали всё, что тебе дорого. Твой офис. Твой дом. Даже твою нелепую древнюю клоунскую тачку.

— Голубой Жучок был не клоунской тачкой, — строго поправил я. — Он был машиной правосудия.

Я не смотрел на неё, но услышал улыбку в её голосе, смешанную с чем-то, похожим на сочувствие:

— Ты человек привычки, Гарри. А они забрали все привычные для тебя места и вещи. Они причинили тебе боль.

Нечто тёмное и яростное всколыхнулось во мне на мгновение, угрожая выплеснуться наружу. Я затолкал это обратно.

— Так что идея крепости в каком-то знакомом месте, которую у тебя нельзя отобрать, действительно привлекает тебя на данный момент, — продолжила Кэррин. — Даже если это означает, что ты отрежешь себя от мира.

— Это не так, — сказал я.

Это было не так.

Правда ведь?

— И я в порядке, — добавил я.

— Ты не в порядке, — спокойно возразила Кэррин. — Тебе ещё очень далеко до того, чтобы быть в порядке. И тебе нужно это знать.

Шерсть Мистера была очень тёплой и мягкой на ощупь. Он мягко бил лапами по моим рукам. Его острые зубы так же мягко покусывали моё запястье. Я и забыл, как это приятно — просто держать на коленях такое вот пушистое существо.

Как я мог это забыть?

(«Я всего лишь человек».)

(«Пока».)

Я медленно покачал головой:

— Сейчас… не лучший момент, чтобы взывать к моим чувствам.

— Я знаю, — сказала она. — Но я ведь вижу тебя в первый раз за многие месяцы. Что, если другого шанса у меня не будет? — она поставила чашку с чаем на поднос на кофейном столике и добавила:

— Я согласна, что впереди много дел. Но тебе нужно понять, что твои друзья беспокоятся о тебе. А это тоже важно.

— Мои друзья, — промолвил я. — Так это… общественный проект?

Кэррин уставилась на меня на секунду. Затем поднялась с дивана и, пройдя, встала возле меня. Несколько мгновений она смотрела на меня, а потом одной рукой убрала мои волосы с глаз и сказала:

— Это я, Гарри.

Я невольно прикрыл глаза и подался навстречу её руке. Ладонь казалась лихорадочно жаркой — разительный контраст с недавним прикосновением ледяных пальцев Мэб. Мы на мгновение застыли в этой позе, и по комнате разнеслось гортанное урчание Мистера.

В прикосновении к руке человека заключена сила. Мы постоянно признаём это в мелочах. Существует причина, почему люди пожимают руки, держат друг друга за руки, дают пять, бьют кулаком об кулак.

Причина эта исходит из самых ранних наших воспоминаний, когда мы приходим в этом мир, ослеплённые его светом и оттенками, оглушённые буйством звука, мечущиеся в этом бескрайнем пространстве без какого-либо способа сориентироваться, трясущиеся от холода, обессиленные от голода и естественно испуган-

ные и сбитые с толку. И что же прогоняет первый страх, первоначальное состояние ужаса?

Прикосновения рук другого человека.

Рук, которые окружают нас теплом, которые прижимают нас. Рук, которые дают нам укрытие, комфорт, пищу. Рук, которые держат нас, гладят, утешают, прогоняя наши самые первые страхи, доставляют нас к самому первому убежищу, где утихает любая боль. Первое, чему мы учимся в жизни — это что прикосновение руки другого человека может облегчить боль и изменить всё к лучшему.

Это сила. Настолько основополагающая, что большинство людей за всю свою жизнь даже не догадываются о её существовании.

Я прижался головой к руке Кэррин, и меня снова пробила дрожь.

— Хорошо, — тихо сказал я. — Хорошо. Это тоже важно.

— Вот и славно, — ответила она.

Ещё на секунду задержав пальцы в моих волосах, она наконец убрала руку. Затем взяла наши чашки и понесла их обратно на кухню.

— Итак. Куда же ты направился, выйдя из «Хард Рока»?

— Ммм? — спросил я.

Её голос продолжал доноситься с кухни:

— Учитывая тобой сказанное, ты ушёл со встречи с Никодимусом около трёх часов назад. Где ты был после этого?

— Хм… — протянул я. — Да, насчёт этого…

Она вернулась с кухни и посмотрела на меня, изогнув золотистую бровь.

— Что, если я скажу тебе, что мне нужно, чтобы ты мне доверяла?

Она нахмурилась и слегка кивнула, а затем её губы тронул намёк на улыбку:

— Ты отправился на охоту за информацией, да?

— Хм… — протянул я в ответ. — Давай просто скажем, что пока я не разузнаю побольше о том, с чем мне предстоит столкнуться, я буду прятать свои карты куда тщательней, чем обычно.

Она нахмурилась:

— Скажи мне, что ты делаешь это не ради моего же блага.

— Ты бы надрала мне задницу, — ответил я. — Я делаю это ради своего.

— Спасибо, — произнесла она. — Наверное.

— Не благодари меня, — ответил я. — Я всё ещё держу тебя в неведении. Но я уверен, что это абсолютно необходимо.

— Значит, тебе нужно, чтобы я тебе доверяла.

— Ага.

Она развела руками:

— Ага, хорошо. Так в чём заключается план? Предполагаю, ты хочешь, чтобы я собрала команду поддержки и ждала развития событий, пока ты и Томас отправитесь играть с плохими парнями?

Я покачал головой:

— Чёрт возьми, нет. Я хочу, чтобы ты проникла туда со мной.

Моя фраза на мгновение лишила её дара речи. Глаза её немного расширились:

— С тобой. Ограбить греческого бога.

— Совершить кражу со взломом, технически, — ответил я. — Я чертовски уверен, что если ты наставишь пушку на Аида, то заслуживаешь всё то, что с тобой сделают за это.

— Почему я? — спросила она. — Это Томас хорошо обращается с клинками и владеет суперсилой.

— Мне не нужны клинки и суперсила, — произнёс я в ответ. — Каково первое правило самозащиты на улице?

— Бдительность, — мгновенно ответила она. — Неважно, насколько ты крут. Если ты не ожидаешь опасности, то ничего не можешь с этим

сделать.

— В точку, — сказал я. — Ты мне нужна потому, что у тебя *нет* сверхъестественных способностей. И никогда не было. Ты никогда не полагалась на них. Мне нужны лишние глаза. Мне нужно видеть всё, мне нужен кто-то, кто прикроет мне спину, кто будет отмечать детали. Ты детектив, видевший, что сверхъестественное существует, пока все остальные успокаивали себя отговорками. Ты готова к худшему, и ты всё ещё здесь, чтобы это обсудить. У тебя лучшие глаза из всех, кого я знаю.

Кэррин секунду обдумывала мои слова, а затем медленно кивнула:

— И… ты думаешь, что я достаточно безумна, чтобы действительно это сделать?

— Ты мне нужна, — просто сказал я.

Она отнеслась к этому серьёзно.

— Пойду захвачу пушку, — ответила она.

Глава 6

Кэррин повезла нас по указанному на карточке адресу на своей новой машине — одном из этих маленьких японских джипов, которыми так восторгается Союз потребителей США, и мы оказались на месте примерно за десять минут до заката.

— Заброшенная скотобойня, — произнесла она. — Класс.

— Мне казалось, что район скотобоен уже давно весь снесли и перестроили, — сказал я.

Она припарковала машину и, проверив «Зиг», который носила в наплечной кобуре, ответила:

— Почти весь. Пара развалюх ещё стоят.

Обсуждаемая развалюха представляла собой длинное приземистое строение — простая старая бетонная коробка, всего пару этажей в высоту, но в длину растянувшаяся на целый квартал. Просевшее, грязное, всё покрытое пятнами и граффити — форменное уродство, стоявшее здесь, должно быть, ещё до Второй Мировой. Выведенная краской едва читаемая надпись на одной из стен гласила: «Мясная компания Саллива-

на». Окружающие строения были перестроены в соответствии с современными стандартами делового района… но я отметил, что работающие там люди, очевидно, предпочитали не парковать свои машины в той части квартала, что занимала скотобойня.

Мне даже не нужно было выбираться из машины, чтобы ощутить витающую в этом месте энергию — тёмная и недоброжелательная дрянь, что-то вроде устойчивой ауры, заставляющей людей и животных неосознанно сторониться этого места. Потоки машин, казалось, обтекали вокруг него в беспорядочном броуновском движении, оставляя квартал почти полностью заброшенным. В каждом городе есть подобные места — места, куда люди предпочитают не соваться. Нет, они не бегут прочь, вопя от страха, ничего такого… они просто будто бы никогда не находят повода свернуть на определённые улочки, остановиться на определённых участках дороги. И на то есть причина.

В подобных местах случаются плохие вещи.

— Ну что, заходим? — спросил я Кэррин.

— Давай немного понаблюдаем, — ответила она. — Посмотрим, что произойдёт.

— Так точно, Человек-Глаз, — произнёс я.

— Представь себе, пожалуйста, что я сейчас пинаю тебя в лодыжку, — сказала в ответ Кэррин. — Потому что делать это на самом деле — ниже моего достоинства.

— С каких это пор?

— С таких, что я не хочу, чтобы ты своими противными мальчишескими микробами запачкал мои ботинки, — невозмутимо ответила она, наблюдая за улицей. — Так что тут забыл Никодимус?

— Без понятия, — признался я. — И за чем бы он ни охотился, ставлю на то, что он будет вешать лапшу на уши.

— Тогда зайду с другого конца, — ответила она. — Что такого есть у Аида?

— В том-то и дело, — поделился я. — Мои источники говорят, что он является коллекционером от сверхъестественного мира. И славится этим своим увлечением. Произведения искусства, драгоценные камни, ювелирные изделия, антиквариат и много чего ещё.

— Никодимус не особо похож на антиквара, как по мне.

Я фыркнул:

— Смотря что понимать под антиквариатом. Древние монеты. Древние мечи.

— То есть, — заключила она, — ты думаешь, что он охотится за каким-то магическим артефактом?

— Ага. И каким-то особенным. Иначе я не вижу причин, почему он не может раздобыть его где-нибудь ещё, — ответил я.

— Может ли он пытаться добиться чего-то самим фактом кражи?

Я пожал плечами:

— Например? Ну, кроме как взбесить что-то настолько огромное, могущественное и патологически мстительное, как грёбаный греческий бог? Эти парни принимают вещи близко к сердцу.

— Верно. А что если он готовит кражу, чтобы обставить всё так, будто её совершил кто-то другой?

Я фыркнул:

— Об этом стоит поразмыслить. Но, по-моему, существуют более лёгкие способы это сделать, без вторжения в одну из вариаций Ада, — я нахмурился: — Могу ли я тебя спросить кое о чём?

— Конечно.

— Ты планируешь взять с собой один из Мечей?

Кэррин хранила два меча, выкованных с гвоздями из Креста (ага, *того самого* Креста),

вставленными в клинки. Они являются могущественными оберегами от злых сил, которыми владели рыцари Креста — естественные враги Никодимуса и его команды из тридцати заключённых в серебряные монеты психов (ага, *те самые* тридцать сребреников).

Она насупилась, изучая глазами улицу, и какое-то мгновение молчала. А когда ответила, у меня создалось впечатление, что она осторожно подбирает слова:

— Ты же знаешь, что мне нужно быть с ними осторожной.

— Это оружие, Кэррин, — ответил я. — Оружие, а не стеклянные статуэтки. Какой смысл обладать двумя подлинными святыми мечами, созданными, чтобы бороться со злом, если ты, ну знаешь — не борешься со злом время от времени?

— Забавные они, эти мечи, — ответила она. — С одной стороны это наиболее подходящее оружие, чтобы убивать людей с помощью грубой силы. Но в тоже время их так легко разрушить. Используй их неправильно, и они разобьются как стекло.

— Но мы же имеем дело с динарианцами, — напомнил я. — Для борьбы с ними Мечи и предназначены.

— Мечи предназначены для борьбы с суще-

ствами внутри Монет. Владельцев же монет они предназначены спасать, — мягко, но решительно возразила она. — Именно поэтому я и не ношу их с собой. Я не хочу спасать этих животных, Гарри. Недостаточно просто использовать Мечи против правильного врага. Нужно использовать их исходя из правильных соображений… иначе они могут быть утрачены навсегда. И я не стану этому причиной.

— Значит, ты позволишь им просто лежать и пылиться? — осведомился я.

— Я вручу их тем, кто, по моему мнению, будет их мудро и надлежащим образом использовать, — спокойно ответила она. — Но такие люди на дороге не валяются. Хранитель Мечей — ответственная работа, Гарри. Ты сам это знаешь.

Я вздохнул:

— Ага. Знаю. Но Никодимус и его дочка прямо в этом здании — и мы могли бы использовать любое доступное нам преимущество.

Кэррин неожиданно улыбнулась. Улыбка преобразила её лицо, хотя её глаза продолжали охватывать улицу:

— Тебе просто нужно немного веры, Гарри.

— Веры?

— Веры в то, что если где-то нужен рыцарь с

Мечом, он там появится. Вполне возможно, что Саня сейчас пройдёт по этой улице и сядет к нам в машину.

Я нахмурился от этих слов, хотя возможно, она и была права. Когда рыцарю Меча было предназначено явиться и вмешаться, один из них всегда чертовски удачно появлялся на сцене и вмешивался, в независимости от того, кто или что стояло на пути. Я видел это и не раз. Но… часть меня противилась мысли упустить преимущества, которые дали бы нам Мечи.

Конечно, в этом и заключается вера, не так ли — расслабиться и довериться Кому-то Ещё.

Возможно, чародеи просто не предрасположены упускать контроль. Я имею в виду — не тогда, когда каждый из них имеет такое количество сил в своём распоряжении. Как только ты получил в свои руки первородное могущество, создавшее мир, немного сложно расслабиться и позволить ему ускользать сквозь пальцы. Это определённо объясняло бы, почему так мало чародеев из тех, кого я знаю, хотя бы слегка религиозны.

А ещё это вполне ясно иллюстрировало, почему я никогда не стану рыцарем. Помимо того, что я работаю на королеву злых фейри и сотрудничаю с уродами вроде Никодимуса, разумеется.

Взгляд Кэррин метнулся к зеркалу заднего вида и заострился:

— Машина, — тихо сказала она.

В каком-нибудь шпионском боевике, я бы невозмутимо наблюдал в зеркало заднего вида, или, возможно, через свои специальные отражающие солнечные очки. Но так как ни невозмутимым, ни шпионом меня не назовёшь, то я не чувствовал какой-то особенной нужды прятаться, поэтому обернулся назад и посмотрел в заднее стекло машины Кэррин.

Белый седан с наклейкой прокатного агентства на бампере подъехал к обочине на полпути к кварталу. Сделав это, автомобиль ощутимо задрожал, будто его двигатель с трудом совершал обороты, хоть машина и была абсолютно новой. Пассажирская дверь распахнулась прежде, чем седан окончательно остановился, выпуская женщину, которая словно бы не могла и минуты усидеть на месте.

Выглядела она потрясающе: стройная, почти шести футов ростом, с длинными, сильно вьющимися тёмными волосами, доходящими почти до пояса. На ней были солнечные очки, джинсы и плотный обтягивающий алый свитер. Формы, вырисовывавшиеся под ним, были куда рельеф-

ней среднестатистических. Её ковбойские сапоги решительно вбивались в асфальт, пока она длинными шагами пересекала улицу, направляясь прямиком к старой скотобойне. Выпятив вперёд острый подбородок и плотно сжав губы, она шла вперёд, как будто была уверена, что путь чист… или ему лучше бы таковым оказаться.

— Горячая штучка, — сказала Кэррин нейтральным, изучающим тоном. — Человек?

Я не ощущал никаких исходящих от неё сверхъестественных вибраций, но существует множество способов опознать угрозу:

— Точно не уверен, — ответил я. — Но думаю, я знаю, кто это.

— Кто?

— Колдунья, — просто ответил я.

— Чародей-отступник, верно?

— Ага. Когда я был Стражем, они рассылали плакаты с разыскиваемыми колдунами, чтобы остальные Стражи могли их распознать. Я не охотился на колдунов. Но был в списке адресатов.

— А почему не охотился? — поинтересовалась она. — Я слышала, они весьма опасны.

— Большинство из них — опасные дети, — пояснил я. — Дети, которых никто не учил, не тренировал и не рассказывал о Законах магии. —

Я кивнул в сторону женщины: — Эту зовут Ханна Эшер. Она побила все рекорды по выживаемости среди других колдунов. Предположительно, она погибла при пожаре… в Австралии, кажется, около шести лет назад.

— Ты тоже однажды вроде бы утонул. И что, много после этого на тебя давил Совет?

— Верно подмечено, — ответил я.

— И что она натворила? — спросила Кэррин.

— Ты имеешь в виду в первый раз? Эшер сожгла трёх человек изнутри, — сказал я.

— Иисусе.

— Убила одного Стража, ещё до того как я к ним присоединился. Ещё троих отправила в больницу за несколько лет.

— Чародеи, натасканные охотиться на чародеев-отступников, и она надрала им задницу?

— Именно так. Возможно, поэтому непохоже, что её беспокоит место, куда она идёт.

— Да и мы не будем, когда пойдём туда, — сказала Кэррин.

— Нет, не будем, — согласился я.

— А вот и водитель.

Дверь со стороны водителя открылась, и из неё вышел лысый, массивный человек среднего роста в дорогом чёрном костюме. Я узнал его

даже прежде, чем он поднял руку, чтобы снять солнечные очки, за которыми скрывались глаза, похожие на маленькие зелёные агаты. Кэррин тоже его узнала и издала короткое рычание. Он убрал очки в карман, поправил то, что, скорее всего, было пистолетом в наплечной кобуре, и бросился вдогонку за Эшер с раздражённым выражением на своём грубовато слепленном лице.

— Вязальщик, — сказала Кэррин.

— Эрнест Арман Тинуисл, — поправил я. — Имя такое дурацкое, что нельзя его винить за желание использовать псевдоним.

Хотя, если честно, не он выбрал себе это прозвище. Его дали ему Стражи, когда поняли, что он каким-то образом ухитрился подчинить своей воле целый клан тварей из Небывальщины. Стоило Вязальщику свистнуть, являлась небольшая орда человекоподобных существ, которые, похоже, не чувствовали ничего, даже отдалённо напоминающего боль или страх, и без колебаний шли на смерть. Он был армией из одного человека. Я говорил маленькому говнюку, что прикончу его, если ещё раз увижу в моём городе. Я *говорил* ему не возвращаться, но вот он здесь.

В течение примерно трёх секунд я мог думать *только* о том, как его прикончить. Мне нужно

быстро шевелиться, чтобы свести счёты прежде, чем он успеет вызвать кого-нибудь из своих дружков. Например, свернуть ему шею. Открыть дверь. Выйти из машины. Вызвать что-нибудь вроде вспышки света, чтобы поразить его больше ничем не незащищённые глаза. Дюжина быстрых шагов, чтобы его догнать, схватить за подбородок и затылок, резко дёрнуть вверх и в сторону. Поднять вокруг себя щит, чтобы он не смог наложить смертное проклятье, пока его мозг ещё жив.

— Гарри, — резко шепнула мне Кэррин.

Я понял, что тяжело дышу, и моё дыхание пышет льдом при каждом выдохе. Это было влияние мантии силы Зимнего рыцаря. Мои инстинкты откликались на первобытное желание защитить свою территорию от хищника. Температура в машине упала, словно Кэррин врубила кондиционер на полную. На окнах появились капельки конденсата.

Во мне пробуждалась Зима, и я прикрыл глаза, чтобы снова подавить её в себе. За последний год на острове я делал это так часто, что это почти превратилось в рутину. Обычными медитативными техниками нельзя было угомонить вопящую во мне примитивную *потребность* в насилии. Я нашёл только один способ бороться с этим. Мне

нужно было пробудить более рациональную часть своего разума. Поэтому я мысленно пробежался по основным таблицам умножения и полудюжине математических теорем, что заняло несколько секунд, а затем обрушил на желание прикончить Вязальщика прямо здесь и сейчас безжалостную логику.

— Первое — свидетели, — пробормотал я. — Пусть этот район заброшен, это всё равно Чикаго, и здесь всё равно могут быть свидетели, чьё внимание я привлеку своими действиями. Второе — Эшер тоже здесь, и если она займёт его сторону, то сможет ударить меня сзади до того, как я сумею защититься. Третье — если он окажется достаточно умён, чтобы избежать захвата, то они окружат меня с двух сторон.

Зимняя Мантия зарычала и сплюнула от недовольства где-то в районе моей груди, но отступила и вытекла из моих мыслей, оставив меня внезапно ещё более уставшим и уязвимым, чем раньше — но моё дыхание и температура вернулись в норму.

Я смотрел, как Вязальщик припустил неторопливой трусцой, пока не поравнялся с Эшер. Они тихо переговаривались, а затем вошли в старую скотобойню.

— Четвёртое, — тихо сказал я. — Убивать людей плохо.

Я почувствовал на себе взгляд Кэррин. Взглянул на неё. Выражение её лица было трудно прочитать.

Она устроила свою руку поверх моей и спросила:

— Гарри, с тобой всё в порядке?

Я не двигался и не отвечал.

— Мэб, — продолжила Кэррин. — Это всё из-за Мэб, не так ли? Из-за того, что она с тобой сделала.

— Это Зима, — наконец ответил я. — Это сила, но… целиком примитивная. Жестокая. Бездумная. Сплошные инстинкты, чувства, эмоции. И когда эта сила внутри тебя, если ты спускаешь свои эмоции с поводка, она…

— Она превращает тебя в Ллойда Слейта, — закончила за меня Кэррин. — Или в эту суку Мэйв.

Я высвободил свою руку и произнёс:

— Как я и сказал. Сейчас не время взывать к моим чувствам.

Несколько секунд она рассматривала меня, потом сказала:

— Ну. Это погано во всех отношениях.

Я испустил горестный смешок, который гро-

зил появлением слёз на глазах, и это заставило только что усмирённую Зиму снова беспокойно заворочаться внутри меня.

Я рискнул быстро взглянуть в глаза Кэррин и произнести:

— Я не хочу быть таким.

— Так избавься от неё, — ответила она.

— Единственный способ — вперёд ногами, — сказал я.

Она покачала головой.

— Я не верю в это, — возразила она. — Всегда есть выход. Способ всё наладить.

Ох, подруга.

Хотел бы я в это верить.

Снаружи горел закат. Закат — это не просто уход звезды за относительный горизонт планеты. Это также изменение в сверхъестественной энергии. Не верите? Отправьтесь как-нибудь далеко от света цивилизации, сядьте, совершенно одни, там, где нет никаких зданий, машин, телефонов и толп людей. Продолжайте тихо сидеть, пока не поблекнет свет. Почувствуйте, как удлиняются тени. Почувствуйте, как существа, тихо ожидавшие конца дня, начинают шевелиться и вылезать наружу. Почувствуйте этот низменный инстинкт нервной дрожи, поднимающейся в

кишках. Это то, как ваше тело передаёт энергию вашим чувствам. Для чародея вроде меня закат подобен одиночному удару в какой-то невообразимо огромный барабан.

Тёмные твари выходят на охоту ночью.

Но прямо сейчас у меня не было времени сомневаться в правильности выбранного мною пути. Оставалось всего три дня на то, чтобы задать жару Никодимусу Архлеоне и его команде и вытащить эту штуковину из своей головы, и чтобы при этом не убили меня и мою подругу. Нужно было сосредоточиться на этом.

У меня ещё будет время позаботиться об остальном позднее.

— Пора, — сказал я Кэррин и открыл дверь машины. — Идём. Нас ждёт работа.

Глава 7

Мы вышли из маленького джипа Кэррин и направились в сторону жуткой старой скотобойни, полной опасных существ. Жуткая старая скотобойня и опасные существа… Пожалуй, мне вам не нужно объяснять, какой сегодня намечался денёк.

Знаете, иногда у меня такое чувство, словно других дней *не бывает*.

То есть вообще.

С другой стороны, я понятия не имею, что бы стал делать с другим днём. В смысле, рано или поздно, но нужно признать, что мой опыт и наклонности отлично подходят для катаклизмов.

— Очень жаль, — задумчиво произнесла Кэррин.

— Очень жаль что?

— Что у нас нет времени на нормальную стрижку. Серьёзно, ты сам себя так постриг? Небось без зеркала?

Я смущённо потрогал голову:

— Ну, мне немного помогал генерал. И вообще, что за дела, я же ничего не говорю про твои му-

жиковские ботинки.

— У них стальные носки, — ответила она хладнокровно. — На тот случай, если придётся засадить их в задницу какого-нибудь придурка, назвавшего их «мужиковскими». И ты правда позволил Туку помочь тебе с волосами?

— Я чертовски уверен, что не стоило поручать это Альфреду. Он мог спустить с горы ледник или что-нибудь вроде того, чтобы отскрести волосы с моей головы.

— Альфреду?

— Пределу Демона.

Кэррин вздрогнула:

— Ах *эта* штука.

— Он не такой уж плохой, — сказал я. — До очаровашки немного не дотягивает, но не плохой.

— Он демон, который целый посёлок довёл до безумия, чтобы заставить жителей убраться.

— И мог бы сделать намного-намного хуже, — ответил я. — Он как большая страшная собака. Ты — полицейский и имела с такими дело.

— Ты рад, что эта штука там, когда кто-то пытается вломиться, потому что она может заставить их вести себя настолько безумно, что город уничтожит все записи об этом.

— Именно. И никто не вспомнит твои уродли-

вые мужиковские ботинки.

Тем временем мы подошли к двери. Мы оба понимали, зачем пытались поддеть друг друга. Не из вредности.

Просто нам обоим было страшно.

Я войду в дверь первым. Мой укреплённый заклятьями чёрный кожаный пыльник защитит лучше, чем жилет, который Кэррин должна была надеть под пальто. Я сжал свой новый посох и приготовился, если потребуется, быстро поднять щит. Это был уже давно установленный порядок: если бы что-то вздумало наброситься на нас, я бы не дал ему подобраться близко, а она начала бы набивать его пулями.

Кэррин скрестила руки на груди, положив ладонь у приклада своей пушки, и кивнула мне. Я кивнул в ответ, убедился, что спереди мой пыльник надёжно застёгнут, и открыл дверь.

Ни одна тварь не выскочила из тени с криком. Никто не начал в нас палить. И на том спасибо.

За дверью оказался длинный коридор, в дальнем конце которого горел свет — как раз достаточно, чтобы можно было пройти. Старые потрескавшиеся внутренние стены были покрыты десятками граффити. Под порывами холодного ночного ветра с озера здание скрипело и

стонало. К запаху плесени, витавшему в воздухе, примешивался ещё один, почти неразличимый, но от которого меня бросало в дрожь… очень застарелый запах смерти.

— Эти злобные уроды всегда выбирают для тусовок самые очаровательные места, — сказала Кэррин.

— Здесь какая-то тёмная энергия. Держит праздношатающихся людей подальше и не даёт им случайно помешать. Из-за этого тут так уютно.

— Я знаю, ты в последнее время никаких зданий не сжигал, но если почувствуешь необходимость…

Дойдя до конца коридора, мы уткнулись в лестничный пролёт. Молча поднявшись по нему, мы миновали ещё одну дверь и оказались на балконе над большим заводским цехом в два этажа высотой, вытянувшимся вдоль здания футов на триста-четыреста. Остатки подвесной конвейерной линии всё ещё были на месте; вероятно, когда-то она несла куски говядины от места забоя к различным участкам обработки, но оборудования, что когда-то стояло там, на месте уже не было. Остались только ныне пустовавшие тяжёлые металлические рамы, когда-то удерживавшие оборудование на месте, и несколько

ржавых, одиноких транспортных тележек, в которые, должно быть, когда-то загружали упакованные говяжьи рёбрышки, стейки и фарш.

Посередине стояла дюжина совершенно новых ламп, в свете которых хорошо был виден громадный деревянный стол для переговоров, укомплектованный большими кожаными креслами. Там был и второй стол, похоже, накрытый для ужина. На нем стояли разнообразные блюда, напитки и дорогая кофеварка. В паре футов от него, в небольшом загоне из проволочной сетки, сидела дюжина перепуганных коз. Коричневых, с подпалинами.

Козы. Н-да.

Никодимус сидел, оперевшись бедром на стол для переговоров, с пенопластовой чашкой кофе в руках и добродушной улыбкой на лице. Эшер как раз опускалась в кресло, услужливо выдвинутое для неё одним из охранников Никодимуса. Вязальщик сел в кресло рядом с ней, кивнул Никодимусу и скрестил руки на груди с видом человека, приготовившегося к длительному ожиданию. Дейрдре, в своём девичьем обличье, подошла к столу, держа в каждой руке по чашке кофе, и с радушной улыбкой предложила их вновь прибывшим.

Я насчитал на подвесных мостках с полдюжины безъязыких охранников Никодимуса, а оруженосец Джордан, уже приведший себя в порядок, ждал нас в дальнем конце балкона. Он был вооружён, но держал оружие в кобуре.

— Привет, Джордан! — сказал я. — Чё за козы?

Он наградил меня пристальным взглядом и ничего не ответил.

— Мне не нравится, когда пушки торчат сверху, снизу и вообще отовсюду, — сообщила Кэррин. — Полная задница.

— Ага, — ответил я. — Иди скажи своему боссу, что мы спустимся к нему, как только его лакеи свалят отсюда и найдут себе другое занятие.

Джордан выглядел так, словно замечание его обидело.

— Твоё мнение меня не колышет, Джордан, — сказал я. — Иди передай ему мои слова, или я ухожу. И удачи тебе объяснить, как ты упустил жизненно важный для него объект.

Джордан стиснул зубы, но, повернувшись на одном каблуке, спустился по старой металлической лестнице и подошёл к Никодимусу, что-то написал в маленьком блокноте и передал начальнику.

Никодимус посмотрел на меня и улыбнулся.

Потом отдал блокнот Джордану, кивнул и что-то сказал.

Джордан поджал губы и трижды пронзительно свистнул, чем немедленно привлёк внимание охранников. Затем он повертел пальцем над головой, и все они сошли со своих мест, чтобы присоединиться к нему. После этого они направились к выходу, в дальний конец этажа.

Пока они уходили, Эшер и Вязальщик повернулись и оценивающе глядели на меня, первая — заинтересованно, со сверкающими глазами, второй же — с небезосновательной опаской. Как только охранники скрылись из виду, я начал спускаться по лестнице, Кэррин следовала за мной по пятам, держась немного сбоку.

— Вы стали более подозрительным, мистер Дрезден, — сказал Никодимус при моём приближении.

— Нельзя быть слишком подозрительным к тебе, Никки, — ответил я.

Никодимус не любил фамильярного обращения и своего уменьшительного имени. Раздражение мелькнуло на его лице и тут же исчезло.

— Пожалуй, не могу вас за это винить. В прошлые разы мы всегда встречались как противники. Мы никогда не работали как партнёры.

— Это потому что ты задница, — сообщил я и уселся через два кресла от Вязальщика. Я посверлил его взглядом и снова обратился к Никодимусу: — У нас тут уже намечается конфликт интересов.

— Неужели?

Я указал большим пальцем на Вязальщика:

— Этот тип. Я говорил ему, что в следующий раз, когда он будет орудовать в Чикаго, у нас с ним будут проблемы.

— Господи! — воскликнул Вязальщик. На диалекте кокни вышло что-то вроде «гофподи». Он посмотрел на Никодимуса и добавил: — Я же говорил вам, что будут затруднения.

— Любые проблемы с мистером Тинуистлом — это ваши личные проблемы, Дрезден, — сказал Никодимус. — Пока работа не окончена, я жду, что вы будете относиться к нему как к партнёру и коллеге. Иначе долг Мэб не будет зачтён, и я буду вынужден сообщить общественности об этом прискорбном факте.

Другими словами, это означало, что имя Мэб будет смешано с грязью. И я знал кое-кого, на ком бы она захотела выместить злость.

Я оглянулся через плечо на Кэррин, которая заняла позицию сзади и немного сбоку. Выраже-

ние её лица было отстранённым и бесстрастным, взгляд был обращён в никуда. Она слегка пожала плечами.

— Ну, хорошо, — я повернулся обратно к Никодимусу и пристально посмотрел на Вязальщика, — даю тебе трёхдневный пропуск, Вязальщик. Но имей в виду, что после я собираюсь спросить с тебя за всё, что ты натворил в моем городе. Я на твоём месте поостерёгся бы.

Вязальщик сглотнул.

И тут поднялась Эшер.

— Привет, — она обратилась ко мне с ослепительной улыбкой. — Нас не представили. Я — Ханна. Отвалите от моего партнёра, пока целы.

— Я знаю, кто ты, горячая штучка, — медленно произнёс я, но не встал со своего места. Свой посох я положил на стол. — И я уже отвалил от твоего партнёра. Это можно определить по отсутствию брызг крови. Остынь, Эшер.

Улыбка Эшер растаяла при звуке моих слов, а её тёмные глаза сузились. Она разок стукнула пальцами по столу. Медленно, словно обдумывала что-то. Её рта коснулась ухмылка:

— Значит, вы печально известный Дрезден. — Её глаза проследовали от меня к Кэррин, которая

была ниже её почти на фут: — И это что, ваш телохранитель? Разве они не должны быть немного покрупнее?

— Она официально представляет права всех жевунов из страны Оз, — парировал я. — И она будет вдалбливать эти права вам в черепушку, пока вы не проявите хотя бы немного уважения.

— Хочу посмотреть, как она попробует, — заявила Эшер.

— Ты этого не увидишь, — спокойно ответила Кэррин.

В одно мгновение всю комнату заполнило беззвучное напряжение, хотя Кэррин даже не пошевелилась. Я знал, что она продолжает стоять там, не глядя ни на кого, но наблюдая за всеми. Пугающее зрелище, если вы знаете, как выглядят по-настоящему опасные люди. Эшер знала. Я видел, как напряжение охватило её шею и плечи и заставило сжаться челюсти.

— Остынь, Ханна, — попытался успокоить её Вязальщик. Он знал, как стремительно Кэррин выхватывает своё оружие. Она расправилась с парочкой его приспешников, когда он в прошлый раз был в городе. — Дрезден объявил перемирие. Мы же все профессионалы? Остынь.

— Дамы и господа, — настойчиво произнёс

Никодимус, пытаясь придать своему голосу отеческие нотки, затем прошёл во главу стола (естественно) и уселся. — Прошу вас, можем мы наконец рассесться и приступить к работе?

— Я не против, — согласился я, но не отрывал глаз от Эшер и Вязальщика, пока Эшер не фыркнула и не вернулась на своё место.

— Не хотите ли присесть, мисс Мёрфи? — спросил Никодимус.

— Мне и так хорошо, — ответила Кэррин.

— Как пожелаете, — легко согласился Никодимус. — Дейрдре?

Дейрдре взяла охапку папок и обошла стол, раздавая по одной каждому сидящему. Она демонстративно пропустила Кэррин, которая оставила этот факт без внимания. Я открыл свою достаточно тонкую папку и обнаружил титульный лист с надписью: «ДЕНЬ ПЕРВЫЙ».

— Все вы в курсе, какова наша главная цель, — сказал Никодимус, — хотя конкретные детали до поры до времени я бы предпочёл оставить при себе. Уверен, никому здесь не надо объяснять, почему необходимо соблюдать секретность. У нашей цели множество способов получать информацию, и если он каким-либо образом узнает о нашем предприятии, всех нас ждёт быстрый и

бесславный конец.

— Держать рот на замке, — сказал я достаточно громко, чтобы это прозвучало раздражающе. — Принято.

Никодимус снова одарил меня этой неулыбкой.

— Для того, чтобы разъяснить вам все возможные выгоды, которые может принести это предприятие, следует сказать, что вам будет выплачено по два миллиона долларов в случае успешного его завершения, гарантированно.

У Кэррин на секунду перехватило дыхание. А мой желудок совершил какой-то странный кульбит.

Вот блин. Два миллиона долларов.

Поймите, я не собирался брать деньги Никодимуса. Я делал это не из-за денег. И Кэррин тоже. Но никто из нас не был достаточно богат, и счета всегда ждали оплаты. Звезды и камни! На два миллиона баксов можно купить целую кучу китайской лапши.

— Кроме того, — продолжил Никодимус, — всё, что вы сможете унести, станет вашим. Ценности, которые там находятся, неисчислимы… их больше, чем мы сможем погрузить на локомотив, и гораздо больше, чем можно унести на своих

двоих.

— Что ещё за ценности? — спросил Вязальщик. — Деньги, вы хотите сказать?

— Деньги тоже, если уж на то пошло, — ответил Никодимус с глубочайшим презрением. — Но подозреваю, их коллекционировали скорее как диковинку, а не по какой-нибудь другой причине. Настоящие сокровища — это золото. Драгоценности. Предметы искусства. Бесценные исторические артефакты. Практически каждая редкая ценная вещь, таинственно пропавшая без следа в последние две тысячи лет, попала туда. Полагаю, наиболее целесообразным вариантом будет наполнить пару мешков редкими камнями. Их сложно отследить. Но если хотите взять что-нибудь более уникальное — берите. Главное, чтобы вы смогли это нести и не задерживали остальных при отходе. Я думаю, каждый из вас с лёгкостью увеличит свой куш на порядок.

Значит, не два миллиона каждому.

Двадцать два миллиона каждому.

Это была настолько огромная сумма, что её было почти невозможно представить… что само по себе давало представление о том, насколько она чертовски огромная.

— А что вы сами с этого получите? — спросила

Эшер с явным подозрением. — Раз вы готовы раздать по два миллиона каждому, то охотитесь не за деньгами. И рюкзак с алмазами вам не нужен.

После этих слов она стала нравиться мне чуть-чуть больше. А её тон удвоил впечатление.

Никодимус улыбнулся:

— Я внесу полную ясность перед тем, как мы возьмёмся за дело. А сейчас вам достаточно знать, что речь идёт об одном небольшом предмете, имеющем довольно низкую денежную стоимость.

«Лжец», — подумал я.

— Как я сказал Дрездену чуть ранее, до этого он знал меня только в качестве своего противника. Значительная часть моей репутации была создана при помощи тех, кто противостоял мне — из тех, кто пережил подобную конфронтацию, я имею в виду. — Он улыбнулся и глотнул кофе. — Но у этой монеты есть и обратная сторона. Никто не проработает столько, сколько я, предавая союзников. Это попросту непрактично. Безусловно, чтобы расправиться с врагом, все средства хороши… но когда я работаю с партнёрами, я не отворачиваюсь от них и не бросаю на произвол судьбы. И исхожу я не из сентиментальности. Я делаю это потому, что веду дела со множеством людей на протяжении веков, и предательство

— неудачная инвестиция в долгосрочной перспективе. Это просто неправильное ведение бизнеса.

«Лжец», — снова подумал я. Может быть, чуть менее уверенно, чем прежде. Его слова имели смысл. В сверхъестественном мире куча людей и других существ отмеряют жизнь промежутками длиною в века. Например, разозлите молодого чародея, подождите триста лет, и обнаружите, что он не забыл обиду… и всё ещё копит силы для наглядной демонстрации неприемлемости ваших действий. Стоит попасться на пути у вампира, и он будет охотиться на вас тысячелетиями.

Именно некоторая степень безжалостного прагматизма и делала возможными какие-либо сделки между различными созданиями сверхъестественного мира. Я мог убедиться в этом на примере соглашения между моим дедом и профессиональным убийцей по прозвищу Адский пёс. Насмотрелся я этого и за многолетнюю практику стычек с плохими парнями — большинство из них были не прочь заключить со мной какую-нибудь сделку. Черт, да я и *сам* её заключил, с Мэб. А она в свою очередь заключила сделку с Никодимусом, из-за чего я собственно и торчу сейчас здесь.

Так что вполне возможно, что он сказал правду. Или, по крайней мере, он был столь же искренен, как и я, касательно всей идеи заключения альянсов. Нам нужно было исполнить его план, а потом убраться оттуда. И я был готов поставить на то, что до этого он будет держать слово.

И я не имел ни малейшего понятия, что произойдёт после.

С другой стороны, он приложил все усилия, чтобы стереть любое упоминание о себе из человеческой памяти, уничтожая свидетельства своих деяний на протяжении веков. Честные парни не лезут из кожи вон, чтобы скрыть содеянное.

Но это не имело значения. Мэб дала своё слово. Я должен был быть пай-мальчиком, пока мы не стащим пожитки Аида, или пока Никодимус первый не попробует воткнуть мне нож в спину.

Веселуха, сплошная веселуха.

Я перевернул страницу и обнаружил фотографию знакомой женщины, которую не видел уже… Адские колокола, почти десять лет? Она не сильно изменилась за это время, разве что стала выглядеть более опытной и суровой. Я не был уверен, что она рада будет меня видеть, но был чертовски уверен в том, каково будет её мнение

о Никодимусе.

И когда это я успел стать тем парнем, с которым все это происходило десять лет назад?

Никодимус продолжил тоном лектора:

— Чтобы выйти на цель в Небывальщине, нам нужно место, к которому она привязана здесь, в мире смертных. А это значит, нам придётся проникнуть на строго охраняемый объект в этом мире прежде, чем мы примемся за дело в Небывальщине.

Я поднял руку.

— Будем исходить из этого, — сказал Никодимус, немного помолчал и вздохнул. — Да, мистер Дрезден?

— Да вы издеваетесь, — сказал я, — она никогда не будет с вами работать.

— Возможно, нет, — согласился Никодимус. — Однако она может согласиться работать с *вами*. Нам нужен эксперт по охранным системам с практическими знаниями о мире сверхъестественного. Число таких лиц весьма невелико. Я назначил ей встречу на приёме, который начнётся примерно через полтора часа. Вы с мисс Эшер войдёте с ней в контакт и уговорите присоединиться к нашему делу.

— А если она откажется? — спросил я.

— Постарайтесь быть убедительным, — отрезал он. — Она нужна нам, чтобы дело увенчалось успехом.

Я стиснул зубы и кивнул. Чёрт, если она нужна Никодимусу, может быть, провалив это задание, мне удастся расстроить его планы:

— Ладно. Но это буду я и Мёрфи.

— Нет, — возразила Эшер. — Это буду я и Вязальщик.

— Боюсь, что встреча намечена в официальной обстановке, — пояснил Никодимус. — Я взял на себя смелость подготовить соответствующую одежду и документы для Дрездена и мисс Эшер. И они не подойдут ни мисс Мёрфи, ни Вязальщику. Может, мисс Мёрфи будет вашим водителем? Обувь у неё подходящая.

Я не слышал звука, но не сомневался, что Кэррин скрипнула зубами.

— Вязальщик, — сказал Никодимус, — у меня есть для вас поручение. Вы должны забрать с вокзала четвёртого, точнее, — прошу прощения, мисс Мёрфи — пятого члена команды. Он настаивал, чтобы его встретил кто-нибудь знакомый.

Вязальщик кивнул:

— Кто приезжает?

— Гудман Грей.

Лицо Вязальщика стало серым.

— А, да, я с ним работал.

— Кто он? — спросила Эшер.

— Он… с ним лучше не ссориться, — ответил Вязальщик. — Но он профи. Я за ним заеду. Всё пройдёт как по маслу.

Эшер недовольно поджала губы, но кивнула.

— Тогда ладно. — Она посмотрела на меня через стол и улыбнулась: — Ну что, Дрезден, похоже, пришло время надевать вечерние платья.

— Фу ты, — ответил я. — Вот это будет потеха.

И закрыл папку на странице с фотографией Анны Вальмон.

Глава 8

Дейрдре принесла мне сумку с одеждой и указала на небольшую комнату отдыха для персонала, совмещённую с кухней. Её освещала ещё одна пара ламп. Я вошёл, закрыл дверь и открыл сумку. В ней оказался чёрный смокинг и все необходимые аксессуары. Я вытащил его и прикинул, что размер вполне подходящий.

На мгновение меня охватила паранойя. Что если конечной целью всего этого предприятия было заставить меня снять плащ и с лёгкостью замочить меня, открыв огонь через стену? Я уже знал, каково быть застреленным, и этого опыта мне вполне хватало. Сцены с Сонни Корлеоне заплясали у меня перед глазами.

Но я не думал, что это произойдёт. Снаружи за всем приглядывала Кэррин. Если бы они вздумали наводить на меня пушку, она бы как минимум подняла шум, чтобы предупредить меня. Кроме того, Никодимусу ещё нужно было осуществить свои планы. Не думаю, что он захочет рисковать своим имиджем «надёжного союзника», пока ему не представится возможность поиметь всех

наиболее эффектным и необратимым способом. Если он убьёт меня сейчас, Мэб примет это очень близко к сердцу. Не важно, как давно ты в этом бизнесе. Перешёл дорогу Мэб — и можешь уже не строить план на следующую пятилетку.

И я снял плащ, разделся и начал облачаться в смокинг.

В самый дьявольски неподходящий момент дверь вновь распахнулась, и Ханна Эшер полезла в комнату со своим собственным пакетом в руках.

Она медленно и неприкрыто оглядела меня с головы до ног, не переставая при этом ухмыляться.

Я был совершенно уверен, что температура в комнате не изменилась, но мог бы поклясться, что стало жарковато. У некоторых женщин есть такая не поддающаяся чёткому определению особенность, которую называют по-разному. Я всегда называл её жаром или огнём. Она не обязательно (хотя и часто) связана с сексом. И у Ханны эта особенность определённо была.

Я остро ощущал её тело рядом с собой, её взгляд. По её лицу я понял, что она прекрасно знала, какой эффект оказывает на меня, и нисколько об этом не жалела. Я бы сказал, что моё либидо врубило верхнюю передачу, но и эти слова были не в

состоянии передать этот внезапно обрушившийся на меня прилив чисто физического голода.

Ханна Эшер была чертовски привлекательной. А я не покидал остров очень-очень долго.

Я отвернулся в попытке проигнорировать её, пока я не застегну пояс. Могучие чародеи не дёргаются только потому, что кто-то увидел их в трусах.

Эшер отступила на пару шагов и ещё раз меня оглядела. На её лице растянулась улыбка.

— Чёрт возьми, Дрезден, — воскликнула она, — Ты что, ходишь в спортзал?

— Э-э, — выдавил я. — Паркур.

Мой ответ её, похоже, позабавил.

— Ну что ж, это определённо тебе на пользу.

Не глядя она повесила сумку на ручку шкафа и расстегнула её, всё это время не отрывая от меня глаз.

— Так много шрамов.

У неё были длинные руки. Её пальцы легко коснулись моего плеча.

— Откуда этот?

От её прикосновения вниз по позвоночнику и животу начал разливаться жар. Всякие магические привороты были тут ни при чём. Я был в полной боевой готовности для такого рода

глупостей с того самого момента, как мои ноги коснулись берега. Всё было куда хуже. Это была химия, простая и чистая. Моё тело решило, что Эшер ему нужна, и плевать оно хотело на мнение мозга.

Я отдёрнул плечо, одарил её свирепым взглядом и произнёс:

— Эй! Я тебя не смущаю?

Она скрестила руки на груди и улыбнулась ещё шире:

— Вовсе нет. Так откуда он у тебя?

Я сердито на неё посмотрел и вновь занялся смокингом.

— Агент ФБР меня подстрелил. Около двенадцати лет назад.

— Серьёзно? — удивилась Ханна. — Шрама уже почти не видно.

— У чародеев всё быстро заживает.

— Твоя левая рука. Это от огня.

— Вампирский прихвостень, — пояснил я. — С самодельным огнемётом.

— Какая Коллегия?

— Чёрная.

— Интересно, — сказала Эшер и сняла свитер одним плавным движением.

Как и обещали контуры, проглядывавшие под

свитером, на её тело приятно было посмотреть. И не только посмотреть. Моё либидо бурно одобряло.

Я быстренько повернулся к ней спиной.

— Эй!

— Ты издеваешься, да? — спросила она с примесью чего-то похожего на смешок в голосе. — Отворачиваться? От этого? Да что ты за легендарный крутой парень такой, Дрезден?

— Не знающий вас крутой парень, мисс Эшер, — ответил я.

— Это поправимо, не так ли? — в её голосе были дразнящие нотки. — И с чего это я вдруг «мисс Эшер»?

Её чёрный атласный лифчик мельтешил у меня в периферическом зрении. По краю его украшали кружавчики.

Я торопливо натянул брюки, стремясь уберечь себя от позора.

— Послушай, — сказал я. — Мы работаем вместе. Пожалуйста, можем мы просто сделать свою работу?

— А на спине у тебя не так много шрамов, — невозмутимо заметила она. — Тебе нечасто приходится убегать?

— Убегаю я постоянно, — ответил я, просовывая

руки в рукава рубашки. — Но если будешь часто давать атаковать себя со спины, то заработаешь не шрамы. А только яму в земле.

Её сапоги глухо ударили подошвами об пол. Периферийным зрением я отметил, что к бюстгальтеру прибавились носки и джинсы.

— Эта воришка, за которой мы отправляемся, — сказала она. — Вас обоих связывает какая-то история, да?

— Что-то типа того. Она спёрла мою тачку.

Она хихикнула:

— И ты ей ничего за это не сделал?

— Она вернула её обратно, — пояснил я. — Я однажды выручил её из беды.

— И как думаешь, сможешь ты убедить её пойти с нами?

— Будь дело только во мне, это было бы куда вероятнее, — ответил я.

— Или ты попытаешься вставить Никодимусу палки в колёса, сделав так, чтобы она точно не согласилась с нами работать, — спокойно предположила она. — В конце концов, ты же так его любишь.

Упс. А она была весьма проницательна.

— Что? — сыграл я дурака.

— Судя по твоему ответу, врун из тебя тоже

неважный, — заметила она, шурша одеждой. — Не расстраивайся. Я в этом профи. У меня своего рода нюх на людей.

— Какого рода нюх?

— Ну, например, прямо сейчас я могу сказать, что ты на взводе, как двадцать часовых пружин, — принялась перечислять она. — Ты нервничаешь, напуган и зол, а ещё готов взорваться от воздержания. Видала я только что вышедших из тюрьмы, которых не так распирало, как тебя.

Она обезоружила меня своим заявлением в самый разгар застёгивания запонок.

— Кроме шуток, я могу видеть, что ты ослаб. Тебе следует немного выпустить пар. Это пойдёт тебе только на пользу.

— Да ты просто эксперт, да? — спросил я. Голос мой прозвучал слегка грубовато.

— В выпускании пара? — ответила она вопросом на вопрос, а в её голос снова закрались дразнящие нотки. — Можно сказать, неплоха. Поможешь мне застегнуться?

Я повернулся и обнаружил, что она повернулась ко мне спиной. На ней было сногсшибательное маленькое чёрное платье, черноту которого подчёркивали сверкающие чёрные же блёстки. Её ноги были просто превосходны. Платье почти

не прикрывало спину, но на несколько дюймов выше уровня бёдер всё же была молния. Я был уверен, что она могла справиться и без моей помощи. Но всё же шагнул к ней и застегнул платье.

Она пахла полевыми цветами в лучах жаркого солнца. Когда она пошевелила головой, её длинные вьющиеся волосы коснулись обратной стороны моих ладоней.

Я чувствовал, как во мне возбуждённо ворочается Зима, реагируя на всё, что вызывало сексуальное влечение, и страстно желая выхода. Это было нехорошо. Зима считала, что секс — это почти так же весело, как насилие, и что они становятся ещё лучше, если смешать их вместе. Как шоколад и арахисовое масло.

Я принялся мысленно перемножать в уме числа и снова отошёл в сторону, пытаясь сосредоточиться на одевании, и на восемью восемь, и на том, как надеть носки, не присаживаясь и не замечая женщину, не сводившую с меня глаз.

— Приятель, — сказала она в конце концов. — Да ты уже не раз обжигался.

Я застегнул булавку галстука на воротнике, расправив его на ощупь.

— Ты даже не представляешь, как.

— Прекрасно, — сказала она твёрдым и спокойным голосом. — Ты не хочешь смешивать работу и удовольствие, это круто. Мне нравишься ты. Мне нравится твой стиль. Но эта работа важна для меня, и для моего партнёра тоже. Имей в виду — подставишь нас, и у нас с тобой будут проблемы.

— Вы правда думаете, что справитесь с чародеем Белого Совета, мисс Эшер? — спросил я.

— Не в первый раз, — ответила она без тени сомнения или бравады в голосе.

Я повернулся к ней лицом и обнаружил, что благодаря паре туфель на каблуках, которые шли вместе с платьем, её глаза теперь были почти на одном уровне с моими. Она пыталась застегнуть на руке тонкий бриллиантовый браслет «ручеёк».

Я снова подошёл к ней и взялся за застёжки браслета:

— Выслушай и ты мои условия, — сказал я. Зима, пронизывающая мой голос, делала его тихим, холодным и жёстким. — Этой город — мой дом. Если ты навредишь кому-нибудь в моём городе, я порву тебя в клочья и вышвырну отсюда вместе с прочим мусором. И вспомни состояние моей спины, если начнёшь раздумывать, не всадить

ли в неё нож. Только попробуй, и я тебя в землю зарою.

Я справился с застёжкой и поднял на неё взгляд. Она сохраняла бесстрастное выражение лица… но под этой маской я видел возросшую неуверенность. Она чуть поспешно высвободила руку, следя за моей позой, будто ожидая, что я попытаюсь её ударить.

Я и раньше вёл жёсткие разговоры со всякими монстрами и опасными людьми. Но только не мог припомнить, что они проходили в такие интимные и домашние моменты, как, например, совместное одевание или помощь с застёжкой браслета. В этом её жесте было что-то, что делало Ханну Эшер в первую очередь женщиной, и только во вторую — опасной колдуньей. А я ловко воспользовался моментом для запугивания… что, скорее всего, делало меня в её глазах в первую очередь страшным стражем Белого Совета, мочившим всех паранормальных нарушителей закона, и только во вторую — человеком.

Супер. Привет, я — Гарри Дрезден, Запугиватель Женщин. Не самое лучшее начало знакомства с женщиной, вместе с которой я собираюсь заняться опасной и грязной работой.

В следующий раз нужно просто сунуть ей пи-

столет в лицо.

— Отлично выглядишь, — мой голос звучал намного вежливее, чем пару секунд назад. — За работу!

Глава 9

Отель «Пенинсула» один из самых шикарных среди других шикарных отелей Чикаго. Его большой банкетный зал занимает целый гектар. Все важные события чикагской ночной жизни редко начинаются раньше восьми часов вечера. Людям нужно дать время вернуться домой с работы и навести марафет, чтобы показать себя в лучшем виде. Мы с Эшер заявились неприлично рано, в районе половины восьмого.

— Я буду ждать здесь, — сказала Кэррин с переднего сидения чёрного лимузина, которым снабдил нас Никодимус. Она проверила его на взрывчатку. Я же прошёлся по нему на предмет менее физических угроз.

— Не знаю, сколько времени всё это займёт. Копы не задержат тебя за праздношатание?

— Я всё ещё знаю пару ребят в силах правопорядка, — ответила она. — Но, возможно, мне придётся кружить по кварталу. Сигналь огненной вспышкой, если вляпаешься в неприятности.

Кэррин протянула мне пластиковую коробочку с бутоньеркой из розы цвета вечерней зари:

— Не забудь свой условный знак.

— Да не нужен мне условный знак. Я и так её узнаю.

— А она узнает тебя, — возразила Кэррин. — Если не будет знать, что должна с тобой поговорить, может спрятаться. Не так уж трудно будет заметить твоё появление.

— Ну хорошо, — согласился я, открыл коробочку и тут же ухитрился уколоть палец булавкой, пытаясь прикрепить чёртову штуковину к лацкану.

— Давай сюда, — вмешалась Эшер.

Она взяла цветок, вытерла булавку бумажной салфеткой и передала её Кэррин вместе с крошечной капелькой моей крови. А потом закрепила цветок на смокинге. Она не пыталась изображать женщину-вамп, но низкий вырез её платья пару раз открыл восхитительное зрелище. Я старался не пялиться, и мне даже частично это удалось.

— Приехали! — сказала Кэррин и вышла из машины. Она обошла вокруг и открыла передо мной дверь. Я вышел, помог выбраться Эшер, и, выходя, она сверкнула такой стройной ножкой, что никто из персонала отеля на входе не взглянул на меня, разве что мельком. Кэррин села обратно в автомобиль и, как настоящий профессионал, тихо испарилась, а я протянул Эшер руку

и сопроводил её внутрь.

— Постарайся не выглядеть вот так, — едва слышно сказал Эшер после того, как мы вошли в лифт.

— Как так? — не понял я.

— Так, словно ты всё время ждёшь, что из мусорных вёдер выскочат ниндзя. Это же обычная вечеринка.

— Все знают, что ниндзя — это выдумка, — пошутил я. — Но что-то точно произойдёт. Можешь на это рассчитывать.

— Всё обойдётся, если мы всё сделаем как надо, — сказала Эшер.

— Тебе придётся довериться мне в этом вопросе, — возразил я. — Всегда что-то идёт не так. Без разницы, насколько ты умён, или насколько проработан план, или насколько проста задача — что-то всегда идёт не так. В жизни вообще ничего не бывает просто. Так уж устроен мир.

Эшер пронзила меня взглядом:

— Ты очень пессимистично настроен. Просто расслабься, и мы справимся. Постарайся не озираться по сторонам так часто. И бога ради — улыбнись.

Я улыбнулся.

— Может, стоит попробовать при этом не сжи-

мать так челюсти.

Двери распахнулись, и мы прошли по коридору до большого бального зала. Возле дверей в бальный зал стояла парочка охранников, одетых в цвета отеля, которые старались выглядеть дружелюбно и любезно. Я собрался с духом и показал им наши выгравированные приглашения и фальшивые водительские права. Что ни говори о Никодимусе — но он не бросает дело на полпути, и полученный результат поражал. Фальшивые права (на имя Говарда Делроя Оберхайта, миленько) выглядели более подлинными, чем мои настоящие права. Они пристально посмотрели на меня, затем обратили близкий взгляд на права, но так и не смогли различить подделку. Эшер (урожденная Хармони Эрмитейдж) одарила охранников широкой улыбкой и завела с ними дружелюбную болтовню, и они потеряли всякий интерес к её правам.

И я не мог их за это винить. Эшер выглядела именно так, как полагается выглядеть женщине, появившейся на мероприятии среди высших слоёв общества. Во мне головорезы из отеля распознали своего собрата — только выше и более испещрённого шрамами. Но так как я сопровождал Ханну, они позволили мне пройти.

В интерьере банкетного зала преобладали китайские мотивы. Широкие полосы красной ткани, ниспадающие с потолка красивыми складками, разделяли зал на множество уютных уголков. Весело поблёскивали бумажные фонарики, повсюду были расставлены бамбуковые стойки… Был даже сад камней с испещрённым аккуратными бороздками песком. Персонал в основном состоял из женщин в красных шёлковых туниках с оранжевыми воротниками. Официанты в белых пиджаках с чёрными галстуками как раз заканчивали сервировать шведский стол. Когда мы вошли, я не увидел, но отчётливо услышал, как играет живая группа — духовые инструменты, барабаны и пианино, всего человек семь, исполняющих какую-то классическую танцевальную композицию.

По мере продвижения я медленно осматривал зал, но Анны Вальмон нигде не увидел.

— Насчёт той воровки, с которой у нас назначена встреча, — спросила Эшер. — Чем она известна?

— Она принадлежала к банде так называемых Церковных Мышей, — объяснил я. — Они специализировались на ограблении церквей по всей Европе. Никодимус нанял их несколько лет назад,

чтобы они украли Туринскую плащаницу.

Эшер повернула ко мне голову:

— И что произошло?

— Они украли её втроём, — продолжил я. — Думаю, что они пытались задрать цену. Никодимус и Дейрдре убили двоих и убили бы Анну, не вмешайся я.

Её глаза чуть расширились:

— И теперь Никодимус хочет, чтобы она ему помогала?

Я тихо фыркнул через нос:

— Ага.

Эшер изучающе посмотрела на меня прищуренными глазами:

— О!

— Что? — спросил я её.

— Просто… восхищаюсь подобной манипуляцией, — ответила она. — То есть я её не одобряю, но она полезна.

— И чем же? — поинтересовался я.

— Разве не понятно?

— Я стараюсь не думать подобным образом, — ответил я.

Официанты сняли крышки с серебряных подносов с мясом, и уже через мгновение до моего носа донёсся аромат жареной курицы и говяди-

ны. Мой желудок громко заурчал. Я уже очень долгое время питался тем, что готовил себе в камине. Голод это конечно утоляло, но, учитывая мои кулинарные навыки, настоящей едой это было назвать сложно. Шведский стол источал такие соблазнительные ароматы, что я уже почти готов был услышать звук капающей из моего рта слюны.

— Если ты не будешь так думать, то кто-нибудь это сделает за тебя, — сказала Эшер. — Если не останется ничего иного, то тебе придётся защищаться… Эй, ты тоже проголодался?

— Угу, — произнёс я в ответ. — Плюс у нас, по всей видимости, образовалось свободное время, которое нужно как-то убить.

— Значит, мы не испортим репутацию, совершив набег на шведский стол?

— Даже Питт и Клуни должны что-то есть, — подтвердил я. — Идём.

И мы совершили набег на шведский стол. Я наполнил свою тарелку, надеясь, что это всё-таки умеренная порция. Эшер же не сдерживалась. Она взяла всего понемногу, жадно нагромождая еду в тарелку. Мы прошли к одному из столиков, расположенных по краям банкетного зала, а музыкальная группа начала играть следующую

композицию. Я выбрал столик, который давал нам обзор двери, и принялся ожидать прибытия Анны Вальмон.

Прошло несколько минут, а она так и не появлялась, в то время как прибыло несколько чикагских знаменитостей, а численность людей в зале понемногу начинала увеличиваться. Прислуга отеля принялась принимать верхнюю одежду и сновать по залу с подносами, уставленными едой и напитками, а официанты начали бойко курсировать туда и сюда через служебные входы, подобно маленькой армии муравьёв-рабочих, практически мгновенно устраняя ущерб, причинённый количеству блюд на шведском столе. Это занятие казалось столь важным для них, что я уже подумывал о том, чтобы внести свою лепту в разорение шведского стола — просто чтобы дать им шанс снова всё исправить, сами понимаете. Я стараюсь быть добрым к людям.

Я как раз брал свою пустую тарелку, чтобы продемонстрировать сострадательную гуманную сторону себя, когда женщина из персонала отеля мягко тронула меня за руку и произнесла:

— Простите, мистер Оберхайт? Вас зовут к телефону, сэр. Телефонный аппарат здесь рядом.

Я поднял взгляд на девушку, вытер рот салфет-

кой и произнёс:

— Хорошо. Покажите, где. — Я кивнул Эшер: — Я скоро.

Я поднялся и проследовал за служащей к занавешенной нише в углу, где и находился телефон. Тут мы находились в относительном уединении от остальных присутствующих в зале.

— Мисс Вальмон, — обратился я к служащей отеля, когда мы оказались одни. — Рад вас снова видеть.

Анна Вальмон обернула ко мне своё лицо, одарив меня небольшой и не особо приятной улыбкой. В последний раз, когда я её видел, она выбелила свои волосы перекисью. Теперь её волосы стали чёрными и были подстрижены в стиле опрятного пажа. Она стала ещё стройнее, чем я помнил, даже чересчур, став похожей на молодую дикую кошку. Она всё ещё выглядела миловидно, хоть её черты и растеряли признаки бурлящей юности, а взгляд стал более жёстким и опасливым.

— Дрезден, — произнесла она. — «Мистер Оберхайт», серьёзно?

— Разве я хоть раз критиковал твои псевдонимы? — спросил я в ответ.

Мои слова вызвали у неё улыбку.

— Кто эта стриптизёрша?

— Ты её не знаешь, и шутить с ней не стоит, — ответил я. — И ты так говоришь «стриптизёрша», будто это что-то плохое. Как у тебя дела?

Она порылась в своей тунике и осторожно достала тщательно запакованный конверт.

— Ты принёс мои деньги или нет?

Мои брови полезли на лоб:

— Деньги?

Она опять мне улыбнулась, но улыбка вышла какая-то кривоватая.

— Дрезден, мы с тобой давно знакомы, но на халяву я не работаю. И я не собираюсь торчать тут и трепаться. Люди, которым я перешла дорогу ради вот этого, не склонны к всепрощению. Они гонялись за мной всю неделю. Конверт сделан из воспламеняющейся бумаги. Выкладывай бабло, или информация превратится в дым вместе со мной.

Мои мысли понеслись вскачь. Никодимус придумал работу для Анны Вальмон. Это был единственный способ точно знать, что она придёт и встретится с парнем с розой цвета вечерней зари. Значит, не исключено, что информация, которую он у неё попросил, тоже была важна.

Я быстро оглянулся по сторонам. С этого места

не было видно нашего с Эшер столика, да и самой Эшер тоже. Я вновь повернулся к Вальмон:

— Давай, быстрее, уничтожь его.

— Ты что, думаешь, я не сделаю этого? — спросила она. Затем замерла и нахмурилась: — Подожди-ка… В чём подвох?

— Нет никакого подвоха, — ответил я вполголоса. — Послушай, Анна, здесь много чего происходит, но на объяснения нет времени. Сжигай информацию и сваливай. Нам обоим от этого будет только лучше.

Она наклонила голову, и выражение её лица внезапно стало скептическим. Конверт она прижала к себе в инстинктивном защитном жесте.

— Ты дал мне сто штук вперёд и обещал ещё сто за доставку, а теперь говоришь избавиться от информации? Не думаешь же ты, что это единственная копия?

— Не я тебя нанял, — с нажимом произнёс я. — Адские колокола, да ты как-то украла мою машину. Разве похоже, что у меня водятся такие деньги? Я просто парень на подхвате, и тебе не стоит присоединяться к этой команде. Убирайся отсюда, пока не поздно.

— Я сделала работу и получу свои деньги, — ответила она. — Хочешь уничтожить информацию,

ну и отлично. Но сначала заплати. Сто тысяч долларов.

— А как насчёт двух миллионов? — спросила Эшер. Она проскользнула в нишу с бокалом шампанского, на ободке которого не было ни следа помады.

Анна резко посмотрела на неё:

— Что?

— Два миллиона гарантированно, — продолжила Эшер. — И ещё двадцать, если дело выгорит.

Я стиснул зубы.

Взгляд Вальмон пару секунд метался между мной и Эшер. Её лицо оставалось непроницаемым.

— Эта работа была проверкой.

— Бинго, — сказала Эшер. — У тебя есть необходимые навыки и смелость. А работёнка намечается не из простых. Дрезден делает то же, что и всегда — пытается спасти всех от большого жестокого мира. Но эта работа — шанс для тебя состариться на собственном острове.

— Работа? — осведомилась Анна. — На кого?

— На Никодимуса Архлеоне, — ответил я.

Взгляд Анны Вальмон потускнел и стал жёстким.

— Ты с ним работаешь?

— Долгая история, — сказал я. — И я делаю это не по своей воле.

Но я понял, что раньше имела в виду Эшер. Никодимус выбрал Анну Вальмон и послал меня за ней, потому что он просчитал её мотивы. Анна кое-что задолжала мне, и ещё больше она задолжала Никодимусу. Даже если бы она не взялась за эту работу чтобы помочь мне, она могла сделать это ради мести, ради шанса подставить Никодимуса в самый неподходящий момент. Он предоставил ей массу причин участвовать. А деньги были здесь лишь вишенкой на торте.

Вальмон точно не была тугодумом.

— Двадцать миллионов, — повторила она.

— В лучшем случае, — поправила её Эшер. — Два — в любом.

— Никодимус Архлеоне, — напомнил я. — Ты же помнишь, что случилось в прошлый раз, когда ты с ним сталкивалась на задании?

— Мы пытались его поиметь, а он поимел нас в ответ ещё жёстче, — сказала Анна. Она пожирала глазами Эшер, пока ещё пара служащих проходила мимо ниши. — Что будет, если я скажу «нет»?

— Ты упустишь возможность, которая даётся раз в жизни, — ответила ей Эшер. — Никодимусу придётся отказаться от своей идеи, — она взгля-

нула на меня, — а Дрезден окажется в полной заднице.

В этом Эшер была права. Теперь, когда она поймала меня на попытке пустить работу под откос. Если я не прикончу её, чтобы заткнуть — к чему я был не готов — она доложит обо всём Никодимусу, а он, в свою очередь, расскажет всем, что слову Мэб уже нельзя доверять. Мэб же меня за это распнёт — и отнюдь не в переносном смысле. Хуже того, я подозревал, что подобное нанесёт жестокий удар по могуществу Мэб не только в плане политического влияния — и это может помешать ей делать свою работу, важность которой нельзя было недооценивать.

И я был уверен, что Никодимусу всё это было прекрасно известно.

Вот ублюдок.

— Это правда? — спросила Вальмон.

Я сжал зубы и не ответил. Команда из четырёх официантов пронесла мимо большой поднос.

— Значит, это правда, — произнесла Вальмон. — Эта работа, она реальна?

— И чертовски опасна, — ответил я.

— Вязальщик в деле, — отметила Эшер. — Ты в курсе, кто он?

— Наёмник, — кивнула Вальмон. — Заслужил

свою репутацию, выбираясь из всевозможных передряг.

— Чертовски верно, — согласилась Эшер. — Он работает со мной. Я же здесь чтобы не дать Дрездену играть с тобой в благородство.

— Это правда? — спросила меня Вальмон.

— Сукин сын, — произнёс я.

Вальмон несколько раз кивнула. Затем она обратилась к Эшер:

— Вы не оставите нас на минутку?

Эшер улыбнулась и согласно кивнула. Она отсалютовала мне бокалом, отпила чуть-чуть и покинула нишу.

Вальмон наклонилась ко мне чуть ближе, понизив голос:

— Деньги тебя не заботят, Дрезден. И ты работаешь на него не по собственной воле. Ты хочешь поджарить его задницу.

— Ага, — согласился я.

Огонь вспыхнул в глазах Вальмон:

— А ты можешь?

— Эта работа ему одному не по зубам, — ответил я.

— Может случиться всякое, — задумчиво протянула она.

— Или ты уйдёшь, — предложил я альтерна-

тиву. — И ничего не случится вовсе. Он попадёт на миллионы, которые уже потратил, а работа накроется медным тазом.

— И он просто снова заляжет на дно, — сказала Вальмон. — А может, исчезнет ещё на полсотни лет, и у меня больше не будет шанса с ним поквитаться.

— Или ты угробишься, пытаясь ему отомстить, — осадил я её. — Местью движет не разум, Анна.

— Он и движет, если ты разбогатеешь, осуществив её, — ответила она. Она пару раз нервно клацнула зубами. — Как сильно тебе достанется, если я откажусь?

— Довольно сильно, — признал я, в то время как вторая команда официантов прошла мимо с ещё одним огроменным подносом. — Но я всё равно уверен, что тебе нужно отказаться.

В её голосе появился намёк на отвращение:

— Как и сказала Эшер, — она покачала головой. — Я не маленькая девочка, которую нужно защищать, Дрезден.

— Но ты с этими ребятами в разных весовых категориях, Анна, — возразил я. — И это не оскорбление, а констатация факта. Чёрт, да я сам не имею ни малейшего желания в этом участ-

вовать.

— Дело не в том, насколько ты крут, Дрезден, — ответила она. — А в том, насколько ты умён, — она снова покачала головой. — Возможно, ты нуждаешься в моей помощи больше, чем сам об этом подозреваешь.

Мне захотелось выдернуть себе клок-другой волос:

— Ты не понимаешь? — спросил я. — Это именно то, что он *хочет* от тебя. Он игрок, который проворачивал подобные комбинации ещё до того, как появилось твоё семейное древо, и сейчас он тоже тобой манипулирует.

Теперь в её голосе слышалась неприкрытая ненависть:

— Он убил моих *друзей*.

— Чёрт побери, — разозлился я. — Если ты попытаешься его обдурить, он и тебя прикончит так же быстро.

— И всё равно ты в деле, — она аккуратно спрятала конверт под туникой. — В прошлый раз мне тоже казалось, что всё под контролем. Я не считала, что мне нужна твоя помощь. Но это было не так. А теперь моя помощь нужна тебе. Иди к стриптизёрше и скажи ей, что нам пора выдвигаться.

— Почему?

Она потрогала конверт через одежду:

— Как я уже сказала. Прежние владельцы этой информации стали чрезвычайно навязчивы, как только я её украла.

— Кто они?

— Фоморы.

— Чтоб меня! Те самые? — вздохнул я, и тут вступили трубы, и оркестр перешёл на свинг. — Ну ладно, пош…

Снова показались официанты, на этот раз целых восемь. На них была одинаковая униформа, и они осторожно тащили два огромных подноса. Внезапно они перевернули их на бок. Блестящие металлические крышки полетели на пол с грохотом и лязгом, незаметным среди стука оркестровых барабанов, и тут из-под них вылезло двое извивающихся скользких *существ*.

Секунду я даже не мог понять, что передо мной. Просто две кучи извивающейся пурпурно-серой плоти с вкраплениями других цветов. А потом они вроде как взяли и *размотались* в извивающие конечности на странном, похожем на луковицу теле. И вдруг два существа с безволосыми туловищами гориллы, снабжёнными щупальцами какого-то гигантского осьминога,

сгорбились и ринулись на нас, испустив волну тошнотворного запаха гнилой рыбы и оставляя за собой две дорожки из желтоватой слизи.

— Адские колокола! — выругался я. — Я же *говорил* ей. Просто никогда не бывает.

Глава 10

Ну и как прикажете называть эту дрянь? Эта мысль бесцельно блуждала в странно спокойном уголке моего мозга, взведённого адреналином на максимальную передачу. Октогориллотавры? Гориллактопусы? Как можно наложить заклятье на штуковину, которую даже не знаешь, как обозвать?

А главное, мерзкие безымянные монстры жутко опасны. Всегда боишься того, чего не понимаешь или не знаешь. И первый шаг к пониманию — это имя. У меня есть обычай придумывать название любой твари, с которой собираюсь пообщаться, если имеющиеся в наличии не подходят. Имена имеют силу, в первую очередь, магическую силу, но, что более важно, и психологическую тоже. Нечто ужасное с именем имеет куда меньше власти над вами и меньше пугает, чем нечто безымянное.

— Осьминконги, — мрачно произнёс я. — Почему это всегда осьминконги?

— Ты *издеваешься*? — выдохнула Вальмон. Её тело напряглось, как рабочая линия электропере-

дач, но паниковать она не стала. — Дрезден?

На другом конце зала музыканты грянули первые аккорды свинга под аккомпанемент рокочущих барабанов. И осьминконги яростно рванули к нам, на всех десяти молотящих осьминожье-горилльих конечностях. Их почти человеческие глаза горели бешеной ненавистью, но не они были тем, что беспокоило меня больше всего. Фоморы были плавильным котлом сверхъестественной нации, выжившими реликтами дюжины тёмных мифов и пантеонов, которые явно дожидались своего часа последнюю пару тысяч лет и всплыли из глубин мирового океана на волне уничтожения Красной Коллегии вампиров. Они провели последние пару лет, усложняя жизнь и уничтожая тысячи людей. Покуда никто не знал, почему, но тайные слуги фоморов на земле выглядели по-людски, имели жабры и действовали как образцовые монстры — и я больше беспокоился именно о них.

Позади осьминконгов слуги в униформе официантов присели в атакующих позициях, вытаскивая нечто, что чертовски смахивало на утяжелённые кистени, дружно сосредоточившись на Вальмон. Зверушки лишь играли роль охотничьих псов. Слуги же были здесь, чтобы

Анна Вальмон исчезла — заживо. Некоторым и в кошмарах не приснится, что люди, кайфующие от сшивания горилл с осьминогами, могут сотворить с попавшимся воришкой.

У меня не было с собою никаких магических штук. Что ограничивало мои возможности в усиливающейся толкотне общественного места. Хуже того, они подобрались к нам очень близко перед тем, как напасть. Бежать было некуда, и времени на что-то деликатное не оставалось.

К счастью для меня.

Я не слишком деликатный парень.

Я призвал свою волю, собирая её перед собой в тугой комок, присел, опуская руку вниз и отводя её влево, а затем резко выпрямился, выбрасывая руку вперёд по широкой дуге и высвобождая уйму невидимой силы, и выкрикнул:

— *Forzare!*

И вперёд устремилась выгнутая полумесяцем волна чистой кинетической энергии, оба осьминконга и все восемь слуг кувырком полетели назад.

Этот резкий и несфокусированный поток магии подбросил в воздух и несколько тяжеленных блюд. Одно из них врезалось ребром в одно из огромных окон банкетного зала и вылетело нару-

жу. Заклинание вскользь зацепило и настоящего работника отеля, и он полетел на пол, растянувшись там, словно сшибленный с ног футбольным полузащитником. Свисавшие с потолка полосы красной ткани надулись, словно под ураганным ветром. Несколько даже вырвало из креплений, и они отправились в полет по залу. Пара столов вместе со своими стульями, вращаясь, отлетели назад… и почти все лампочки в помещении одновременно разбились вдребезги, поднимая в воздух снопы искр.

Стоило залу погрузиться в мерцающую темноту, и люди тут же начали кричать. Но по воле случая музыкантам всё ещё хватало света, чтобы играть, и, после небольшой заминки, они продолжили. Осьминконги успели отлететь назад на несколько ярдов, прежде чем вытянули щупальца и упёрлись ими в пол, испустив оглушительный рёв, полный дикой ярости. Этот ужасающий звук поднял в зале настоящую панику. Через несколько секунд кто-то, должно быть, врубил пожарную тревогу, потому что по зданию начал раскатываться пронзительный механический вопль.

Одним словом: Гарри Дрезден vs мирные посиделки — 1:0

Я схватил Анну за руку и кинулся вбок, другой рукой отбрасывая в сторону алую ткань и пытаясь вслепую прорваться сквозь неё. Фоморы могли броситься вслед за нами в любую секунду. Любое заклятье, которым я попытался бы убить или вывести из строя кого-то из фоморской шайки, в относительно ограниченном пространстве банкетного зала вызвало бы ещё больше сопутствующего ущерба и могло даже убить кого-то из невинных людей. Всё, чего мне удалось добиться — это лишь на время задержать их… но я и не пытался выиграть этот бой. Я просто хотел вытащить нас оттуда целыми и невредимыми.

Я не знал, куда подевалась Эшер, но фоморы охотились за Вальмон. Эшер много лет подряд удавалось скрываться от преследования Белого Совета. Я полагал, что она сможет выбраться из отеля и без моей помощи.

— Что мы делаем? — прокричала Анна.

— Валим!

— Это понятно. Куда?

— Пожарные лестницы! — отозвался я. — Я не хочу застрять в лифте с одной из этих штуковин!

Мы вынырнули из-под мешающих обзору занавесок, и я тут же налетел на стул, споткнулся и сильно ударился бедром о буфетный столик.

Я точно упал бы, но Вальмон подхватила меня под руку.

Я показал на дверь, из которой вышли официанты, и двинул в ту сторону.

— Туда! Пожарные лестницы дальше по коридору и направо.

— Я не слепая и тоже вижу указатели, — отрезала она.

Мы бросились к дверям, завернули за угол, и я столкнулся лицом к лицу с ещё парой пустоглазых слуг фоморов. Они были больше и тяжелее остальных и носили более типичную для них униформу — чёрные брюки и чёрные водолазки.

И пулемёты.

Не какие-нибудь штурмовые винтовки, а полностью автоматическое оружие. Из тех, к которым патроны идут в огроменных таких коробках. Две водолазки, очевидно, остались прикрывать лестницу, и они не просто валяли там дурака. Стоило мне появиться из-за угла, один из них поднял оружие и начал палить по мне очередями по три-четыре патрона.

В кино, когда кто-то стреляет в героя из пулемёта, пули попадают куда угодно, но только не в *него*. Но, к сожалению, настоящие пулемёты ведут себя совсем иначе. В опытных руках они могут

стрелять очень точно, и для них не проблема сделать столько выстрелов, чтобы уж точно ранить кого надо. И не раз. Именно для этого пулемёты и делают. Если кто-то начинает палить в вас из такого, остаётся только два выхода: спрятаться в укрытие или превратиться в решето. Я был меньше чем в пятидесяти футах от него, и нас разделял лишь пустой коридор. Он едва ли промахнулся бы по мне, даже если бы *постарался*.

Правой рукой я толкнул Анну себе за спину, затем вскинул левую и, призвав на помощь волю, резко выкрикнул:

— *Defendarius!*

Что-то резко дёрнуло меня за лодыжку, а затем моя воля соединилась в сплошной барьер из энергии между нами и стрелком. Пули ударились об него с яркими вспышками. Со стороны это напоминало светящийся полукупол с очень рваными краями. Каждый удар отдавался во всём моем теле, словно звук большого барабана в слишком шумном ночном клубе. Это были тяжёлые патроны, специально созданные, чтобы пробивать любое прикрытие. Убивать солдата через толстое дерево, разрывать на куски человека в бронежилете и превращать бетонные стены в кучи щебня и пыли.

Без помощи магических предметов, помогавших концентрировать энергию, сделать щит, способный полностью остановить пули, можно только ценой огромного расхода жизненных сил. Достаточно замедлить их и не дать рикошетить куда попало. Эти пули прошили бы стены и перекрытия «Пенинсулы» словно мягкий сыр. Невинные люди за пять этажей отсюда могли погибнуть, если бы я не замедлил их. Отскакивая, они металлическим дождём прыгали и стучали по полу вокруг меня.

Это не смутило чёрную водолазку. Он начал медленно двигаться вперёд, по-дурацки перекатываясь с пятки на носок походкой обученного ближнему бою боевика. Тем самым шагом, который держит глаза, голову и плечи на одном уровне всё время движения. Он упорно продолжал стрелять короткими очередями и приближался, заполняя коридор светом и оглушительным громом. А я мог только продолжать держать пули подальше от нас.

Удерживать щит было нелёгкой работёнкой, и через несколько секунд мне придётся встать на одно колено, чтобы уменьшить размер щита. Нужно продержаться ещё немного. Скоро у водолазки кончатся патроны, и ему придётся найти

другое оружие или сменить магазин. И тогда у меня появится шанс на ответный удар.

Это если бы его дружок не наступал рядом с ним, *не стреляя*. Готовый взять на себя огонь, когда оружие первой водолазки опустеет. Я сглотнул. Я не был уверен, что моих жизненных сил хватит, чтобы продержаться *так* долго.

Мне сильно бы пригодился мой браслет из щитов. Но его не было со мной, когда я очнулся на острове Предела Демона, и у меня не было ни времени, ни материалов, чтобы сделать ещё один такой же. Мой новый посох тоже неплохо бы помог, но было немного трудно протащить эту штуку на официальный приём.

Мне нужен был новый план.

Вальмон что-то кричала мне. Я был так сосредоточен, что в первый раз ничего не разобрал.

— Закрой глаза! — крикнула она, затем напряглась и махнула рукой. Что-то пролетело над слабо светящимся верхним краем моего щита и грохнулось на землю к ногам водолазок.

Оба стрелка среагировали мгновенно, бросившись в стороны. Через секунду коридор заполнила вспышка совершенно ослепительно белого света, и что-то хлопнуло как ладони гиганта.

Я не успел вовремя закрыть глаза, и теперь

всюду плясали красные и пурпурные пятна, в ушах всё время звенело, но щит защитил меня от энергии небольшого взрыва, и голова оставалась достаточно ясной, чтобы пошатываясь выбраться из смертельного коридора, тащась на буксире у Вальмон.

— Чёрт возьми! — со злостью выругалась она на бегу. — Эта же была просто пара *папок*! Другая лестница!

Оказавшись в тёмном банкетном зале после мерцавшего как стробоскоп коридора, мои глаза безуспешно пытались приспособиться.

— Я ничего не вижу, — сказал я и почувствовал, как она взяла меня за руку. — Отлично. Вперёд!

Вальмон побежала, и я рванул вместе с ней, держа за руку, словно малыш-переросток, и стараясь не упасть. Мы пересекли, наверное, половину банкетного зала, как вдруг она остановилась. Мои арендованные ботинки оказались дьявольски скользкими, и я едва не налетел на неё прежде, чем тоже остановился.

— Что случилось? — спросил я.

— Тихо, — зашипела она. — Одна из этих штук у двери.

— У тебя есть ещё зажигательные бомбы? — спросил я шёпотом.

— Знаешь ли, обычно у девушек и одной-то не найдёшь, — чопорно ответила она. — Мне трудно сосчитать, сколько дел я провернула без сучка и задоринки с тех пор, как последний раз видела тебя. Но ты заходишь в дверь — и всё летит к чертям.

— Этот девиз у меня на полотенцах вышит, — подтвердил я.

Я пару раз моргнул и смог различить расплывчатый силуэт одного из осьминконгов, ждущего у дверей. Ну, технически, он ждал *над* дверью. Его щупальца растянулись на потолке, как ноги огромного паука, а обезьяноподобные руки свисали вниз. Вальмон остановилась за колонной, глубоко в тени аварийного освещения в коридоре.

— Ух ты! Какие уродливые штуки! — Я моргнул ещё пару раз. — Ладно, держись поближе.

— Ты уже видишь?

— Ага. Почти. Нам надо бежать со всех ног. Если эта штука бросится на нас, я отшвырну её подальше, и мы мип-мип отсюда к чертям.

— Мип-мип, — сухо повторила Вальмон. — Всегда приятно иметь дело со зрелым профессионалом.

— Ладно. Выберемся, эвакуируемся… как тебе

больше нравится, — не стал спорить я. Затем перебросил её ладонь в левую руку, чтобы правая была свободна, и скомандовал:

— Вперёд!

И мы побежали к двери.

Осьминог начал опускаться вниз по стене, перебирая щупальцами, пачкая всё вокруг слизью и издавая противные кряхтящие звуки. Но не слишком быстро. И хотя я уже был готов выпустить в него ещё один заряд энергии, мы успели проскочить мимо, на парю дюймов разминувшись с кончиком ближайшего щупальца, и оказались в совершенно пустом коридоре — это было даже легче, чем я планировал.

Так что естественно в моей голове сразу же врубилась тревожная сирена.

Напротив выхода из зала была ещё одна дверь, и я не стал сбавлять ход. Подставив плечо, я врезался в неё всем своим весом, всей силой Зимнего рыцаря.

Я не хочу сказать, что мантия Зимнего рыцаря делает меня суперсильным… но я поднимал в воздух машины. Может это и не настоящая суперсила из комиксов, но парень я не маленький, вешу тоже немало. Дверь поддалась, и замок вылетел из дверной рамы так легко, словно она

и так уже наполовину прогнила. Таща за собой Вальмон, я пролетел сквозь дверной проём, чувствуя горячую пульсацию в районе плеча.

Второй осьминог поджидал нас посреди коридора и уже начал спускаться вниз. Стоило нам замешкаться хотя бы на долю секунды, и он схватил бы нас. В качестве альтернативы я врезался в стойку с мётлами и швабрами в задней части большой кладовки, сломав несколько рукояток и оставив огромную вмятину в стене из гипсокартона. И отлетел от неё, оглушённый, перед глазами всё ещё плясали круги.

— Дрезден! — закричала Вальмон.

Обернувшись, я увидел, что она покачнулась и попытается ухватиться за тяжёлую металлическую полку с чистящими средствами. Я понял, что в какой-то момент выпустил её из рук. Тут одну из её ног резко дёрнуло назад, и она не смогла удержаться за полку.

Я ухватился за Вальмон, прежде чем её вытянуло из кладовки, одновременно осознавая, что вокруг её лодыжки обернулось фиолетово-серое щупальце. Я упал на пол и изо всей силы лягнул ногами дверь, и она резко захлопнулась, аккуратно отрезав кончик щупальца осьминога.

С другой стороны двери раздался яростный

рёв.

— Назад, назад! — закричал я Вальмон, упираясь в дверь ногами. Она перебралась через меня в темноте кладовки, её худые конечности оказались неожиданно твёрдыми. Секунду спустя раздался щелчок, комнату залил свет крохотного фонарика, и она тут же принялась оглядывать полки.

Я ждал, что осьминконг начнёт биться в дверь, но после нескольких небольших толчков дверь вдруг затрещала, словно её раздирали на куски, и исчезла. Краем глаза я успел заметить несколько щупалец, сжимающих обломки двери. А затем порог переступил осьминконг. Передвигался он согнувшись и опираясь как на щупальца, которых всё ещё было очень много, так и на обезьяньи лапы.

Я закричал и пнул его обеими ногами в грудь, впечатав их достаточно сильно, чтобы вызвать удивлённый кашляющий рёв и вытолкнуть тяжёлое туловище обратно в коридор… Но щупальца ухватились за дверной проём с несомненно сверхчеловеческой силой, погасив импульс и снова бросая туловище вперёд.

Я вскинул руку и прокричал:

— *Forzare!*

Вторая волна кинетической энергии врезалась в осьмикога, отталкивая его назад. Несколько секунд моя воля противостояла силе всех этих щупалец и рук.

Но тот щит в коридоре отнял у меня слишком много сил. Я чувствовал, как моя воля начинает угасать, как заклинание слабеет. Осьминконг подбирался всё ближе и ближе к моему распростёртому телу. Перед глазами начали плясать звезды.

И тут раздался визг — пронзительный, воющий, по частоте и интенсивности напоминающий какой-то промышленный звук. Вспыхнул свет, сине-белый и такой яркий, что светошумовая граната Вальмон показалась в сравнении с ним обычной фотовспышкой. Воздух прорезал миниатюрный раскат грома, и на месте черепа осьминконга возникла сфера огня величиной с два моих кулака.

Потом раздался короткий хлопок, словно лопнул мыльный пузырь.

И все пропало… остались только почерневшие кости и облако мелкой чёрной пыли.

Осьминконг вздрагивал, подёргивая всеми десятью конечностями, но вскоре затих. Обезглавленное тело рухнуло на пол, и почерневшие

останки черепа откатились от него, трескаясь и крошась по дороге.

Над телом возникла Ханна Эшер, держащая в руке пару вечерних туфель. Глаза её пылали.

— Дрезден? Ты в порядке?

Секунду я тупо пялился на неё.

Адские колокола.

Не поймите меня неправильно. Я чародей Белого Совета. Но то, что я сейчас увидел, было проявлением такой концентрации и мощи, которую я едва ли ожидал увидеть даже от старших членов Совета, не говоря уже о чёртовой колдунье, которая была даже моложе меня. Использовать огненную магию совсем непросто. Вложи в неё достаточно мощи, чтобы нанести какой-то ущерб, и тебе ещё придётся потрудиться, чтобы она не вышла из-под контроля. Чем больше жара ты в неё вкладываешь, чем больше она распространяется, уничтожает, разрушает. Но это огненное заклинание было хирургически точным.

Я сам неплохо управляюсь с огнём.

Но и Ханна Эшер была с ним на «ты».

Боже правый, не удивительно, что Стражам не удалось её поймать.

— Спасибо, — произнёс я, поднимаясь на ноги.

Но тут же оттолкнул её вбок, когда за её спиной на пороге показался первый осьминонг и резко атаковал, молотя щупальцами.

Я успел лишь выбросить вперёд руки, и тут вес существа прижал меня к полу. Я пытался бороться, но бороться было нечем… я был придавлен к полу мясистой паутиной щупалец, которые хватали, рвали и молотили по мне сквозь одежду. Я чудом умудрился высвободить из-под этой склизкой и вонючей кучи хотя бы голову и жадно втянул в себя воздух. И сделал это как раз вовремя, чтобы заметить, как Анна Вальмон выходит из кладовки и швыряет в глаза осьминонгу банку с каким-то порошком.

Существо завизжало в агонии, чистейшей агонии, и половина щупалец тут же оставила меня в тщетной попытке защитить лицо и голову. Чудовище корчилось в муках, и я умудрился извернуться так, чтобы наконец спихнуть его с себя. И тут же вскочил на ноги.

— Валим! — прокричал я Эшер и Вальмон. — Вперёд, быстрей, быстрей!

Им не нужно было повторять дважды. Мы помчались по коридору, оставляя позади вопящего осьминонга, и буквально полетели вниз по лестнице.

— Получай, — на ходу рявкнул я Эшер. — Она с нами и помогает. Счастлива теперь?

— Да, Дрезден, — раздражённо ответила она. — Я счастлива. Я в восторге. Да я просто на седьмом небе, чёрт побери. А теперь заткнись и беги.

И я помчался по отелю, пачкая кровью изодранный смокинг.

Но не слишком переживал по этому поводу.

Я был не прочь посмотреть, как Никодимус будет сдавать его назад.

Глава 11

По пути вниз Анна Вальмон сорвала с себя форменные тунику и брюки, оставшись в маленьком вечернем платье. Сбросив и ботинки с носками, она стала неотличима от любой другой девушки из высшего общества, бегством спасающейся из здания. Маленькая сумочка, до этого закреплённая вокруг талии и спрятанная под блузкой, превратилась в клатч. Она сорвала парик, обнажив светлые волосы средней длины, взъерошенные по последней моде, надела тёмные очки и позаимствовала туфли у Ханны Эшер. Затем немного ускорила шаг, нагнала спешащую к выходу группу людей и легко смешалась с ними. К тому времени, когда мы добрались до входных дверей, бесформенная невысокая брюнетка из персонала отеля бесследно исчезла. Высокая и стройная блондинка в чёрном платье нетвёрдой походкой покидала здание вместе со всеми остальными.

Вальмон была не дурой. Слуги фоморов в форме официантов поджидали снаружи, пристально изучая всех, кто покидал здание, своими пустыми

глазами, чем-то напоминающими глаза земноводных животных.

— Я отвлеку их, а ты доставь её к машине, — негромко сказал я Эшер, когда мы выходили из здания.

Затем ткнул пальцем в ближайшего слугу и проревел:

— Ты!

Мужчина перевёл взгляд на меня. И я почувствовал, что остальные сделали то же самое. Хорошо. Чем больше глаз будет смотреть на меня, чем больше вероятность, что Вальмон удастся проскользнуть незамеченной. Я направился к слуге с видом человека, готового полезть в драку.

— Вы ребята вообще думаете, что творите? Я слышал, что суши принято делать из свежей рыбы, но это уже просто смешно!

Да, в юморе слуги фоморов были явно не сильны. Парень просто вытаращился на меня в ответ и нерешительно отступил на полшага назад.

— Я собираюсь подать в суд! — проорал я, широко размахивая рукой, будто пьяный. — *Видите*, на что теперь похож мой смокинг? Вы нанесли мне ущерб. Непоправимый ущерб душевному спокойствию моего гардероба!

Теперь на меня пялились уже все — эвакуиру-

ющиеся гости, персонал отеля и даже простые прохожие. Даже в Чикаго на улице нечасто встретишь с головы до ног заляпанных кровью увальней в изодранных смокингах, орущих во все горло. Орал я под аккомпанемент сирен, и они быстро приближались. Экстренные службы были уже на подходе. Копы на мотоциклах и патрульные машины уже начали прибывать, что было неудивительно, в самом-то центре города.

Слуга тоже это заметил и стал неловко переминаться с ноги на ногу.

— Ага, — сказал я уже тише. — Я не знаю, на кого из фоморов ты работаешь. Но передай своему боссу, что Гарри Дрезден вернулся, и он говорит ему держаться от Чикаго подальше. В противном случае я ему все зубы повыбиваю.

Я на секунду замолк и добавил:

— То есть, если, конечно, у него есть зубы. Но что-нибудь точно повыбиваю. По-любому. Так ему и передай.

— Да как ты смеешь ему угрожать? — прошипел слуга.

— Я лишь констатирую факты. А вам, ребята, лучше бы отсюда линять. Прежде чем я примусь разрывать на вас воротники и спрашивать полицию и журналистов, что не так с вашими шеями.

Некоторое время слуга злобно пялился на меня своими пустыми глазами. Затем резко повернулся и пошёл прочь. Остальные парни в форме официантов последовали за ним.

— Тонко, — услышал я голос Кэррин.

Обернувшись, я увидел, что она стоит в десяти футах позади меня, скрестив на груди руки — так, чтобы легко можно было выхватить пушку. Если бы слуга и компания взялись за оружие, она занимала отличную позицию, чтобы вступить в бой и начать уравнивать шансы.

— Мёрф, — произнёс я. — Они выбрались?

— Ждут в машине, — она оглядела меня, и в её глазах вспыхнула мука. — Боже, Гарри. Ты в порядке?

— Немного больно. Немного жжёт. Да нормально всё.

Она подошла ближе.

— У тебя кровь на ноге. Не шевелись.

Кэррин опустилась на колени, и я неожиданно понял, что она права — моя нога кровоточила, штаны намокли, и кровь капала с обшлага прямо в арендованные ботинки. Она быстро закатала окровавленную ткань и сообщила:

— Тебя подстрелили.

Я заморгал:

— Чего? Я ничего такого не чувствую. Ты уверена?

— В твоей голени два пулевых отверстия, — ответила она. — И выходное такое же маленькое, как входное. Боже, ты, должно быть, был совсем близко.

— М240. Примерно с тридцати футов.

— Тебе повезло… кость не задета, и пуля прошла навылет, — она вытащила носовой платок и сказала: — Именно об этом тебя и предупреждал Баттерс. Ты даже не чувствуешь, что ранен. Я собираюсь перетянуть её, пока мы не сможем позаботиться о ней должным образом. Приготовься.

Она обернула ткань вокруг моей ноги и туго затянула. Я чувствовал лёгкое покалывание и жжение, но не более того. Я вдруг понял, что Зима пронизывает меня, словно ледяной ветер, притупляя боль.

А ещё я вдруг понял, что Кэррин стоит на коленях у моих ног. Зима во мне думала, что этот *вид* очень интересен. Что-то очень похожее на панику затрепетало в моей груди, что-то гораздо более энергичное и дестабилизирующее, чем страх, который я чувствовал в драке за несколько минут до этого.

— Э-э, ты права, — сказал я, заставляя себя отвести глаза. — Что мы здесь стоим? Пошли уже.

Кэррин поднялась на ноги и взглянула на меня. К беспокойству на её лице примешивалось ещё что-то, более мрачное. Но она лишь кивнула и произнесла:

— Машина здесь недалеко. Не отставай.

* * *

Сев в машину, я первым делом обернулся на заднее сиденье и оглядел Эшер с Вальмон. Кэррин уже заводила мотор, и мы отъехали как раз в то время, когда на место прибыла большая часть машин с мигалками. Вальмон смотрела в окно, выражение её лица сложно было прочитать за тёмными очками. Эшер глядела через плечо, не сводя глаз с улицы перед отелем.

Когда она наконец обернулась и перехватила мой взгляд, её лицо расплылось в широкой улыбке, а тёмные глаза засверкали.

— Чёрт, — сказала она, — а вечерок получился насыщенный.

— Для одних больше, чем для других, — заявила Кэррин. — Мисс Эшер, я собираюсь забросить вас назад на скотобойню, к вашему напарнику.

Эшер нахмурилась:

— А вы куда?

— Дрездена подстрелили.

— Когда? — заморгала Эшер.

— Когда меня вытаскивал, — сказала Вальмон, по-прежнему не отводя взгляд от окна. — Его подстрелили, когда он пытался прикрыть меня.

— Я отвезу его туда, где ему смогут помочь, — сказала Кэррин. — Передайте Никодимусу, что Вальмон с нами.

Эшер нахмурилась и глянула на Вальмон:

— Вы с этим согласны?

— Я не собираюсь встречаться с этим парнем без Дрездена, — заявила Вальмон. — И будь вы поумней, вы бы тоже не стали.

— Оставьте её, — тихо сказал я, — Эшер большая девочка. Она может сделать свой собственный выбор.

— Конечно, — ответила Вальмон.

Эшер некоторое время, нахмурившись, разглядывала меня, затем произнесла:

— Я много слышала о тебе.

— И что же? — поинтересовался я.

— Колдун, который стал Стражем, — сказала она. — А потом отказался охотиться на колдунов для Белого Совета.

Я пожал плечами:

— Верно.

— И они тебя не убили после этого? — спросила Эшер.

— Шла война, — сказал я. — Каждый боец был на счету.

— Ходили и другие слухи. Совсем дикие. Что ты помогаешь людям. Что ты готов драться с кем угодно.

Я снова пожал плечами. Это было немного больно.

— Временами.

— Он всегда такой? — спросила Эшер Кэррин.

— Только когда истекает кровью, — сказала Кэррин — Обычно не знаешь, как заставить его заткнуться.

— Эй, я ещё тут, — заявил я.

Кэррин посмотрела на меня со смеющимися глазами.

Я снова дёрнул плечом и устало произнёс:

— Ну ладно, ты права.

— Если ты такой крутой парень, — произнесла Эшер, — то как же вышло, что я не видела, чтобы ты надирал там всем задницы и закатывал в асфальт?

Я на мгновение прикрыл глаза. Мне не хотелось объяснять Эшер, что Зимнего рыцаря создавали в

качестве машины для убийств, которая двигается, крушит всех направо и налево, но никогда не останавливается, чтобы подумать. Мне не хотелось объяснять ей, что может произойти, если я выпущу этого джинна из бутылки прямо посреди одного из главных отелей Чикаго. Кэррин была права. Раньше я сжигал дотла целые здания в мгновение ока. Пожар в «Пенинсуле» мог убить сотни людей. Если бы я дал волю инстинктам, которые навязывает мне Зимняя мантия, я погубил бы ещё больше народу.

Посреди всей этой схватки не на жизнь, а на смерть, мне страстно хотелось сорвать с неё вечернее платье и посмотреть, что будет потом. Но это во мне говорила Зима. В основном. И этим порывам я тоже поддаваться не собирался.

— Мы пришли туда не для того, чтобы убивать фоморов, — ответил я наконец. — Мы пришли за Вальмон. Мы её вытащили. Это всё, что требовалось.

— Если бы я не подоспела вовремя, эта штука разорвала бы тебя на части, — заметила Эшер.

— Значит, хорошо, что ты подоспела, — ответил я. — Ты внесла свою лепту. Я это признаю. Ты очень ловко обращаешься с огненной магией, хотя это непросто. У тебя к ней талант.

— Ладно, — сказала Эшер, явно смягчившись. — Ты и понятия не имеешь, сколько парней, с которыми я работала, отказывались признавать, что их спасла девушка.

— Да уж, — ответил я, поглядывая на Кэррин. — Это такое необычное ощущение для меня.

Кэррин фыркнула и остановила машину. Мы снова были у скотобойни.

— Передай Никодимусу, что к рассвету мы вернёмся, — сказал я.

Вальмон молча сняла немного великоватые ей туфли и вернула их Эшер.

— Конечно, — ответила Эшер. — Не вздумай умереть от кровопотери или ещё чего выкинуть. Нас ждёт интересная работа.

— Угу, — отозвался я.

Она снова сверкнула улыбкой, надела туфли и вышла из лимузина. Кэррин тронулась с места в тот же миг, не дожидаясь, когда Эшер войдёт в здание.

Я оглянулся на Вальмон:

— Ты в порядке?

Она сняла очки и улыбнулась мне краешком рта.

— Никодимус. Он действительно снова здесь?

— Да, — ответил я.

— И ты собираешься поджарить его задницу?

— Если смогу.

— Тогда я в норме, — ответила она и снова отвернулась к окну. — Я в норме.

Кэррин нахмурилась и секунду разглядывала Вальмон в зеркало заднего вида. Затем стиснула зубы и снова уставилась на дорогу.

— Куда едем? — тихо поинтересовался я.

— Ко мне, — ответила она. — Я позвонила Баттерсу сразу, как только в отеле врубилась сирена. Он будет нас ждать.

— Я не хочу больше никого в это впутывать.

— Ты хочешь сразиться с рыцарями Тёмного динария, — сказала Кэррин. — Ты правда думаешь, что справишься в одиночку?

Я устало фыркнул в ответ и прикрыл глаза.

— Так я и думала, — ответила она.

Покрышки лимузина шелестели по городским улицам, и я перестал обращать внимание на всё остальное.

Глава 12

Дом Кэррин располагался в скромном районе Чикаго и выглядел так, словно принадлежал какой-то милой старушке — в основном потому, что когда-то так и было. А у Кэррин как будто никогда не хватало ни времени, ни духу кардинально менять то, что её бабушка так заботливо обставляла, украшала, где собственноручно сажала цветы. Когда мы подъехали, все места на улице перед домом уже были заняты, и она свернула лимузин на проезд, ведущий к заднему двору.

Прежде чем она припарковалась, я повернулся к Вальмон и спросил:

— А что в папке?

— Досье на одного местного бизнесмена, — сразу же ответила Вальмон.

— Я его знаю?

Она пожала плечами, слазила в сумочку и передала мне свёрнутую в трубочку папку. Я взял её, развернул и начал щуриться на неё, пытаясь что-нибудь разглядеть, пока Кэррин не включила в лампочку в салоне. Та горела примерно пять секунд, а потом замигала и погасла.

— Вокруг тебя хоть что-нибудь бывает просто? — поддела она меня.

Я показал ей язык, вытянул из-под рубашки серебряную пентаграмму, амулет моей матери, и послал в неё маленькую частичку воли. Серебро засветилось бело-голубым магическим светом, достаточным, чтобы я смог просмотреть содержимое папки.

— Харви Моррисон, — начал читать я вслух, — пятьдесят семь лет, инвестиционный брокер, финансовый консультант и консультант по ценным бумагам. — Я удивлённо заморгал и обратился к Кэррин: — Это ещё кто?

— Он управляет деньгами богатых людей, — ответила она.

Я хмыкнул и вернулся к чтению:

— Ходит под парусом, играет в гольф, если погода позволяет, и проводит длинные отпуски в Лас-Вегасе дважды в год. Ни жены, ни детей. — Дальше была фотография, и я взял её в руки. — Симпатичный парень. Похож на Клуни, но только с залысинами. Список любимых фильмов, книги и музыки. Есть и биография: вырос здесь, ходил в неплохие школы, родители умерли, когда он был в колледже.

— Почему он? — спросила меня Кэррин.

Я оглянулся на Вальмон.

Она пожала плечами:

— По мне он выглядит довольно обыкновенно. Никаких мошенничеств или растрат, обычных для людей его уровня.

— Честный человек? — спросил я с некоторым скепсисом.

— Или умный вор, — ответила она. — Он заслуживающий доверие бизнесмен, как сотни других в этом городе.

— Может, проблема с азартными играми?

Вальмон опять пожала плечами:

— По этому досье не заметила. Фоморы не оценили его как удачную цель для манипулирования.

— Они что, составляют досье на богатых парней?

— Они покупают информацию направо и налево последние несколько лет, — ответила Вальмон. — Разбрасываются большими деньгами. Это настоящий рынок, и покупателей множество.

— В смысле?

— Покупают все: фоморы, Белый Совет, «Венатори Умброрум», свартальвы, каждое паранормальное сборище, что не стоит в стороне от дел. Вот почему я взялась за такую работу — она уже

третья в этом месяце. Если хочешь легко заработать и знаешь парочку сочных секретов, я могу связать тебя с парочкой серьёзных покупателей.

При этих словах я замигал:

— С каких пор ты так подкована в сверхъестественных дрязгах?

— С тех пор, как монстры убили двоих моих лучших друзей, — пожала плечами она. — Я поставила себе цель узнать о них побольше. И была сильно удивлена тем, как легко мне это удалось. Как будто они не так уж и сильно стараются скрываться от людей.

— В этом нет необходимости, — пояснил я. — Большинство людей ничего не хотят знать, и не поверят во всё это, даже если им покажешь.

— Ну, это я поняла, — сказала Вальмон.

— Почему он? — спросила Кэррин. — Что Никодимусу от него нужно?

Я сжал губы и задумчиво втянул воздух через зубы:

— Доступ, я полагаю.

— Что ты имеешь в виду?

Я приподнял фотографию Харви.

— Этот парень может дать нам то, чего не может никто другой. Это единственное разумное объяснение.

— С чьими деньгами он работает? — спросила Кэррин.

Я сверился с папкой:

— Эмм… вот список клиентов. Частные лица, предприниматели, недвижимость, трасты. Большая часть из них обозначена только цифрами или вопросительными знаками. Некоторые и вовсе перечислены как неизвестные.

— Довольно типично, — констатировала Вальмон. — Ребята вроде него действуют с большой долей осторожности. Что Никодимус рассказал тебе о предстоящей работе?

— Только о конечной цели и о тебе, — ответил я. — Ни слова о промежуточных стадиях.

— Держит тебя в неведении, — заключила она. — Манит тебя посулами, и в то же время всячески усложняет твоё возможное предательство, так как ты не имеешь понятия о его следующем шаге.

— Вот ублюдок, — в который раз пробормотал я себе под нос. — Значит, мы ещё не знаем, что у него на уме, но я готов поспорить на что угодно, что этот Харви — следующий этап плана.

— Логично, — поддержала меня Кэррин.

— Хорошо, — сказал я. — Не посвящайте никого из наших в Чикаго, ладно? У нас тут намечает-

ся очень серьёзная заваруха. Если слух о деле просочится, то это плохо отразится на Мэб, а она выразит своё недовольство в виде скромного распятия на кресте меня.

Кэррин состроила гримаску:

— То есть ты тоже хочешь держать их в неведении и выдавать информацию по мере необходимости и на поэтапной основе?

— Не хочу, — поправил я её. — Вынужден. Я понял твою иронию, но как я уже сказал — в этот раз я не намерен раскрывать карты преждевременно.

Я закрыл глаза и прислушался к своему телу. К уже привычному ощущению смутного дискомфорта и усталости, пронизавшей все мои члены, добавилась слабая пульсация боли, дёргавшая меня за спину, что могло означать мышечный спазм. Серебряная серёжка в моём ухе до сих пор весила слишком много и пульсировала холодом, граничащим с неудобством.

Инстинкты подсказывали мне, что маленькое болеутоляющее Мэб мне нисколько не помогало, разве что *скрывало* боль, которая иначе разрывала бы мою голову. Там, в отеле, я истратил порядочное количество сил всего лишь на пару заклинаний, и без моего чародейского инстру-

ментария это была та ещё работа. Меня заставили черпать энергию из Зимней мантии, просто чтобы держаться на уровне, необходимом, чтобы остаться в живых. Нет никакой достоверной информации о том, как мантия взаимодействует с моими способностями, единственное, что я знаю точно — до меня не было ни одного Зимнего рыцаря с чародейскими способностями. Но я был чертовски уверен, что чем больше я полагался на эту холодную, тёмную силу, тем привычнее это для меня становилось, и с тем большей долей вероятности это изменяло то, кем и чем я был.

Чем бы ни была эта штука в моей голове, она была близка к тому, чтобы меня прикончить. Внезапно я стал почти уверен, что у подарка Мэб было два назначения. Да, он помогал мне стоять на ногах и продолжать вляпываться в неприятности, но также он ослаблял меня достаточно, чтобы моя нужда в Зимней мантии возросла как никогда. Возможно, это был её способ намекнуть, что мне следует чаще использовать мантию.

Но рано или поздно это изменит меня, как изменило всех моих предшественников.

Если уже не изменило.

Пугающая мысль.

После долгого молчания Кэррин сказала:

— Пока что мы тебе подыграем. Пойдём внутрь.

Усилием воли я отбросил мрачные мысли и страх, который являлся их непременным спутником:

— Мои вещи у тебя? — спросил я.

— В багажнике.

Я выбрался из машины и доковылял до багажника. Я достал из него свой вещмешок и посох, а затем перебросил успокаивающий вес своего пыльника через плечо, чтобы надеть его и что-нибудь удобное из одежды, когда меня залатают. Может, я и спать в нём лягу.

Примерно вот такой у меня выдался денёк.

Я остановился на кухне Кэррин, на кафельном полу, чтобы не заляпать кровью ковёр, и обнаружил поджидающего меня Уолдо Баттерса.

Баттерс был тощим мелким парнем в районе сорока с хвостиком, но по его телосложению его можно было ошибочно посчитать гораздо моложе. У него была копна чёрных волос, которые он никогда не укладывал, тонкий нос, немного смахивающий на клюв, очки и длинные изящные пальцы.

— Гарри, — сказал он, когда я вошёл, протягивая мне руку. — Нам пора прекращать встречаться

вот так.

Я пожал его руку и устало улыбнулся:

— Да, или я так никогда и не смогу с тобой рассчитаться.

Он критически оглядел меня с головы до ног:

— Что с тобой стряслось? Ты что, полез в драку с машиной для подметания улиц?

— Осьмиконги, — ответил я. — И водолазка с пулемётом.

— Правая икра, — сказала Кэррин, заводя Вальмон с улицы и закрывая дверь. — Его подстрелили.

— И вы позволяете ему вот так разгуливать на подстреленной ноге? — спросил Баттерс.

Кэррин бросила на него взгляд, от которого бы молоко прокисло.

— В следующий раз я спрячу его у себя в сумочке.

Он вздохнул и произнёс:

— Послушай, Гарри, я знаю, что ты не чувствуешь боли, но ты *не* неуязвим. Для существования боли есть грёбаная причина. — Он махнул рукой на один из кухонных стульев и сказал: — Садись, садись.

Кухня относилась к разряду крошечных. Я сел. Баттерс был врачом, хотя большую часть своей

медицинской карьеры он вскрывал трупы в качестве медицинского эксперта штата Иллинойс, и так как больничные врачи становились немного нервными, когда ты обращался к ним с огнестрельным ранением, он уже довольно давно неофициально помогал мне в подобного рода медицинских вопросах.

Баттерс оголил мою ногу, проворчал что-то себе под нос и произнёс:

— Давайте перенесём его на стол. Помогите мне его раздвинуть.

— Ага, — согласилась Кэррин.

Где-то с минуту они суетились вокруг стола, чтобы расставить его шире, а затем она легко толкнула меня локтем и сказала:

— Ну же, Гарри. Я тебя не подниму.

И тем не менее она подставила мне плечо, помогла подняться, а затем и поднять ноги на стол. И мне показалось, что на все эти манипуляции в итоге потребовалось куда больше усилий, чем если бы я всё делал сам.

— Баттерс, ты собираешься раскромсать мой смокинг?

— Просто сиди смирно, — ответил он, достав из своей сумки с инструментами пару безопасных ножниц.

— Потрясающе, — улыбнулся я. — Я просто прикрою глаза на минуту.

— Кэррин, ты не могла бы побыть вместе с Энди? Пожалуйста. И так достаточно плохо, что я работаю с ним в таких условиях. Не хочу, чтобы меня случайно толкнули под локоть.

— Хорошо, — ответила она. — Мы будем в гостиной.

— Ладно, Гарри, — сказал Баттерс. — Дай мне поработать.

— Как у тебя дела с Энди? — спросил я. — Всё ещё хорошо?

Он никак не отреагировал на мой вопрос о его девушке:

— Попробуй не двигаться.

Я так и сделал. Серьга пульсировала, волны успокаивающего холода накатывали чуть быстрее, чем утром. Баттерс чем-то ткнул в первое пулевое ранение, и я отметил, что это наверняка было бы адски больно без присутствия Зимы в моём усталом теле. Я приоткрыл глаза на достаточное время, чтобы увидеть, как он промывает рану инструментом с пластиковой трубкой с чем-то вроде антибиотика.

Которая проходила прямо сквозь дыру в моей ноге.

Я вздрогнул и вновь закрыл глаза.

Первый день работы с рыцарями Тёмного динария, а я уже подстрелен, потрёпан парочкой отвратительных мерзких тварей — и это всё ещё были относительно простые и безопасные части всей операции.

У меня было дурное предчувствие, что день второй будет ещё хуже.

Глава 13

«Открой глаза, придурок. Она прямо перед…»

Я оторвал голову от стола и мигнул. Пугающий злобный голос звучал в моём ухе ясно как день.

— Чего?

Уже прошло какое-то время. Баттерс стоял у раковины и мыл свои инструменты. Он остановился, недовольно посмотрел на меня через плечо и произнёс приказным тоном:

— Ложись!

Я так и сделал. Серёжка жгла как кусочек льда, такого холодного, что мне трудно было не задрожать.

— Ты что-то сказал? — спросил я Баттерса.

— Нет, — нахмурился он. — Ты слегка не в форме, и я дал тебе отдохнуть.

— Кто-нибудь ещё здесь есть?

— Нет, Гарри.

— Я мог бы поклясться…

Он выжидательно посмотрел на меня, подняв бровь:

— Поклясться в чём?

Я тряхнул головой.

— Приснилось, наверное.

— Ладно, — не стал спорить Баттерс.

— Ну, что, док, жить я буду?

Он фыркнул:

— Инфекция остановлена, с тобой всё *должно быть* в порядке. Нет, что я говорю… ты должен быть в больнице под капельницей и ещё неделю соблюдать постельный режим. Но, зная тебя, ты, наверное, всё равно будешь продолжать делать все эти идиотские и опасные вещи, которыми ты там сейчас занимаешься. Но теперь тебе, скорее всего, не грозит умереть от кровопотери в процессе.

Я приподнял голову достаточно, чтобы осмотреть себя. На мне не было одежды кроме брюк, от которых отрезали практически всю правую штанину. Получай, бюджет, который Никодимус выделил на ограбление. Несколько порезов было перевязано. На двух из них красовались свежие швы, как и по обеим сторонам дыры в ноге, вместе — около дюжины, и…

— Ты что, заклеил порезы *суперклеем*?

— Суперклей и швы, а если бы я нашёл способ всё клейкой лентой обмотать, то сделал бы и это тоже.

— Я возьму с собой моток, просто на всякий

случай, — ответил я. — Ну что, мне уже можно одеваться?

Он вздохнул:

— Попробуй не двигаться слишком резко, ладно? И будь осторожнее когда встаёшь. Не думаю, что ты потерял слишком много крови, но какое-то время ты можешь чувствовать головокружение.

Я осторожно встал, нашёл свой вещмешок и вытащил из него комплект чистой одежды. Затем скинул с себя остатки смокинга и принялся одеваться.

— Так чем ты *сейчас* занимаешься? — поинтересовался Баттерс. — Кэррин была ещё неразговорчивей, чем обычно.

— Будет лучше, если я пока не стану тебе рассказывать, — ответил я. — Но прежде чем я сделаю что-то ещё, мне нужно вернуть долг.

Он непонимающе нахмурился:

— Что?

Я закончил одеваться, снова заглянул в мешок и вытащил оттуда кусок дерева. Мне потребовался целый месяц работы и несколько неудачных попыток, чтобы добиться правильных пропорций, но в конце концов я смог вырезать почти точную копию человеческого черепа. Затем я выдолбил его с помощью инструментов, сделанных

из нескольких изогнутых и заострённых фрагментов оленьего рога, который нашёл для меня Альфред. Ну а потом принялся за работу. И теперь деревянный череп был покрыт аккуратными плотными рядами рун и символов, напоминающих надписи на моём посохе.

— У меня ушло четыре месяца, чтобы сделать его, — сказал я и протянул череп Баттерсу. Я не знал, кто ещё был в доме и сколько они могли услышать, поэтому не хотел вслух упоминать имя Боба. Дух-советник был слишком ценным и уязвимым созданием, чтобы кричать о нём направо и налево.

— Передай это нашему общему другу и скажи, что теперь мы в расчёте. Он скажет тебе, что с этим делать.

Баттерс моргнул несколько раз:

— Это то… что я думаю?

Я подошёл к нему ближе и понизил голос до полушёпота:

— Запасной сосуд для него, — подтвердил я. — Не столь шикарный, как тот, что у него есть, но должен защитить от восхода солнца и дневного света, если потребуется. Я заключил с ним сделку и плачу за неё.

— Гарри, — произнёс Баттерс в ответ, медленно

покачав головой. — Уверен, что он будет очень доволен.

— Нет, не будет, — я фыркнул. — Он будет жаловаться и причитать по поводу того, насколько моя поделка примитивна. Но она у него *будет*, вот что важно.

— Спасибо, — поблагодарил меня Баттерс подчёркнуто вежливым голосом и убрал деревянный череп в свою сумку. — Я ему передам.

Я пару раз моргнул:

— Э-э, старина? Ты в порядке?

Он смотрел на меня какое-то время, а затем вернулся к раковине и продолжил мыть свои штуковины:

— Это был долгий год, — ответил он. — И я мало спал. Вот и всё.

Это было не всё. Ну, я, конечно, не гений в отношениях, но он явно был чем-то озабочен.

— Баттерс?

Он покачал головой, и его голос прозвучал твёрже и суше, чем я ожидал:

— Тебе нужно прекратить задавать столько вопросов, Гарри.

— Ага, и ещё мне нужно есть побольше овощей, — парировал я. — Но давай смотреть правде в глаза. Этого не будет никогда. Так в чём же

дело?

Он вздохнул и сказал:

— Гарри… Ты когда-нибудь читал «Кладбище домашних животных»?

Я нахмурился:

— Ну да, давным-давно… — мой желудок подпрыгнул. — Что ты хочешь сказать? Что я вернулся с того света другим?

— Ты был *мёртв*, чувак, — ответил Баттерс. — Люди были… Слушай, когда ты был здесь, ты был своего рода шерифом в городе, во многих смыслах. Ты умер, и *всё* в Чикаго пошло наперекосяк. И не только с фоморами. Вокруг снуют вурдалаки. Из Подземного города полезла всякая дрянь. Вампиры начали массово похищать людей. Даже обычные люди начали замечать неладное. Молли делала, что могла, но цена, которую ей пришлось за это платить…

Пока он говорил, я не сводил глаз с его лица. Его взгляд был где-то далеко отсюда, руки двигались всё медленнее:

— И тут появился твой призрак, это было… ну ты понял. Странно. Но мы сочли, что ты жил не так, как остальные. Значит, и умер ты не так, как обычный человек.

— Технически, я был при смерти, а не мёртв… —

начал я.

— Ты нам как-то этого не сказал тогда, — ответил Баттерс.

Я открыл рот и снова закрыл. Он был прав. Я не сказал. Я имею в виду, что тогда я этого не знал, но у него было полно времени, чтобы начать думать обо мне в прошедшем времени.

— И вот, когда всё становится только хуже и хуже, ты объявляешься вновь, — он слабо улыбнулся. — Представь только, крутой старший брат Гарри вернулся из мёртвых! Думаю, тебе и не понять, что это для нас значило. Ты так долго владел немалой силой, что теперь едва ли можешь себе представить, каково это — ходить по улицам без неё. Ты не знаешь, на что это похоже — просто беспомощно наблюдать, как с людьми происходят страшные вещи, а ты можешь только шнырять вокруг и почти никогда не способен кому-то помочь. — Он издал короткий горький смешок: — Да, череп мог поведать мне о чём угодно. Но я не уверен, что это хоть сколько-нибудь лучше — знать, что творится вокруг, не имея сил что-то изменить, а лишь украдкой пытаться сделать хотя бы малость, да и то, если выпадет случай… но когда это действительно нужно, случай почти никогда не выпадает.

— Баттерс… — начал я.

Он не слышал меня:

— Дела идут всё хуже и хуже, и тут внезапно защитник возвращается, когда ты думал, что он ушёл навсегда, — он покачал головой, и на его глаза навернулись слёзы. — Это была как доза чистой надежды, мужик. Супермен снова надел свой плащ. Шериф снова вернулся в город.

Я наклонил голову. Я был уверен, что знал, что последует за этим, и мне это ни капельки не нравилось.

— Если не считать того, что в город ты так и не вернулся, — продолжил он. — Ты остался на Страшном Острове. И не стал делать вообще ничего. А затем исчезла и Молли, и мы остались *совершенно* беспомощны. Знаешь, в прошлом году Уилл и Джорджия угодили в больницу. Какое-то время мы даже не знали, выкарабкаются ли они. А у них теперь маленькая девочка. Она едва не осталась сиротой. Каждый из нас потерял кого-то за последние пару лет, ну или знает кого-то, кто потерял. А ты все оставался на Страшном Острове.

— Мне пришлось, — ответил я.

Баттерс стиснул челюсти:

— Постарайся посмотреть на это моими глаза-

ми, Гарри, — сказал он. — Уже с Чичен-Ицы ты не был собой. Ты хоть это понимаешь?

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Ты заключил сделку. С *Мэб*, — просто ответил он. — А потом, как мы думали, умер. Объявился твой призрак, что только подтверждало твою смерть, и заставил нас действовать. Потом ты объявился снова, живой, только теперь у тебя были эти жуткие силы Зимних фейри. А на *следующий* же день исчезла уже Молли, тоже обзаведясь этими жуткими силами Зимних фейри. Ты тоже снова пропал на целый год, поселившись на острове, где никто не мог до тебя добраться, а от тебя не было ни вестей, ни помощи. Тебя не было *здесь*.

Он впервые взглянул мне в глаза:

— Это не *ты*. Не тот ты, которого мы знаем. Парень, который приходил играть с нами в настольные игры каждую неделю. С кем мы ездили смотреть кино под открытым небом.

Я засунул руки в карманы.

— Я знаю, что с людьми случается всякое, — продолжил он. — И возможно, у тебя были важные причины сделать то, что ты сделал. Но… по большому счёту тебя здесь просто *некем* заменить. Мы теряем людей. Детей. Старых друзей. Чёрт по-

бери, какое-то время тут даже водилась пакость, убивающая *домашних животных*. — Он вернулся к мойке своих инструментов. — Этого всего достаточно, чтобы сделать человека несколько циничным. И тут ты снова объявляешься и не говоришь о том, чем занят на этот раз. Люди беспокоятся о том, что ты можешь склониться к злу, как это сделали Зимние рыцари до тебя. — Он обернулся ко мне, тяжёлый взгляд его тёмных глаз был наполнен болью. — И когда ты садишься, чтобы тебя залатали, что ты делаешь в первую очередь? Эй, Баттерс! Как дела, Баттерс? Извини, что избил твою подругу! Не хотел раздолбать твой компьютерный зал, мужик! Нет. Первое о чём ты начинаешь говорить, это *об уплате долга. Как один из этих долбаных фейри*.

Холодный озноб прошёлся по моему животу. У Баттерса не было всех фактов, он не знал всю историю, но…

Он не ошибался.

Он начал ожесточённо сваливать свои вещи в сумку, но голос его оставался спокойным:

— Я боюсь, мужик. Всё, что я знаю о происходящем, страшно меня пугает. Так что скажи мне, Гарри: я должен волноваться, что Супермен загулял вместе с Лексом Лютором? Если я узнаю

побольше о том, во что ты втянул Кэррин, я буду меньше волноваться? Потому что мне кажется, я больше тебя не знаю.

Прошло почти пятьдесят секунд, прежде чем я смог ответить.

— Ты не будешь меньше волноваться, — ответил я тихо. — И я всё ещё не хочу тебя в это посвящать.

— Это честно, — сказал он и пару раз кивнул. — Ну, по крайней мере, мы знаем хоть что-то. Там апельсиновый сок в холодильнике. Выпей. Тебе нужно пить больше жидкости в следующие несколько дней.

Затем Баттерс взял свою сумку и вышел из кухни.

Он выглядел почти таким же усталым, каким я себя чувствовал. Я видел, как он боялся, и как изнурял его этот страх. У него были сомнения. Что в нашем мире было, в общем-то, умно. У него были сомнения насчёт меня. Это было неприятно, но объяснимо. И, может быть, тоже умно. И он не скрывал свои сомнения. Это требовало смелости. Если бы я действительно превращался в монстра, то делиться со мной этим было, как рисовать на лице огромную мишень. Но он всё равно сделал это, потому что не был уверен, и

был готов рискнуть.

И, что куда важнее, когда мне нужна была его помощь, он появлялся и помогал.

Баттерс был отличным парнем.

И он не ошибался.

Я слышал тихую беседу в гостиной, между Баттерсом, Кэррин и другим женским голосом, наверняка принадлежащим Энди. Сразу после этого входная дверь открылась и снова закрылась. Тишина пустого дома окутала всё вокруг.

В дверях появилась Кэррин.

— Ты всё слышала, не так ли? — спросил я.

— Да, — подтвердила она. — Слышала.

Она подошла к холодильнику, открыла его и достала пакет с апельсиновым соком. Достала пластиковый стакан из шкафа и наполнила до краёв. Потом передала сок мне.

Я поморщился и отпил немного, потом опустил взгляд.

— Ты согласна с ним?

— Я могу его понять, — ответила она.

— Но согласна ли ты с ним?

— Я тебе доверяю, — сказала она.

Три слова. Важных. Особенно от неё. На мгновение они заполнили всю комнату, и я почувствовал, как тугой узел в груди стал немного слабее.

Я посмотрел на неё и криво улыбнулся. Она ответила тем же.

— Возможно, тебе не стоит этого делать, — заметил я.

Её улыбка расширилась, и в уголках её глаз появились морщинки.

— Возможно, я уже большая девочка и могу решать за себя сама.

— Может и так, — допустил я.

— Это был нелёгкий год, — сказала она. — Они устали и напуганы. Иногда люди теряют веру. Они придут в себя. Вот увидишь.

— Спасибо, — тихо ответил я.

Она опустила ладонь мне на руку и на секунду сжала, а затем убрала руку:

— Я устроила Вальмон в гостевой спальне. Ты ляжешь в моей комнате, а я — на диване.

— Нет, я лягу на диване, — возразил я.

— Ты на нём не поместишься, балда. И ты не забыл, что это тебя сегодня подстрелили? И если мы собираемся осуществить задуманное, мне нужно, чтобы завтра ты был в как можно лучшей форме.

Я поболтал апельсиновый сок в стакане. Она дело говорила.

На пороге появился Мистер и бросился к моим

ногам. Я отставил больную ногу назад, чтобы его плечо врезалось только в левую голень, затем нагнулся и почесал его рваное ухо:

— Где тебя носило, комок шерсти?

— Это забавно, — сказала Кэррин. — Он исчезает, стоит только тут появиться Энди.

Я вспомнил полный хаос, устроенный когда-то в гостиной моей старой квартиры, и улыбнулся:

— Может, она просто не кошатница.

— Пей свой сок, — напомнила она. Я выпил. Она снова наполнила стакан и проследила, чтобы я выпил и его.

— Хорошо, — сказала она. — Вальмон уже легла. Иди спать. Завтра нам рано вставать, и ты мне понадобишься хорошо отдохнувшим.

Я и сам знал, что Кэррин права. В такой ситуации лишать себя жизненно важного отдыха без всяких на то причин — смерти подобно. Кроме того, за сегодня я и так уже сделал достаточно. Утро вечера мудреней.

Я отправился в спальню Кэррин, но проходя через гостиную остановился.

На кофейном столике лежали пушки. Куча пушек, выложенных на ткани, вычищенных и прислонённых к ближайшему стулу, где для них уже была приготовлена сумка. Здесь был и люби-

мый маленький бельгийский карабин Кэррин, и что-то, напоминающее пару бластеров.

— Новые игрушки? — поинтересовался я.

— Я же девочка, Гарри, — не без самодовольства ответила она. — Люблю всякие побрякушки.

— Это что, базука?

— Нет, — ответила она. — Это гранатомёт AT4. Намного лучше, чем базука.

— На тот случай, если мы соберёмся поохотиться на динозавров?

— Какая работа, такие и инструменты.

— Можно я с ним поиграю?

— Нет, тебе пора в постельку.

Она расположилась на кушетке и начала разбирать один из своих пистолетов. На мгновение я замер в нерешительности. Какое я имею право втягивать её в ту заваруху, которую собирался начать?

Я быстро загнал эту мысль подальше, но тут же всплыл другой вопрос. Могу ли я прямо сейчас вывести её из этого дела?

Кэррин посмотрела на меня и улыбнулась. Она собрала оружие так быстро и автоматически, как другие люди надевают ботинки.

— Увидимся утром, Гарри.

Я кивнул. Лучший способ убрать её с линии

огня — это приняться за дело и закончить его. Она не перестанет мне помогать, даже если я её попрошу. *Хватит ходить вокруг да около, Гарри, начинай игру и сделай так, чтобы Никодимус и его компания больше никогда не смогли причинить ей вред.*

— Ага, — ответил я. — Увидимся утром.

Глава 14

Как бы Зимняя мантия не поддерживала меня во время боя, она, похоже, совершенно переставала мной интересоваться, как только я оказывался в безопасности.

У меня было слишком много швов, чтобы лезть в душ, но я помылся, как мог, при помощи мочалки, раковины с тёплой водой и капельки мыла, а затем рухнул в постель. Примерно через десять секунд отступившая было на задний план усталость навалилась с новой силой, жжение и тупая боль от десятков порезов и опухших ушибов вновь дали о себе знать.

Я слишком устал, чтобы обращать на это внимание. Я целых полторы минуты раздумывал, стоит ли встать и поискать аспирин или что-то вроде, а потом сон подкрался ко мне и, ударив исподтишка, отправил в нокаут.

Мне снился сон.

Это был один из тех лихорадочных снов, шумный, яркий и бессвязный. Я не помню всех деталей. Просто я никак не поспевал за происходящим. Как только мои глаза фокусировались на

чём-то — все изменялось. Как только я догонял действие — оно, хохоча, улепётывало в другом направлении и оставляло меня. Я отчаянно пытался развернуться в нужную сторону и поймать ритм, но казалось, что мои ноги застряли в грязи. В то же время на некотором расстоянии я видел других Гарри Дрезденов, и каждый из них танцевал собственный путаный танец параллельно со мной. И иногда мы останавливались, чтобы помахать друг другу и обменяться жалобами.

Ближе к концу сна я обнаружил, что еду по какой-то дороге в моем старом разноцветном «фольксвагене» по прозвищу Голубой Жучок, продираясь вперёд через сильный дождь. Моя ученица Молли сидела рядом со мной.

Молли было чуть за двадцать, и она была прекрасна, хотя по-прежнему выглядела немного худоватой на мой вкус. Её волосы, цвет которых постоянно хаотично менялся с тех пор, как она стала подростком, теперь были длинными и почти белыми. Она была одета в старые модельные джинсы, синюю футболку с выцветшей символом вторичной переработки и сандалии.

— Я ненавижу такие сны, — пожаловался я. — Никакого сюжета, просто набор случайных странных событий. Этого мне хватает и наяву.

Она посмотрела на меня с испугом и несколько раз моргнула:

— Гарри?

— Конечно, я. Это же мой сон.

— Нет, не *совсем*, — сказала Молли. — Как ты это делаешь?

Я на мгновение оторвал руки от руля, чтобы театрально пошевелить всеми десятью пальцами и зловеще протянуть:

— Я — чародей!

Молли разразилась весёлым смехом:

— О боже, это что, случайность? Ты наконец выбрался с острова? Как твоя голова?

И тут я тоже заморгал:

— Постой-ка. Это ты, Молли?

— Я, — сказала она с улыбкой и потянулась через салон. Она на секунду обернула руку вокруг моей шеи и склонила голову мне на плечо в быстром объятии. Прикосновение было тёплым, что выходило за рамки нормальных ощущений во сне. Чувство чужого присутствия было таким отчётливым, что не вызывало сомнений. — Ух ты! Так приятно тебя видеть, босс.

— Ух ты! — повторил я. — Как же это происходит?

— Хороший вопрос, — сказала она. — С Ново-

го года на меня нападали во сне, наверное, раз пятьдесят. Я думала, что моя защита держится довольно крепко.

— Нападали? Кто? — спросил я.

— А-а-а, — протянула она небрежно, — в основном сидхе.

— Подожди, разве ты не их принцесса?

— Во плоти — да, — глаза Молли сверкали. — Но во сне они могут приходить ко мне анонимно, поэтому каждый панк думает, что он крут. Это как Интернет для фейри.

— Вот уроды.

— Ну, не совсем, — возразила она. — Послушай, Гарри, Мэйв была действительно очень, *очень* грозной Зимней леди. Теперь я получила эту работу. Сидхе просто хотят убедиться, что я для неё гожусь. Они меня так проверяют.

— Приходя во сне?

— Тихонько, когда Мэб не видит, — ответила Молли. — Это вообще-то напоминает мне, как моя мама оставляла меня дома следить за всеми моими маленькими братьями и сёстрами. Только с более преступными намерениями.

Я моргнул и издал короткий смешок.

— Ты улыбаешься — это хорошо. Они наступают. Я даю им пинка. Ничего личного, — про-

должила она. — Потом я возвращаюсь к своей работе. Из-за которой, кстати, от меня и не было никаких вестей. Прости. Ещё лет полтораста, и я стану делать её так же хорошо, как Мэйв. А у тебя какие оправдания?

— Я посылал тебе гонцов каждый день последние шесть месяцев, — ответил я.

Глаза Молли расширились, затем сузились:

— Мэб.

— Мэб.

— Гр-р-р, — протянула она. — Я тебе была нужна?

— Позавчера. Эта штука в голове собирается убить меня в ближайшие несколько дней. Предел Демона считает, что ты можешь помочь. Очевидно, и Мэб тоже так считает.

Голубые глаза Молли стали ледяными.

— Иначе она не перехватывала бы твоих гонцов. Сука. Если бы я знала… — она прикусила нижнюю губу. — Она поручила мне работу, которую я не могу бросить прямо сейчас.

— Раздражает, правда? — спросил я.

— Я сейчас под двумя милями льда. Целый день сюда добиралась. Вот почему я сейчас сплю. Что у тебя происходит?

Я ей рассказал.

— О боже, Гарри! Никодимус? А Саня уже там?

— Нет, — ответил я и тут же поправился: — Пока нет.

— Рыцарь Меча будет там, — пообещала она. — Он всегда появляется. И я отправлюсь в путь…

На её лице появилась досада, и в то же мгновение всё начало мелькать. Я внезапно оказался посреди небольшого стада Голубых Жучков, в каждом из которых сидели немного разные версии Гарри Дрездена и Молли Карпентер. Я ехал между другими «фольксвагенами» как лыжник на слаломе.

— …как только смогу… — издалека прозвучал голос Молли. И вот я уже ехал один.

Движение становилось всё плотнее и беспорядочней. А затем раздался громкий визг шин и скрежет гнущегося металла, появился яркий свет и ощущение вращения и падения в преувеличенном и грациозном темпе замедленной съёмки.

Радио громко шумело от статических помех, и женский голос бубнил тоном комментатора новостей: «…другие новости. Гарри Дрезден, чародей из Чикаго, слепо несётся навстречу собственной гибели, потому что отказывается признавать простые и очевидные истины, лежащие прямо перед ним. Дрезден игнорировал несколько явных

предупреждений, и в результате, как ожидается, погибнет в ближайшие сорок восемь часов…»

* * *

Я вытянул себя из сна и сел в кровати, весь дрожа и покрытый потом, мои инстинкты взвыли, предчувствуя опасность и подсказывая мне, что в комнате я больше не один.

Мои инстинкты оказались правы ровно наполовину.

Кэррин практически бесшумно прикрыла за собой дверь и мягко подошла к кровати, освещённая тусклым светом уличных фонарей. На ней была длинная полинявшая футболка чикагской полиции, а волосы она связала в простой конский хвост. В руке она сжимала свой любимый «Зиг», стволом вниз.

— Эй, — прошептала она, встав возле кровати. — Я услышала какой-то шум. Ты в порядке?

Я протёр глаза одной рукой. Неужели Молли мне приснилась? Только лишь сон? Или это было нечто большее? Я знал, что множество безумных вещей становятся возможными во сне, и я знал, что этот *казался* невероятно реальным, но это не значит, что он *был* реален.

— Сны, — пробормотал я. — Извини, не хотел

тебя будить.

— Я всё равно не спала. Ты что-то бормотал и ворочался.

Я услышал, как она положила «Зиг» на прикроватный столик. Она была в каких-то полутора футах от меня, что позволило мне уловить исходящий от неё аромат. Запах чистой одежды из прачечной, дезодоранта с каким-то цветочным ароматом, намёк на загорелую под лучами солнца кожу, а также еле уловимый запах средства для чистки оружия. Секунду спустя она положила руку мне на лоб.

— У тебя температура, — отметила она. — Сны при лихорадке самые противные. Сядь прямо.

Она пошла в ванную и вышла оттуда минуту спустя с водой в пластиковом стаканчике и четырьмя таблетками.

— Ибупрофен, — пояснила она. — Как твой живот?

— Отлично, — пробормотал я. — Что меня действительно беспокоит, так это порезы и синяки.

Она передала мне таблетки и воду, я закинул всё в себя и поставил стаканчик на стол:

— Спасибо.

Она взяла стаканчик и повернулась, чтобы выбросить его в мусорное ведро, а свет из ванной

осветил сильные рельефные мускулы её ног. Я постарался не замечать, насколько мне понравилась данная картина.

Но Кэррин всё заметила.

Она застыла в этой позе, наблюдая из-за плеча, как я наблюдаю за ней. Затем она повернулась и потянулась за дверь ванной, чтобы выключить свет. Это позволило лицезреть ещё больший участок её ног. Затем свет погас, и мы оба оказались в темноте. Она не двигалась.

— Твои глаза, — тихо произнесла она. — Ты смотрел на меня так лишь несколько раз. Так… пристально.

— Извини, — ответил я. Мой голос показался мне грубоватым.

— Не нужно, — ответила она. Тихо зашуршала одежда. Я почувствовал её вес на краю кровати. — Я… я думала о том, о чём мы говорили в прошлом году.

В горле у меня резко пересохло, а сердцебиение ускорилось:

— Что ты имеешь в виду?

— Это, — сказала она. Её рука коснулась моей груди и скользнула к челюсти. А затем её вес переместился на кровать чуть дальше, и её губы встретились с моими.

Это был отличный поцелуй. Медленный. Тёплый. Её губы были мягкими и нежными и исследовали мои нежными же волнами. Я слышал, как ускоряется её дыхание, её пальцы впились в мои волосы, царапнув короткими ноготками по коже головы, а затем опустились вниз через шею на плечо.

Желание наполнило меня внезапной волной жара и животной потребности, а Зима пробудилась во мне, требуя удовлетворить эту потребность. Каждый инстинкт в моём теле говорил мне, что Кэррин рядом — тёплая, настоящая, прижимающаяся к моему телу всё плотнее всего через один тонкий слой ткани — и что я мог взять её.

Я не шевелил руками. Но оторвался от поцелуя с мягким стоном и выдавил:

— Кэррин.

— Я знаю, — ответила она, тяжело дыша и не отстраняясь, её горячее дыхание обдавало мою кожу. — Эта штука, которую ты получил от Мэб. Она тебя подталкивает. Я знаю.

Затем она взяла мою руку и устроила себе на бедро. Через секунду она опустила её ниже, под футболку, а затем повела вверх. Я чувствовал мягкость её кожи, гибкие мускулы её бедра и его

изгибы, пока она продолжала вести мою руку вверх к талии.

Под футболкой у неё ничего не было.

Я неподвижно застыл. Это была единственная альтернатива стремительным животным действиям.

— Что? — выдохнула она.

Что-то во мне, не имеющее ничего общего с Зимой, вопило, чтобы я не останавливался, призывало начать двигать пальцами, стянуть в сторону футболку и исследовать дальше. Я нещадно забил этот позыв мысленной дубинкой.

Она была слишком важна для меня. Я не мог довериться своим причиндалам в решении подобных вопросов.

К сожалению, моя голова отказывалась озвучивать мои мысли через рот:

— Ты не… Я не уверен, что я могу… Кэррин, я *хочу* этого, но…

— Всё в порядке, — тихо ответила она.

— Я не уверен, — снова произнёс я. Я хотел её. Но я хотел, чтобы в этом участвовало не только желание. Я мог обладать ей, если бы захотел — бездумный секс ради секса точно не являлся редкостью среди Зимних сидхе.

Но подобное могло оставить от вас лишь пу-

стую оболочку, если вы позволите желанию собой управлять. А у Кэррин была и храбрость, и верность, и сердце, и мозги, и ещё столько всего куда большего, чем примитивная потребность и желание.

Я пытался объяснить это. Слова быстро и бессвязно вылетали из моего рта. Я даже не уверен, что в правильном порядке.

Ещё немного послушав эти неуверенные протесты, она скользнула рукой по моим губам. Я слышал улыбку в её голосе, когда она заговорила:

— У меня был год, чтобы подумать об этом, Гарри. И я не хочу проснуться однажды и понять, что мне было слишком страшно сделать следующий шаг. — Она наклонилась и поцеловала одно из моих век своими нежными губами. — Я знаю, что ты хороший человек. И у меня никогда не было друга лучше тебя. — Она снова наклонилась и поцеловала другое веко. — И я знаю, что ты уже долгое время один. Как и я. А я прямо здесь. И я хочу этого. И ты этого хочешь. Так может ты наконец заткнёшься и *сделаешь* с этим что-нибудь?

Мои пальцы согнулись сами собой, наслаждаясь теплом и текстурой мягкой и упругой кожи на изгибе её бедра, а она задрожала и испустила

небольшой приглушённый вздох.

Это вконец меня распалило. Я обнял её второй рукой и усадил на себя. Кэррин состояла из мускулов, но она всё же была невысокой, а я был намного сильнее, чем в любой другой период своей жизни. Я устроил её сверху, её груди прижались к моей груди через ткань футболки, а я сжал свои руки на её пояснице, ведя их вниз, чувствуя сплошную мягкость и тепло и вызвав у неё ещё один полный желания стон.

Я застонал и произнёс:

— Я не знаю, смогу ли я контролировать… Я не хочу сделать тебе больно.

В ответ она снова накрыла мой рот своим, и этот поцелуй обжигал, словно чистый, голодный огонь. Я ответил с тем же жаром, наши языки сплетались в танце, а она начала руками и ногами стягивать вниз разделявшую нас простыню.

— Я сражалась с викингами, Гарри, — прорычала она. — Я не стеклянная. Тебе нужно это. *Нам* нужно это. *Заткнись* уже, Дрезден. — Затем её губы снова впились в мои, и я перестал думать о чем-либо ещё.

Поцелуй становился всё жарче, её руки — смелее. Я потерял счёт тому, сколько раз водил пальцами вверх и вниз по её спине под футболкой, от

затылка вниз через гибкие мышцы спины, затем через изгибы бёдер и обратно, снова и снова, кожей по коже. Её рот бродил по моей челюсти, уху, шее, посылая импульсы желания по телу, пока напряжение не стало почти невыносимым.

Я зарычал и перевернулся, подминая её под себя, от чего она резко втянула в себя воздух. Я поймал её запястья и вжал их в матрас, крепко держа, а затем заскользил вниз по её телу, пока мой рот не оказался между её ног. Она была сладкой и тяжело дышала, пока я исследовал её губами и языком, все больше распаляясь от каждой волны дрожи, пробегавшей по её телу, от всё более неистовых движений её бёдер, от того, как она выгибала спину. Она выкрутила запястья, пытаясь опереться на них в своих движениях… а затем её дыхание резко оборвалось, а тело выгнулось дрожащей дугой.

Несколько секунд спустя она жадно вздохнула, ёрзая и содрогаясь от ощущений, и я снова увидел её лицо в неверном свете уличных фонарей. Оно покраснело от страсти, глаза были закрыты. Я был возбуждён, настолько возбуждён, что дальше сдерживаться было больно, и я снова поднялся выше, на этот раз прижав её запястья у неё над головой.

— Да, — прошипела она. — Прямо сейчас. Пожалуйста.

Господи, иногда самой сексуальной вещью, которую женщина может дать мужчине является разрешение.

Мне не нужно было повторять дважды.

Она была скользкой от пота и горячей, и я едва сдерживался от того, чтобы просто взять и войти. Какая-то крошечная часть меня смогла немного замедлить события, когда я начал входить в неё… пока она не подняла ноги и не вдавила пятки в мои бедра, заставляя войти глубже.

После этого я и не пытался сдерживаться.

Она выкрутила запястья из моей хватки и обхватила меня руками за шею. Она отчаянно тянула меня ниже, и разница в нашем росте не позволяла мне добраться ртом до её рта и не выйти из неё при этом. Но я сумел. Наши губы сливались в страстном поцелуе, наше дыхание смешивалось, пока тела двигались в одном ритме. Она извивалась в моих объятиях, её глаза закатились, когда она снова выпрямилась, а затем её спина резко изогнулась дугой ещё раз, и Кэррин издала тихий, тихий стон и задрожала. Я не остановился, когда она рухнула на кровать после оргазма, но она только больше распалилась

от этого, её тело двигалось навстречу каждому толчку:

— Сейчас, — выдохнула она. — Не сдерживайся, только не сдерживайся.

И вдруг я не смог и не захотел сдерживаться. Я упёрся руками в кровать, оторвавшись от её тела, и мог думать только о том, как мне было хорошо и как всё росло и росло удовольствие.

— Да, — снова прошипела Кэррин. — Давай же.

Я достиг пика, дрожа…

…И почувствовал, как что-то холодное и твёрдое упёрлось мне в висок.

Я открыл глаза и увидел, что она приставила к моей голове свой «Зиг». В этот момент над её бровями открылась ещё одна пара глаз, горящих дьявольским лиловым огнём, а на лбу проступил пылающий тем же цветом символ, напоминающий по форме песочные часы.

Её голос изменился, стал ниже, богаче и чувственней.

— В самом аду нет фурии страшнее, чем женщина, которую отвергли, — промурлыкала она.

И нажала на курок.

* * *

Я сел в постели Кэррин, пытаясь сдержать рвущийся крик.

Я моргнул несколько раз, пытаясь собраться с мыслями и прогоняя сон. Серебряная серьга в левом ухе ощущалась, как маленький кусочек ледяного свинца, тяжёлого и арктически холодного. Я тяжело дышал, слегка вспотев, и несколько порезов горели, причиняя неудобство. Моё тело всё болело… и, что куда хуже, было до предела взвинчено из-за чувства разочарования, вызванного не до конца удовлетворённым сексуальным желанием.

Я со стоном снова откинулся на постель.

— О, да ладно, — тяжело выдохнул я. — Даже во сне облом? Это же просто, чёрт побери, смешно!

Через секунду в коридоре зажегся свет, и дверь в спальню распахнулась.

Кэррин стояла там в своей футболке чикагской полиции и свободных тренировочных шортах, держа «Зиг» в опущенной руке.

— Гарри? — произнесла она. — Ты в… — она остановилась, посмотрела на меня и подняла одну тёмно-золотую бровь.

Я схватил подушку, шлёпнул её на бедра прямо

поверх одеяла и вздохнул.

Она разглядывала меня секунду с трудночитаемым выражением лица.

— Прибереги это для ночной битвы, здоровяк, — она начала поворачиваться, но остановилась: — Но как только мы разберёмся с нашим делом…

Она снова глянула на подушку и улыбнулась. Эта была удивительная улыбка, весёлая, и в то же время озорная.

— Когда мы с ним разберёмся, нам нужно будет поговорить.

Я понял, что отчаянно краснею.

Она ещё раз улыбнулась такой же улыбкой и сказала:

— Увидимся утром.

Затем закрыла дверь и оставила меня в постели одного.

Но при мысли об этой улыбке я почему-то не возражал.

Глава 15

Кэррин, Вальмон и я явились на бойню на рассвете. Когда я поднялся по лестнице и вышел на подвесные мостки, Джордан и другой оруженосец поспешно бросились в стороны, словно подростки, застигнутые за чем-то предосудительным. При этом Джордан засовывал в карман свой маленький блокнот.

— Привет, Джордан, — весело поприветствовал я его. — Как делишки?

Он сердито уставился на меня.

Я подошёл к нему, улыбнулся и произнёс:

— Покажи мне блокнот, пожалуйста.

Джордан продолжал сердито пялиться на меня. Он оглянулся на другого оруженосца, стоящего на своём посту в сорока футах от него, на пересечении двух подвесных мостков. Другой оруженосец решительно игнорировал Джордана.

Я протянул руку и сказал:

— Просвети меня. Я собираюсь здесь стоять, пока ты не поможешь мне, или Никодимус не придёт и не увидит нас.

Губы Джордана скривились в недовольной

гримасе. Он вытащил блокнот и шлёпнул его в мою руку.

— Спасибо, — поблагодарил я, открыл блокнот на странице, где явно велись последние записи, и начал читать.

«Сейчас 10 коз».

Ответ был написан крупным тяжёлым почерком, вероятно, другого оруженосца.

«И ЧТО?»

«Одна пропала вчерашней ночью, и ещё одна за последний час. Куда они деваются?»

«ТЫ ГОВОРИЛ ОБ ЭТОМ ХОЗЯИНУ?»

«Да, конечно».

«ЧТО ОН СКАЗАЛ?»

«Ничего».

«ЗНАЧИТ, ЭТО ВСЁ, ЧТО ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ».

«Рядом с нами что-то есть. Опасное. Ты чувствуешь?»

«ЗАТКНИСЬ И ДЕЛАЙ СВОЮ РАБОТУ».

«Но что э…»

И запись кончалась резкой каракулиной.

Я закончил чтение и посмотрел на Джордана:

— Малыш, ты должен спросить себя: почему твой босс не хочет отвечать ни на какие вопросы.

Кэррин многозначительно прочистила горло.

— Нет, я хочу отвечать, — произнёс я подчёркнуто медленно, — просто не прямо сейчас, — и вернул блокнот Джордану: — Вот для чего Нику нужны козы. Он кормит кого-то.

Лицо Джордана побледнело, но он всё равно не ответил.

— Малыш, твой босс причинил вред множеству хороших людей. Убил некоторых из них.

На мгновение в памяти мелькнуло воспоминание о Широ. Старый рыцарь отдал свою жизнь в обмен на мою. Никодимус и компания убили его. Ужасным способом.

И они всё ещё должны мне за это.

Должно быть, что-то отразилось на моём лице, потому что Джордан отступил на шаг, сглотнул и одной рукой потянулся к оружейному ремню.

— Будь умнее, убирайся отсюда. Придёт время, и Никодимус пустит вас на фарш при первом удобном случае. Я не знаю, что он наобещал вам, парни. Может быть, собственную монету, однажды. Вашего личного ангела в бутылке. Я через это проходил. Всё не так, как кажется.

На лице Джордана помимо беспокойства появилось сомнение.

Думаю, не так уж много парней, взявших Тёмный динарий, смогли отказаться от него.

— Поверь мне, — продолжил я, — чтобы там вам ни говорили, от падших не стоит ждать ничего хорошего.

Я кивнул ему и пошёл дальше. Кэррин и Вальмон поспешили за мной, чтобы вместе спуститься в цех.

— Ну и что ты сейчас делал? — спросила меня Кэррин.

— Сеял семена раздора, — ответил я.

— Они фанатики. Неужели ты думал, что сможешь их тут же переубедить?

— Да, он фанатик. А ещё он ребёнок. Сколько ему, двадцать три? Кто-то должен рассказать ему правду.

— Даже если ты знаешь, что он тебя не послушает?

— Эта часть — его выбор. Но я могу выбрать рассказать ему правду. Что я и сделал. Остальное зависит от него.

Кэррин вздохнула:

— Если ему отдадут приказ, он пристрелит тебя не моргнув глазом.

— Может быть.

— Сегодня в загоне только десять коз, — заметила она.

— Ага. Охранники думают, что-то забирает их.

— Они думают? Но не видели, что это?

— Очевидно, нет.

Кэррин оглядела склад. По крайней мере десять внушительно выглядящих мужчин с оружием стояли в непосредственной видимости от загона с козами.

— Меня это немного беспокоит.

— И не говори, — ответил я. — Есть не так много способов спрятаться. Я смогу увидеть, если буду знать, куда смотреть.

— Думаешь, эта штука была с нами тут вчера?

— Ага. Вероятно.

Она пробормотала что-то себе под нос.

— Это довольно пугающе или что-то вроде. Ты можешь просто использовать своё чародейское зрение?

— Мог бы, — подтвердил я. Чародейское Зрение позволяло видеть магию и проникало сквозь любые магические иллюзии, чары или завесы, но имело свои недостатки. — Но в последний раз, как я его использовал, увидел такое, что пролежал несколько часов, свернувшись в нечленораздельно мычащий клубок. Не думаю, что мы можем себе такое позволить прямо сейчас. Мне придётся использовать что-нибудь более тонкое.

— Тонкое? — повторила Вальмон. — Тебе?

Я поморщился и заслуженно проигнорировал это замечание.

— Мистер Дрезден! — воскликнул Никодимус, когда мы добрались до бассейна света вокруг стола для переговоров. — Как раз вовремя. Хотите пончик?

Я посмотрел мимо него на стол с закусками. Он действительно был завален пончиками разных сортов. Некоторые даже с глазурью. Мой рот немедленно откликнулся небольшим водопадом слюны.

Но это были Пончики Тьмы. Дьявольские, проклятые пончики, запятнанные тёмным отродьем…

…которые, несомненно, могли быть спасены, только пройдя через очистительную огненную геенну пищеварительного тракта чародея.

Я отправился к подносу с пончиками, по дороге оглядывая всех сидящих за столом.

Никодимус и Дейрдре выглядели точно так же, как и вчера. Вязальщик и Эшер, сидевшие немного в отдалении, шептались друг с другом. Вязальщик в своём сдержанном тёмном костюме ел какое-то незнакомое мне пирожное.

Тарелка Эшер была покрыта останками пончиков. Видимо, борьба за их спасение от адского

огня уже шла полным ходом. Она снова переоделась в джинсы и свитер и собрала волосы. Несколько локонов выбились из причёски и слегка подпрыгивали при разговоре. Эшер слегка кивнула мне, когда я проходил мимо, и я ответил ей тем же.

Чуть в стороне от всех остальных за столом сидел ничем не примечательный мужчина, которого вчера здесь не было. Сильно за тридцать, если не ошибаюсь, среднего роста, выглядит крепким, как будто мышц у него было куда больше, чем казалось под джинсами и свободной дизайнерской спортивной курткой. Черты его лица были чёткими и приятными, но не по-настоящему красивыми. У него был темноватый цвет кожи и телосложение, позволяющее сойти за жителя практически любой точки Западного полушария, да и некоторых других частей света. В чёрных волосах виднелись редкие нити седины.

Одна вещь в нём не была средней — его глаза. Золотисто-коричневого цвета с вкраплениями бронзы. Но не это было самое странное. Они блестели. Это было похоже на игру света: металлический отблеск появлялся на их поверхности на секунду и тут же исчезал. Это не были человеческие глаза. Он выглядел человеком по всем

статьям, но что-то в нём было не так.

И ещё кое-что беспокоило меня в нем…

Он был совершенно расслаблен.

Никто в этом чёртовом здании не был расслаблен. Это место было тревожащим по своей сути. Пронизанным тёмной энергией. Заполненным опасными существами. Я знаю, что выглядел напряжённым. Кэррин пряталась за каменным выражением лица, но я видел волосок, отделявший её от вспышки насилия. Вязальщик выглядел так, словно пытался наблюдать за всеми сразу, чтобы благоразумно удрать в подходящий момент. Взгляд Эшер всё время метался. Никодимус и его дочь пытались излучать в эфир незаинтересованность, изображая уверенность и расслабленность, но были параноиками по своей природе. Я знал, что они готовы атаковать в любой момент. Даже Вальмон выглядела так, словно была готова броситься в любом нужном направлении, как крыса, рискнувшая на путешествие по открытому полу ради чего-то съестного.

Язык тела каждого из нас кричал, предупреждая остальных, что мы потенциально опасны или, по крайней мере, повышенно напряжены.

Но не у нового парня.

Он сидел, ссутулившись в своём кресле, с по-

лузакрытыми глазами, словно был не в силах держать их открытыми. Перед ним стоял полупустой пенопластовый стакан с кофе. От чистой скуки он выскоблил на нем решётки большим пальцем и несколько раз сыграл сам с собой в крестики-нолики. В нём не было ни намёка на жестокость или напряжённость, беспокойство или осторожность. Совсем.

И от этого волосы на моей шее встали дыбом.

Парень был то ли идиотом или безумным, то ли таким опасным, что совершенно не волновался по поводу заполнивших комнату людей. А Никодимус вряд ли нанял бы идиота или безумного на такую работу.

Я раздобыл себе пончик и кофе. Предложил Кэррин и Вальмон. Но никто из них не желал спасать пончики от развращающего влияния Никодимуса. Не каждому дано быть крестоносцем, как мне.

— Рад слышать, что вчера вечером всё прошло успешно, — начал Никодимус. — Добро пожаловать в нашу компанию, мисс Вальмон.

— Спасибо, — ответила Вальмон осторожно. — Я несказанно рада получить такую возможность.

Улыбка разрезала лицо Никодимуса:

— Да неужели?

Ответная улыбка Вальмон получилась милой и пустой. После того, как я сел, она заняла кресло рядом со мной, сделав таким образом заявление. Кэррин, как и раньше, заняла позицию позади меня.

— Полагаю, папка у вас? — спросил Никодимус.

Я полез в карман плаща и задержал там руку немного дольше, чем было необходимо, а затем выдернул папку, немного резче, чем требовалось.

Все подскочили на месте или выдали ещё какие-то неуверенные движения. Вязальщик вздрогнул. Никодимус вцепился в столешницу. Волосы Дейрдре дёрнулись, будто уже хотели ожить и заостриться. Эшер дёрнула плечом, будто собиралась вскинуть руку в защитном жесте, но вовремя остановила себя.

Новый парень продолжал излучать ленивую уверенность. Он даже улыбался, совсем чуть-чуть.

Я положил папку на стол, повернул голову к новому парню и спросил:

— А это кто?

Прежде чем ответить, Никодимус кинул на меня осуждающий взгляд:

— Прошу всех поприветствовать Гудмана Грея. Мистер Грей любезно согласился помочь нашему проекту. Я уже рассказал ему о каждом из вас.

Грей поднял свои странные глаза и обследовал стол вдоль и поперёк.

Его глаза остановились, зацепившись за Кэррин.

— Не обо всех, — сказал он. У него оказался звучный баритон и лёгкий акцент уроженца Нижнего Юга. — Уверен, что вы не упоминали эту женщину, Никодимус.

— Это Кэррин Мёрфи, — пояснил Никодимус. — Ранее работала в полиции Чикаго.

Грей долго разглядывал Кэррин и, в конце концов, произнёс:

— Видеозапись с луп-гару. Вы были на ней вместе с Дрезденом.

— Ставь машину времени на чёрт-те когда назад, — вставил я. — Та запись исчезла.

— Да, — совсем уж недружелюбно ответил Грей. — Но я ведь не с тобой разговаривал, чародей, не так ли?

Это не осталось незамеченным за столом. Повисла тишина, и все замерли в ожидании, что же случится дальше.

Самое главное, что вы усваиваете, общаясь с

людьми вроде Мэб — никогда не показывать свою слабость хищникам. Особенно если вы действительно не слишком уверенно себя чувствуете.

— Пока что. Я должен задать тебе вопрос, — ответил я. — Как думаешь, какой толщины стена позади тебя? Когда ты полетишь в неё через пару секунд, как думаешь, ты пробьёшь её насквозь или всего-навсего оставишь дырку по форме головы и плеч?

Грей моргнул и обернулся ко мне с широкой улыбкой:

— Серьёзно? Ты уже хочешь начать крушить тут всё? Ты пробыл тут всего две минуты.

Я откусил кусок пончика, проглотил (божественно), и сказал:

— Ты не самый крепкий парень, который мне попадался. Даже близко.

— Да неужели! — ответил Грей.

И хотя он даже не привстал и не пошевелился, воздух стал заметно тяжелее.

Кэррин нарушила эту хрупкую тишину, предостерегающе положив мне на плечо свою маленькую руку:

— Это я была на видео.

Взгляд Грея вернулся к ней.

— Отличный выстрел мимо уха этого идиота,

чтобы снять того парня позади него. Это требует некоторой решимости. Молодец.

— Сейчас я стреляю ещё лучше, — сказала она.

Брови Грея поползли вверх:

— Проклятье, вы что, оба мне угрожаете? — Он перевёл взгляд на Вальмон: — А ты, сестричка? Тоже хочешь к ним присоединиться?

Вальмон даже не удостоила его взглядом:

— Я тебя не знаю.

Грей фыркнул, потом ненадолго остановил на мне задумчивый взгляд и произнёс:

— Никодимус?

— Хммм?

— Чародей нужен для оставшейся части плана?

— Боюсь, что так.

— А что насчёт Мёрфи?

— Не особенно.

Грей выдохнул через нос, глаза его сверкали.

— Понятно, — протянул он, затем кивнул и обратился ко мне: — Не стоит ли нам отложить это на потом, Дрезден?

— Безусловно, — ответил я. — Никодимус?

В этот раз Ник ответил осторожней:

— Да?

— Какая польза от этого придурка?

— Только я могу провести вас туда, куда вы хотите попасть, — чопорно протянул Грей.

— Да? И почему же? Что такого ты можешь сделать?

Грей улыбнулся:

— Всё. На этой неделе я открываю двери.

— Ну, одну ты уже точно открыл, ту, что с надписью: «ХОРОШАЯ ВЗБУЧКА», — заверил его я. — И мы к этому ещё вернёмся.

Грей спокойно поглядел на меня. Затем поднялся, неторопливо прошёл вдоль стола и опустился в кресло рядом с Дейрдре и Никодимусом — ещё одно заявление. Он медленно отхлебнул кофе, глядя на Кэррин, как недавно насытившийся горный лев может смотреть на горного козлёночка, делающего свои первые шаги: со спокойным снисходительным интересом.

— Джентльмены, спасибо, что решили на время оставить свои разногласия, — вкрадчиво произнёс Никодимус, не выказывая недовольства ни местом, которое выбрал себе Грей, ни предметом его активного изучения. — Дрезден, я полагаю, вы готовы приступить к работе?

— Предполагая такое, вы рискуете выставить себя дураком, — заметил я, затем откусил от пончика и добавил: — Что ж, ладно.

— Папку, пожалуйста.

Я фыркнул и толкнул папку через стол. Никодимус тут же передал её Грею.

Грей открыл её и начал читать. Эти странные глаза пробегали страницу за страницей так быстро, будто могли ухватить содержание с одного только взгляда. Секунд через шесть-семь он уже закончил.

— Ну? — обратился к нему Никодимус.

— Для простой части этого достаточно, — ответил Грей. — Но чтобы должным образом справиться с остальным, мне необходим образец. Свежий.

— Мы добавим это к сегодняшнему списку дел, — заверил его Никодимус. Он кивнул Дейрдре, та встала и обошла вокруг стола, раздавая тонкие бумажные папки с надписью: «ДЕНЬ ВТОРОЙ».

Я открыл свою, надпись на верхнем листе бумаги гласила:

ЭТАП ПЕРВЫЙ. ПОДГОТОВКА:
ОРУЖИЕ
ЗАКЛИНАНИЯ
ВХОД.

— Сегодня нам предстоит проделать большой

объём работы, — произнёс Никодимус. — Вязальщик, я уже подготовил оружие для ваших союзников, но нам нужно проконтролировать его состояние и снаряжение. Возможно, мисс Мёрфи выразит желание с этим помочь.

— Конечно, — отозвалась та. — Почему бы и нет?

Никодимус улыбнулся.

— Мисс Вальмон, в своей папке вы найдёте схему двери в хранилище. Вам потребуется открыть её, не повреждая. Сегодня вам нужно будет продумать, как вы собираетесь это сделать, и сообщить, какое потребуется оборудование. Просто составьте список и передайте одному из оруженосцев.

Вальмон перелистнула страницу, нахмурилась и принялась изучать схему. Затем произнесла:

— Это Фернуччи.

— Да.

— Я не стану говорить, что это невозможно, — заявила она. — Но скажу, что мне ещё никогда не удавалось успешно взломать такую, и я не знаю никого, кто бы смог. Её проще взорвать.

— Но мы не будем этого делать, — спокойно ответил Никодимус. — Жизнь — это вызов. Примите его.

— Отлично, — она покачала головой. — Мы

что, в Вегас едем, что ли? Кто в этом городе станет ставить в хранилище такую дверь?

— Мы обсудим это на вечернем собрании, — сказал Никодимус. — Мисс Эшер, мистер Дрезден. Первый этап потребует от нас прорваться в охраняемое здание. Нам может понадобиться проделать в стене проход, аккуратный, без взрывов. И нам определённо понадобится что-то громкое и заметное, чтобы отвлечь внимание местной службы безопасности, пока мы будем входить. Эти задачи лягут на ваши плечи.

Я усмехнулся и посмотрел на Эшер:

— Что хочешь взять, стены или шум?

— Он сказал: «Громкое и заметное», — весело ответила она. — По мне, так это просто вопит: «Дрезден!»

— И мы не хотим, чтобы стены обрушились на нас, — еле слышно добавила Кэррин.

Я фыркнул и сказал:

— Ладно. Значит, я возьму на себя шум.

— Высвободить достаточно энергии, чтобы проделать дыру, и избежать при этом взрыва? Хитрая задача, — произнесла Эшер. — Я могу подогнать под это одно известное мне заклинание, но нужно будет некоторое время потренироваться.

— Можете тренироваться до заката, — ответил

Никодимус. — Дейрдре, ты отвезёшь мистера Грея на адрес агента и поможешь раздобыть образец.

— Нет, — встрял я. — Эти двое останутся здесь. За образцом поеду я.

Никодимус резко взглянул на меня.

Я оскалился в улыбке.

— Грей ведь оборотень, да? — спросил я. — Вы собираетесь использовать его, чтобы подменить беднягу Харви.

— А что, если и так? — спросил в ответ Никодимус. В его словах чувствовался лёд. Ему не понравилось, что я вычислил следующий шаг его плана.

— Харви живёт в моём городе, — сказал я. — Вы выпустите этих двух психов в Чикаго, а потом Харви найдут где-нибудь мёртвым. Поэтому это сделаю я. Я добуду образец, необходимый вашему доппельгангеру, никого при этом не убив.

— Ну, и в чём же тут веселье? — громко поинтересовался Грей.

— Самая весёлая часть — это та, в которой ты выживаешь, — пояснил я. — К тому же, если его смерть раскроется до окончания работы, не думаешь ли ты, что кто-нибудь сложит два и два и поймёт, на какое место мы нацелились? Так что действуем по уму.

Грей вздохнул и посмотрел на Никодимуса:

— Нет, честно. Где ты нашёл всех этих людей?

Никодимус не спускал с меня глаз.

— Согласен, — наконец изрёк он. — Действовать осторожно кажется лучшим выходом, — его тёмные глаза зло поблёскивали. — У вас троих не возникнет проблем с выполнением задания.

— Что? — спросил я.

— Грей, Дейрдре и Дрезден выполнят эту часть плана, — произнёс он. — Пока все остальные будут заняты своими делами тут, — он сделал паузу. — Если, конечно, Дрезден, ты не хочешь прекратить мне помогать.

Я заскрипел зубами. Мне ужасно хотелось врезать ему по носу — но это значило бы запятнать честь Мэб. Так что я ответил:

— Нет.

— Дейрдре и мистер Грей будут свидетелями вашей искренности.

Мой взгляд упал на Дейрдре, которая подалась ко мне с широкой, довольной улыбкой, которая делала её тёмные глаза слишком выпуклыми и обещающими бесчисленное количество всяких мерзостей. Её волосы начали скользить и елозить по пиджаку и плечам.

Грей просто смотрел на меня, спокойно улы-

баясь. Он сделал почти незаметное движение рукой, изображая, как втыкает во что-то булавку. Или, быть может, вынимает её.

— Прелестно, — пробормотал я. — Экскурсия.

Глава 16

Офис Харви располагался неподалёку от Логан-сквер, на втором этаже роскошного особняка, который он делил с банком «Джей-Пи-Морган-Чейз». Я проехал мимо и дважды обогнул сквер на чёрном лимузине Никодимуса, пытаясь выиграть время, чтобы подумать. Солнечное утро обещало перейти в умеренно тёплый весенний денёк.

— Ты буквально ездишь кругами, — заметил Грей с пассажирского сидения.

— Харви делит здание с банком, — подчеркнул я.

Грей недовольно хмыкнул.

— Какая разница? — спросила Дейрдре с заднего сидения.

— Там сидит, по крайней мере, один вооружённый охранник, — объяснил Грей. — Или даже не один. Кроме того, у них есть быстрый доступ к сигнализации для вызова местных сил правопорядка.

— Тогда давайте быстро схватим его и смоемся, — предложила Дейрдре.

— Похищение среди бела дня, — начал пере-

числять я. — На виду у всех этих прохожих, банковских работников и… — Пока я говорил, белый седан с сине-белой мигалкой и небесно-голубой полосой на боку проехал по противоположной стороне сквера. — И патруля чикагской полиции, всё время шныряющего поблизости.

Грей кивнул:

— Он прав. Нам лучше запастись терпением.

— Я не могу всё время кружить вокруг сквера, — сказал я, разворачиваясь. — Проедемся по ближайшей улице, попробуем найти место, откуда видно здание.

Дейрдре хмуро смотрела на меня из зеркала заднего вида:

— Самый простой способ — это войти, тихо его прикончить и забрать то, что нам нужно. Никто ничего не заметит, если тело не обнаружат.

— А она права, — согласился Грей.

— Ну да, просто, — сказал я. — Конечно, мы не знаем его расписание на сегодня, кто приходит в его офис, где его сегодня ждут, кто поднимет крик, если он пропадёт без вести, или что-нибудь подобное — но зачем же таким неудобным мелочам, как факты, тормозить нас?

Хмурый взгляд Дейрдре стал раскалённым. Её волосы качнулись туда-сюда несколько раз,

словно хвост возбуждённой кошки. Я проигнорировал её и медленно поехал по улице с другой стороны здания банка. Было ещё рано, и мне удалось найти парковочное место с видом на двери офиса Харви, и я неловко втиснул туда лимузин.

— Вон его автомобиль, — отметил Грей, после того, как я остановился. — Наш человек приходит на работу рано.

— Может, он любит свою работу.

— Как всё это скучно, — сказал Грей и откинулся на спинку сиденья со своими странными затуманенными и полузакрытыми глазами.

— И что? — спросила Дейрдре. — Что мы будем делать?

— Ждать развития событий, — ответил Грей.

— Харви когда-нибудь выйдет, — сказал я. — На обед, в конце концов. Мы последуем за ним, пока он не приведёт нас куда-нибудь, где нет сигнализации и роя полицейских.

Дейрдре это не понравилось:

— У нас график!

— Может, папочке стоило об этом подумать прежде, чем начинать, так и не посвятив никого в свой план, — сказал я. — Мы могли начать ещё несколько дней назад.

— Терпение, мисс Архлеоне, — посоветовал

Грей, едва шевеля губами. Его, похоже, устраивала мысль потратить кучу времени на ожидание. Ему явно было не впервой заниматься слежкой. — У нас есть немного времени, и мы всегда можем действовать напрямую, если передумаем.

И мы стали ждать.

* * *

— Почему? — внезапно спросил меня Грей пару тихих часов спустя.

— Почему что? — спросил я в ответ. Мне нужно было в туалет, но я не хотел уходить и давать этим двоим шанс сговориться и убить Харви в ту же минуту, как я отвернусь.

— Этот человек для тебя никто. Какое тебе дело, будет он жить или умрёт?

— Потому что убивать людей неправильно, — объяснил я.

Грей слабо улыбнулся:

— Нет, я серьёзно.

— Как и я.

— Случайный приступ иррациональной морали? — продолжал он свои вопросы. — Я знаю о вашей репутации, Дрезден. Вы не против убийств.

— Я убиваю, если должен, — ответил я. — Если

у меня нет на то причины, я не убиваю. Кроме того, это умнее.

Грей полностью открыл глаза и повернул голову в мою сторону:

— Умнее?

— Если кого-нибудь убить, всегда найдётся какой-нибудь человек, который примет это слишком близко к сердцу. Или даже несколько человек. Уничтожаешь одного врага и получаешь взамен ещё троих.

— Ты правда думаешь, что у Харви есть кто-то, готовый отомстить, если мы лишим его жизни? — спросил Грей.

— Есть тот, на кого он работает, — напомнил ему я. — И есть копы и ФБР. Превратим его в труп — предупредим нашу цель и приведём в движение влиятельные силы. И это может испортить нам всё дело.

— Просто убьём их тоже, — угрюмо рекомендовала Дейрдре.

— А я думал, что у нас график, — съязвил я в ответ и снова обратился к Грею: — Дело в том, что убийство почти всегда неумный ход в долгосрочной перспективе. Иногда приходится убивать, чтобы выжить… но чем чаще это делаешь, тем больше рискуешь нажить себе врагов и зарабо-

тать ещё больше проблем.

Грей, похоже, задумался на мгновение, а затем пожал плечами:

— Аргумент не совсем безосновательный. Скажи мне, чародей, защищать этого человека приносит тебе удовольствие?

— Ага.

Он поднял брови и хмыкнул.

— Отлично, теперь и ты хочешь оставить его в живых, — произнёс я, и весьма вероятно, что в моем голосе чувствовался сарказм. — Это было несложно.

Грей вернулся к ожиданию, и его глаза снова устремились в никуда.

— Мне безразлично, умрёт он или нет. Я не против убивать, если того требует дело, но зачем же делать это, когда ничего хорошего это не принесёт.

— Кажется, ты говорил, что это будет весело.

Грей обнажил зубы в улыбке:

— Обязательно. Но если что-то приятно, это еще не значит, что делать это уместно.

— Посмотрите! — сказала Дейрдре внезапно напряжённым голосом.

Я так и сделал. Три человека в пальто шли к зданию Харви. Они проигнорировали главный

вход и направились к лестнице в задней части дома. Двое из них были довольно крупными мужчинами. Третья — миниатюрная женщина.

Все трое двигались с точностью и целеустремлённостью, выдававшими в них хищников.

— Конкуренты, — отметил Грей низким рычащим голосом.

Я присмотрелся к женщине повнимательнее и бросил на Дейрдре взгляд через плечо:

— Это же не?..

Её глаза расширились, и она уверенно кивнула:

— Моя мать.

Просто фантастика.

Полония Лартесса была ещё одним рыцарем Тёмного динария, носительницей Имариэля. А ещё она была женой Никодимуса, живущей с ним врозь, колдуньей и определённо плохими новостями.

— Что она здесь делает? — требовательно спросил я.

Дейрдре не сводила с женщины глаз.

— Я не уверена. Предполагалось, что она в Иране. Считалось, что она не должна знать о том, что… — Дейрдре оборвала себя на полуслове.

Итак. Жёнушка решила вмешаться в дела Ни-

кодимуса, если верить Дейрдре, которая могла и соврать.

— Мы не можем позволить ей перехватить инициативу, — спокойно сказал Грей. Он расстегнул ремень безопасности и вышел из машины: — Пошли.

Дейрдре прикусила губу. Но все-таки вышла из машины вслед за Греем. И я вышел вместе с ними.

Глава 17

— Грей, — сказал я, догоняя его.

— Мм?

— Чем ломиться вперёд и ввязываться в драку с Тессой лучше, чем делать это с Харви?

— Ничем, — ответил он. — Но иначе мы можем его потерять. Это неприемлемо.

— Так давай не станем его терять, — предложил я. — Насколько точно ты можешь изобразить Никодимуса?

Грей сузил свои стальные глаза:

— Что ты задумал?

— Вы двое идёте в лоб и отвлекаете всех, — ответил я. — Одна большая счастливая семья. Я захожу с парадного и забираю Харви оттуда. Тихо.

Грей замер на секунду и затем кивнул.

— Я не уверен, что смогу одурачить его жену дольше, чем на мгновение. С другой стороны, тебе и нужно лишь мгновение.

Дейрдре поморщилась:

— Просто сожми губы так крепко, как только можешь, и молчи. Он всегда так делает, когда зол.

Говорить буду я.

Грей оскалился в ухмылке. Затем он подмигнул мне и просто *растаял*.

Только что рядом со мной стоял ничем не примечательный мужчина в джинсах и спортивной куртке. А уже в следующую секунду это был Никодимус — с головы до пят, чёрный костюм и всё остальное… и дело было не только во внешности. Изменилась осанка, походка, наклон головы… Грей передал всё, вплоть до подозрительного и самодовольного взгляда.

— Что ж, спасибо тебе, Дейрдре, — сказал он, в точности имитируя скрипучий голос Никодимуса. — Милое моё дитя.

Секунду Дейрдре просто таращилась на Грея, разрываясь между восхищением и отвращением, затем обратилась ко мне:

— Поторопись. Имариэль быстро поймёт, что Андуриила здесь нет.

Я кивнул и побежал. Я перескочил через большой чугунный забор позади здания (Паркур!) и поспешил вдоль переулка между зданием банка и соседним, который был не шире моих плеч, чтобы здание банка скрыло меня от Тессы и её головорезов, подражая белке, которая бегает кругами, чтобы спрятаться за стволом дерева.

Я остановился на углу, чтобы проверить и убедиться, что они скрылись из виду, обнаружил, что горизонт чист, затем припустил вдоль фасада здания и заторопился вверх по лестнице, к офису Харви, перескакивая по три ступеньки за раз.

На входной двери висела простенькая табличка: «Фидуциарные услуги Моррисона». Я зашёл и обнаружил офис, декорированный в спартанском стиле. Здесь была стойка ресепшн, за которой никого не было, и распахнутая дверь, ведущая, очевидно, в кабинет.

— Одну минуту, — прокричал кто-то из другой комнаты. — Я сейчас подойду.

Я не дал ему этой минуты. Здание было спланировано так, что чёрный ход вёл непосредственно в офис Харви, и Тесса с компанией могли заявиться в любой момент.

Офис Харви был решён так же элегантно, как и приёмная, но сильнее заставлен его рабочими инструментами — компьютерами, оргтехникой, полками и папками. Сам же мужчина сидел за столом, рукава его рубашки были закатаны. Он сгорбился над клавиатурой с зависшими над ней пальцами, и просматривал на экране какие-то графики и диаграммы.

Не успел я зайти в офис, как компьютер издал

странное жужжание, и по комнате пополз запах жжёных проводов. Секундой позже на мониторе Харви возник синий экран, испещрённый мелкими белыми буквами.

— Что за?.. — озадаченно спросил он, постукивая по монитору, и повторил: — Что? Да ты, верно, шутишь…

Он обернулся ко мне с раздражением на лице и вдруг замер, увидев выражение моего лица и мой посох.

— Э-э… А вы ещё кто такой?

— Идём со мной, если хочешь жить, — сказал я.

— Прошу прощения?

— Нет времени объяснять, — сказал я. — Это не ваша вина, но вас втянули в кое-какие тёмные делишки. Сюда идёт женщина с двумя головорезами, и они здесь не для того, чтобы предложить вам подписку на журналы.

— Что? — спросил он. — Вы записаны на приём?

— Офигеть. Да ты издеваешься? — зарычал я и двинулся к столу. — Вставай и пошли со мной.

— Послушайте-ка, молодой человек, — пробормотал Харви. — Я не позволю указывать мне в моей же собственной конторе. Если вы немедлен-

но не уйдёте, я вызову администрацию.

На танцы вокруг да около просто не оставалось времени. Поэтому я обошёл вокруг стола, схватил его за предплечье левой рукой и рывком поставил на ноги.

— Немедленно уберите от меня свои руки! — заорал он.

— Я пытаюсь помочь тебе, — сказал я ему, силой вытаскивая его в приёмную. — Благодарить меня будешь позже…

Входная дверь открылась, и ещё два головореза шагнули в офис, другие мужики, не из тех, что были с Тессой. Чёрт возьми. Я не заметил слежки по пути сюда. Ну конечно, если мы сообразили перекрыть оба выхода, то Тесса и её люди поступили так же.

Они оба увидели нас и немедленно нырнули руками под куртки, бросаясь к плечевым кобурам.

Я был быстрее. Я засунул Харви за спину левой рукой и направил свой посох на обоих мужчин правой, рывком собирая волю и рыча:

— Forzare!

Руны, покрывающие посох, вспыхнули бледно-зелёным огнём, и волна силы ударила обоих мужчин. Одного из них приложило к стене достаточно тяжело, чтобы оставить вмятину на

гипсокартоне, пока другой кувыркнулся через порог и скатился вниз по ступенькам.

Тип, шарахнувший гипсокартонную панель, оказался непрошибаемым. Он отскочил от неё, полностью вытащив пистолет с глушителем, упал на колено и прицелился в Харви.

Не было времени, чтобы поднять щит. Особенно без помощи специального магического инструмента, созданного для этой цели. Поэтому я развернулся, подставляя спину между стрелком и Харви, опустил голову как можно ниже и ссутулил плечи.

Пистолет закашлял, клац, клац, клац. Пули вдребезги разбивались вплотную у моей спины, разрушаемые защитными энергиями заклинания, которое я старательно нанёс на свой кожаный плащ. Я насчитал восемь попаданий, которые ощущались как удары фастболла Малой лиги — болезненно, но не критично. Потом пушка замолкла, и я услышал металлический щелчок опустошённого магазина.

Я развернулся и врезал стрелку концом посоха. Тяжёлая дубовая деревяшка саданула по запястью руки с пистолетом и отшвырнула новый магазин, который он собирался вставить. Я воспользовался инерцией замаха и врезал ему в

челюсть, как раз пониже уха, послав мужика валяться на полу, а пистолет в свободное падение.

Я пнул пистолет подальше от него и вздёрнул Харви на ноги. Он обалдело таращился на упавшего бандита.

— Этот… этот человек только что пытался убить тебя.

— Нет, — возразил я. — Он только что пытался убить *тебя*. Серьёзно, чувак, какую часть фразы: «Пойдём со мной, если хочешь жить» ты не понял?

Я снова поволок Харви за собой, и на этот раз он не сопротивлялся. Мы направлялись к двери, когда из офиса раздался звук бьющегося стекла.

— Это что? — задыхаясь, выпалил он.

— Неприятности. Быстрее.

Я шёл впереди, с посохом в руке, готовый немедленно поднять щит, если мы наткнёмся на второго бандита, поджидающего нас. Но его нигде не было видно.

— А ты в неплохой форме, Харви, — заметил я, ведя его вниз по лестнице. — Бегом случайно не занимаешься?

— Э-э… Я плаваю. И йогой занимаюсь.

— Нет, Харви, — заверил его я. — Ты бегаешь. Пробегаешь по марафону каждое утро перед зав-

траком. Заставь меня поверить в это. Шевелись.

Я рванул вдоль тротуара, уворачиваясь от редких прохожих. Харви старался не отставать, но дышал тяжелее, чем требовалось при подобном упражнении. Мы миновали банк и ещё один ряд роскошных особняков, когда сзади раздался крик. На пороге офиса Харви стояла Тесса. Она не сводила с меня глаз, и даже с такого расстояния я чувствовал злобу в её взгляде. Она указала на меня пальцем, и двое громил бросились в погоню.

Я нырнул в следующий проход между двумя зданиями, снова разворачиваясь туда, где, как я думал, должны были ждать Грей и Дейрдре, готовые прийти мне на помощь. Но их нигде не было видно. Высматривая их, я заметил Тессу, выходящую из задней двери офиса Харви и бросающуюся к нам. Народу в квартале было немного, и я увидел, как Тесса на бегу сбрасывает пальто. В следующий момент она приняла своё демоническое обличье и двинулась на нас.

Если Тесса действительно намеревалась сорвать планы мужа, то у неё не было причин волноваться по поводу устроенного шоу. И если бы она смогла при этом переполошить городскую полицию — тем лучше. Тесса с удовольствием превратилась бы в отвратительную тварь, что

она и сделала, и проломила бы череп Харви.

— Проклятье, — выдохнул я, продолжая бежать вдоль по улице, прочь от офиса Харви и моих соратников. Выбор был невелик. Тесса превосходила меня числом. Возможно, я и попытал бы счастья в бою с ней и её вооружёнными головорезами, но бороться с ними и одновременно защищать Харви я бы не сумел. Попытайся я удержать позиции, они бы схватили его. Так что я бежал, пытаясь выиграть себе немного времени на раздумья.

И, поразмыслив, понял, что мне и не нужно их побеждать. Мне требовалось лишь остановить их, или задержать, пока не подоспеют Дейрдре с Греем. Хотя я и не верил, что кому-то из моих компаньонов на меня не плевать, но для успешного завершения дела им нужен Харви, и чем дальше я убегал, тем больше было шансов случайно оторваться от своей же подмоги.

Мы добежали до заброшенного здания. Судя по окнам, забитым досками и покрытым граффити. Это должно было сработать. Я повернулся в его сторону, выпуская ещё одну ударную волну энергии из посоха, и пробил в фанере и стекле дыру размером с мусорный контейнер.

— Вперёд, — велел я. — Не отставай.

— Что ты делаешь?

— В прятки играю, — отрезал я и нырнул в здание. На секунду у Харви отвисла челюсть, но тут он бросил взгляд в сторону Тессы.

Его лицо побледнело, а глаза расширились. Он выдал пару задушенных хрипов и полез в дыру, едва не растянувшись на битом стекле. Я подхватил его и помог устоять.

Когда-то в здании был розничный магазин или что-то типа этого, и основную его часть занимала одна просторная комната. В ней всё ещё были повсюду разбросаны вешалки для одежды вперемешку со следами разрушения, обычного при длительном запустении. Единственный свет проникал в щели вокруг заколоченных окон, ну и через ту дыру, которую я раздолбал. Всё было укутано тенями.

Я направился вглубь здания, слепо спотыкаясь о хлам на полу, пока мои глаза не справились с переходом от света весеннего утра к темноте внутри магазина. Я почти упёрся в стену, прежде чем увидел её, но теперь я смог достаточно разобраться в планировке, чтобы сообразить, что у магазина была задняя дверь, ведущая к уборным и, вероятно, каким-нибудь помещениям администрации.

Я толкнул Харви в коридор и шагнул в проём между ним и остальной частью магазина, поднимая посох горизонтально и подготавливая защитное заклинание. Это было не идеально, но это была лучшая оборонительная позиция, чем я смог бы добиться на улице. Все преследователи должны были выйти на меня с одного и того же направления.

— Пригнись, — посоветовал я ему. — Никуда не уходи.

— Мы должны бежать, — пропыхтел он. — Разве не так? Звонить в полицию?

— У копов есть занятия поважнее, чем быть убитыми, — сказал я.

Он тупо моргнул.

— Что?

— Да ладно. Ты что совсем не узнаёшь ни одной цитаты? Адские колокола, Харви, да ты вообще в кино-то ходишь?

Тени закрыли льющийся из моего импровизированного прохода свет, и несколько фигур зашли в заброшенный магазин. Трое громил, четвёртый и потом — что-то типа богомола, только в сотни раз больше, с фасеточными окулярами навыкате и второй парой светящихся зелёным глаз над ними.

У Тессы ушла секунда, чтобы отыскать меня. Она тут бросилась ко мне, двигаясь по полу с устрашающей насекомоподобной скоростью, и я вызвал свой щит. Руны на посохе снова вспыхнули зелёно-белым светом, и защитный полог сине-зелёного света вырвался из его вершины, прикрывая дверной проём.

Тесса остановилась где-то в десяти футах от него. Потом она ткнула в направлении двери длинной тонкой конечностью и абсолютно нормальным человеческим голосом приказала:

— Открыть огонь.

Громилы не стали медлить. Защёлкали их снабжённые глушителями пушки, щит искрил и ярко вспыхивал при каждом ударе пули. Останавливать их было не так уж и сложно. Дозвуковые пули в принципе летят медленнее, и каждый снаряд при ударе обладал меньшей энергией, чем было бы у обычной пули.

— Отставить! — сказала богомолоподобная тварь.

Громилы прекратили стрельбу.

Огромный богомол какое-то время пристально глядел на меня. Затем его челюсти разомкнулись и начали открываться всё шире и шире, пока изо рта не показались лицо и голова Тессы. Мягкий

хитин откинулся назад, словно капюшон. Её кожа и волосы были покрыты какой-то блестящей слизью. Это было очень странное зрелище. Без одежды, которая придавала бы ей солидности, Тесса выглядела не старше подростка. И впечатление только усиливалось тем, что женщиной она была миниатюрной, не больше пяти футом ростом. Просто симпатичная девочка-школьница, живущая по соседству.

Вот только она ходила по земле более чем за тысячелетие до появления первой средней школы.

— Привет, Дрезден, — сказала Тесса.

— Привет, Тесса, — ответил я.

— Безупречный Гарри Дрезден, — сказала Тесса, — Работает на Никодимуса Архлеоне. Неужто Ласкиэль наконец-то уговорила тебя взять монету?

— Более чем уверен, ты знаешь, что она не смогла, — сказал я.

Она повела плечом. Движение совершенно жутко смотрелось на её насекомоподобном теле.

— Верно. Но я не могу представить, что ещё могло заставить такого человека, как ты, работать на кого-то типа моего мужа.

— Длинная история, — сказал я. — А теперь вали отсюда.

Она покачала головой.

— Боюсь, я не могу этого сделать. У тебя есть кое-что мне нужное. Я хочу, чтобы ты дал это мне.

— У нас ничего не выйдет, — печально ответил я. — Я буду слишком озабочен перспективой того, что ты потом откусишь мне голову, чтобы наслаждаться моментом.

— Не обольщайся, — сказала она. — Отдай смертного мне. Заставь меня забрать его силой, и ты разделишь его судьбу.

— Кто ты? — испуганно спросил Харви дрожащим голосом. — Что я такого тебе сделал?

Тесса прищёлкнула языком.

— Не терзай себя этими вопросами, человечишка. У тебя их больше не будет.

— Господи, — сказал Харви.

— Предлагаю тебе сделку, — сказал я. — Вали отсюда, и я не вызову дезинсектора.

В ответ она подняла свою насекомью конечность и прошипела заклинание. В меня полетел луч гнилостно-зелёного света. Я стиснул зубы и удержал щит, отражая атаку, но чувствуя, что поддерживать защиту становится труднее.

— Это не переговоры, — сказала она. — Ты уже проиграл. Ты в ловушке и не можешь прикрываться этим щитом вечно. Отдай его мне, и я

обещаю, что ты сможешь спокойно уйти отсюда.

Разумеется, она была права. Я не смогу удерживать щит вечно или даже достаточно долго. В тот момент, когда он упадёт, Тесса и её парни смогут использовать весь свой арсенал, и всё будет кончено. Предложение свободно уйти отсюда вполне могло быть лишь уловкой, но если она говорила искренне…

Если так, то это мой шанс сорвать план ограбления Никодимуса. Если Тесса, представитель собственного окружения Никодимуса, вмешается и одолеет меня, то это будет уже не моя вина. Я смогу закончить с этим бардаком и выйти из дела, не навредив репутации Мэб. Мэб будет аплодировать этому решению.

И мне надо всего-то позволить Тессе убить Харви.

Нет. Я не готов был сдать кого-то одному из монстров, если этого можно было избежать. Может, мне и приходилось в жизни делать неправильный выбор, но я никогда не заходил так далеко. Кроме того, я все равно не мог доверять её слову. Она могла убить меня просто забавы ради так же легко, как и отпустить целым и невредимым.

— Почему бы тебе не вернуться в ту тараканью дыру, из которой ты выползла? — ответил я.

Она покачала головой и вздохнула:

— Какая растрата потенциала, — она повернула голову к одному из своих приспешников и кивнула. — Возьмите их обоих.

Громилы начали делать то, чего я меньше всего от них ожидал — они побросали своё оружие и принялись стаскивать свои пальто и куртки. Закончив, они начали корчиться и преображаться. Суставы выкручивались, и плоть шла волнами. Рубашки натянулись, когда их плечи нечеловечески исказились, их лица вытянулись практически в собачьи морды, зубы трансформировались в клыки и бивни. Руки стали толще и удлинились, заканчиваясь очень длинными когтями.

— Божемойбожемойбожемой, — прошептал Харви, начиная задыхаться от паники. — Что они такое?

— Вурдалаки, — мрачно ответил я. — Сильные, быстрые, крайне живучие.

— Что они будут делать?

— Прорвутся сквозь стены, окружат нас со всех сторон, убьют и сожрут, — ответил я.

И, в полнейшей тишине, вурдалаки начали рвать гипсокартон по обе стороны моей оборонительной позиции в дверном проёме, чтобы

сделать именно так, как я сказал.

Глава 18

Проламываться сквозь гипсокартон — удивительно шумный процесс. Ломается он с громкими хлопками и треском. Вурдалаки известны своей способностью когтями проделать дыру в каменной стене мавзолея, чтобы полакомиться славной полуразложившейся человечинкой. Гипсокартон и дерево не вызвали у них больших трудностей — сгорбившись и работая когтями, они продирались сквозь него, не сбавляя темпа.

У нас было в запасе секунд шестьдесят, не больше, прежде чем они прорвутся сквозь стену и окружат нас.

— Они идут, — тяжело дыша, причитал Харви, — Они схватят нас. Что нам делать?

Моё сердце забилось куда быстрее, чем секунду назад. Вурдалаки — это не шутка. И сражаться с ними в таком ограниченном пространстве для чародея было хуже всего. Мой защищённый заклятьями пыльник не сильно поможет, если один из них попытается откусить мне голову. Не важно, сколько раз ты встречался лицом к лицу с опасностью. Когда твоя жизнь под угрозой, и

ты знаешь об этом, тебе становится страшно, без вариантов.

Страх — настоящий, чистый, наполненный адреналином страх — овладел мною.

— Гм… — сказал я, не поддаваясь панике. — Мы…

Я собирался сказать «отойдём назад». Правда собирался. Но Тесса глядела на меня с самодовольным и злорадным выражением лица, и это вдруг привело меня в бешенство. К ней у меня особый счёт. При прошлой встрече она отправила одного хорошего человека в больницу на несколько месяцев, покалечив его на всю оставшуюся жизнь. Чудо, что он вообще выжил. В буквальном смысле чудо.

Она покалечила моего друга.

Вместе с гневом во мне нарастала Зима, и внезапно тот факт, что я ещё не стребовал с неё этот должок, вытеснил для меня всё остальное.

— Держись за мной, как можно ближе, — прорычал я взамен.

— Что? — выпалил Харви.

К моему удовлетворению, злорадное выражение исчезло с лица Тессы в ту же секунду — видимо, что-то на моём лице встревожило её. Я опустил щит, правой рукой вскинул посох,

призвал Зиму и прорычал:

— *Infriga!*

В торговый зал с рёвом ворвался мощный порыв арктического ветра, в мгновение ока покрыв всё вокруг — пол, потолок, стены — ровным слоем изморози. От резкого перепада температуры комнату заволокло густым туманом, видимость сократилась до пяти-шести футов… Что как раз давало преимущество небольшой группе, затрудняя координацию между превосходящими силами противника.

Я ломанулся сквозь туман, сокращая дистанцию с Тессой, чтобы найти её до того, как она опомнится и начнёт действовать. В совершенном мире я бы нашёл её вмороженной в глыбу жутко холодного Зимнего льда… но она была чародейкой, и вовсе не дилетанткой в этом деле. Приблизившись на достаточное расстояние, я увидел, что она пятится назад, скрестив передние насекомьи лапы в защитной стойке. Нас разделяла С-образная стена льда — чтобы окружить её полностью, не хватило совсем чуть-чуть.

Я взмахнул посохом и прорычал:

— *Forzare!*

Ледяная стена разлетелась на множество острых как ножи осколков, столь же смертоносных,

как облако шрапнели. Тесса попыталась броситься в сторону, но, ошеломлённая силой атаки, не учла, что пол под её ногами покрыт льдом… пол, на котором я стоял так же твёрдо, как на баскетбольной площадке. Насекомьи ноги заскользили, и её хитиновое тело врезалось в лёд, во все стороны брызнула зелёная кровь, а её богомолья голова заглотила внутрь человеческое лицо. Над насекомьими глазами демонической формы Тессы открылись ещё одни, пылающие ярким зелёным огнём и беспредельной яростью. Во вновь сгустившемся тумане я не мог разглядеть больше ничего, кроме этих глаз падшего ангела, покровителя Тессы.

— Эй, Имариэль! — прорычал я. — Для тебя у меня тоже кое-что есть! *Fuego!*

При этих словах я пропустил через посох бурлящую массу из воли и стихийного пламени, подпитывая заклинание, вылетевшее из него серебристо-белым огнём самого Созидания. Комета из огня Души, размером с баскетбольный мяч, прорезала воздух, словно аккорд триумфальной церковной песни, и врезалась в эти горящие глаза. Раздался яростный грохот, поднявшиеся клубы пара ещё больше усилили дымку. Глаза исчезли с визгливым воплем ужасающей ярости,

сопровождаемым громовым треском обваливающихся кирпичей в дальнем конце здания.

Этим я как минимум выиграл себе немного времени. Я резко развернулся и затащил Харви себе за спину, одновременно с этим из тумана возник самый быстрый или удачливый из вурдалаков и бросился к моей голове.

На заклинание не было времени. Но его и *не требовалось*. В моём теле всё ещё на полную мощь бурлила Зима. Я крутанул своим тяжёлым дубовым посохом и встретил прыгнувшего на меня вурдалака ударом, в который вложил всю силу своих рук, плеч, бёдер и ног. Я врезал ему по плечу, раздался влажный тошнотворный треск ломающейся кости и выворачивающихся суставов. Этот удар припечатал его к полу, словно прыгнувшего на меня гиперактивного котёнка, и вызвал воющий крик удивления и боли.

В моей голове всплыли образы двух молодых чародеев, брата и сестры, несколько лет назад на моих глазах замученных до смерти вурдалаками… и я вспомнил, что у меня и к ним был должок, коллективный. Я пнул скорчившегося вурдалака так сильно, что он отлетел прочь, скользя по ледяному полу, и, хотя и так уже достаточно злоупотребил использованием этих сил,

снова спустил с поводка Зиму и прорычал:

— *Infriga!*

Вурдалак был беззащитен перед такой магией. Мгновением позже на его месте уже была белая глыба льда, смутно напоминающая его по форме. Глыба продолжала скользить, шлифуясь о ледяной пол…

…пока не врезалась в когтистые ноги трёх других вурдалаков.

Долю секунды те в оцепенении пялились на глыбу льда, а затем, как один, перевели свои полные ненависти глаза на меня и яростно зарычали.

О-ой.

Когда они пригнулись, чтобы прыгнуть на меня, время замедлилось.

Закатать одного вурдалака в лёд — это одно дело. Проделать это с тремя — совсем другое. Если я ударю в кого-то одного, другие два в это время приблизятся ко мне, не успеют ещё слова слететь с моих уст. А четыре вурдалака минус два вурдалака — это на целых два вурдалака больше, чем нужно. Когда тебя так серьёзно превосходят числом, рассчитывать на потери два к одному — это всё равно что сказать, что ты проиграл и будешь съеден.

Мне нужно было изменить тактику.

Вурдалак слева от меня был чуть быстрее своих собратьев, и я бросился влево, увлекая его за собой и ещё немного увеличивая дистанцию между ним и его товарищами. Когда его когтистые ноги оторвались от земли, я вскинул посох, снова воззвал к Зиме и прокричал:

— *Glacivallare!*

Пласт льда толщиной в полтора фута с пронзительным звуком вырос от пола до потолка, разрезав помещение по диагонали, ровной, словно прочерченной по линейке линией. Поднимаясь, лёд ударил по пяткам первого вурдалака и с душераздирающим скрежетом врезался в потолок прямо перед носом у других двоих.

Время было выбрано безупречно. Это снова был бой один на один. Меня охватил триумф.

Это продолжалось, наверное, в течение секунды, а затем скачущий вурдалак врезался в меня как профессиональный полузащитник, который также был голодным каннибалом.

Он врезался в меня достаточно сильно, чтобы поломать рёбра, и я понадеялся, что раздавшийся треск был всего лишь звуком ломающегося льда. Мы жёстко приземлились на пол, причём я оказался снизу, и мой пыльник теперь скользил по

жёсткой поверхности, гася часть энергии удара.

Вурдалак явно знал, что делает. Я сталкивался с ними прежде несколько раз, и все вурдалаки, в основном, дрались со слепой яростью, одной грубой силой, полосуя когтями и разрывая всё, что могут достать. Этот действовал по-другому. Он ухватил обеими руками мой посох, выворачивая его в сторону с потрясающей, невероятной силой, и наклонил ко мне голову, подбираясь к горлу, чтобы сразу меня прикончить. Я достаточно знал о рукопашном бое, чтобы распознать технику и дисциплину. Одно дело драться с буйным пьяным любителем, и совсем другое — с обученным солдатом или чемпионом смешанных боевых искусств.

За многие годы я кое-чему научился, тренируясь с Кэррин и другими. Секунду я сопротивлялся усилиям противника вывернуть мой короткий посох, затем выпустил его, одновременно согнувшись и пнув вурдалака изо всех сил, пытаясь оттолкнуть его в сторону.

Я не смог отправить его в полёт, или тому подобное, но, одновременно лишив его точки опоры и придав ему изрядный импульс в новом направлении, опрокинул его на лёд, прежде чем его челюсти сомкнулись на моём горле. Я почув-

ствовал, что его вес на мне исчез, и поспешно откатился в сторону, используя инерцию собственного пинка.

Я поднялся на ноги чуточку быстрее, чем боец-вурдалак, и уже складывал в уме заклинание огня — но без помощи посоха, чтобы сфокусировать энергию заклинания более эффективно и результативно, у меня не получилось сделать это достаточно быстро. Вурдалак вскочил на ноги, впившись когтями в лёд, и стремительно кинулся на меня с моим же посохом, вращая его перед собой так, словно умел пользоваться им в драке.

Я вскрикнул и начал уворачиваться. Если бы мы были на улице, он размолотил бы меня в фарш и проглотил бы, почти не жуя. Но мы были не на улице. Мы дрались в морозном арктическом воздухе небольшого магазинчика, покрытого Зимним льдом. Лёд постоянно мешал ему, всё время заставляя держать равновесие, но для Зимнего рыцаря он был столь же твёрд и надёжен, как пол в танцевальной студии. Огибая напольные вешалки, я свалил парочку на наступающего вурдалака, надеясь сшибить его с ног, а затем резко сменил направление, надеясь немного оторваться или заставить его потерять равновесие. Мне нужно было выиграть лишь долю секунды,

чтобы пустить в ход ещё одно заклинание и закончить бой.

Проблема была в том, что вурдалак знал это. Он быстро бросился на меня, ловко сохраняя равновесие, и пока он был на ногах, я был в тупике. Всё, что он должен был сделать — это блокировать меня, пока его друзья не сломают ледяную стену, либо как-то не обойдут её, и тогда я труп.

Звёзды и камни, как мне сейчас не хватает моих запасающих силу колец. И жезла, и защитного браслета, и каждого маленького магического инструмента, что я когда-либо сделал. Но поскольку моя лаборатория вместе со всей утварью была уничтожена, это изрядно сократило мои возможности что-либо изготовить — а застряв на острове на всю зиму с жёстко ограниченными запасами, лишь тем, что мой брат мог собрать и привезти на лодке, я всё ещё был не в состоянии построить что-нибудь столь сложное и столь персонализированное, как новая лаборатория. Мне удалось вырезать посох и деревянный череп, работая кропотливо и чрезвычайно медленно, ведь практически всеми инструментами, которыми мне пришлось работать, были небольшой набор ножей и немного наждачной бумаги, оставшейся после строительства причала Что-за-Хрень-Док.

Подготовка! Проклятье, Гарри. Ключ к выживанию чародея лежит в тщательной подготовке!

Я слышал, как по моей ледяной стене словно молотят кувалдой, и хотя сквозь туман ничего нельзя было разглядеть, с каждым ударом высота звука менялась, словно лёд уже начал трескаться и дробиться.

— О боже! — в панике прокричал Харви. Его я тоже не видел, и на секунду даже забыл о нём. Вероятно, он всё ещё оставался там, где я его оставил, о нескольких футах от стены, и ему было видно, что там творится.

Другие два вурдалака пробирались сквозь стену.

Что-то внутри меня начало вопить вместе с беднягой Харви.

Пришло время действовать ва-банк.

Я резко развернулся и вступил в бой с воином-вурдалаком.

Посох метнулся к моей голове. Я поднял левую руку, пытаясь принять удар на мясистую часть предплечья. Хоть боли я не почувствовал, перед глазами промелькнула белая вспышка. Рукав пыльника немного смягчил удар, но не слишком. Ведь защитные заклинания предназначались для того, чтобы замедлить и рассеять быстро

движущиеся объекты, вроде пуль, или уберечь от колотых ран. В ударе большим тупым предметом нет никакой тонкости, но защититься от него очень сложно.

Оказавшись в зоне досягаемости посоха, я тут же врезал вурдалаку головой по носу. Он удивлённо и яростно взвыл, резко теряя скорость, и я тут же толкнул его одной рукой, используя каждую крупицу силы, что могла собрать для меня Зимняя мантия.

Вурдалак отшатнулся назад и наконец не смог удержаться на ногах!

Вспыхнувшая во мне надежда разожгла заодно и волю. Вурдалак упал, и я тут же триумфально проревел:

— *Infriga!*

Зима с рёвом ворвалась в маленький магазинчик, наверное, в пятый раз за минуту, окутывая упавшего вурдалака клубами зверски холодного тумана. Пару секунд я лихорадочно хватал ртом воздух, пока туман не рассеялся достаточно, чтобы я мог убедиться, что вурдалак вморожен в ледяной саркофаг.

— Харви! — прохрипел я. — Харви, отзовись!

— О Боже! — всхлипнул Харви. — Боже мой!

— Ну, или так, — пробормотал я и поспешил

на звук.

Я добрался до него, когда два других вурдалака как раз пробили стену насквозь. Харви издал неимоверно пронзительный визг и в беспомощной панике заметался на скользком льду.

Я поднял покрытую льдом правую руку, собирая волю для следующего заклинания…

…и обнаружил перед глазами кусок белой пустоты. Я пару раз моргнул и внезапно понял, что сижу на льду рядом с Харви, но понятия не имею, как там очутился.

Зима, понял я. Я истратил слишком много сил, слишком быстро, без малейшей передышки. Я исчерпал свои резервы магической энергии до такой степени, что уже с трудом мог оставаться в сознании. Но даже сейчас я *не чувствовал*, что магически истощён.

Конечно же, ты не чувствуешь этого, тупица. Ты же Зимний рыцарь.

Я пару раз моргнул и опустил взгляд на левую руку, которая как-то странно пульсировала.

Под рукавом моего плаща выпирало что-то острое. Мне потребовалось совершить над собой усилие, чтобы провести осмотр и сделать логический вывод, что это моя собственная сломанная рука.

Семифутовый кусок ледяной стены внезапно разлетелся и с треском упал на пол.

Я оттолкнулся здоровой рукой и встал на ноги. Два новых вурдалака появились в проломе.

Без магии.

Без оружия.

И без вариантов.

Я оскалил зубы в вызывающем, но бесполезном рычании. И вурдалаки набросились на меня.

Глава 19

Оба вурдалака атаковали меня, как наиболее опасную цель в поле зрения, проигнорировав всхлипывающего Харви. Я их не виню. Я поступил бы так же.

И все мы трое ошибались.

Вурдалаки-воины направлялись ко мне с двух разных сторон, и я мог прикончить только одного из них, даже если бы нашёл силы, чтобы вызвать ещё один заряд Зимы. Один из вурдалаков подбежал ко мне и кинулся. Другой просто перепрыгнул через кричащую фигуру Харви.

Гудман Грей убил его первым.

Когда вурдалак оказался рядом, глаза Харви стали холодными и спокойными, а одна рука взметнулась вверх. Я не видел самого превращения, но мне показалось, что на секунду рука полностью изменила форму — стала жёсткой, изогнутой как серп и фантастически быстрой. За режущим звуком последовал стук, как от бумажного резака, но более влажный и мясной. И внезапно верхняя и нижняя половинки вурдалака повернулись в разных направлениях.

Когда второй вурдалак навалился на меня, даже со всей силой Зимней мантии всё, что я мог — это держать его зубы подальше от моего горла. Если бы не мой плащ, его челюсти разорвали бы мой торс в конфетти прежде, чем Грей добрался бы до меня.

Я скорее не увидел, а ощутил движение, и что-то расплывчатое, напоминающее очертаниями гориллу, схватило вурдалака своими огромными руками и отбросило от меня с такой силой, что я услышал хруст вывернутых суставов. Вурдалак врезался в уцелевшую часть ледяной стены и проломил её, заодно забрызгав всё вокруг. Прежде чем он пробил стену насквозь, размытая фигура, напомнившая мне какую-то большую хищную кошку, ударила его в воздухе и прижала к земле, исчезнув вместе с ним из поля зрения за туманом и обломками стены.

Вурдалак издал единственный слабый булькающий вскрик.

И затих.

Что-то задвигалось по другую сторону стены. Через пару секунд раздался медленный выдох, и, спокойно ступая по тому, что осталось от стены, появился Гудман Грей. Позади него что-то билось в смертельных судорогах. Я не мог разобрать

что, да и не хотел. Вурдалаки легко не умирают и перед смертью разводят жуткую грязь. Тот, которого он располовинил, скрёбся где-то в тумане, причём звук разносился из двух разных точек.

Грей огляделся вокруг, поджал губы, кивнул и произнёс:

— Разделить их был удачный ход. И туман тоже. Умно. Не ожидал так много от человека твоих лет.

— Их всегда больше, чем меня, — ответил я и поднялся на ноги. Мне почему-то не хотелось сидеть на земле со сломанной рукой и истекать кровью поблизости от Гудмана Грея. Хищникам не стоит давать повода, а в данный момент этот небрежно одетый и ничем не примечательный парень пугал меня куда больше, чем Тесса и вурдалаки вместе взятые.

Я прогнал из голоса невольную дрожь и спросил:

— Где Харви?

— Здесь, — ответил Грей. Он выглядел таким же расслабленным, как и раньше, словно только отвлёкся, чтобы выбросить пустой бумажный стаканчик, а не разорвал двух вурдалаков в клочки. Его глаза задержались на моей раненой руке: — У меня была только пара секунд, чтобы

обернуться, а он не хотел затыкаться. Пришлось отправить его в нокаут.

Я одарил его пристальным взглядом. Затем сделал пару шагов к замороженному вурдалаку, отобравшему у меня посох, и дернул за него, чтобы освободить от объятий Зимы. Вурдалак любезно рассыпался на мелкие кусочки, а посох остался у меня в руке вместе с парочкой отломанных когтистых пальцев. Я стряхнул их с гримасой отвращения, повернулся к Грею и сказал:

— Покажи мне.

Грей на мгновение вскинул брови. Возможно, даже слегка ухмыльнулся, но кивнул и махнул мне следовать за ним. Не похоже, что он сильно боялся поворачиваться ко мне спиной.

Адские колокола! Откуда мне знать, может, у оборотня глаза на затылке.

Грей привёл меня в ту сторону торгового зала, где когда-то стояли металлические полки с журналами. Он схватил одну и легко отбросил в сторону.

Тело Харви Моррисона лежало с другой стороны.

Его горло было аккуратно перерезано чем-то острым. Вокруг на полу была кошмарная грязь. Глаза Харви были открыты и слепо пялились в

потолок. Кровь всё ещё пульсировала в такт сердцу, но лицо побелело, и я знал, что уже слишком поздно. Он был мёртв. Но его телу ещё предстояло это выяснить.

Я медленно поднял взгляд на Грея.

Оборотень пялился вниз на Харви, слегка нахмурив брови. Затем посмотрел вверх на меня и сказал:

— Н-да, неловко вышло.

— Ты думаешь, это смешно? — спросил я его. В моём голосе явно чувствовалось раздражение.

— Я думаю, что это хреново, — ответил Грей и снова посмотрел на Харви: — Я только вырубил его.

— Правда, если бы ты пытался меня обдурить, именно это и сказал бы.

— Нет, — ответил Грей. — Я бы сказал, что перерезал его крикливую глотку, потому что так было проще.

— А ты перерезал?

— Не надо меня стращать, Дрезден. Хорошая ложь стоит больших усилий, и это начинает надоедать через пару веков. Чаще всего я себя не утруждаю. — Он пнул руку Харви носком ботинка: — Однако кто-то затратил большие усилия, чтобы сделать это. Сделать это быстро. И так же

быстро убраться.

— Где Дейрдре? — спросил я.

— Полагаю, бросилась преследовать свою мать, после того как ты надавал ей по носу, — Грей опустился на колени рядом с Харви и наклонился ближе, принюхиваясь, словно собака. — Фу! — Он задумался на секунду. — Слишком много свежей крови и чёртова зловония вурдалаков. Ничего не могу разобрать, — сказал он и поднял на меня глаза: — А ты что-нибудь можешь?

— Если у меня будет двадцать четыре часа, чтобы собрать инструменты и ещё пять или шесть, чтобы поработать на месте, может, я чего-нибудь и выясню.

Мы посмотрели друг на друга. Похоже, мы оба считали, что другой что-то скрывает. Причём я на самом деле ничего не знал, а Грей определённо чего-то там унюхал. Он произвёл на меня впечатление недоверчивого типа.

Определённо, Грей подумал про меня то же самое. Он издал нетерпеливый вздох:

— Чародей, ты же знаешь, что я говорю тебе правду?

— Знаю, — ответил я. — Конечно же. Мы с тобой достойная доверия парочка бойскаутов.

Он изобразил нечто почти похожее на кривую

улыбку. Затем наклонился и закрыл глаза Харви почти уважительным жестом. Тем же жестом он провёл пальцем по сгущающейся луже крови.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— То, за чем мы сюда пришли, — ответил он. — Беру образец крови, он нам понадобится. Тебе придётся рассказать Никодимусу, где я буду.

— И где ты будешь?

— В «Фидуциарных услугах Моррисона», весь остаток дня. Смысл не убивать Харви был только в том, чтобы никто не заметил его исчезновения. Значит, он не должен исчезнуть.

— Ты собираешься изображать пользующегося доверием компетентного финансового эксперта перед людьми, которых ты никогда раньше не видел, весь остаток дня? — спросил я его с неприкрытым сарказмом.

— Да, — спокойно ответил Грей.

Я почувствовал, что мои брови поползли вверх:

— Ты что, так хорош?

— Я лучше, — ответил он. Его глаза блеснули так странно, что я вздрогнул.

— А как же тело Харви?

— У него нет никаких родных. А у нас есть два замороженных вурдалака, — ответил он. — Не

трогай их. Вурдалаки позаботятся о Харви, когда оттают.

Я скрипнул зубами:

— Может, стоит прикончить их прямо сейчас? Эти парни не похожи на обычных вурдалаков. Не хочется давать им второй шанс добраться до меня.

— Как хочешь, — ответил Грей. — Мне нужно идти.

Грей начал лакать свежую кровь из сложенной ладони. Он поморщился, а затем начал дрожать, и в следующее мгновенье выглядел в точности как тело у его ног, включая одежду и всё остальное. Наклонившись, он достал и кармана рубашки очки Харви, вытер с них кровь уголком рубашки и надел.

— Лучше бы ты показал кому-нибудь руку.

Я рассеянно посмотрел на свою сломанную руку, а затем обратился к нему:

— Грей?

— Что?

— Я не оставлю тело Харви на съедение вурдалакам. И если у тебя с этим проблемы, мы можем обсудить их прямо сейчас.

Грей посмотрел на меня с лица Харви и кивнул:

— Тебе решать. Это твоё дело.

И он пошёл неслышным шагом через быстро тающий туман в направлении дыры, которую я сделал в стене магазина, и исчез из виду.

Я посмотрел на тело Харви. А затем сказал: «Прости». Мне показалось, что этого недостаточно. Я собирался пообещать ему покарать его убийцу… но Харви это уже было не нужно.

Мертвецам не нужна справедливость. Она нужна только тем, кто смотрит на останки.

Я толкнул тяжёлые полки обратно на тело Харви. Власти, вероятно, найдут его через пару дней. Не слишком уважительно, но едва ли я мог сейчас сделать для него что-то большее. Мне совсем не хотелось тащиться в хранилище Аида только затем, чтобы обнаружить там кучку мифологических головорезов, поджидающих нас с намерением прикончить, как только мы войдём. Поэтому я сделал всё, что мог.

У меня почти ничего не осталось по части магических приёмов. Но зато была одна здоровая рука и большой тяжёлый посох. С их помощью я раздолбил замороженных вурдалаков на кусочки, а затем тоже вышел из магазина и забрался назад в арендованную машину, чувствуя себя усталым, больным и бесполезным.

Глава 20

Я не знал, куда я еду. Главное было не останавливаться.

Какая-то часть меня отмечала со всё растущей тревогой, что здравый смысл сдаёт свои позиции. Числа больше не складывались. Рука была сломана. Время поджимало. И я оставил Кэррин один на один с этой шайкой, хотя и был практически уверен, что Эшер и Вязальщик не убьют её без команды, а у Никодимуса нет на то веских причин. Пока нет. А про Грея я знал только то, что он куда-то спешил. Он вполне мог спешить обратно на скотобойню, чтобы продолжить приставать к Кэррин. Маловероятно, конечно, но мысль, что её я бросил, меня всё равно мучила.

С другой стороны, я всё равно не мог вернуться. Не с такой рукой. Этой шайке нельзя было показывать свою слабость.

Я решил убедиться, что не истекаю кровью. Крови на руке не было, но пока я её проверял, чуть было не врезался в остановившийся передо мной автомобиль. Что бы там мантия Зимнего рыцаря не делала со мной, сейчас меня настигли

последствия. Хотя я и не чувствовал боль, но мантия должна была откуда-то черпать свою энергию, а её источником скорее всего был я. Боль не беспокоила меня, но вызвавшие её травмы были вполне реальны, и за её подавление я платил потерей внимания и жуткой усталостью.

Мне нужна помощь.

Верно. Помощь. Я должен ехать к Баттерсу. Он вправит кость и наложит шину.

Но вместо этого я обнаружил, что паркую машину перед симпатичным и простым домиком в Бактауне. Это был прекрасный дом в колониальном стиле, без лишних претензий, но любовно поддерживаемый в отличном состоянии. У его входа рос большой дуб, ещё пара виднелась на заднем дворе, а спереди его окружал забор из штакетника, недавно покрашенный белый краской. Новый почтовый ящик, покрытый ручной резьбой, обосновался на своём посту возле калитки. Блестящие золотые буквы на ящике гласили: «Карпентеры».

Я остановил машину и нервно посмотрел на дом.

Я не был здесь с моего последнего посещения Чикаго в прошлом году. Словно трус, я приходил, когда никого не было дома, чтобы взять моего пса

Мыша на одно секретное дело.

Так я хитро увернулся от первой встречи с моей дочерью, с тех пор как я унёс её из пропитанного кровью храма в Чичен-Ице, подальше от тысяч мёртвых вампиров Красной Коллегии и тела её матери, погибшей от моей руки.

Её звали Мэгги. У неё были тёмные волосы и глаза, совсем как у её матери Сьюзен.

Прекрасной Сьюзен, которую я подвёл, так же как и Харви.

А после я забрал Молли Карпентер и впутал её в конфликт сидхе, самых опасных существ, которых я знал. Помогая мне, Молли Карпентер стала невольной жертвой борьбы за власть, и теперь, насколько я знал, она даже не была полностью человеком.

Молли, которую я подвёл, так же как и Харви.

Что я, чёрт возьми, здесь делаю?

Я вышел из машины и побрёл к калитке. После небольшой заминки я открыл её и направился к входной двери.

Я постучал, пытаясь представить, кто может быть дома. Середина дня. Все дети, должно быть, в школе. На секунду я задумался о трусливом бегстве. Что я надеялся здесь найти? Ничтожный шанс обдурить и победить Никодимуса?

В этом не было никакого смысла.

И только на крыльце дома Майкла Карпентера я понял, что плачу, и плачу уже давно. И снова подумал о том, чтобы сбежать, как ребёнок. Но мои ноги не двинулись с места.

И через мгновение хороший человек открыл дверь.

Майкл Карпентер был заметно выше шести футов, и даже если его мускулы были уже не так внушительны, как у действующего рыцаря Креста, но всё ещё казалось, что он может уделать кого угодно, даже не вспотев. Его каштановые волосы чаще, чем раньше прорезали серебряные нити, а борода была почти совсем седой. На лице прибавилось морщинок, особенно вокруг глаз и рта. Наверное, от улыбок. Он был одет в джинсы и синюю фланелевую рабочую рубашку и опирался на трость.

Он был ранен в сражении, помогая мне, потому что я был недостаточно быстр, чтобы это предотвратить. Я подвёл и Майкла тоже.

Всё перед моими глазами потекло, размылось и заколыхалось.

— По-моему, мне нужна помощь, — услышал я свой скрипучий шёпот. — По-моему, я потерялся.

Ни следа колебаний не было ни в его ответных

словах, ни в глубоком мягком голосе.

— Входи, — сказал мой друг.

Что-то рвалось у меня из груди, и я выпустил одинокий всхлип, прозвучавший как сдавленный стон.

* * *

Я сел за стол на кухне Майкла.

Кухня в доме была большой, и сейчас в ней было куда меньше беспорядка, чем я привык видеть. Две большие кладовые снабжали продовольствием целый взвод, который звался его семьёй. Стол мог вместить дюжину, даже если его не раскладывать.

Я покосился вокруг. Всё выглядело чище и аккуратнее, хотя и раньше здесь царила безупречная чистота.

Майкл заметил мой взгляд и слегка улыбнулся.

— Меньше людей, больше места, — сказал он одновременно с гордостью и сожалением в голосе. — Знаешь, они быстро растут.

Он подошёл к холодильнику, вытащил пару пива в простых коричневых бутылках и вернулся к столу. Бутылки он открыл консервным ножом в форме Мьёльнира, молота Тора.

Я взял открывашку и прочитал надпись:

— «Кто бы ни взял этот молот, если достоин — будет обладать силой Тора». Или хотя бы силой открыть пиво.

Майкл улыбнулся. Мы чокнулись бутылками, выпили по глотку, и я положил руку на стол.

Он бросил взгляд на мой рукав и медленно выдохнул. А затем сказал:

— Давай, помогу.

С его помощью я избавился от плаща. Когда снимали рукав, всю руку и запястье пронзали яростные вспышки боли. Наконец я смог разглядеть свою руку.

Кость не торчала наружу, но казалось, что она порвёт кожу от малейшего толчка. Моё предплечье распухло как колбаса. Выступающую кость окружали фиолетовые пятна, а по коже пошло что-то вроде волдырей. Майкл взял мою руку, расположил на столе и начал осторожно обследовать её кончиками пальцев.

— Перелом запястья, — сообщил он спокойно.

— Ты что, теперь врач?

— Был санитаром во время службы в армии, — ответил Майкл. — Видел много переломов. — Он поднял взгляд и спросил: — Ты, конечно, не хочешь ехать в больницу?

Я покачал головой.

— Конечно же нет, — повторил он и потрогал руку ещё пару раз: — Думаю, кость не раздроблена.

— Можешь вправить?

— Скорее всего. Но без рентгеновского аппарата мне придётся делать это на ощупь. Если я сделаю что-нибудь не так, срастётся криво.

— Большая часть этого оборудования выйдет из строя, даже если я просто войду в комнату, — возразил я.

Он кивнул.

— Сразу, как закончим, надо будет зафиксировать запястье.

— Не знаю, могу ли я себе это позволить.

— Без вариантов, — ответил он прямо. — Если я наложу повязку, стоит тебе повернуть руку, и кости опять переместятся. Или закрепляем запястье, или концы костей будут скоблить друг друга вместо того, чтобы срастаться.

Я поморщился.

— Может, обойдёмся повязкой?

— Слишком сильный отёк, — пояснил он. — Придётся наложить шину и ждать, пока опухоль спадёт и можно будет сменить её на гипс. Я могу позвонить доктору Баттерсу.

Его предложение заставило меня содрогнуть-

ся:

— Он… типа немного опасается меня в данный момент. И ты знаешь, насколько он не любит работать с ещё живыми людьми.

Майкл на мгновение нахмурился, внимательно изучая моё лицо, потом сказал:

— Понятно, — кивнул он и добавил: — Подожди здесь.

Он встал и вышел в заднюю дверь, ведущую в его мастерскую. Вернулся он быстро, принёс с собой ящик с инструментами и поставил его на стол. Он вымыл руки и приложил несколько антибактериальных полотенец к моей руке. Затем взял меня за запястье и предплечье своими большими сильными руками.

— Будет больно, — заметил он.

— Да ну, — сказал я.

— Отклонись назад и тяни руку на себя, — он принялся тянуть одной рукой, другой мягко надавливая на кость.

Оказалось, даже мантия Зимнего рыцаря имеет свои пределы. Или так, или в ней сели батарейки. Тупая боль билась глубоко внутри моей руки, похожая на ту, которую вы ощущаете, когда ваши конечности немеют в ледяной воде, только во много раз сильнее. А я слишком устал, чтобы

кричать.

И кроме того.

Я это заслужил.

Спустя минуту ужаснейших ощущений, Майкл выдохнул и сказал:

— Думаю, что она встала на место. Не шевели рукой.

Я сидел, тяжело дыша, неспособный даже ответить.

Майкл начал оборачивать мою руку бинтами, сначала его руки двигались медленно, но со всё возрастающей уверенностью — старые рефлексы давали о себе знать. Затем он взял кусок листа алюминия, который принёс из мастерской, бросил на мою руку беглый взгляд и с помощью плоскогубцев ловко согнул его в форме жёлоба. Он положил в него мою руку, оставив снаружи пальцы. Шина охватывала большую часть моей руки, от запястья до локтя. Майкл снял её и ещё немного подправил угол изгиба, прежде чем снова приложить к моей руке. Затем плотной тканью зафиксировал шину на моей руке.

— Ну, как? — спросил он, когда закончил.

Я проверил очень, очень осторожно:

— Не могу шевелить запястьем. С этим определённо возникнут проблемы.

— Правда?

Я говорил так беспечно, как только мог:

— Да, не могу шевелить запястьем. Что мне делать, если вдруг возникнет смертельно опасная ситуация, решить которую я смогу, только пошевелив левым запястьем? Это может произойти. Честно говоря, я не уверен, как это вообще может *не* произойти.

Он сел обратно, решительно глядя мне в лицо.

Я оставил шутливый тон.

— Спасибо, Майкл, — сказал я. Глубоко вздохнул. Не было никакого смысла говорить что-то ещё. Должно быть, это моя сломанная рука подкинула мне идею открыться кому-либо. — Я должен идти.

Я начал подниматься со стула.

Майкл взял свою трость, поймал мою лодыжку рукоятью и мягко выдернул из-под меня ногу. Я хлопнулся обратно на стул.

— Гарри, сколько раз я спасал твою жизнь? — спросил он глубокомысленно.

— Кучиллион.

Он кивнул.

— Я что-нибудь просил у тебя взамен?

— Ничего. Никогда.

Он снова кивнул:

— Совершенно верно.

Мы долго просидели в молчании.

Наконец я произнёс совсем тихо:

— Не уверен, что я всё ещё один из хороших парней.

Я сглотнул.

Он слушал меня.

— Как я им могу быть после всего того, что сделал? — спросил я.

— И что ты сделал?

Я с минуту обдумывал ответ.

— Ты знаешь о Мэб. Кем я теперь стал. Какую заключил сделку.

— Я также знаю, что ты сделал это, чтобы получить необходимую силу для спасения жизни своей дочери.

— Ты не знаешь о Сьюзен, — сказал я, встречаясь с ним взглядом. — Я убил её, Майкл.

Не знаю, как я в этот момент выглядел, но в его глазах вдруг навернулись слезы.

— О, Гарри, — он опустил взгляд. — Она обратилась? Что произошло?

— Этот сукин сын Мартин, — сказал я. — Он… он подставил её. Сдал семью, в которой жила Мэгги. Думаю, что он сделал это, чтобы втянуть меня в стычку с Красным королём, вероятно, в

надежде, что это заставит Белый Совет чуточку больше сосредоточиться на войне. Но он знал Красных изнутри. Он работал на них. Был двойным агентом, или тройным — я не знаю. Я не думаю, что он следовал какому-то гениальному плану, чтобы добиться этого момента… но он увидел шанс. Красный король собирался убить Мэгги, чтобы завершить кровавое родовое проклятье. Оно убило бы меня и… всех моих родных, всю мою семью.

Брови Майкла поползли вверх.

— Ритуал был уже готов, и Мартин увидел шанс уничтожить всю Красную Коллегию. Всех их. Он выпалил в лицо Сьюзен всё о своём предательстве, и у неё просто сорвало катушки, — я вздрогнул, вспоминая это. — Я видел это. Я видел, что он делает. Может быть, я мог его остановить — я не знаю — но… Я не остановил. Она убила его. Вырвала ему глотку. И… она начала меняться и…

— И ты закончил ритуал, — тихо сказал он. — Ты убил её. Ты убил их всех.

— Самый молодой вампир во всем мире, — произнёс я. — Новорождённый. Они все произошли от основателя — Красного короля, я полагаю. Их собственное проклятье поимело каждого из них. Весь их род.

— Каждый вампир Красной коллегии, — мягко сказал Майкл, — был убийцей. Каждый из них в какой-то момент выбрал отнять чью-то жизнь, чтобы сохранить свою собственную. Это им вернулось. Их выбор.

— Я не проливаю слёзы над Красной коллегией, — сказал я с презрением в голосе. — Последствия от их мгновенного уничтожения… Не знаю. Наверное, я хотел бы сделать это как-то по-другому. Более спланированно.

— Если история не врёт, никому не удавалось разрушить империю, построенную на боли и ужасе, аккуратно.

Я мрачно улыбнулся.

— Всё происходило слегка сумбурно. И я просто хотел спасти Мэгги.

— Могу я задать тебе вопрос?

— Конечно.

— После того, как Сьюзен начала обращаться… как ты смог её усмирить?

Я замер ненадолго, пытаясь вспомнить тот момент яснее.

— Ты не делал этого, — мягко произнёс он. — Не так ли?

— Она… она обратилась. Но она понимала, что происходит.

— Она пожертвовала собой, — сказал Майкл.

— Она позволила *мне* принести её в жертву, — прорычал я с внезапной, кипящей яростью. — Есть разница.

— Да, — тихо сказал Майкл. — Это твоя цена. Твоё бремя.

— Я поцеловал её. А потом перерезал ей горло.

После моих слов повисла глубокая тишина.

Майкл поднялся и положил руку мне на плечо.

— Гарри, — сказал он тихо, — Мне так жаль. Мне так жаль, что ты столкнулся с таким ужасным выбором.

— Я никогда не хотел… — я сглотнул. — Я никогда не хотел, чтобы всё так обернулось. Чтобы Сьюзен пострадала. Чтобы сделка с Мэб удалась. Я никогда не собирался выполнять её условия.

В его глазах читалась неподдельная боль.

— А, — сказал он тихо. — Я… спрашивал себя. О том, что случилось после.

— Это был я. Я всё устроил. Я думал… если я уйду раньше, чем Мэб получит шанс изменить меня, то всё будет в порядке.

— Ты думал… — Майкл медленно вдохнул и снова сел. — Ты думал, что если умрёшь, всё будет в порядке?

— Если сравнивать с превращением в психиче-

ски больного монстра Мэб? — спросил я. — Если сравнивать со смертью моей дочери и деда от рук Красных? Да. Я считал, что буду в выигрыше.

Майкл на мгновение закрыл лицо руками и покачал головой. Затем поднял лицо вверх и уставился в потолок со смесью печали, безысходности и боли.

— И теперь у меня внутри эта штука, — продолжил я. — И она толкает меня, Майкл. Толкает, толкает и толкает на… всякие вещи.

Он посмотрел на меня.

— А сейчас… Адские колокола, прямо сейчас Мэб заставляет меня работать с Никодимусом Архлеоне. Если я откажусь, эта штука в моей голове вырвется, убьёт меня, а затем возьмётся за Мэгги.

— *Что?*

— Ты не ослышался. Никодимус. Он грабит кое-какое хранилище, и Мэб предоставила меня ему в оплату одного долга. Он создал собственную Злую Лигу Зла ради этого дела, и я её член. А что ещё хуже, я втянул Мёрфи, и даже не говорю ей всего. Потому что *не могу*.

Майкл медленно покачал головой.

— Я оглядываюсь вокруг… Я пытаюсь делать то, что я делал всегда. Защищать людей, беречь

их от монстров. Но только я почти уверен, что я *один из этих монстров*. Я не могу понять, где я должен быть… чем ещё заниматься… — Я опять сглотнул. — Я потерялся. Я помню каждый шаг, который привёл меня сюда, но всё равно я *потерялся*.

— Гарри.

— И мои друзья… Даже Томас… Я застрял на этом острове проклятых на год. Целый *год*, Майкл, а они появились всего пару раз. Только Мёрфи и Томас, едва ли полудюжину раз за больше чем год. Просто долбаных сорок минут на лодке. Люди ездят дальше, чтобы кино посмотреть. Они знают, во что я превращаюсь. Они не хотят смотреть, как это происходит.

— Гарри, — начал Майкл своим низким мягким голосом. — Ты… ты…

— Глупец, — произнёс я спокойно. — Монстр. Проклятый.

— …такой *высокомерный*, — выдохнул Майкл.

Я заморгал от удивления.

— Ну, я привык к определённой степени высокомерия с твоей стороны, но… это просто потрясающе. Даже по твоим меркам.

— Что? — сказал я.

— Высокомерный, — повторил он по слогам. —

В такой степени, что поверить сложно.

Некоторое время я тупо пялился на него.

— Мне очень жаль, — сказал он. Я знаю, что ты ждал от меня мудрых слов, что-нибудь о Боге, твоей душе, прощении и искуплении. Это всё хорошие вещи, и они должны быть сказаны в своё время, но… Честно, Гарри, я не был бы твоим другом, если бы не сказал, что ты ведёшь себя как удивительно тупой идиот.

— Я? — спросил я немного тупо.

Целую секунду он смотрел на меня с гневом и болью, а потом они исчезли с его лица, и он улыбнулся, его глаза весело засияли, как рождественская ель в сочельник. Я вдруг понял, от кого Молли досталась её улыбка. Он с трудом сдерживал смех:

— Да, Гарри. Ты идиот. Да, именно ты.

— Я не понимаю, — сказал я.

Его глаза остановились на наших совершенно пустых бутылках. Такое часто случается со свежесваренным пивом Мака. Он подошёл к холодильнику, открыл ещё пару бутылок силой Тора и поставил одну из них передо мной. Мы чокнулись и выпили.

— Гарри, — продолжил он после медитативной паузы, — ты идеальный?

— Нет, — ответил я.

Он кивнул.

— Всезнающий?

Я фыркнул.

— Нет.

— Можешь отправиться в прошлое и изменить то, что уже произошло?

— Теоретически? — спросил я.

Он посмотрел прямо на меня.

— Я слышал, что иногда кое-что можно сделать. Но, конечно, это адски сложно. И у меня нет ни малейшего представления, как именно это делается.

— Так ты можешь?

— Нет, — сдался я.

— Другими словами, несмотря на всё, что ты знаешь, и все те невероятные вещи, что можешь сделать… ты всего лишь человек.

Я нахмурился и отхлебнул пива.

— Тогда почему ты ждёшь от себя совершенства? — спросил Майкл. — Ты что, считаешь себя гораздо лучше остальных? Что твоя сила делает тебя человеком другого уровня? А твои знания позволяют смотреть на остальных в этом мире свысока?

Я уставился на пиво и почувствовал… смуще-

ние.

— Это высокомерие, Гарри, — сказал он мягко. — Оно так глубоко, что ты даже не осознаешь его. И ты знаешь, почему?

— Нет? — спросил я.

Он снова улыбнулся.

— Потому что ты установил более высокий стандарт для себя. Ты думаешь, раз у тебя больше сил, чем у других, то и делать ты должен больше.

— Кому много дано, с того много и взыщется, — ответил я, не поднимая глаз.

У него вырвался смешок.

— Для того, кто неоднократно говорил мне, что он не верит, у тебя удивительная способность цитировать Писание. Вот это я и хочу сказать.

Я посмотрел на него:

— Что?

— Ты бы не вязал из себя узлы, Гарри, если бы тебе было плевать.

— Ну и что?

— Монстрам плевать, — сказал Майкл. — И проклятым плевать, Гарри. Единственный способ потерять возможность искупления — это выбрать себя, прекратить беспокоится о других.

Кухня перед моими глазами начала расплываться.

— Ты думаешь?

— Что я думаю? Я думаю, ты не идеален. А это значит, что иногда ты делаешь неправильный выбор. Но… честно говоря, не уверен, что я поступил бы иначе, если бы в опасности оказался кто-то из моих детей.

— Не ты, — сказал я тихо. — Ты бы не сделал то, что сделал я.

— Я *не смог бы* сделать то, что сделал ты, — просто ответил Майкл. — И я не стоял на твоём месте, перед таким выбором. — Он приподнял пиво к потолку: — Спасибо тебе за это, Господи. Так что если ты пришёл сюда за осуждением, Гарри, от меня ты его не получишь. Я делал ошибки. Я лажал. Я человек.

— Но эти ошибки могут меня изменить, — сказал я. — Я могу закончить, как все эти люди рядом с Никодимусом.

Майкл фыркнул:

— Нет, этого не будет.

— Почему нет?

— Потому что я знаю тебя, Гарри Дрезден, — сказал Майкл. — Ты патологически неспособен понять, когда нужно остановиться. Ты не сдаёшься. И я не поверю ни на секунду, что ты на самом деле намерен помочь Никодимусу в его деле.

Я почувствовал, как улыбка тронула уголок моих губ.

— Ха! — воскликнул Майкл, садясь в кресло, и отхлебнул ещё пива. — Я так и думал.

— Есть одна хитрость, — сказал я. — Я должен помогать ему во время, но не потом. Технически.

Майкл поморщился.

— Фейри! Я никогда не понимал, почему они всегда говорят как юристы.

— Я — Зимний рыцарь, — сказал я, — но тоже не врубаюсь, почему.

— Меня это странным образом обнадёживает, — сказал Майкл.

Я хихикнул:

— Да. Есть немного.

Его лицо посерьезнело.

— Никодимус в деле предательства как рыба в воде, — заметил он. — Он наверняка знает о твоём намерении. Он умён, Гарри. Его опыт в борьбе за выживание исчисляется столетиями.

— Это правда, — согласился я. — С другой стороны, я тоже не совсем пальцем деланный.

Его глаза блеснули.

— Тоже верно.

— И со мной Мёрфи, — добавил я.

— Это хорошо, — сказал Майкл, стукнув бутыл-

кой по столу в подтверждение своих слов. — У этой женщины есть и мозги, и сердце.

Я закусил губу и посмотрел на него:

— Но… Майкл, она ни разу… за прошедший год…

Он вздохнул и покачал головой.

— Гарри… Ты знаешь, что этот остров значит для всех нас?

Я тоже покачал головой.

— В последний раз, когда я там был, в меня попали две пули. В итоге месяц я пробыл в реанимации, четыре месяца был прикован к постели, и снова смог ходить только почти через год. Мои бедро и поясница были неизлечимо повреждены, и, с физической точки зрения, это был самый долгий, ужасно болезненный и страшно унизительный опыт в моей жизни.

— Да уж, — сказал я.

— Ты знаешь, что мне снится в кошмарах?

— Что?

— Остров, — ответил Майкл. — Его… присутствие. Его недоброжелательность. — Он вздрогнул.

Майкл, рыцарь Креста, который, не моргнув и глазом, смотрел на смертельно опасных духов, демонов и монстров, дрожал от страха.

— Это ужасное место, — тихо произнёс он. — Его воздействие… Ясно, что тебя оно не затрагивает. Но лично я не уверен, что смогу вернуться туда снова, по собственной воле.

Я моргнул.

— Но я знаю, что Молли туда возвращалась. И, как ты говорил, Кэррин тоже. И Томас. Много раз. — Он покачал головой. — Это… поражает меня, Гарри.

— Они… Они ни разу ничего не сказали, — произнёс я. — Я имею в виду, они там не ночевали, но всё же…

— Конечно же, не ночевали, — сказал он. — Ты уже достаточно корил себя за то, в чём не виноват. Неравнодушные люди не хотят добавлять ещё и это. — Он замолчал, а потом мягко добавил: — Но ты решил, что всё из-за тебя.

Я допил пиво и кивнул.

— Высокомерный, — сказал я. — Чувствую себя идиотом.

— Хорошо, — ответил Майкл. — Иногда полезно себя так чувствовать. Это помогает осознать, что ещё есть, чему учиться.

То, что он сказал об острове, укладывалось в картину. Я вспомнил свои первые визиты на остров, и как тревожно мне там было. У меня есть

талант и огромная практика в плане защиты от психических воздействий, и я защищался от него чисто рефлекторно, отгораживаясь от самого страшного, что он мог со мной сделать. Чародей. И немногим позже я вызвал Предел Демона на ритуальный поединок, который сделал меня Стражем этого места, освободив от его злобного воздействия.

У Томаса не было такой практики и такой защиты, как у меня. Для Молли, куда более чувствительной к подобной энергии, чем я, это должно было быть мучительно. И Кэррин, которая уже подвергалась раньше психическому нападению… Проклятье.

Все они и так уже заполучили кучу шрамов, помогая мне, и ни разу не жаловались… а я тут убивался из-за того, что они не хотели обзавестись новыми.

Майкл был прав.

Я совершенно зациклился на себе.

— Я тут понял, — сказал я. — Если бы я не был Зимним рыцарем… Мэб нашла бы другого головореза. — Мэб как-то уже говорила мне, кем бы она меня заменила — моим братом, Томасом. Я вздрогнул, представив, что было бы, если бы к его врождённым соблазнам добавились ещё и

соблазны Зимы. — Кто-то ещё взял бы на себя это бремя. И, возможно, был бы уже уничтожен.

— До тебя дошло только сейчас? — спросил Майкл. — Я подумал об этом спустя пять секунд, как узнал.

Я рассмеялся. И это действительно было хорошо.

— Так-то, — кивнул Майкл.

— Спасибо.

Я благодарил за множество вещей сразу. Майкл понимающе кивнул.

— И, конечно же, у нас тут есть ещё один очевидный вопрос, который мы пока старательно обходили стороной.

Ну разумеется, есть.

Мэгги.

— Я не хочу снова делать её мишенью, — сказал я.

Майкл терпеливо вздохнул.

— Гарри, — сказал он, словно разговаривая со слабоумным ребёнком. — Я сомневаюсь, что ты заметил. Но последний монстр, который посмел поднять руку на твоего ребёнка, плохо кончил. И его друзья. И союзники. И все, кто на него работал. И большинство его знакомых.

Я заморгал.

— Преднамеренно или нет, — сказал Майкл, — но ты оставил предельно чёткое и ясное послание для всевозможных хищников, на случай, если они когда-нибудь узнают о вашем с ней родстве.

— Ты думаешь, это остановит Никодимуса? — спросил я. — Хоть на одну секунду?

— От того, чтобы забрать её из этого дома? — поинтересовался Майкл и улыбнулся: — Я бы посмотрел, как он попытается.

Я поднял брови.

— Дюжина ангелов по-прежнему защищает этот дом, — сказал Майкл. — Это часть моего пенсионного пакета.

— Она же не всё время в доме, — возразил я.

— А вне дома её сопровождает Мыш, — сказал он. — Мы зарегистрировали его как медицинскую собаку. Он упреждает панические приступы.

Я издал смешок, представив Мыша в начальной школе.

— Вызывая панические приступы у всех остальных вокруг?

— Он настоящий джентльмен, — забавляясь, ответил Майкл. — Дети его обожают. Учителя позволяют лучшим ученикам поиграть с ним на переменах.

Я представил своего огромного лосеподобного

пса на детской площадке, бегающего по пятам за Мэгги и другими детьми, с дурацкой собачьей ухмылкой на морде, бодро сопровождающего детей во всех их забавах, двигаясь вокруг них с крайней осторожностью и бесстыдно подставляя пузо при первой же возможности.

— Звучит потрясающе.

— Дети часто потрясающие, — подтвердил Майкл.

Я закусил губу.

— Что, если… Майкл, она была там. Она была в храме, когда… — Я поднял глаза: — Что, если она помнит, что я сделал?

— Она ничего из этого не помнит, — возразил Майкл.

— Это сейчас, — сказал я. — Такие вещи… всё равно могут всплыть через какое-то время.

— Даже если так, — сказал он, — ты не думаешь, что она заслуживает знать правду? Всю? Когда будет готова?

Я отвёл взгляд.

— То, что я делаю… Не хочу, чтобы это отразилось на ней.

— Я своих детей тоже не хотел втягивать. Удалось мне это не в полной мере. Но я не жалею о своём выборе. Я сделал всё, что было в моих си-

лах, чтобы защитить их. И довольствуюсь этим.

— У моего босса есть некоторые отличия в политике по сравнению с твоим.

— Да, не поспоришь.

— Мне нужно идти, — сказал я. — Серьёзно. Время поджимает.

— Мы не закончили разговор о Мэгги, — сказал он твёрдо. — Но продолжим его в ближайшее время.

— Зачем? — спросил я. — Здесь она в безопасности. Она… она счастлива?

— По большей части, — ответил он по-дружески. — Она твоя дочь, Гарри. Она нуждается в тебе. И, думаю, ты нуждаешься в ней ещё сильнее.

— Я не знаю, как ты можешь мне такое говорить после того, что случилось с Молли.

Он наклонил голову.

— А что с Молли?

— Ты… ты ведь знаешь о Молли, так ведь? — спросил я.

Он моргнул.

— В последний раз с ней всё было в порядке. Я видел её в прошлые выходные. Ей что, грозит выселение из квартиры или что-то вроде того?

Я посмотрел на него в смятении, начиная кое-что понимать.

Он не знал.

Майкл не знал, что его дочь стала Зимней леди. Она не сказала ему.

— Гарри, с ней всё в порядке? — спросил он с беспокойством.

О, долбаные адские колокола! Она *не сказала* родителям?

Это было так похоже на Молли. Не моргнуть и глазом перед легионом злых фейри, но бояться рассказать родителям о своей новой карьере.

Но это был её выбор. И у меня не было права лишать Молли его.

— Она в порядке, — выпалил я. — Она в порядке. Я имею в виду… я имел в виду… э-э-э…

Майкл охнул, и на его лице появилось понимание:

— А, понятно. Ну, это… это ничего. Это в прошлом, всё уже наладилось.

Я не совсем понял, что он имел в виду, но увидел возможность избежать большой проблемы для Молли. И я этой возможностью воспользовался.

— Да, точно. В любом случае, спасибо ещё раз. За слишком многое.

— Ещё одно слишком многое, — ответил он, — и я вежливо настучу тебе по голове.

— Тебе придётся, чтобы до меня дошло.

— Я знаю. — Он встал и протянул мне руку.

Я пожал её.

— Майкл, ты когда-нибудь… скучаешь обо всём этом? — спросил я.

Он улыбнулся, и морщинки вокруг рта стали глубже.

— О сражениях? — он пожал плечами. — Я очень, очень счастлив, всё время, что провожу со своей женой и детьми.

Я сощурился.

— Это… не совсем ответ.

Он подмигнул мне. А потом проводил до двери, опираясь на трость.

Когда я добрался до машины, ледяная боль в моей руке уже притупилась до зуда. Я выздоравливал. Прежде чем возвращаться, я собирался принять какие-нибудь противовоспалительные, чтобы снять отёк. Да, я не чувствовал боль, но мне хватало мозгов делать всё возможное, чтобы снять нагрузку с Зимней мантии и сохранить силы до того момента, как они понадобятся. Нужно было заехать ещё за кое-какими вещами на тот же случай.

Что бы там Никодимус не замышлял, ему придётся раскрыть свои карты в ближайшие двадцать четыре часа, и я буду к тому готов.

Глава 21

Я едва успел доехать до скотобойни, как коробка передач арендованного автомобиля окончательно отдала концы.

Как ни странно, это меня ободрило. Я уже давно не ломал машин своим чародейством. И хорошо, что это не произошло с арендованной тачкой какого-нибудь более милого парня. На мгновение я почувствовал внезапную сильную тоску по моему старому «фольксвагену», в чём было столь же мало смысла, как и во всём том, что я сегодня делал. Голубой Жучок был неудобным и тесным, и в нём подозрительно пахло, не говоря уже о том, что он был собран из раскуроченных останков нескольких разных «фольксвагенов» шестидесятых годов, а я, должно быть, выглядел абсолютно по-идиотски, скрючившись за его рулём. Но Жучок был моим, и хотя он не гонял как гоночная машина, всё-таки ездил, большую часть времени.

Утрись, арендованная тачка! Встроенный голосовой GPS не протянул и двух кварталов.

— Джордан! — заорал я, как только вошёл,

затем бросил в динарианского оруженосца бумажный пакет с парой чизбургеров: — Жрачка, приятель. Она горячая, так что следи, чтобы сыр не обжёг язы… Ах, да. Прости.

Джордан сердито глянул на меня и принялся возиться с пакетом и дробовиком, пока не пристроил поудобнее то и другое. Я сделал добродушное лицо, похлопал его по плечу и потопал дальше. Поравнявшись с охранником на следующем посту, я сказал:

— А ты не получишь чизбургеров. Ты никогда не был со мной так приветлив, как Джордан.

Охранник хмуро посмотрел на меня, и, само собой, промолчал. Но это была лишь показуха. Никто не может устоять перед моим блефом и мужественным обаянием. В глубине души он хотел быть моим другом. Я просто уверен.

Когда я спустился на первый этаж скотобойни, Кэррин подняла глаза от длинного рабочего стола, полностью заваленного оружием. Она следила за моим приближением, и на её лице промелькнуло выражение одновременно настороженности и… некоторого недоверия.

— Гарри? — спросила она, когда я спускался по последним ступенькам.

— А кто же ещё? — поинтересовался я. — Ну

разве что этот придурок Грей, правда, он слишком занят, притворяясь Харви, чтобы быть мной.

Я достал ещё один пакет из «Бургер Кинга» и плюхнул его на стол перед Кэррин, затем забросил купленный на распродаже армейских товаров вещмешок обратно на плечо.

— Подумал, ты можешь быть голодна.

Она кинула взгляд на пакет фастфуда:

— Не уверена, что настолько изголодалась.

— Эй, полегче, Энни Оукли! Ты правда это сказала? Прямо мне в лицо?

Улыбка медленно расплылась по её губам и добралась до глаз:

— Гарри.

— Я… — выдохнул я. Разговор с Майклом заставил меня чувствовать себя почти на двадцать тонн легче, во всяком случае, внутри.

— Да. Похоже на то, — я почувствовал, что моя улыбка исчезла. — Харви мёртв.

Её лицо посерьёзнело, а взгляд обежал меня, остановившись на руке:

— Что случилось?

— Полония Лартесса заявилась с отрядом солдат-вурдалаков и замочила его, — сказал я. — Если только это не сделала Дейрдре. Или Грей. Я был по уши занят вурдалаками, когда это

произошло.

— Кто помог тебе с рукой?

— Хороший человек, — сказал я.

Кэррин уставилась на меня на секунду, а потом её брови взметнулись вверх:

— Вот как, — сказала она, и её глаза блеснули. — Это многое объясняет.

— Ага, — сказал я, покачиваясь на носках. — Дело в том, что кто-то пытается натянуть нас с нашей работой даже прежде, чем мы начнём.

— Какое безобразие.

Я хмыкнул.

— Если Тесса пытается остановить Никодимуса, я хотел бы знать, почему.

— Потому что она его жена? — сухо предположила Кэррин.

— Согласен, этого достаточно для мести, но… Не знаю. Ненавижу работать вслепую.

— И что нам теперь делать?

Я пожевал губу и сказал:

— Для нас ничего не меняется. Кроме…

— Кроме чего? — спросила она.

— Кроме того, что кто-то должен ответить за смерть Харви, когда мы закончим.

— Ага. Я прослежу за этим.

Я внимательно осмотрел стол.

— «Узи», — отметил я.

— Классика, — пояснила Кэррин. — Простые, надёжные, долговечные и *не* штурмовые винтовки.

Это было хорошо для невинных мирных жителей Чикаго. Пистолетные патроны с куда меньшей вероятностью могли пробить случайно стенку или десяток и убить какого-нибудь бедного олуха, сидящего в своей квартире за два квартала. Это не значило, что «Узи» не были безумно опасны — просто менее опасны, чем куча АК-47. Никодимус не делал ничего сгоряча. Либо он купил то, что легко было достать, либо он зачем-то пытался уменьшить сопутствующий ущерб.

— Головорезы Вязальщика умеют обращаться с «Узи»? — спросила Кэррин.

— Думаю, да. В прошлый раз они без труда похватали оружие. Надо выяснить у Вязальщика.

— Выяснить у Вязальщика что? — спросил Вязальщик, появляясь из дальнего конца цеха. В одной руке он нёс бутерброд, а в другой — стаканчик с чем-то вроде чая.

— Помяни чёрта, — сказал я.

Вязальщик изобразил передо мной церемонный поклон, махнув бутербродом.

— Ваши… люди умеют обращаться с «Узи», или им нужен инструктаж? — спросила Кэррин.

— Они справятся, — ответил он уверенно и даже нагло. — Не требуйте от них разобрать или починить один из них, или остроумной фразы перед выстрелом, но нажимать на спусковой крючок и перезаряжать они мастаки.

Его пронзительные глазки-бусинки замерли на шине на моей руке.

— Кто-то тут не умеет жить дружно?

Его глаза оторвались от меня и начали бегать по бойне. Я почти видел, как он считает в уме. Один Гарри, нет Дейрдре, нет Грея.

— Они в порядке, — успокоил его я. — Мы натолкнулись на кое-какое сопротивление на пути к нашему финансисту.

— Погоди! — сказал Вязальщик, подняв два пальца. Он развернулся и ушёл, жуя свой бутерброд, и вернулся через пару секунд с Ханной Эшер на буксире. Эшер изменила своему свитеру в пользу майки и выглядела так, словно её оторвали от беговой дорожки. Она быстро дышала и блестела от пота. Пара кусочков пепла застряли в тонких волосках на её предплечьях и запачкали одну щеку. Как и прежние, её новый образ был на редкость интригующим — парню легко было

представить, как она выглядела бы во время…

— Ну вот, — сказал Вязальщик. — Можешь продолжать.

— Мы следили за финансистом, — продолжил я. — Объявилась жена Никодимуса с командой из вурдалаков и направилась за ним. Финансиста убили.

— Это его жена сделала? — спросила Эшер.

— Женщины, — с презрением сказал Вязальщик.

Кэррин и Эшер одновременно посмотрели на него.

Он сложил руки на груди.

— Я на сто лет старше любого из вас, шушера. И я останусь при своём мнении.

— Я совершенно уверен, что я Харви не убивал, — сказал я. — Печёнкой чувствую, что это и не Грей. Кроме этого, я знаю не больше вашего.

— Ну, что я говорил? — сказал Вязальщик и по-заговорщицки кивнул мне. — Женщины.

Кэррин одарила меня очень пристальным взглядом.

Я прокашлялся:

— Потому что самка зверя смертоноснее самца?

Кэррин фыркнула и взяла следующий «Узи».

— Я не понимаю, почему жена Никодимуса пытается сорвать его планы? — спросила Эшер.

— Может, она хочет увести работу, — задумчиво предположил Вязальщик. — Это куча денег.

— Не, — сказал я. — К деньгам она равнодушна.

— Этого я и боялся. Что-то личное?

— Скажем так, слово «неблагополучный» даже рядом не лежало с этой семейкой.

— Охренеть! — сказал Вязальщик. — Почему все вмешивают свои хреновы личные дела? Никакой хреновой профессиональной гордости. — Он глянул на меня. — У нашей хреновой компании в том числе.

— Не выражайся, — поморщилась Эшер.

— Отвали, — ответил он. — Где Дейрдре и Грей?

— Грей изображает финансиста, — ответил я. — Где Дейрдре — я без понятия.

Вязальщик зарычал.

— Эй, кто-нибудь ещё следит за тем, сколько коз в загоне? — спросила Эшер.

— Восемь, — хором ответили Кэррин с Вязальщиком.

Я сделал примерный расчёт:

— Оно съедает одну козу за раз.

На меня посыпались косые взгляды.

Я пожал плечами.

— Здесь что-то есть. Это очевидно.

Эшер с Вязальщиком принялись оглядывать цех. Эшер обхватила себя руками, словно ей вдруг стало зябко.

— Оно большое, — спокойно заметила Кэррин, — если ест так много.

— Ага, — ответил я.

— И тихое.

— Ага.

— И очень, очень быстрое.

Вязальщик покачал головой:

— Охренеть.

— Что это такое? — спросила Эшер.

— Есть всякие варианты, — сказал Вязальщик. — И ни одного хорошего. — Он покосился на меня: — Думаешь, мускулы?

— Может, там, куда мы идём, нам понадобится нечто с такой физической силой, — сказал я.

Эшер нахмурилась:

— Или, может, оно здесь, чтобы убрать нас после того, как работа будет закончена.

— Если это правда, то мы не получили бы и шанса узнать об этом, — сказала Кэррин.

— Если только Никодимус не хочет, чтобы мы

так думали, — сказал Вязальщик.

Мы. Мне понравилось, как это прозвучало. Чем больше людей окажется на моей стороне, когда говно полетит на вентилятор, тем лучше.

— Давайте не будет лезть в эту кроличью нору, — предложил я. — У нас достаточно проблем и без паранойи.

— Вот именно, — сказал Вязальщик. — Работа на двадцать миллионов каждому, невидимое чудовище, шныряющее кругом, и психованная бывшая, пытающаяся сорвать нашу попытку натянуть чёртова греческого бога. Разве у нас есть причины для паранойи?

— Слушайте, — начал я, — в лучшем случае это значит, что Никодимус просто не рассказывает нам всего.

— Это мы и так знали, — сказала Эшер.

Я пожал плечами:

— А в худшем случае, кто-то из нас передаёт информацию кому-то из противников.

Эшер прищурилась:

— Чья бы корова мычала.

Я замахал рукой:

— В данный момент я играю по правилам. От начала и до конца. Иначе Мэб получит мою голову. — Ну, технически, она получит кусочки, на

которые её разорвёт, но не стоило углубляться в детали. — Я не собираюсь пускать наш поезд под откос.

Эшер выглядела скептически. Вязальщик выглядел задумчиво. Кэррин закончила осмотр очередного «Узи» и взяла следующий.

— Эш, деточка, — пробормотал Вязальщик и кивнул головой в сторону дальнего конца цеха.

Она кивнула, и они вдвоём направились туда плечом к плечу, тихо переговариваясь.

Кэррин проводила их взглядом, а затем спросила меня:

— Как ты думаешь, о чём они говорят?

— О том же, что и мы, — ответил я. — Гадают, когда и кто вышибет почву у них из-под ног и как им это пережить.

— Или думают о том, чтобы вышибить её самим, — сказала она.

— Или так, — согласился я. — Но… они не будут этого делать пока не получат свои мешки с драгоценностями.

— С чего ты взял?

— Вязальщик. Он наёмник, простой и предсказуемый.

— Или он хочет, что мы так думали.

— Или так, — сказал я и медленно выдохнул. —

Вся штука в том, чтобы выяснить, кто из них не тот, кем кажется.

— Кто из них? — спросила Кэррин, уверенно прикасаясь руками к оружию. — Да все они.

— И то верно, — согласился я. — Но будем искать мотивы. Кто лучше выполнит домашнее задание и поймёт, что хочет другой, тот и выиграл.

Уголки её рта дёрнулись:

— Тогда у нас проблемы. Потому что твои мотивы… определённо никогда не были тайной, Гарри.

— Это для тебя, — сказал я. — Для кого-то вроде Никодимуса я, должно быть, выгляжу как полнейший псих.

Кэррин хихикнула:

— А знаешь что? Я думаю, ты, наверное, прав. — Она взвела затвор «Узи», поймала вылетевший патрон, затем положила оружие на стол и кивнула: — Вот и всё. Все сорок.

Я хмыкнул.

— Какой-то из библейских парней собрал армию из сорока воинов или типа того?

— Гедеон. У него было три сотни.

— Я думал, это у спартанцев.

— И у спартанцев тоже, — подтвердила Кэррин. — Если не считать, что у них было около

четырёх тысяч других греков в дополнение к их трём сотням.

— Триста лучше смотрятся в фильме. Но у кого же тогда было сорок парней?

— Столько дней и ночей дождь поливал Ноев ковчег.

— Да ну? У кого-то точно было сорок парней.

— Али-Баба?

— У него не было сорока парней — он обдурил сорок парней.

— Наверное, ты опять вспомнил какой-то мультфильм, — сказала Кэррин.

— Наверное, — согласился я и уставился на пушки. — Сорок этих демонов в костюмах. С «Узи».

Она поморщилась.

— Да. Только чтобы вставить патроны во все магазины, мне понадобится часа три.

— Что это за цель такая, что для нападения на неё нужно сорок демонов-солдат с автоматами?

Кэррин покачала головой:

— Военный объект?

Я хмыкнул.

— Никто не набирает столько оружия, если не собирается его использовать, — сказала Кэррин. — Если дело дойдёт до того, что головорезы Вязальщика начнут стрелять в людей…

— Мы точно не будем стоять рядом и просто наблюдать, — заверил я её.

— Хорошо, — кивнула она и скривила рот в брезгливой гримасе. — Если ты бросишься их спасать, разве это не расстроит Мэб?

— Её Мороженое Величество может расстроиться, но если она станет утверждать, что удивлена, я рассмеюсь ей в лицо.

— Но она может убить тебя из-за этого, — тихо сказала она.

— Как будто она раньше не пыталась, — ответил я по возможности дерзко и уверенно.

Кэррин отвернулась резче, чем следовало. Дело не дошло до стряхивания слёз с ресниц или чего-нибудь вроде того, но на секунду она стала выглядеть на десять лет старше. Она кивнула, и словно бы собиралась что-то сказать.

— Кэррин? — спросил я.

Она тряхнула головой и сказала:

— Мне нужно зарядить все эти магазины.

— Тебе помочь?

— Конечно.

Мы занялись установкой девятимиллиметровых патронов в сто двадцать магазинов на тридцать два. Восемьдесят шесть сотен патронов или около того. Даже с приспособлением для

быстрого снаряжения магазинов это требовало времени, и мы работали в солидарной тишине, иногда нарушаемой шагами охранника или всё более тихими ритмичными глухими ударами, доносившимися из дальнего конца цеха — Эшер, видимо, практиковалась в своём заклинании для пробивания стен.

Стоило нам закончить, как с противоположной стороны раздались шаги, и, подняв голову, я увидел Никодимуса, марширующего в нашу сторону с парой охранников, семенящих за его спиной. Рядом шла Дейрдре в своей человеческой форме с лицом, на котором можно было прочесть только одно недружелюбие.

— Оружие готово? — спросил он Кэррин, даже не остановившись.

— Всё готово.

— Отлично. Прошу к столу для переговоров.

— Зачем? — спросил я. Моя левая рука годилась только для того, чтобы держать магазин, пока я его заряжал, и пальцы правой руки теперь саднило.

Прошедший мимо Никодимус оглянулся на меня через плечо, и его глаза задержались на шине.

— Грей вернулся. Пора поговорить о нашей

цели.

Глава 22

Мы вновь собрались за столом для переговоров, и Анна Вальмон скользнула на сидение рядом со мной.

— Привет! — сказал я. — Как там твои нырки?

Она посмотрела на меня и слегка улыбнулась:

— Я в этой команде «проныра». Проныра — это тот, кто может пролезть в такое место, куда ты сам бы не добрался. — Её голос стал насмешливым: — А нырки — это из другой оперы.

— Хорошо, понял, — сказал я, прищурившись и кивая. — Ну и как там твои пролазки?

Вальмон хихикнула.

— Должна признать, что мне самой не терпится стать первой, кто справится с одним из монстров Фернуччи.

— А ты сможешь?

Она медленно кивнула:

— Думаю, да.

Неторопливой походкой вошёл Грей, точно такой же, каким он был этим утром, и сел за стол.

— К порядку, пожалуйста! — объявил Никодимус, пока Грей усаживался рядом с Дейрдре. — Мы

быстро закончим, затем будет перерыв на обед, если никто не возражает.

— Я не возражаю, — протянула Эшер. Она выглядела более потной и испачканной, чем пару часов назад, но выражение её лица было явно самодовольным. — Я просто ненасытна.

— Как я вас понимаю, — сказал Никодимус. — Дейрдре?

В очередной раз Дейрдре обошла стол с папками, озаглавленными просто «ЦЕЛЬ».

— Я хотел спросить, — начал я, — ваш генеральный план включает в себя медицинскую страховку?

— Дрезден… — вздохнул Никодимус.

— Потому что такой вещи, как страховка, сейчас придают всё больше и больше значения. В смысле, я понимаю, что правительство хочет как лучше и всё такое, но все эти бюрократы, если честно…

Никодимус продолжал смотреть на меня.

— Застраховать жизнь тоже не помешало бы. — Я посмотрел на Эшер и подмигнул: — Может, нам стоит устроить забастовку, пока не получим полис пожизненного страхования на случай смерти?

Эшер мельком ухмыльнулась мне и произ-

несла:

— Я всегда думала, что страховаться — это всё равно что делать ставки на свой проигрыш.

— Нет, — сказал Вязальщик. — По моему опыту, вы просто должны вести себя осторожно.

— Дети, — со вздохом сказал Никодимус. — Можем мы уже сосредоточиться на деле?

— Но мне ещё даже не представился шанс подёргать Дейрдре за косички, — сказал я.

Дейрдре сердито посмотрела на меня, её глаза метали искры.

— Ладно, ладно, — сказал я и заткнулся.

— Каждый из вас, — начал Никодимус, — принёс к этому столу свою часть того, что нам понадобится для достижения конечной цели — хранилища № 7 во владениях повелителя Подземного мира.

— В смысле, Аи…

— Не могли бы вы не произносить его имя в течение следующих двадцати четырёх часов или около того, пожалуйста, мистер Дрезден, — сказал Никодимус страдальческим тоном. — Если вы, конечно, не предпочитаете, чтобы он ждал нас всех к себе в гости. Конечно, вероятность того, что он услышит кого-то из нас, исчезающе мала, но мне кажется разумным предпринять несколько

упреждающих действий.

— Ну, как хочешь, — сказал я. Наверное, этот Аид сильно избалован вниманием. Все эти книжки и фильмы про него, и лекции по мифологии, которые читают по всему миру. Полагаю, он слышит, как произносят его имя, в том или ином виде, десятки, если не сотни тысяч раз в день.

Каждое упоминание имени могущественного сверхъестественного существа — это вроде как послать ему сообщение на пейджер или свистнуть, чтобы обратил внимание. Будь у меня телефон, который не ломался бы больше часа, отвлекающий меня десять тысяч раз в день, я бы забросил эту штуку куда подальше. И важные сверхъестественные существа, особенно такие похожие на людей греческие боги, наверняка поступили бы так же. Велики шансы, что я мог сидеть и трепаться час или два, упоминая его имя, но он даже не заметил бы горсточку моих сообщений среди всех остальных. Требовалось непрерывное намеренное повторение, как правило, не менее трёх раз, чтобы сигнал пробился сквозь шум.

Но, с другой стороны… всегда есть шанс, что именно на моё упоминание Аид случайно решит ответить. И это было бы совсем плохо. Поэтому я

заткнулся, хотя и нахамил Никодимусу.

— Как только мы доберёмся до входа в хранилище в Подземном мире… — начал Никодимус.

Я поднял руку и спросил:

— Можно вопрос?

Левый глаз Никодимуса начал дёргаться.

Я не стал ждать разрешения:

— Планируете просто так взять и завалиться к хранилищу через Проход? Чёрт, даже Гераклу такое не под силу. Ему пришлось совершить целый подвиг, чтобы добраться туда. Там было про собаку и ещё чего-то. Что, думаете, мы просто перепрыгнем через все укрепления вокруг владений короля Подземного мира?

Все вокруг навострились, даже Грей. Они смотрели на Никодимуса и ждали ответа.

— Да, — ответил Никодимус ледяным тоном.

— Вот так просто, да? — сказал я.

— Когда мы доберёмся до хранилища, — продолжил Никодимус, словно мой вопрос был слишком банален, чтобы тратить на него время, — от цели нас будут отделять трое врат: врата Огня, врата Льда и врата Крови.

— Весело, — заметил я.

— Само собой, Эшер была выбрана за её владение огнём. А вы, Дрезден, как Зимний рыцарь,

само собой, займётесь вратами Льда.

— Это, само собой, понятно, — сказал я. — А что насчёт врат Крови?

Никодимус вежливо улыбнулся.

Ну, конечно. Старина Ник, наверное, пролил больше крови, чем все мы вместе взятые, за исключением Дейрдре.

— Что именно из себя представляют эти врата?

— Если бы я знал это, мне не пришлось бы нанимать надоедливых экспертов, — ответил Никодимус. — Каждый из нас займётся своими вратами, остальная команда будет помогать, как сочтёт нужным. После того как мы минуем их, мы окажемся в хранилище. Оно довольно большое. У вас будет несколько минут, чтобы взять то, что вы посчитаете нужным. По истечении оговоренного времени я ухожу. Любой, кто останется, может пенять на себя.

Я снова поднял руку и снова не стал ждать разрешения задать вопрос:

— А за чем вы охотитесь?

— Прошу прощения? — спросил Никодимус.

— Да, вы, — повторил я. — «Хранилище № 7» звучит как ужасно точный адрес. И вам не нужны деньги. Поэтому я хочу спросить: что такое вам понадобилось именно там?

— Это совершенно вас не касается, — ответил Никодимус.

— Нет, чёрт возьми! — фыркнул я. — Мы все подставляем свои шеи, и если что-то пойдёт не так, разгневанный бог окажется у нас на хвосте. Я хочу знать, что там такого ценного — ценней, чем двадцать миллионов. Кроме того, много чего может пойти не так. Может, вы по пути откинете коньки от чьей-нибудь руки, и я, может, захочу забрать эту штуковину себе.

Вязальщик что-то буркнул в знак согласия, Кэррин и Вальмон закивали. Даже Эшер выглядела заинтересованной. Грей в задумчивости поджал губы.

— К тому моменту, как мне настанет конец, все вы уже будете мертвы, — спокойно сказал Никодимус.

— Ну, сделай мне приятное. Это дело уже начинает пованивать. Разумные люди ушли бы уже после того, что случилось сегодня.

За столом поднялась новая волна шёпота, а Вальмон спросила:

— А что случилось сегодня?

Я рассказал ей о Тессе, её вурдалаках, Дейрдре и Харви. Губы Вальмон сжались в линию. Она лучше многих знала, что остаётся от смертного

после встречи с динарианцем, а два из трёх подозреваемых были рыцарями Монеты.

— Это не имеет отношения к нашей миссии, — сказал Никодимус.

— Чёрта с два не имеет, — ответил я. — Не скажу за всех, но последняя вещь, которая мне нужна — это полоумная бывшая, лезущая в наши дела в приступе мести.

— Не в этом дело, — продолжал возражать Никодимус.

— Тогда в чём же? — спросил я. — Я всю свою жизнь имею дело с Белым Советом и привык, что ко мне относятся, как к грибу…

— Как относятся? — удивилась Эшер.

— Держат в темноте и кормят дерьмом, — тихо пояснил Вязальщик.

— А-а-а.

— …но это переходит все границы, даже по моим меркам. Вы просите поверить в план проникновения в неприступное хранилище. Поверить, что наша доля будет ждать рядом с тем, что нужно вам. Поверить в то, что Тесса не объявила нам всем джихад, но не объясняете, в чём дело. — Я прошёлся взглядом по моим криминальным подельникам вокруг стола. — Доверие — это улица с двусторонним движением, Нико-

димус. Пора поделиться информацией.

— Или что вы сделаете?

— Или, может, мы все бросим эту кучу пустых обещаний, не подтверждённых ни кусочком доказательств, — сказал я.

Никодимус сощурился:

— Дрезден и его женщина, само собой, заодно.

Кэррин нахмурилась.

Но Никодимус не обращал на неё внимания:

— А как насчёт остальных?

— Он говорит дело, — тихо ответила Вальмон.

Эшер сложила руки на груди и нахмурилась.

Вязальщик вздохнул:

— Двадцать. Миллионов. Бабок. Подумай, девочка.

— Мы не сможем их потратить, если умрём из-за того, что положили головы на плаху и позволили их отрубить, — твёрдо ответила Эшер.

Никодимус кивнул:

— Грей?

Грей постучал кончиками пальцев по губам и сказал:

— Меня беспокоит личностный аспект этого вмешательства. Работа такого рода требует чистого профессионализма. Команды.

Вязальщик издал невербальный звук согласия

с утверждениями Грея.

— Я никогда не бросаю работу, если уж на неё согласился. Вы знаете мои правила, Никодимус, — продолжил Грей. — Но я пойму, если так поступит другой профессионал, у которого нет таких жёстких стандартов и таких талантов, как у меня.

Никодимус целую секунду задумчиво разглядывал Грея:

— Что вы скажете, как профессионал?

— Чародей говорит дело, — сказал Грей. — Он назойливый и упрямый, как осёл, но он не глуп. На вашем месте я бы инвестировал некоторую долю доверия, чтобы уравновесить ваши требования.

Какое-то время Никодимус размышлял над его словами, а затем кивнул головой:

— Нельзя просто взять и нанять эксперта, а потом игнорировать его мнение, — произнёс он и повернулся к остальным: — Хранилище № 7 содержит помимо обычных отделов с золотом и драгоценностями несколько предметов поклонения западных религий. Я собираюсь взять там чашку.

— Чё? — спросил Вязальщик.

— Чашку, — повторил Никодимус.

— Всё это — из-за чашки, — заключил Вязальщик.

Никодимус кивнул.

— Простая керамическая чашка, похожа на чайную, но только без ручки. Довольно старая.

Я разинул рот, и почти тут же у меня перехватило дыхание.

Грей поджал губы и присвистнул.

— Подождите-ка, — сказала Эшер. — Вы о том, о чём я думаю?

— Иисус, Мария и Иосиф, — тихо пробормотала Кэррин.

Никодимус повернул лицо в её сторону:

— Я прошу вас, мисс Мёрфи.

Она одарила Никодимуса маленькой недоброй улыбкой.

Вязальщик сообразил секундой позже:

— Чёртов святой Грааль? Вы издеваетесь?

Вальмон повернулась ко мне, нахмурившись:

— Он что, существует?

— Он существует, — ответил я, — но был утерян больше тысячи лет назад.

— Не утерян, — невозмутимо поправил меня Никодимус, — а помещён в коллекцию.

— Чаша, в которую была собрана кровь Христа, — задумчиво проговорил Грей и посмотрел

на Никодимуса: — Так зачем вам эта старинная вещь?

— Сентиментальная ценность, — с бесхитростной улыбкой ответил Никодимус и поправил узкий шнурок своего серого галстука. — Я иногда собираю такого рода артефакты.

На самом деле это был вовсе не галстук. А просто затянутый в петлю кусок старой верёвки… той самой, на которой повесился Иуда, предав Христа, если я, конечно, ничего не путаю. Она делала Никодимуса практически неуязвимым. Не уверен, что ещё кому-то в мире было известно то, что знал я: верёвка не защищала Никодимуса от самой себя. Я почти задушил его ею при нашей последней встрече — отсюда и его погрубевший голос.

Было не похоже, что Грей поверил такому ответу, но это не помешало ему удовлетвориться им. Он оглядел комнату и произнес:

— Ну вот. Теперь вы знаете больше, чем раньше. Этого хватит?

— А Тесса? Почему она не хочет, чтобы вы гонялись за Граалем? — спросил я.

— Она хочет его себе, конечно, — ответил Никодимус. — Но я разберусь с ней, прежде чем мы начнём. С этим проблем не будет. Я даю вам свою

личную гарантию.

Грей развёл руками:

— Ну, мне этого достаточно. Вязальщик?

Маленький коренастый человек задумчиво прищурился и медленно кивнул.

— Эш?

— Ну, ладно, — ответила Эшер. — Без проблем. Для меня этого пока достаточно.

— Но… — начал я.

Эшер закатила глаза:

— О, не будь таким плаксивым маленьким… — Она повернулась к Вязальщику: — Жлобом?

— Жлобом, — согласился он.

— Не будь таким плаксивым маленьким жлобом, Дрезден, — повторила Эшер. — Я проголодалась.

Чем больше я вынуждал Никодимуса уступать, тем сильнее падал его авторитет. Но чем больше остальные будут защищать его, тем больше влияния ему удастся сохранить. Пора попробовать другой подход.

— И ты тут такая не одна, — обратился я к Эшер и указал на козий загон: — Прежде чем двинуться куда-нибудь, я хочу знать, что истребляет коз.

— Ах, это, — сказал Никодимус.

— Да, это.

— Это важно?

Я сердито посмотрел на него.

— Типа того, — сказал я. Затем, подумав немного, продолжил уже громче: — Какую бы большую, уродливую, вонючую и глупую штуку вы здесь ни держали, я думаю, она не из нашей компании. Учитывая нашу цель, я не вижу смысла брать с собой безмозглую гору мышц.

Грей поморщился.

Я почувствовал его почти сразу. Волосы на моём затылке вдруг начали пытаться ползти вверх по голове. Меня почти полностью охватило ощущение чистейшего страха, совершенно инстинктивная реакция на сообщение от моего примитивного заднего мозга: «Крупный хищник пялится на тебя».

— Да уж, вот теперь я привлёк твоё внимание, — пробормотал я себе под нос. Затем повысил голос и обратился к Никодимусу: — Дело в том, что Грей прав. Настало время раскрыть детали. Так кто же последний член команды?

— Я вовсе не хотел никого пугать, — сказал Никодимус. — У меня просто несколько иной взгляд на вещи, нежели у вас, детишек. Но я могу понять вашу тревогу.

Чушь. Он прекрасно знал, что делает, подсо-

вывая нам этих коз и позволяя забить этим свои головы. Он с самого начала хотел, чтобы мы знали, что у него есть в рукаве что-то большое, скверное и опасное.

— Если не возражаете, думаю, настало время для знакомства, — сказал Никодимус, обращаясь ко всем сразу.

Сперва я учуял запах, и мой загривок попытался соскользнуть вниз и спрятаться в каком-нибудь укромном месте. Насыщенный, резкий, животный — запах большого зверя в непосредственной близости. Через несколько секунд козы ударились в панику и заметались в загоне, испуганно блея.

— Что за чёрт! — выдохнула Вальмон, тревожно озираясь по сторонам.

Я же не стал вытягивать шею, а лишь напряг своё чародейское чутьё, выискивая в воздухе неуловимые вибрации магической энергии. Мне никогда не удавалось поставить завесу, которая маскировала бы запах. Но то, что я не мог этого сделать, ещё не значило, что это было невозможно. У магии иллюзии есть один большой недостаток — это всё ещё магия. Обладая острым чутьём и зная наверняка, что где-то стоит завеса, вполне можно обнаружить источник магической

энергии. Нужно только хорошенько поискать.

Тщательно сконцентрировавшись, я отыскал его уже через мгновение — в десяти футах позади меня.

Я как бы невзначай повернулся в кресле, скрестил руки на груди, упёрся взглядом в пустое место, где чувствовал энергию, и принялся ждать, пытаясь выглядеть скучающе.

На всеобщее обозрение медленно проявилась совершенно неподвижная фигура. В общих чертах она напоминала человеческую — но только в общих. Покрытая тугими слоями мышц, слишком плотных и непропорционально больших, чтобы сойти за человеческие… Мускулов было так много, что их очертания проступали даже сквозь толстый слой серой всклокоченной шерсти, покрывавшей всё тело. Росту в нём было больше девяти футов. Массивные плечи отлого поднимались к шее в три дерева толщиной. Голова тоже была странной формы: череп слишком сильно скошен для человеческого, с широким лбом и надбровными дугами, выступающими вперёд единым горным хребтом. Глаза скрывались в тени этих сросшихся бровей, поблёскивая, словно ножи убийцы, затаившегося в глубине пещеры. Его черты были грубыми и животными, а руки и

ноги — абсолютно гигантскими… И я прежде уже встречал подобную тварь.

— Звезды и камни! — выдохнул я.

Массивная бровь поднялась, опустилась. На секунду мне показалась, что где-то снаружи гремит гром, а потом до меня дошло, что из его груди вырывается почти неслышимый низкий рокот.

Оно рычало.

На меня.

Я сглотнул.

— Это дженосква, — произнес Никодимус в ошеломленной тишине. — Он всех вас уже конечно знает, ведь прибыл первым.

— Да уж, большой, — слабым голосом произнес Вязальщик. — И в чём его задача?

— Я поделился с Дейрдре своим беспокойством насчет доступа к интересующему нас хранилищу, — сказал Никодимус. — В прошлом там были довольно внушительные стражи, приглядывающие за всеми входами и выходами из этого места. Дженосква согласился присоединиться к нам, чтобы уравновесить силы, если кто-нибудь из охраны встанет у нас на пути.

— Огр? — спросила Эшер.

— Нет, не огр, — тут же ответил я. — Он один из лесных людей.

Возможно, дженосква зарычал чуть громче. Звук был такой низкий, что трудно было сказать наверняка.

— И в чём разница? — поинтересовалась Эшер.

— Я как-то видел, как один из лесных людей сражался с двадцатью вурдалаками в честном бою, — ответил я. — Так вот, бой и близко не был честным. Если бы он довёл дело до конца, ни один из них бы не выжил.

Дженосква резко выдохнул воздух через нос. Звук был… просто *мерзкий*, пропитанный яростью, жгучей, лютой ненавистью.

Я вытянул вперёд руки, ладонями кверху. Я редко встречал такую силу, физическую, и не только, какую демонстрировал Река в Плечах, лесной человек, несколько раз встречавшийся на моём пути. Поэтому мне очень хотелось по возможности наладить отношения.

— Прости за то, что я тут наговорил. Мне казалось, Никодимус прячет тут кого-то вроде тролля. Не думал, что это будет один из лесных людей. Я как-то пересекался по работе с Рекой в Плечах. Может, ты слышал о…

Я даже не понял, что произошло. Полагаю, дженосква кинулся на меня и атаковал. Только что я пытался установить какое-то взаимопонимание,

а в следующую секунду уже кувырком летел через весь цех в дюжине футов от земли. Передо мной промелькнул стол для переговоров, потом окна, потолок… и недоверчивое лицо Джордана, уставившегося на меня с мостков. А затем я впечатался в кирпичную стену, череп отозвался вспышкой белого света. Я даже не заметил, как упал и шмякнулся об пол… или просто этого не помню.

Я помню, как поднялся, готовый сражаться. Дженосква прошёл над столом — просто *перешагнул его* — и сократил дистанцию в три огромных, по-кошачьи бесшумных прыжка, двигаясь с лёгкостью танцора, несмотря на то, что весил фунтов восемьсот, как минимум.

Я швырнул в него заряд Зимы, но он лишь презрительно махнул рукой и, брызжа слюной, прорычал заклинание. Лёд, который должен был накрыть его, просто… стёк на пол у его ног. Пол погасил мою магию так же эффективно, как громоотвод принимает на себя молнию.

У меня было где-то полсекунды, чтобы осознать, что мой лучший удар отскочил от него, причинив не больше вреда, чем если бы я запустил в него поролоновой подушкой. А затем он снова ударил меня.

Я перевернулся в воздухе. И снова врезался в стену. Не успел я упасть, он уже был тут как тут… и его гигантские руки всадили ржавый старый гвоздь мне в левую грудную мышцу.

Стоило стальному гвоздю прорваться сквозь кожу, моя связь с мантией Зимнего рыцаря разрушилась, и это снова был лишь старый добрый я, без наворотов.

Это подразумевало боль.

Целую уйму боли.

Мантия заглушала боль в сломанной руке и в других местах, и стоило мне потерять связь с ней, на мозг сразу обрушилось множество мучительных ощущений. Я закричал и забился, обеими руками перехватывая запястье дженосквы и пытаясь отпихнуть от себя его руку вместе с гвоздём. Это было всё равно что пытаться опрокинуть здание. Я не смог даже привлечь его внимание к своим усилиям, хотя бы покачнув его руку, не говоря уже о том, чтобы сдвинуть её.

Он нависал надо мной, огромный, серый, вонючий, пихая свою противную рожу прямо мне в лицо и тяжело дыша через рот. Пахло оттуда кровью и гнилым мясом. Когда он заговорил, его голос прозвучал удивительно ровным, глубоким басом.

— Считай это дружеским предупреждением, — сказал он, с резким, каким-то неприятным, акцентом. — Я не один из этих хнычущих лесных людей. Ещё раз заговоришь обо мне и об этом жующем цветочки и сношающемся с сурками Рекой в Плечах в одном предложении, и я сожру твои потроха прямо у тебя на глазах.

— Фуф, — сказал я. Комната вращалась, словно в каком-то паршиво снятом кино про пьянку. — Кхм.

Очевидно, гвоздь отобрал часть силы и у серёжки Мэб. Кто-то вбил мне по свае в каждый висок, и внезапно я уже не мог дышать.

Дженосква резко отступил от меня, будто я был чем-то, недостойным его внимания. Он повернулся к остальным, а я отчаянно вцепился в торчащий из груди гвоздь.

— Вы, — обратился он к людям, сидящим за столом. — Делайте, что говорит Никодимус. Или я вам головы поотрываю.

Он согнул свои огромные руки, и я вдруг заметил, что они заканчивались отвратительными грязными когтями.

— Я был здесь почти два дня, и никто из вас даже не увидел меня. Вчера следовал за некоторыми из вас по всему городу. Никто не увидел

меня. Не станете делать свою работу — и куда бы вы ни убежали, от меня вам не спрятаться.

Сидящие за столом уставились на него, потрясённые и притихшие, и я понял, что мои попытки переплюнуть Никодимуса и подорвать его авторитет в команде только что накрылись медным тазом.

Дженоскве, видимо, понравилось произведённое впечатление. Он подошел к загону и выхватил оттуда козу, так невозмутимо, словно это была закуска в баре, а не проворное животное, отчаянно пытающееся избежать своей участи. Затем одной рукой сломал ей шею и исчез, даже ещё более внезапно, чем появился.

Через секунду Кэррин уже была около меня, хватая гвоздь своими маленькими, но сильными руками… но, чёрт побери, это было просто слишком больно. Я начал терять сознание.

— Что ж, нам пора подкрепиться, — смутно услышал я голос Никодимуса.

Ухожу, ухожу.

Ушёл.

Глава 23

Давненько я не бывал в этом местечке.

Это был ровный пустой пол какого-то огромного открытого, неосвещенного пространства. Звуки в нем не отдавались эхом, словно тут просто не было стен, чтобы отражаться. Я стоял в круге света, хотя и не мог разглядеть над собой никаких ламп.

Хотя в одиночестве я стоял тут впервые.

— Эй! — крикнул я в темноту пустого пространства. — Не похоже, чтобы мое собственное подсознание могло взять и исчезнуть, знаешь ли! Если ты хочешь мне что-то поведать, тебе лучше поторопиться! Я занят!

— Да, да, — ответил голос из темноты. — Я уже иду. Не выпрыгивай из штанов.

Шуршащие шаги и затем… появился я.

Хорошо, технически, это был не совсем я. Это был мой двойник, мысленное изображение меня, которое уже показывалось мне пару раз в прошлом, и, пожалуй, я не стал бы об этом рассказывать всяким психиатрическим докам, которые составляют всякие обязательные освидетельство-

вания. Называйте его моим подсознанием, моим вторым «я», голосом моего внутреннего подлеца, как угодно. Он был частью меня, показывающейся не слишком часто.

Он был одет в чёрное. Сшитая на заказ чёрная рубашка, чёрные брюки, дорогие чёрные туфли. У него даже была бородка.

Эй, я никогда не говорил, что мой внутренний мир ужасно сложен.

В дополнение к его обычному наряду на левой стороне груди была приколота брошь — снежинка, отлитая из серебра с такой точностью и подробностью, что можно было разглядеть кристаллическую структуру её поверхности. Впечатляюще. Я не знал точно, какого чёрта это значило, но учитывая, как прошёл мой день, резонно полагал, что ничего хорошего.

С ним был кто-то ещё.

Это была небольшая фигурка, укутанная во что-то, похожее на мягкое чёрное шерстяное одеяло. Она двигалась медленно, сгорбившись, словно испытывая ужасную боль, с трудом опираясь на руку моего двойника.

— Эм, — сказал я. — Что?

Мой двойник усмехнулся:

— Почему ты никогда не имеешь ни малейшего

понятия, что происходит внутри твоей собственной головы? Ты ведь заметил эту тенденцию? Это не мешает тебе?

— Я стараюсь не зацикливаться на этом, — ответил я.

Он усмехнулся.

— Адские колокола, так это правда. Нам надо поговорить.

— Почему ты просто не можешь посылать мне сны, как подсознания всех остальных?

— Я пытался, — сказал он голосом, который был подозрительно похож на мультяшного лося Бульвинкля. — Но кое-кто был слишком занят, не зацикливаясь.

Я вздернул брови.

— Постой-ка. Тот… тот сон с Мёрфи? Это всё ты?

— Все эти сны присылал я, болван, — сказал мой двойник. — И я клянусь, чувак, ты, должно быть, самый забитый человек на всей планете.

— Что? Может быть, ты не заметил, но я точно ни под кого не прогибаюсь?

— Да не в смысле «запуганный», ты осёл. А в смысле «скованный». В плане секса. Да что с тобой не так?

Я обиженно моргнул:

— Что?

— У тебя всё было отлично со Сьюзан, — продолжил он. — А Анастасия… Вот это я понимаю! Тут есть что сказать по части опыта.

Я почувствовал, что краснею, и напомнил себе, что разговариваю с собой.

— И что?

— И что насчет того, что ты пропустил, тупица? — спросил он. — У тебя в голове была тень долбаного ангела, который мог показать тебе любой сексуальный опыт, какой ты можешь себе только *представить*, но использовал ли ты это? Нет. Мэб буквально *подсылала* к тебе девушек. Ты мог буквально сделать один звонок и получить полдюжины горячих сексуальных девушек сидхе, играющих в родео в любое время по твоему желанию, но вместо этого ты скачешь через клетки с заключёнными демонами. Проклятье, Ханна Эшер вполне бы с тобой занялась, если б ты захотел.

— Это паркур, — сказал я, защищаясь. — И только потому, что я не прыгаю в кровать с каждым, у кого есть вагина, это не значит, что я подавлен. Мне не нужен просто секс.

— А почему нет? — раздражённо спросил мой двойник. — Вперед к полигамии! Испей из чаши

жизни! Carpe femme! Ради всего святого, трахнись.

Я вздохнул. Точно. Моему внутреннему фрейдистскому «ид» не надо было задумываться о долгосрочных последствиях. «Ид» было бессознательным, примитивным, ведомым животными инстинктами. На секунду я задумался, не были ли «ид» и «идиот» однокоренными словами.

— Ты не получишь этого, — сказал я. — Должно быть что-то большее, чем физическое влечение. Должны быть уважение и привязанность.

— Ну конечно, — ответил он абсолютно кислым тоном. — Тогда почему ты всё ещё не трахнул Мёрфи?

— Потому что, — сказал я, начиная волноваться, — мы не… мы не должны… есть много всякого… Слушай, отвали.

— Ха! — сказал мой двойник. — Ты до усрачки боишься близости с кем бы то ни было. Боишься, что тебе причинят боль и бросят. Опять.

— Вот и нет, — сказал я.

— Ох, умоляю, — сказал он. — У меня ж прямой доступ к твоим мозгам. У меня все твои страхи на Blu-Ray записаны. — Он закатил глаза. — Думаешь, *она* не испытывает ничего подобного?

— Мёрфи ничего не боится.

— Два бывших мужа, и последний женился на её младшей сестре. Он даже, возможно, послал ей открытку со словами: «Ты мне нравишься, но ты слишком успешна. И стара». А ты долбаный чародей, живущий столетиями. Разумеется, она переживает на тему влечения к тебе.

Я нахмурился.

— Я… Ты серьёзно так думаешь?

— Нет, болван. *Ты* серьёзно так думаешь.

Я фыркнул.

— Ну, хорошо, парень. Раз уж ты такой умный, то что мне делать?

— Если у тебя есть кто-то по-настоящему важный тебе, мужик, иди и *возьми* её, — сказал моё «я». — Вы оба можете завтра умереть. Вы же буквально идёте в царство долбаной *смерти*, с ума сойти. Какого чёрта ты ждёшь?

— Э-э…

— Позволь мне ответить за тебя, — сказал он. — Молли.

Я моргнул.

— Ох, нет. Молли всего лишь ребёнок.

— Она *была* всего лишь ребёнком, — сказал мой двойник. — Ей уже за двадцать, если ты вдруг забыл. Она не настолько уж и моложе тебя, и в пропорции эта дистанция сокращается. И она

тебе нравится, ты ей доверяешь, и у вас двоих до хрена общего. Тогда трахни *её*.

— Чувак, нет, — сказал я. — Этого никогда не будет.

— Да почему нет?

— Это будет серьёзным нарушением доверия.

— Потому что она твоя ученица? — спросил он. — А вот и нет. Больше нет. Адские колокола, мужик, если задуматься, она же теперь практически твой босс. Ну, или, по крайней мере, тебе она больше не подчиняется.

— Я не буду это обсуждать, — сказал я.

— Подавление *и* отрицание, — едко сказал мой двойник. — Обратись к психотерапевту.

Фигура рядом с ним издала мягкий звук.

— Правильно, — сказал двойник. — У нас не так много времени. Мёрфи уже вытаскивает гвоздь.

— Времени для *чего*? — спросил я. — И кто *это* такой?

— Серьёзно? А не хочешь хоть немного прислушаться к своей интуиции?

Я нахмурился, глядя на другую фигуру, затем мои глаза расширились:

— Постой, это… это *паразит*?

Фигура вздрогнула и издала страдальческий стон.

— Нет, — сказал мой двойник. — Это то, что Мэб и Альфред *зовут* паразитом.

Я моргнул несколько раз.

— Что?

— Слушай, мужик, — сказал второй я — Ты должен решить эту проблему. Подумай, окей? Я не могу просто *поговорить* с тобой. Этот полусон — лучшее, что я могу, но ты должен пойти мне навстречу.

Я нахмурился.

— Постой. Ты говоришь, что паразит — на самом деле не паразит. Но это значит…

— Колесо сдвинулось, — сказал мой двойник тоном спортивного комментатора. — Жирный, ленивый старый хомяк, кажется, совершенно забыл, как это делать, но он вроде как двигается. Падают хлопья ржавчины. Паутины медленно рвутся.

— Да пошёл ты, — раздражённо сказал я. — Ты не показывался с тех самых пор, как…

Я умолк и молчал довольно долго.

— А, — сказал он, тыкая в меня пальцем и подпрыгивая на мысках своих ботинок. — Ах-хах! Ах-ха-ха-ха-ха-хах, забрезжил свет!

— С тех пор, как я коснулся монеты Ласкиэль, — тихо выдохнул я.

— Двигайся дальше, — призвал меня двойник. — Что случилось потом?

— Прикосновение к монете поместило мне в голову копию Ласкиэль, — сказал я. — Как отпечаток в глине, такой же формы, что и оригинал. Она пыталась склонить меня принять настоящую Ласкиэль, но я отверг её.

Мой двойник покрутил запястьем в жесте «продолжай движение».

— И тогда?

— И тогда отпечаток начал изменяться, — сказал я. — Ласкиэль неизменна, но её отпечаток был сделан из меня. Глиняная форма. Если изменилась глина, изменится и отпечаток.

— И?

— И я дал ей имя, — сказал я. — Я назвал её Лаш. Она стала независимой личностью со своими собственными правами. И мы как-то не очень ладили до тех пор… — я сглотнул. — До той психической атаки. Плохой. Она встала на её пути. Это её уничтожило.

— Да, — тихо сказал мой двойник. — Но… послушай, то, что она сделала, было актом любви. И ты был довольно близок с ней, когда это случилось, разделяя одно мысленное пространство. Забавно — ведь ты нервничаешь, когда только думаешь

о том, чтобы жить с женщиной, но присутствие одной буквально у тебя в голове проблемой не было.

— Что ты имеешь в виду?

— Господи, это ты должен быть тут разумом, — сказал мой двойник. — Думай же! — Он уставился на меня долгим взглядом, пытаясь вдохновить на понимание.

Мой желудок упал в какую-то невообразимую пропасть в то же время, как отвисла моя челюсть.

— Нет. Это не… это невозможно.

— Когда мамочка и папочка любят друг друга *очень сильно*, — сказал мой двойник голосом маленького ребёнка. — И живут вместе, и обнимаются, и целуются, и у них бывает близость…

— Я… — мне стало как-то нехорошо. — Ты говоришь… Я *беременный*?

Мой двойник воздел руки:

— Наконец-то! До него дошло.

За годы и годы бытия чародеем я имел дело с понятиями, формулами и мысленными формами, которые варьировались от странных до вызывающих безумие. Ничто из них никоим образом не подготовило мою голову к тому, чтобы осознать это. Вообще. Никак.

— Как это… Да это даже… Какого *чёрта*, мужик? — возмутился я.

— Духовная сущность, — спокойно ответил мой двойник. — Рождённая от тебя и Лаш. Когда она пожертвовала собой ради тебя, это был акт бескорыстной любви, а любовь — это фундаментальная сила творения. Само собой, что акт любви является актом творения. Ты помнишь это, правда? После её смерти? Когда ты всё ещё мог играть ту музыку, что она подарила тебе, даже когда её не стало? Ты мог слышать эхо её голоса?

— Да, — ответил я, чувствуя себя ошеломлённым.

— Это потому, что часть её осталась, — сказал он. — Сотворённая из неё — и из тебя.

И очень аккуратно он раскутал чёрное одеяло.

Она выглядела, как девочка двенадцати лет, переживающая последние недели детства перед тем, как гормональная буря закрутит её в водовороте стремительных изменений, которые приведут её в отрочество. Её волосы были тёмными, как у меня, но её глаза были прозрачно-зелёно-голубыми, какие часто бывали у Лаш. Черты её лица были смутно мне знакомы, и чисто инстинктивно я понял, что оно состоит из черт людей, которые окружали меня в жизни.

У неё был упрямый, квадратный подбородок Кэррин Мёрфи, круглые щечки, как у Ивы, линия губ Сьюзан Родригез. Её нос принадлежал моей первой любви, Элейн Мэллори, волосы — моей первой ученице, Ким Дилейни. Я знал это, потому что это были *мои* воспоминания, здесь, прямо передо мной.

Её взгляд беспокойно метался, и она дрожала так сильно, что едва стояла на ногах. На её ресницах оседал иней, буквально на глазах начиная расползаться по щекам.

— Она духовная сущность, — выдохнул я. — О, Господи. Она дух *интеллекта*.

— Вот, что случается, когда смертные сливаются с духами, — подтвердил мой двойник, уже не с таким жаром.

— Но Мэб назвала её паразитом, — сказал я.

— Многие люди так шутят, говоря о таких, как она.

— Мэб назвала её чудовищем. Сказала, что она навредит всем, кто мне близок.

— Она дух интеллекта, совсем как Боб, — сказал двойник. — Зачатая от духа падшего ангела и разума одного из самых сильных чародеев Белого Совета. Она родится со знаниями и силой, и совершенно не будет знать, что с ними делать.

Многие сказали бы, что это чудовищно.

— Аргх, — сказал я и схватился за голову. Теперь я понял. Мэб не соврала. Не совсем. Чёрт, да она же сказала мне, что паразит сделан из моей сущности. Моей души. Из… меня. Дух интеллекта рос, а у моей головы весьма ограниченное пространство. Он рос на протяжении многих лет, медленно расширяясь, оказывая всё большее физическое и психологическое давление на меня — выражающееся во всё увеличивающейся интенсивности моих мигреней всё это время.

Если бы я понял, что происходит, я бы мог что-то сделать раньше и, возможно, проще. Теперь же… Я опоздал и, кажется, это будут очень, очень трудные роды. И если я не получу помощь, подобно женщине, рожающей в одиночестве, у меня возникнут осложнения. Были высоки шансы, что моя голова не выдержит давления от того, как резко сущность вырвется из меня, в борьбе за пространство, которого стало слишком мало, просто руководствуясь инстинктом выживания. Это может свести меня с ума, или вовсе убить наповал.

Если это случится, появится новорождённый дух интеллекта, совершенно одинокий и сбитый с толку в мире, которого он не понимает, но о

котором у него много совершенно разной информации. Духи вроде Боба любят притворяться, что они абсолютно рациональны, но на самом деле у них есть эмоции и привязанности. Новый дух захочет завязать знакомства. И попытается это сделать с людьми, которые наиболее важны для меня.

Я вздрогнул, представив, как у маленькой Мэгги появляется очень, очень опасный воображаемый друг.

— Видишь? — спросил я своего двойника. — Ты *видишь? Вот* почему не надо заниматься сексом с кем попало всё время!

— Ты мозг, — сказал он. — *Разберись* с этим.

Огни замерцали, и он посмотрел вверх и по сторонам.

— Чёрт, гвоздь выходит.

Он был прав. Я почувствовал слабый укол в груди и затухающий отзвук агонии в голове. Иней продолжал покрывать девочку, и она вздохнула, её колени подогнулись.

Мой двойник и я успели наклониться и поймать её до того, как она упала.

Я взял её на руки. Она почти ничего не весила. Она не выглядела опасной. Она выглядела просто как маленькая девочка.

Её глаза распахнулись.

— Извини, — она запнулась. — Прости. Но это *больно* и я н-н-н-не могу говорить с тобой.

Я обменялся взглядом со своим двойником.

— Всё хорошо, — сказал я. — Всё хорошо. Я позабочусь об этом. Всё будет в порядке.

Она легонько вздохнула, и её глаза закрылись. Изморозь покрывала её слой за слоем, пока заклинание серьги Мэб повергало её в сон и тишину, успокаивая её — на текущий момент — и превращая её в красивую белоснежную статую.

Я даже не знал о её существовании — и она была полностью на моей ответственности.

Если я не справлюсь с этим, она убьёт меня при рождении.

Я бережно передал её своему двойнику.

— Ладно, я понял.

Он очень аккуратно взял её на руки и кивнул мне:

— Я знаю, она странная. Но она всё ещё твоё дитя, — его тёмные глаза сверкнули. — Защити потомство.

Действительно, первобытные инстинкты.

Я уничтожил целый народ, защищая своего физического ребенка. Передо мной была одна из причин, почему я так поступил. Это стремление

также было частью меня.

Я сделал глубокий вдох и кивнул ему.

— Я в деле.

Он укутал девочку в одеяло и развернулся, бережно унося её с собой во тьму. Он забрал с собой свет, и меня вновь поглотила тьма.

— Эй, — резко позвал меня мой двойник, с расстояния.

— Что?

— Не забывай сон! — сказал он. — Не забывай, как он закончился!

— И что это должно значить? — спросил я.

— Ты чёртов идиот! — прорычал мой двойник.

А потом пропал вместе со всем остальным.

Глава 24

Я открыл глаза и увидел потолок спальни Кэррин. Было темно. Я лежал. Свет из коридора проникал из-под двери спальни, и был почти невыносимо ярким для моих глаз.

— Именно это я и пытаюсь тебе объяснить, — узнал я голос Баттерса. — Я просто *не знаю*. Минздрав не выпускал стандартов лечения для чертовых Зимних рыцарей. У него может быть шок. Или кровоизлияние в мозг. Или просто очень сильная *сонливость*. Черт возьми, Кэррин, для этого и нужны *больницы* и настоящие врачи!

Я услышал, как Кэррин вздохнула.

— Хорошо, — сказала она без всякого тепла. — Что ты *можешь* сказать?

— Рука сломана, — сказал Баттерс. — Отёк и ушибы ситуацию не улучшили. Кто бы ни помял так алюминиевую шину (её что, накладывали в строительном магазине?), кости он снова сместил. Я снова всё собрал, как мне *кажется*, и опять наложил шину, но без рентгена я не могу быть уверен, что сделал всё правильно. А рентгеновский аппарат, наверное, взорвётся, стоит

только Гарри войти в комнату. Если я в чём-то напортачил, рука может получить непоправимые повреждения, — он шумно выдохнул. — Дырка в груди большого ущерба не нанесла. По его обычным стандартам. Этот чёртов гроздь не прошёл через мышцу, но был такой ржавый, что я надеюсь, прививка от столбняка у него есть. Дырку я заштопал, кровь смыл.

— Спасибо, — сказала Кэррин.

Голос Баттерса звучал устало:

— Ага, — он вздохнул. — Конечно. Кэррин… могу я тебе кое-что сказать?

— Что?

— Та штука, что он получил от Мэб. Я знаю, все думают, что она превратила его в своего рода супергероя. Но я так не считаю.

— Я видела, как он двигается, видела, как он силён.

— Я тоже, — сказал Баттерс. — Послушай… человеческое тело — удивительный механизм. На самом деле. Оно способно делать удивительные штуки — гораздо удивительнее, чем большинство людей может представить, потому что в него также встроена функция самозащиты.

— Что ты имеешь в виду?

— Ограничители, — сказал Баттерс. — Каждый

человек вокруг раза в три сильнее, чем сам о себе думает. В том смысле, что средняя домохозяйка, вообще говоря, по силе сравнима с очень серьёзным качком, если говорить о чистой механике. Адреналин способен ещё больше усилить эффект.

— Ты говоришь о случаях, когда мамаши поднимают автомобили, чтобы вытащить своих детей? — я почти видел, как Кэррин хмурит брови.

— Именно о них, — сказал Баттерс. — Но тело не может функционировать так всё время, иначе оно попросту развалится. Для того и нужны ограничители — не дать навредить самому себе.

— А что тут общего со случаем Дрездена?

— Думаю, сила Зимнего рыцаря просто вырубила эти ограничители, и не более того. Мышечной массы у него не сильно прибавилось. Так что только это бы всё объяснило. Тело вполне способно временами выдавать такую силу, но это те козыри, что в норме нужно вытаскивать из рукава раз или два за всю жизнь — а без ограничителей и без возможности чувствовать боль Дрезден делает это *постоянно*. И даже не знает об этом.

Кэррин молчала несколько секунд, перевари-

вая информацию.

— Подытожишь?

— Чем больше он полагается на свой «дар», — сказал Баттерс, и я прямо видел, как он пальцами показывает кавычки, — тем больше рвёт себя на куски. Тело его исцеляется очень быстро, но он — всё ещё человек. У него есть предел, где-то, и если он продолжит в том же духе, он в него упрётся.

— И что, ты думаешь, тогда случится?

Баттерс выдал задумчивый звук.

— Представь… игрока в американский футбол или боксёра, который упорно занимается своим делом и ломается, едва перевалив за тридцать, просто потому, что нагрузки были чертовски большими. Это будет и с Дрезденом, если он продолжит в том же духе.

— Ну, я уверена, что как только мы ему всё объясним, он уйдёт работать библиотекарем, — сказала Кэррин.

Баттерс фыркнул.

— Возможно, что и другие системы в его организме испытывают то же самое — выработка тестостерона, других гормонов, что могут влиять на его восприятие и суждения. Я не уверен, что он *вообще* получил какие-то силы, скорее, он просто так это ощущает.

— Где здесь факты, а где теория?

— Теория с фактами, — ответил он. — Боб помог разработать.

Вот сукин сын. Я продолжал лежать тихо и задумался обо всём этом на минуту.

Могло ли это быть правдой? Или хотя бы по большей части правдой?

Это согласовывалось с другой моей сделкой с фейри — моя крёстная, Леа, тогда дала мне силы победить моего старого наставника, Джастина ДюМорна. Она некоторое время пытала меня, уверяя, что это придаст мне сил. И это сработало, хотя, как я теперь понимаю, по большей части из-за того, что я в это верил.

Неужели меня *опять* магически обдурили фейри?

И кстати… в конце концов, я *могу* поднять долбаный автомобиль.

Конечно, можешь, Гарри. Но какой ценой?

Неудивительно, что Зимние рыцари оставались в должности до самой своей смерти. Если Баттерс был прав, они бы погружались в мучительную агонию своих избитых тел в момент, когда мантия их покидала.

Вроде того, как я превратился в агонизирующее желе, когда дженосква воткнул в меня гвоздь.

— Меня беспокоит, — тихо сказал Баттерс, — что он меняется. Что он этого даже не осознаёт.

— Смотрите, кто заговорил, — сказала Кэррин. — Бэтмен.

— Это было один раз, — возразил Баттерс.

Кэррин ничего не ответила.

— Ну ладно, — смягчился Баттерс. — Несколько раз. Но этого всё равно было недостаточно, чтобы спасти всех этих детей.

— Ты вытащил многих из них, Уолдо, — сказала Кэррин. — Поверь мне, это уже победа. Чаще всего, невозможно сделать даже это. Но ты не уловил суть.

— В смысле?

— С тех пор, как у тебя появился череп, ты тоже изменился, — произнесла Кэррин. — Ты работаешь рука об руку с паранормальным существом, которое пугает меня до мурашек. Ты можешь делать вещи, которые не делал раньше. Знаешь то, чего не знал до этого. Твоя личность изменилась.

Последовала пауза.

— Изменилась?

— Ты стал более серьёзным, — сказала она. — Более… напряжённым, я полагаю.

— Да. Теперь я больше знаю о том, что на самом деле происходит. Это никак на меня не повли-

яло.

— А может, повлияло, но ты просто этого не осознаёшь, — сказала Кэррин. — Я вижу тебя так же, как ты видишь Дрездена.

Баттерс вздохнул.

— Я понимаю, что ты пытаешься сделать.

— Не думаю, что понимаешь, — сказала она. — Это… о выборе, Уолдо. О вере. Перед тобой масса фактов, которые можно подогнать под несколько истин. Ты должен выбрать ту, которой будешь следовать в своих решениях относительно этих фактов.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты можешь пойти на поводу у своего страха, — сказала Кэррин. — Может, ты и прав. Может, Дрездена превращают в монстра без его ведома и против воли. Может, однажды он станет чем-то, что убьёт всех нас. Ты не ошибаешься. Это может произойти. Меня это тоже пугает.

— Тогда почему ты со мной споришь?

Кэррин недолго помолчала, прежде чем ответить.

— Потому что… страх — это ужасная, коварная штука, Уолдо. Он портит и искажает всё, к чему прикасается. Если ты позволишь страху вести тебя, рано или поздно он будет править всем. Я

решила, что не позволю себе быть кем-то, кто живёт в страхе, что её друзья превращаются в чудовищ.

— Что? Вот так просто?

— Осознание этого заняло у меня очень, очень много времени, — ответила она. — Но, в конце концов, я лучше сохраню веру в людей, которые мне не безразличны, чем позволю моим страхам исказить их в моих собственных глазах, или где-то ещё. Думаю, ты просто не видишь, что сейчас происходит с Гарри.

— Что? — спросил Баттерс.

— Так выглядит тот, кто борется за свою душу, — сказала она. — Ему нужно, чтобы его друзья верили в него. Самый быстрый способ для нас сделать из него чудовище — это начать смотреть на него так, словно он уже им стал.

Баттерс молчал довольно долго.

— Я скажу это лишь раз, Уолдо, — сказала она. — И я хочу, чтобы ты выслушал.

— Хорошо.

— Ты должен выбрать, по какой стороне дороги ты собираешься идти, — мягко сказала она. — Отвернуться от своих страхов или схватить их и убежать вместе с ними. Но тебе надо понять. Ты пытаешься идти посередине, и это тебя раз-

рывает.

Голос Баттерса сделался горьким:

— Они или мы, выбрать сторону?

— Этот разговор не о сторонах, — сказала Кэррин. — А о познании себя. И об осознании, почему ты делаешь выбор. Как только ты поймёшь это, ты будешь знать, куда идти.

Половые доски заскрипели. Возможно, она подошла к нему ближе. Я вообразил, что она положила руку ему на плечо.

— Ты хороший человек, Уолдо. Ты мне нравишься. Я тебя уважаю. Думаю, ты с этим разберёшься.

Последовала длинная пауза.

— Энди ждет моего возвращения, чтобы поесть, — сказал он. — Я лучше пойду.

— Хорошо, — сказала Кэррин. — Спасибо ещё раз.

— Я… Да, конечно.

Шаги. Входная дверь открылась и закрылась. Зашумел стартер, и автомобиль отъехал от дома.

Я сел на постели и зашарил вокруг, пока не нащупал правой рукой прикроватный светильник Кэррин. Свет больно ударил в глаза. В голове было странное чувство — видимо, результат всех этих свиданий со стенами. И я снова остался без

рубашки. Баттерс добавил в мою коллекцию медицинских трофеев ещё несколько повязок и резкий запах антибиотиков. Моя рука снова была перевязана и заключена в алюминиевую шину. Шину поддерживала перекинутая через шею перевязь.

Я встал с постели, пошатался с минуту и заковылял к двери спальни. Кэррин открыла её прямо перед моим носом и застыла, обеспокоенно глядя на меня.

— Боже, ты превращаешься в монстра, — сказала она. — В мумию. По куску за раз.

— Я в порядке, — сказал я. — Почти.

Она поджала губы и покачала головой:

— Как много ты услышал?

— Всё после его обычной присказки: «Я не настоящий врач».

Рот Кэррин дёрнулся.

— Он просто… Он беспокоится, вот и всё.

— Я понял, — сказал я. — Думаю, ты хорошо ему всё объяснила.

Её глаза блеснули в ответ:

— Я знаю.

— Бэтмен? — спросил я.

— Он был… — она сложила руки. — Тобой, я полагаю. Ты ушёл из города, и Молли ушла, на

улицах перестало быть спокойно. Головорезы Марконе вступали в бой с фоморами, если те пересекали их территорию. Но их защита стоила денег. Не каждый мог себе её позволить.

Я поморщился и пробормотал:

— Чёрт возьми. Чёртова Мэб. Я мог бы вернуться сюда много месяцев назад.

— Уолдо делает, что может. И у него есть череп, поэтому он может больше, чем многие.

— Боб не годится для использования в полевых условиях, — сказал я. — Он ценный ресурс, пока не привлечёт к себе внимание. Как только он будет обнаружен, на него можно будет найти управу или украсть. И тогда плохие парни станут намного сильнее. Вот почему я старался не выносить его из лаборатории.

— Фоморы начали забирать детей в прошлый Хэллоуин, — просто ответила Кэррин. — Шестилетних. Прямо с улиц.

Я снова поморщился и опустил глаза, не выдержав её пристального взгляда.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала Кэррин. — Ты голоден?

— Просто умираю.

— Пошли.

Я прошёл за ней на кухню. Она вытащила пару

ещё теплых пицц «Пиццы Экспресс» из духовки. Не успели тарелки коснуться стола, как я хищно набросился на них. Пицца была моя любимая. Не превосходная, но любимая, потому что это была единственная пицца, которую я мог позволить себе долгое-долгое время, и я привык к такой. Много соуса, мало сыра и от мяса одно название, зато корочка толстая, горячая, хрустящая и полная всяких вкусных вещей, которые вас медленно убивают.

— Для тебя подарок, — сказала Кэррин.

— Ффффто? — спросил я.

Она шлёпнула папку на стол рядом со мной и сказала:

— От Параноика Гэри из Паранета.

Я проглотил полный рот пиццы и подождал, пока ко мне вернётся способность говорить:

— Тот, который заметил лодки в прошлом году? Сумасшедший-но-не-ошибающийся парень?

— Да, от него.

— Хм, — сказал я, жуя. Я открыл папку и стал листать отпечатанные на принтере нечёткие фотографии.

— Они из Ирана, — пояснила Кэррин. — Гэри говорит, что на них действующая атомная электростанция.

На фотографиях определённо было какое-то сооружение, но ничего кроме этого я сказать не мог.

— Я думал, у них должны быть такие большие старые башни.

— Он говорит, что они врыты в холм позади здания. Посмотри на последнюю пару фотографий.

На последних страницах папки вид установки изменился. Клубы чёрного жирного дыма выкатывались из нескольких зданий. На другом снимке на земле лежали тела солдат. А на последней фотографии на склоне, покрытом белым дымом или, может быть, паром…

Лицом друг к другу стояли три фигуры. Среди них был крупный мужчина в длинном пальто, в руке — слегка изогнутый меч, старая кавалерийская сабля. В другой руке — что-то вроде обреза. Его кожа была смуглой, и хотя, когда мы виделись в последний раз, его голова не была побрита, это мог быть только один человек.

— Саня, — сказал я.

Единственный в мире рыцарь Креста стоял напротив двух размытых фигур. Обе были сняты в движении, напоминающем атаку. Одна из них размером и формой напоминала гориллу. Вторая — покрыта слоем перьев, что делало в остальном

человеческую фигуру странно лохматой.

— Магог и Пернатая Тварь, — пробормотал я. — Адские колокола, от этих монет не так просто избавиться. Когда были сделаны эти снимки?

— Меньше шести часов назад, по словам Параноика Гэри. Динарианцы что-то замышляют.

— Ага, — согласился я. — Дейрдре сказала, что Тесса должна была быть в Иране. Теперь всё обрело смысл.

— Какой смысл?

— Никодимус хочет провернуть тут одно дельце. Он знает, что только один рыцарь Меча ошивается поблизости. И посылает Тессу и её компанию на другой конец света мутить неприятности мирового масштаба. Положим, Гэри прав, и у Ирана есть ядерный реактор. И что-то с ним пойдёт не так. Мгновенно начнётся местный и международный кризис. Конечно же, рыцаря отправляют туда. Туда, откуда он не сможет добраться до Чикаго в приемлемое время.

Кэррин ничего не сказала в ответ, и я вернулся к еде.

— Так ты хочешь сказать, мы тут сами по себе?

— А плохих парней всё больше и больше, — добавил я.

— Ты про дженоскву?

— Ага.

Её передёрнуло.

— Эта штука… настоящий бигфут?

— Что-то вроде серийного убийцы-мутанта-бигфута, — уточнил я. — Он совсем не похож на одного из лесных людей.

— Поверить не могу, — сказала Кэррин.

— Он не страннее всей той оравы…

— Я не про то. Я не могу поверить, что ты встречал бигфута, и никогда мне об этом не рассказывал. Они, типа, знаменитости.

— Они закрытая группа, — сказал я. — Я делал кое-какую работу для одного из них по имени Река в Плечах. Он мне понравился. И я держал рот на замке.

Кэррин понимающе кивнула. Затем встала, вышла из кухни и вернулась через минуту с противотанковым гранатомётом и огромным футляром для пистолета. Она поставила гранатомёт на пол и сказала:

— Нет проблем, эта штука справится и с таким здоровяком, как бигфут.

Я открыл рот и опять его закрыл.

— Ага, — согласился я. — Хорошо.

Она кивнула мне с видом, практически кричавшим: «Ведь я же говорила!».

— Мне нравится быть уверенной, что огневой мощи достаточно для любой ситуации. — Она положила футляр на стол и толкнула его в мою сторону. — А это для тебя.

Я взял футляр и немного неловко открыл, пользуясь в основном одной рукой. В нём оказался короткий и широкий на вид револьвер, на который ушла чёртова куча металла. Так много, что он почему-то напоминал мне карикатурно уродливого стероидного штангиста. Чёртова штука годилась для установки на турель небольшого броневика. Ещё в футляре лежало несколько патронов, каждый величиной с мой большой палец.

— Что это ещё за чёрт? — спросил я, сияя от радости.

— «Смит энд Вессон 500», — ответила она. — Короткий ствол, но его патроны для охоты на крупную дичь. Когда большой, серый и злой заявится к тебе с очередным дружеским советом, я хочу, чтобы дал ему ответ весом в четыреста гран.

Я присвистнул и поднял оружие, любуясь всей его огромной массой.

— Я уже сломал одно запястье, и ты мне даёшь это?

— Компенсируй отдачу, девчонка, — посоветовала Кэррин. — Ты справишься. — Она положила свою руку на пальцы моей левой руки, выступающие из шины. — Мы справимся. Мы закончим это дело с Никодимусом и вытащим паразита из твоей головы. Вот увидишь.

— Ага, — сказал я. — С этим у нас есть проблема.

— Какая?

— Мы не можем убить паразита. Мы должны его сохранить.

Кэррин прямо посмотрела на меня и после короткой паузы спросила:

— Что?

— Мы, э… Послушай, эта штука не то, что я думал. Со мной происходит тоже не то, что мы думали.

Она с опаской посмотрела на меня:

— Нет? Тогда что именно с тобой происходит?

Я рассказал ей.

* * *

— Хватит. Вставай, — сказал я.

Кэррин сидела на полу, раскачиваясь туда-сюда от бессильного смеха. Её тарелка с кусочком пиццы приземлилась поблизости, когда она рухнула

со стула пару минут назад, и продолжала там лежать.

— Прекрати, — выдохнула она. — Прекрати меня смешить.

Раздражение и смущение становились всё сильнее. Лицо горело, словно от солнечного ожога.

— Чёрт возьми, Кэррин, мы должны вернуться на скотобойню через двадцать минут. Хватит, это не так уж и смешно.

— Ты бы видел… сейчас… — она задыхалась, не в силах остановить смех, — своё… лицо…

Я вздохнул, выругался себе под нос и стал ждать, когда она успокоится.

Хотя она несколько раз снова подрывалась хихикать, ей потребовалось только лишь пара минут, чтобы наконец поднять себя с пола.

— Ты закончила? — спросил я, пытаясь сохранить остатки достоинства.

На неё мгновенно снова напало икающее хихиканье.

Это было очень непрофессионально.

Глава 25

К тому времени, как мы вернулись на скотобойню, солнце уже село, и на город опустилась холодная и тёмная ночь. Поднялся лёгкий туман, начался дождь, а температура упала настолько, что падающие капли покрывали весь город тонким слоем льда.

— Ледяной дождь, — отметила Кэррин, паркуя машину. — Просто отлично.

— По крайней мере, он удержит людей дома, — сказал я.

— И если дела пойдут наперекосяк, среди невинных мирных жителей будет меньше жертв, — согласилась она. — Это не Мэб снова мутит с погодой?

Я покосился на дождь.

— Нет, — ответ пришел мгновенно и совершенно инстинктивно. — Это всего лишь зима в Чикаго. Мэб не заботят невинные мирные жители.

— Но её может заботить твое преимущество.

Я фыркнул и сказал:

— Мэб помогает только тем, кто помогает себе

сам.

Кэррин ответила натянутой улыбкой.

— Насчет того, что ты сделал с дженосквой. Ты бросил в него магией.

— Ага.

— Это, похоже, не сработало.

— Не-а, — протянул я. — Я врезал ему лучшим ударом, что дала мне Мэб. И всё просто стекло с него и ушло в землю.

— Ушло в землю, — повторила Кэррин. — Как через громоотвод?

— Именно, — ответил я. — Лесные люди владеют магией, мощной до нелепости, но они использую её иначе, чем люди. Мой знакомый использовал магию Воды способом, которого я раньше не видел и не слышал. А этот дженоскова… Я думаю, он таким же образом использует магию Земли. На таком уровне, о котором я ни черта не знаю.

— А я, представь, вообще ни черта не знаю о магии Земли, — сказала Кэррин, — и мне нужен краткий обзор.

— Я послал в него мой самый мощный заряд магии, а он просто остановил его без каких-либо проблем. И я совершенно уверен, что он сможет повторить это, когда пожелает.

— У него иммунитет к магии? — спросила Кэррин.

Я пожал плечами.

— Типа того, раз он чувствует её и может отразить, — ответил я. — Но теперь я думаю, что он не очень-то сообразителен.

— Напрасно он выдал тебе такой важный секрет, если даже не собирался тебя убивать.

— И не говори. Может быть, он меня переоценил и решил, что я и так всё знаю. В любом случае, я теперь в курсе.

— Точно, — сказала Кэррин. — И теперь у тебя преимущество. Ты уже не будешь пытаться швырять в него магией в следующей раз.

Меня передёрнуло при воспоминании о невероятной скорости и силе этого существа, и том, как мало он меня боялся. Я потрогал рукоятку моего нового револьвера, теперь обосновавшегося в кармане моего плаща.

— Если повезёт, следующего раза не будет.

Кэррин резко повернулась ко мне, и её лицо стало серьёзным.

— Гарри, — сказала она тихо, — эта тварь с удовольствием тебя убьёт. Я же вижу. Не обманывай себя.

Я поморщился и отвернулся.

Убедившись, что её слова дошли до меня, Кэррин кивнула и вышла из машины. Одна из её космических пушек (она звала её Крисс) висела в кобуре под пальто и была почти незаметна при движении. Она покрутилась, бросила взгляд вверх и вниз по улице, затем достала гранатомёт и повесила себе на плечо. В темноте и под дождём гранатомёт в три с половиной фута длиной походила на один из этих защитных тубусов, которые используют художники.

— Ты правда думаешь, что сможешь завалить его этой штукой? — спросил я.

— Хватит, чтобы справиться с ним, — ответила она. — Если понадобится.

Я покосился на моросящий туман и произнес:

— Я уже устал от этой работы.

— Тогда давай покончим с ней, — сказала Кэррин.

* * *

На этот раз, когда мы приехали, Джордана на посту не было. Возможно, его сменили для перерыва на сон. Или, возможно Никодимус убедился в том, что я собираюсь подорвать его влияние и перевербовать парня, и перевёл его на менее уязвимую позицию. Ага. Скорее всего.

Когда мы вошли, большая часть команды была уже внизу, собравшись вокруг стола для переговоров. Даже дженосква маячил поблизости, хотя и в самом тёмном углу, что низводило его видимое присутствие до огромной, мохнатой тени. Отсутствовали только Никодимус и Дейрдре. Хотя её я тут же заметил — Дейрдре тихо стояла на галёрке и смотрела вниз на стол, у которого Вязальщик оживленно рассказывал какой-то анекдот или шутку.

Она, казалось, была… не в порядке. Не поймите меня неправильно — девушка, которая способна откусывать мужчинам языки, так или иначе явно «не в порядке», но убийца-динарианка выглядела искренне встревоженной, или огорчённой, или что-то в этом духе.

Кэррин проследила за моим взглядом и вздохнула:

— Мы не можем позволить себе спасать ещё одну девицу, Дрезден.

— Я вовсе не об этом думал.

— Ну конечно.

— Вообще-то, я думал, что она выглядит уязвимо. Может, это подходящее время, чтобы открыто поговорить с ней о смерти Харви.

Кэррин задумчиво прищёлкнула языком:

— Я буду за столом.

— Идёт.

Она начала спускаться по лестнице, а я двинулся к Дейрдре.

Когда я приблизился, она безразлично посмотрела на меня, но затем её взгляд опять устремился вниз.

— И тут я сказал, — хихикая, говорил Вязальщик, очевидно приближаясь к развязке, — «Тогда зачем ты это надел?»

Ханна Эшер искренне расхохоталась, Анна Вальмон присоединилась к ней, хотя более сдержанно. Даже Грей улыбнулся, хоть и слегка. На его странно непримечательном лице улыбка смотрелась несколько чужеродно.

Дейрдре смотрела на них с абсолютно бесстрастным выражением лица, словно учёный, наблюдающий за бактериями. Когда я подошёл, она на секунду взглянула на меня, немного напрягаясь.

Как гениальный следователь, я сразу спросил её:

— Так зачем ты убила Харви?

Несколько секунд она просто смотрела на меня, затем снова перевела взгляд вниз, наблюдая, как Кэррин подходит к столу. Заметив, чем она

вооружена, все на мгновение смолкли. Затем Грей неожиданно проворно поднялся, готовый помочь с гранатомётом, словно это было пальто. Кэррин позволила ему, одарив холодной улыбкой и смотря при этом мимо него, на тень, где затаился дженосква.

— Я не убивала финансиста, — спокойно ответила Дейрдре. — Никодимус сказал этого не делать.

Это меня немного удивило. Если она хотела закрыться от меня, ей не было никакой нужды лгать. Она просто могла промолчать.

— Он сказал это нам всем, — сказал я. — Возможно, он сказал нечто иное лично тебе.

— Он не говорил, — сказала она. — Моя мать убила его заклинанием, которое она называет Кровавый Скальпель.

— Порез выглядел так, словно это ты поработала, — возразил я.

— Перерезанная глотка всегда выглядит как перерезанная глотка, чародей.

Трудно с этим спорить.

— И ты погналась за ней.

— Я пошла сказать… поговорить с ней, да.

— Что она сказала?

— Личное, — ответила Дейрдре.

Я сощурился.

Что-то тут было не так. Дейрдре не выказывала абсолютно никаких эмоций по отношению к своей матери, что по моему опыту почти для любого человека было подозрительно близко к невозможному. Проклятье, даже Мэйв постоянно носилась со своей кучей проблем с матерью. Если Тесса и впрямь пыталась обойти Никодимуса и Дейрдре со святым Граалем, должно же было быть хоть что-то. Разочарование, страх, злость, отрицание, хоть что-то.

Но не эта отстранённая, холодная безмятежность.

Тесса не гонялась ни за каким Граалем.

Но какие ещё у нее могли быть мотивы?

Дейрдре подняла глаза и спокойно, изучающе посмотрела на меня:

— Знаешь, он в курсе, что ты собираешься предать его.

— Ну, значит, счёт у нас равный.

— Нет, не равный. Даже близко не равный. Я видела, как он разбирается с мужчинами и женщинами, куда более грозными, чем ты, и не одну дюжину раз. У тебя нет шансов обмануть, перещеголять или превзойти его. Мэб тоже это знает, — так же отстранённо, словно излагая

простые факты, произнесла она.

— Тогда зачем ей было посылать меня сюда?

— Она избавляется от тебя, причём так, чтобы не обратить гнев твоих союзников на *себя*. Уверена, ты не настолько недалёк, чтобы не понимать этого.

При этих словах у меня по спине пробежал холодок.

Вообще-то, это… имело смысл. Если Мэб в конце концов решила отказаться от идеи как-то использовать меня, тогда моё присутствие ей больше не требуется… но многим людям была небезразлична моя судьба, и если они примутся мстить, для Мэб это может стать проблемой.

Но Мэб, конечно, ведет игру совсем иначе. Если уж она что-то затевает, то обставляет всё так, чтобы сорвать куш при любом раскладе. Скорее всего, Мэб действительно хотела, чтобы я сделал то, что она мне велела. Она просто *не* сказала, что устроила всё так, чтобы не слишком пострадать, если я не справлюсь. Если я окажусь слишком некомпетентен, чтобы исполнить её волю, она сочтёт меня обузой, от которой нужно избавиться… желательно, не разозлив при этом моих союзников. В случае моей смерти все шишки повалятся на Никодимуса, а Мэб выйдет сухой из воды и

сможет спокойно выбрать нового рыцаря.

Я стиснул зубы. Что ж. Вряд ли я мог ожидать чего-то другого. Мэб обошлась со мной, как мамаши, которые учат детей плавать, бросая их в воду на середине озера. И вся наша совместная работа будет протекать в том же ключе — выплыви, или утонешь.

— Посмотрим, — сказал я.

Она чуть улыбнулась и развернулась, чтобы рассмотреть столик внизу. Грей сидел с Кэррин и улыбался. Её лицо было с прищуром, но улыбка тоже проглядывала. Грей был просто сама потешность.

Урод.

— Есть ли ещё что-нибудь, о чём ты хотел бы меня спросить? — спросила Дейрдре.

— Да, — сказал я тихо. — Зачем?

— Что зачем?

Я махнул вокруг.

— Зачем всё это? Зачем ты делаешь то, что делаешь? Зачем вырываешь языки, убиваешь наёмников и всё остальное? Что тебя заставляет делать это?

Она молчала. И эта тишина уже начинала меня угнетать.

— Расскажи мне, мальчик, — начала она, — о

самых долгих отношениях в твоей жизни.

— Э-э, — замялся я. — В смысле, те, которые давно начались? Или те, которые долго продолжались?

— Любые.

— Мой учитель из Белого Совета, наверное, — сказал я. — Я знаю его с шестнадцати лет.

— Ты виделся с ним каждый день? Говорил с ним, работал с ним?

— Да нет.

— Понятно, — сказала она. — А кто-нибудь более близкий тебе? Кто делил с тобой твою жизнь?

— Э-э, — опять замялся я. — Девушка или две. Мой кот.

Легкая ухмылка коснулась её рта.

— Временные подружки и кот. Просто кот.

— Он — необыкновенный кот.

— Так ты говоришь мне, что никогда и ни с кем не делил свою жизнь на долгое время, — сказала она. — Близость не распространялась дальше общего дома и взаимных ласк на твоих условиях и под твоим контролем.

— Ну, кроме тех случаев, когда я был в ванной…

Она не обратила внимания на шутку.

— Все твои отношения были краткими, как свет светлячков — вот они есть, и вот их уже нет. Рядом с Никодимусом я наблюдала, как империи поднимаются, и рушатся, и снова поднимаются. Ты зовешь его моим отцом, но нет такого слова, чтобы передать, кто мы друг другу. И не может быть. Слова смертных не способны охватить то, что смертным никогда не объять и не понять. Столетия веры, сотрудничества, взаимопонимания, работы, жизни и борьбы бок о бок. — Её рот скривился в усмешке. — Ты ничего не знаешь о верности, юный чародей. И я не могу объяснить тебе, почему я делаю то, что делаю.

— И что именно вы с ним делаете, по-твоему? — спросил я её.

— Мы сражаемся за спасение мира, — ответила она с удивительным спокойствием.

Если она не врала, такой пугающей вещи я до сегодняшнего дня ещё не слышал.

— От чего? — спросил я.

Она улыбнулась совсем легко и погрузилась в молчание.

Я не настаивал. Я не хотел больше ничего и никогда слышать от неё.

Отставив её, я направился к столу с остальными.

— …ужин, — говорил Грей. — Если мы конечно останемся живы и станем неприлично богаты.

— Я определённо скажу «нет», — отвечала Кэррин с лёгкой издевкой. — Ты меня пугаешь, Грей.

— Гудман, — сказал Грей. — Повторяй за мной: «Гудман».

— Я была копом двадцать лет, Грей, — сказала Кэррин. — Я умею отличать фальшивые имена на слух.

Я уселся рядом с Кэррин, достал свой новый револьвер из кармана, положил его на стол переговоров в доступной близости от себя и сказал Грею:

— Привет!

Грей взглянул на меня, а затем на револьвер. Затем обратился к Кэррин:

— Это он твои запросы удовлетворяет?

— Слишком банально — чтобы меня задеть, нужно что-нибудь пожёстче, — сказала Кэррин. — Если честно, я даже надеюсь, что он тебя подстрелит. Ни разу не видела, как из этой малышки кого-то дырявят.

Грей мрачно посмотрел на меня, откинувшись на спинку кресла.

— Братан, — сказал он, — ты мне все шансы на развлечение испортил.

Вместо ответа я поднял свой монструозный револьвер.

— Нет, — сказал я и взвёл долбаный курок большим пальцем. Вместо обычного щелчка раздался пугающий треск. — А вот теперь я их действительно испорчу.

За столом стало совершенно тихо. Все замерли. Глаза Анны Вальмон выглядели огромными.

— Туше! — произнёс Грей с лёгким кивком. — Ну, леди же не убыло от моего вопроса?

— Нет, — согласился я дружелюбно. — Мёрфи, может, мне всё равно его пристрелить?

Кэррин задумчиво постучала пальцем по губам.

— Должна признать, мне жутко любопытно. Но это не совсем профессионально, раз уж он пошёл на попятную.

— Слышал? — спросил я Грея.

— Вы, люди, такие дикари, — ответил Грей. Он покачал головой, пробубнил что-то себе под нос и поднялся, чтобы отойти от стола и расположиться около дженосквы, который не возражал. Оба обменялись лёгкими кивками и начали разговор на неизвестном мне языке.

Я осторожно отпустил курок и положил револьвер. За столом ещё какое-то время висела

тишина, пока Вязальщик не заговорил таким весёлым тоном, словно его и не прерывали:

— И вот я в Белизе с тридцатью обезьянами, пандой и карликовым слоном…

Вязальщик начал рассказывать историю, в которую никто за столом не поверил, хотя он и настаивал на абсолютной правдивости каждой детали. И тут через аварийный выход в цех вошёл Никодимус, впустив вместе с собой ледяной туман и зимний воздух. К его наряду добавилось длинное пальто, и он сбросил его с плеч на ходу. Его слишком большая тень не совсем синхронно скользила рядом.

— Добрый вечер, — произнёс он, заняв своё место во главе стола. — Леди и джентльмены, прошу вашего внимания. Чародей Дрезден, если вы не против, пожалуйста, проведите нам небольшой экскурс по природе Путей и способах их открытия.

Я заморгал, когда все за столом повернулись ко мне.

— Э-э-э, — протянул я. — В общем, Пути соединяют мир смертных с какой-нибудь частью Небывальщины — миром духов. Из любой точки реального мира можно открыть проход куда-нибудь, если вы знаете, как это сделать. Проход

открывается в место, которое как-то связано с реальным миром. Ну, например, если вы хотите открыть проход в Ад, вам нужно найти самое адское место в реальном мире и начать оттуда. Если вы хотите попасть в спокойное место в Небывальщине, нужно искать спокойное место здесь. Примерно так. Чикаго — отличное место для проходов, здесь перекрёсток, и большой. Отсюда можно попасть почти куда угодно.

— Спасибо, — поблагодарил Никодимус. — Наша цель — открыть проход в охраняемое место, содержащее наш объект. — Он взял большой свёрнутый лист бумаги у поспешно подбежавшего оруженосца. — Принимая всё это во внимание, я уверен, что вы поймёте, почему мы начнём работу здесь.

Взмахнув рукой, он развернул лист.

Это оказались планы здания. Я нахмурился и уставился на них, но не нашёл ничего знакомого.

Кэррин поперхнулась.

— Мёрф? — спросил я.

— О, вы его узнали, — сказал Никодимус с улыбкой.

— Это хранилище, — произнесла она, подняв на меня глаза. — Хранилище, принадлежащее

хозяину подпольной империи.

Я почувствовал, как одно моё место сжалось ещё сильнее, хотя сильнее было уже некуда.

— О, адские колокола, — слабо пробормотал я.

Вязальщик ткнул в меня пальцем.

— О чём это он? — спросил он Кэррин.

Кэррин указала на планы.

— Это Капристи-билдинг, — пояснила она, — второе самое охраняемое здание в городе. — Она глубоко вздохнула. — Это гангстерский банк. И он принадлежит джентльмену Джону Марконе, барону Чикаго по Соглашению неблагих.

Глава 26

Я боялся, что дойдёт до чего-то вроде этого, хотя и надеялся, что Никодимус придумает способ получше, чтобы попасть, куда нам надо. Например, поджечь здание, где мы находимся, и надеяться открыть Путь в последнюю секунду. Это было бы просто рискованно.

А соваться к Марконе было *опасно*.

«Джентльмен» Джонни Марконе буквально прогрыз себе путь к вершине криминальных структур Чикаго, когда я только открыл контору, и тех пор руководил городской преступностью «железной рукой», имея целью сделать организованную преступность более безопасной, более эффективной и более практичной. Это сработало. Многие полицейские благодаря ему имели больше власти, чем правительство. Эти копы держали рты на замке, по большей части — хотя бы потому, что ему подчинялось больше полицейских, чем правительству.

Затем, несколько лет назад, он искал и добился звания свободно ассоциированного члена Соглашения неблагих, юридического документа,

который был основой цивилизованных отношений между сверхъестественными народами. Он был первым обычным человеческим существом в истории, которому это удалось, и он по сей день отстаивал и защищал Чикаго ото всех непрошеных гостей как его глава.

Хотя, если честно, давненько меня не было в городе с тех пор.

И всё же, не думаю, что было бы умно пересечься с ним, если только я не был готов идти ва-банк. Марконе управлял армией жуликов и наёмных убийц, некоторые из них были мастерами своего дела. У него на подхвате был небольшой взвод эйнхериев, мёртвых-но-не-совсем воинов-викингов, и я видел, как эффективны они против самых крепких тварей из тех, с кем мне доводилось встречаться. У него на оплате как минимум одна жуткая валькирия, да и сам мужик был беспощадным, умным и абсолютно бесстрашным.

Я подумал, что связываться с Марконе лишь чуть менее безопасно, чем с Аидом. Но я лишь сказал:

— Ого, ребята!

— Проблемы, Дрезден? — спросил Никодимус.

— Марконе — не тот человек, кто позволит себя легко обидеть, — ответил я, — но он, кроме того,

ещё и участвует в Соглашении.

— А я нет, — сказал Никодимус. — Больше не участвую.

— Ну, а я участвую, дважды. Как чародей Белого Совета и как Зимний рыцарь.

— Я уверен, что Белый Совет будет шокирован и разочарован вашим неподчинением их порядкам, — сказал динарианец. — Что же до Мэб, то ты, в настоящий момент, просто моё орудие в этом предприятии. Пока она того же мнения, все обязательства, которые ты несёшь по отношению к Соглашению, ложатся на меня, не на неё.

И он был прав, дважды, что заставило меня нахмуриться.

— Суть вот в чём, — сказал я. — Марконе не так просто сделать. Ты его бьёшь, он отвечает. Сильнее.

— Верно, — сказал Никодимус. — Репутация у него отличная. Из него вышел бы прекрасный монарх каких-то несколько веков назад.

Славный король Джон Марконе? Я вздрогнул от этой мысли.

— Предположим, мы вламываемся в его здание. Прекрасно. Это вполне осуществимо. Выбраться оттуда будет уже не так просто, и даже если нам *это* удастся, это ещё не конец. Он не забудет и не

отступится.

— Дрезден прав, — сказала Кэррин. — Марконе не терпит вторжений на свою территорию. Точка.

— Мы не откажемся от того, для чего здесь собрались, — спокойно сказал Никодимус. — В случае необходимости, мы рассмотрим возмещение ущерба, после того, как наша миссия будет выполнена. Думаю, я смогу убедить его, что принятие такого рода возмещения будет более рентабельным, чем его собственные усилия как коллекционера.

Я обменялся взглядами с Кэррин и понял, что она думает о том же, о чем и я.

Никодимус как-то похитил Марконе для одной из своих схем, не так уж много лет назад. А Мэб тогда как раз послала меня вытащить Марконе — ещё в те времена, когда я всего лишь задолжал ей пару услуг. Я ещё помню Марконе беспомощным пленником. Эта картинка словно бы застряла у меня в голове.

Он никогда не забудет этого. Есть некоторые вещи, которые за деньги не купишь, и одна из них — отказ джентльмена Джонни Марконе от мести.

И если мы с Кэррин следуем плану, то это

значит не что иное, как объявление войны Чикагскому барону.

— Ну, что думаешь? — спросил я её.

Кэррин считать умела. И точно понимала, о чём речь.

— Рано или поздно это должно было произойти.

— Хе, тоже верно.

— Не врубаюсь, — сказал Вязальщик. — Смотрите, если он деловой человек, то почему бы нам просто не сделать предложение и не взять в долю?

— Идея здравая, — сказал Никодимус. — Но, увы, неосуществимая.

— И почему?

— В первую очередь, — сказал динарианец, — в хранилище находятся вещи, принадлежащие не только нашей основной цели. Марконе стал чем-то вроде общеизвестной нейтральной силы в современном сверхъестественном мире. Свартальвхейм, Белый Совет, Дракул и еще несколько персон в той же весовой категории доверили часть своих богатств ему на хранение, и он, в свою очередь, дал слово хранить эти вещи всеми своими силами.

— Это точно, — сказал я Вязальщику. — На

сделки он не пойдёт. Парень — сволочь и убийца, но слово свое держит.

Вязальщик с недовольным видом откинулся на стуле.

— Ну и какова тогда другая причина?

— Если бы он *впустил* нас, это бы изменило сущность места, — вмешался я, до того как Никодимус мог ответить. — Мы пытаемся проложить Путь в ревниво охраняемое убежище. Мы, вероятно, просто не сможем это сделать из хранилища, куда нас легко и просто пустят.

— Именно, — сказал Никодимус. — Если не считать кое-каких систем безопасности, требующих особого подхода, я абсолютно уверен, что здание мы захватить сумеем. Удерживать его до завершения работы и унести оттуда ноги — это другой вопрос. Здесь уже решающая роль отводится вам, мистер Вязальщик, и вашим союзникам.

Вязальщик крякнул и наклонился, чтобы изучить карту.

— Как долго я должен продержаться?

— Час, не больше, — ответил Никодимус.

— Если только кто-то не будет манипулировать нашим временем между здесь и там, — вставил и я свои пять копеек.

Никодимус кисло нахмурился и сказал:

— Мы должны уложиться в час, так или иначе, — он указал на кусочек планов этажа. — Здесь главная дверь хранилища. За это, мисс Вальмон, отвечаете вы.

— Погодите, — сказал Вязальщик. — Если вы оставляете меня за привратника, как я, по вашему, должен набить свой рюкзак драгоценностями, а? Я не смогу отправиться в Небывальщину, оставив свою братву на этой стороне. Это перерубит связь между нами. Я за зарплату таким заниматься не буду.

— Я бы предложил вашей партнёрше взять с собой второй мешок и наполнить его, — ответил Никодимус. — Я обещаю собственноручно вынести вашу долю и передать её вам по возвращении. А поскольку я выберусь оттуда живым с наибольшей вероятностью (может, за исключением Грея), у вас будет больше шансов успешно получить плату, чем у всех остальных.

Вязальщик покосился на Никодимуса и откинулся на спинку кресла, очевидно, обдумывая ответ.

— Что скажешь, Эш?

Ханна Эшер пожала плечами, которые любой полнокровный гетеросексуальный мужчина нашёл бы просто завораживающими. Не только я.

— Если ты доверишь мне забрать твою долю, то я не возражаю.

Вязальщик хмыкнул, а затем медленно кивнул.

— Мне нравятся красные.

— Я запомню, — пообещала Эшер.

Я лениво почесал зудящий затылок.

— А что там за большие проблемы с Вальмон и взломом двери? И зачем мы втянули в это бедного Харви?

— Бедный Харви, — в голосе Никодимуса было не больше сочувствия, чем у летящей пули, — был самым важным слагаемым нашего дела в Чикаго. Он имел эксклюзивный доступ к вышеназванному хранилищу, закрытому лучшей дверью, которую можно купить за деньги в сочетании с тем, что известно как сканер сетчатки. Сканер сетчатки…

— Мы знаем, что такое сканер сетчатки, — нетерпеливо прервала его Эшер. — Но зачем вам это нужно? Почему бы просто не взорвать хранилище вместо того, чтобы возиться с дублированием парня Греем?

— Я уже объяснял, — ответил я. — Мы пытаемся попасть в защищённое хранилище, а не в хранилище, взорванное ко всем чертям и отрытое

нараспашку. Если мы изменим место в реальном мире слишком сильно, то испортим проход в Небывальщину. — Я посмотрел на Никодимуса и стукнул пальцем по плану. — У нашей цели есть здесь личное хранилище?

— Абсолютно верно. Защищённое помещение внутри основного хранилища. Это место — одно из нескольких, где он приобретает дополнительные экспонаты для своей коллекции по доверенности, — ответил Никодимус.

Нужно было отдать Нику должное: он продумал это дело до конца, сопоставив подобное с подобным именно так, как надо было, чтобы магия сработала.

— Значит, сначала мы должны добраться до главного хранилища?

— Через две двери повышенной защиты, о которых позаботится мисс Эшер с её недавно испытанным заклинанием, — сказал Никодимус, — чтобы не активировать сейсмические датчики в хранилище, которые могут полностью заблокировать здание и заставят нас принять гораздо более разрушительные меры для получения доступа.

Я кивнул.

— Затем Вальмон занимается дверью в глав-

ное хранилище, а Грей — личным охраняемым помещением со сканером сетчатки. — Я моргнул и глянул на Грея. — Вплоть до его сетчатки, серьёзно?

Грей посмотрел из тёмного угла, где сидел, и сдержанно мне улыбнулся.

Я заметно вздрогнул.

— Ты просто жутко пугаешь, — сказал я и обратился к Никодимусу: — Есть одна очевидная проблема.

— Какая?

— Марконе не болван, — сказал я. — Он противостоял сверхъестественным силам не один раз. Он знает, что рано или поздно мы столкнёмся. Редко совершает ошибки и если уж совершает, то учится на них. Он примет меры предосторожности не только против физического вторжения, но и против сверхъестественного.

— Например, какие? — спросил Никодимус.

— На его месте, — начал я, — я бы вырубил все электронные штуковины и закрыл хранилище, как только электричество в здании пропадёт — что может случиться, если мы с Эшер будем швыряться вокруг магией. Собственно, я бы сделал это, как только в воздухе появилось бы малейшее количество магии.

— Это было бы умно, — сказал Вязальщик в знак согласия. — И, думаю, не слишком трудно реализовать. Достаточно держать поблизости какие-нибудь тонкие электронные схемы, что поломаются без проблем.

— Как те, что в сотовых телефонах или типа того, — добавил я. — Эти штуки выходят из строя, стоит только чародею посмотреть на них недобрым взглядом.

— Да, — согласился Вязальщик и закивал. — Даже я с трудом пользуюсь телефоном. И приходится держать его выключенным, когда я здесь вместе с Эш.

— Если предположить, что эта… так сказать, чародейская сигнализация существует, как нам с ней бороться? — спросил Никодимус.

— По мне, это не проблема, — сказал Вязальщик. — Сигнализация даже не успеет мигнуть. На этих двоих, наверное, придётся надеть…

Я кисло посмотрел на Вязальщика и снова потёр зудящую шею.

— Прости, приятель, — извинился он, и прозвучало это искренне. — Терновые наручники, — сказал он Никодимусу, — вы слышали о таких?

— У меня есть несколько пар, — сказал Никодимус. — Хотя мои сделаны свартальвами,

а не фейри. Чистая сталь. Полагаю, они смогут подавить до нужной степени ваши с мисс Эшер таланты. В любом случае, это проще, чем лить на вас обоих воду.

Он слегка ухмыльнулся мне при последних словах. Однажды он держал меня прикованным под леденяще холодным потоком воды, чтобы помешать использовать мой дар для побега или других подрывных действий. Если бы один хороший человек не отдал себя в обмен на меня, я бы умер. Терновые наручники были редкостью, но отнюдь не недосягаемыми магическими оковами, которые, так же как и вода, ослабляли чародейские силы до полной бесполезности.

И они причиняли адскую боль. Собственно, если у него есть аналогичные, но сделанные из стали, то, учитывая принцип их работы, мне будет больнее ещё на порядок.

Я ответил на ухмылку Никодимуса неприветливой улыбкой.

Вязальщик продолжал, то ли игнорируя, то ли не замечая взглядов между Никодимусом и мной.

— Когда эти двое окажутся внутри, поставим их в круг прежде, чем снять наручники, — объяснял Вязальщик. — Это сдержит избыточную

энергию, когда их таланты вновь заработают. Должно помочь.

— М-м-м, — задумчиво протянул Никодимус. — Нам придётся поменять план входа. Дрезден не сможет обеспечить отвлечение. Придется использовать более, — он метнул взгляд в сторону дженосквы, — явные средства.

В темноте под глазами дженосквы возник слабый отблеск жёлтого.

Адские колокола, эта зверюга улыбалась.

Кэррин взглянула на меня. Она думала о том же, о чём и я: если дженосква и будет как-то отвлекать внимание, то только с помощью отрывания голов. Когда бы мы ни вошли, одному Богу известно, сколько в банке могло оказаться людей — людей, ничего не знающих о репутации этого заведения. Даже в службе безопасности здания могли не знать, на кого работают. И, чёрт возьми, в конце концов, по приказу Никодимуса я даже гангстера не хотел бы скормить кому-то вроде дженосквы.

Я снова потёр шею и сказал:

— Нет, работа всё ещё за мной.

— Прошу прощенья? — не понял Никодимус.

— Наделать шуму? Я с этим справлюсь. Ведь нет смысла показывать наше секретное оружие

раньше, чем нужно?

Никодимус слегка улыбнулся:

— Как же, чародей? Без вашего дара?

— Я, так или иначе, не планировал его использовать, — ответил я. — Можно причинить кому-нибудь вред. Белый Совет довольно пессимистично смотрит на использование магии в подобных целях, а я должен думать о своем будущем. Вы хотите что-то громкое и заметное? Нет проблем.

Голос дженосквы прогрохотал из тени:

— Он мягкотелый.

— Он умный, — парировал я. — Чем сильнее громить всё вокруг на пути туда, тем сильнее Марконе приготовится к ответному удару на пути назад. Чёрт, если развести достаточную вонь, и полиция явится. Около тринадцати тысяч копов бегают по Чикаго, но я уверен, что мы ввосьмером с ними справимся. Правда же?

Дженосква испустил низкое рычание:

— Я их не боюсь.

— Ну конечно, нет, — согласился я. — Поэтому ты последние два дня и шлялся вокруг невидимкой — потому что абсолютно не боялся, что тебя заметят.

— Господа, — начал Никодимус громким и

немного напряжённым голосом. А потом остановился и нахмурился, слегка наклонив голову, словно пытаясь уловить отдалённый звук.

Увлечённо чесавшая свою руку Эшер внезапно встрепенулась и спросила:

— Дрезден? Ты это чувствуешь?

Зуд на затылке обернулся жутким всеохватывающим ощущением, что кто-то смотрит на меня. Я закрыл глаза и обратился к другим чувствам, обследуя своим даром воздух вокруг в поисках магии… и почти сразу нашёл подслушивающее заклинание.

Эшер уже выдала нас своим замечанием, так что не было никакого смысла церемониться.

— Кто-то подслушивает нас, — выдохнул я, вставая на ноги.

— Где? — выплюнул Никодимус.

Эшер указала на дальний конец скотобойни.

— Где-то там, недалеко. Кажется, снаружи, сразу за стеной.

Заклинание растворилось, и ощущение резко исчезло, но я успел определить его источник — волшебную версию «жучка», размещённого так, чтобы слышать наш разговор.

— Вязальщик! — сразу же скомандовал Никодимус.

Вязальщик уже соорудил петлю из проволоки, которую достал из кармана пиджака. Он вышел на свободное пространство, бросил петлю движением запястья, и проволока развернулась в круг почти три фута в диаметре. Не успел круг приземлиться на пол, как Вязальщик пробормотал несколько слов, наполнивших его янтарным светом.

Вязальщик был плоховатым колдуном, но один трюк он делал очень, очень хорошо — вызывал небольшую армию существ из Небывальщины, которые каким-то образом были связаны его волей. Ему потребовалось менее двух секунд, прежде чем явились первые из его «костюмов» — гуманоидные фигуры, одетые в нечто, напоминающее плохо подогнанный костюм, их пропорции и черты выгляди почти нормально, пока вы не присматривались повнимательнее. Один из демонов-слуг бросился вверх из круга, как акробат, выпрыгивающий из люка на сцене, и Вязальщик наступил ногой на проволоку как раз в нужный момент, чтобы выпустить костюм из плена, пока он не врезался в невидимую стену. Затем он поднял ногу и снова опустил ее в ритме метронома, чтобы выпустить второго костюма из Небывальщины, и третьего, и четвертого, и

так далее.

— Заклинание прекратилось, — сообщила Эшер. — Он услышал нас. Он убегает.

— Он слышал слишком много, — сказал Никодимус и повернулся к Вязальщику. — Ваши компаньоны могут его отследить?

— Не хуже гончих, — подтвердил Вязальщик.

Никодимус кивнул.

— Убейте его.

Вязальщик коротко свистнул и показал пальцем в том направлении, о котором говорила Эшер. Костюмы не нуждались в дополнительных подсказках. Они бросились в нужную сторону с ловкостью, недоступной человеку.

Я махнул Кэррин головой и вышел из-за стола.

— Что? — прошипела она.

В ответ я начал копаться в бинтах на моей руке, пока не нашёл предмет, переставший быть скрытым, когда я наконец сфокусировал на нём внимание — округлый чёрный камешек для игры в го, вложенный в бинты при второй перевязке. Ряд знакомых рун покрывал золотом его тёмную поверхность. Я не раз использовал именно этот рисунок заклинания в те времена, когда изучал, как оно работает.

— Что это? — спросила Кэррин.

— Жучок, — тихо прошипел я. — Тот, что использовали для прослушки. Его подсунули в шину, когда перебинтовывали руку.

Глаза её расширились.

— Но…

— Ага, — сказал я и посмотрел, как всё больше лакеев в костюмах вываливается из Небывальщины, чтобы помчаться в ночь для охоты. — Это Баттерс. И они его собираются убить.

Глава 27

— Иди, — сказала Кэррин. — Я догоню.

— Как ты собираешься найти меня?

В ответ она на мгновение закатила глаза:

— Гарри, прошу тебя.

Точно. Кэррин двадцать лет была чикагским копом. Она найдёт меня, хочу я того или нет. Я тронул её за плечо, и, призвав Зиму, сорвался с места, крепко сжимая посох в правой руке.

Я бежал и чувствовал, как сила Зимней мантии пронизывает моё тело, мои чувства, мои мысли. Костюмы Вязальщика преследовали добычу стаей, двигаясь с безотчётной слаженностью. Бежавшие впереди слегка замедлились, чтобы несколько отстающих догнали остальных. Лучше загонять добычу вместе.

Я догнал костюмов и миновал их даже раньше, чем выбежал из бойни, что вызвало во мне прилив восторга. Тормоза. Но без них было не обойтись. Я не мог охотиться на Баттерса само…

Я отстал на пару шагов и стал гонять таблицу умножения в уме. Я не охочусь на Баттерса. Я удерживаю от охоты на Баттерса их. Я должен

был найти способ сделать это незаметно для Никодимуса и его компании и не опозорить при этом честь Мэб.

Эта аккуратная цепочка доводов разума, похоже, сильно возмутила поток энергии Зимней мантии, словно та просто не понимала, зачем ей связываться со всеми этими проблемами ради такой маловразумительной цели.

«Баттерс один из нас, — зарычал я на мантию, — и мы не будем давать этим болванам убить его, пока я не позволю им это сам».

Территория и власть — это вещи, ради которых Зима готова выложиться по полной. Я восстановил темп, когда мы вырвались сквозь двери скотобойни на практически однородную смесь мокрого снега, дождя и промороженного скользкого льда — ледяной дождь Среднего Запада.

Земля снаружи скотобойни была уже покрыта льдом; но не ровным слоем, а коварными пятнами почти прозрачной снежной каши, вовсе невидимого льда и просто мокрого бетона, лишь с незначительными для глаза отличиями. Блики фонарей скрадывали их на ура, и Костюмы начали поскальзываться, замедляясь. Я замедлился ровно настолько, чтобы успевать выбирать наименее скользкое место для каждого следующего

шага, доверив инстинктам мантии вести меня.

Баттерс бежал через покрытую гравием парковку, опережая своих преследователей ярдов на семьдесят. Я мог со своей позиции различить его фигуру и копну тёмных волос (хотя на нём и было длинное развевающееся пальто и выглядящий довольно полным рюкзак), и он бежал гораздо медленнее, чем должен был. В условиях низко нависших туч, смеси дождя и мокрых хлопьев снега звуки были глуше и ближе, словно всё происходило в помещении. Я мог слышать быстрое, тихое дыхание Баттерса, его одышку от усилий, когда он замедлился, достигнув улицы.

Я надеялся, что он запрыгнет в приготовленный автомобиль. Но вместо этого он начал рыться в своём рюкзаке и комично закрутился на месте, пытаясь что-то вытащить из него. В конусе жёлтого света, отбрасываемого уличным фонарём, я увидел, как он отцепил от рюкзака широкий скейтборд и швырнул его на бетон.

— Да ты шутишь, — пробормотал я. — Долбаный скейтборд?

Костюмы увидели это и ринулись вперёд. Я уже видел, как они двигаются и могут набрасываться, словно горный лев. Через пару секунд они были бы на расстоянии прыжка.

Баттерс оглянулся через плечо — его лицо побледнело, а глаза за очками округлились — и вскочил на скейтборд, придавая ему ускорение. Он нащупал короткий ремешок на передней части скейта, присел и схватился за него так же сильно, как водный лыжник перед стартом.

— Давай, давай, давай! — закричал он.

Сноп оранжевых искр вырвался из-под колёс скейта, и эта хреновина рванула по пустой улице со скоростью мотоцикла.

Я почувствовал, как у меня на секунду отвисла челюсть, а потом издал сдавленный смешок. Судя по всему, Баттерс использовал некоторые из моих старых артефактных заклинаний, которые, вероятнее всего, почерпнул у Боба-Черепа. Конкретно это выглядело до безобразия похоже на разработанное мной в опрометчивой попытке создать чародейскую классику: летающую метлу. Этот эксперимент чудом не убил меня, напугав настолько, что я забросил его до тех пор, пока не разберусь получше в необходимой аэродинамике, однако мне даже не приходило в голову применить это к чему-нибудь, что не перевернёт меня вверх ногами на ходу или влепит в здание на самоубийственной скорости. Почему я никогда не использовал подобную магию на долбаном

велосипеде?

Или на скейтборде?

У Баттерса не было достаточно сил, чтобы стать хоть сколько-нибудь серьезным чародеем, но этот метр-с-кепкой соорудил несколько полезных магических инструментов на протяжении последних лет, также с помощью Боба, и похоже, что эти занятия развили в нем настоящий талант к созданию магических артефактов. Но на чем, черт возьми, эта хрень работает? Чародейские инструменты, подобные этому, словно игрушки, которым нужны батарейки, чтобы работать, но у Баттерса нет столько сил, чтобы запустить хотя бы простейшую из них. Что же он использовал в качестве источника питания?

О *нет*!

Костюмы испустили возбуждённый вой и прибавили шаг. Они поотстали, но не намного, и, чтобы сократить разрыв, начали срезать углы, прыгая через заборы чьих-то участков и кусты у близлежащих зданий. Я последовал за ними, прыгая через те же заборы. Один из костюмов поскользнулся и врезался в сетчатую ограду на скорости свыше тридцати миль в час с ожидаемым отвратительным результатом.

Другой костюм случайно встретился зубами с

концом моего тяжёлого посоха, когда мы вместе прыгали через шестифутовую ограду, и закончил, хлопнувшись в стену офисного здания на той же скорости. Но было довольно темно, и со всем этим дождём, снегом с дождём, просто снегом и всем остальным я просто не мог точно утверждать, что именно произошло. Хе.

Когда мы достигли следующего перекрёстка, я увидел, как Баттерс выбросил вперёд руку. Опять блеснули оранжевые вспышки, на этот раз вытянувшись в линию, и я увидел, как какие-то тёмные нити вытянулись у него из рук и обвились вокруг фонарного столба. С визгливым возгласом, в котором волнение граничило с паникой, он потянул за эту верёвку и, не снижая скорости, вошёл на своём гоночном скейтборде в крутой поворот. Другие оранжевые вспышки, похожие на искры от костра, вытянулись в линию, эта штука, видимо, отпустила столб, и Баттерс продолжил бороздить улицу, направляясь на север.

Костюмы постоянно испускали охотничьи кличи и беспрепятственно продвигались по улицам, достаточно прогретым дневным солнцем, чтобы противостоять льду. Я определил, что к этому моменту у Вязальщика было около сорока или пятидесяти этих проклятых штуковин на улице,

и они были достаточно умны, чтобы общаться и сотрудничать. Оставалось надеяться, что у Баттерса достало здравого смысла продолжать двигаться в одном направлении — каждый поворот мог бы дать его всё более многочисленным преследователям шанс для манёвра, чтобы окружить его, как собаки испуганного кролика.

Он продолжал лететь вниз по улице, но ровная поверхность, что позволяла ему использовать — я не могу поверить, что говорю это — «зачарованный скейтборд», была на руку и его преследователям. Улица была всё ещё достаточно прогрета после солнечного дня, да и вечерний траффик не давал льду как следует схватиться. Костюмы и я начали сокращать дистанцию, и было слишком светло, чтобы я мог помешать им без риска, что это кто-то заметит.

Затем случилось то, чего я боялся. Парочка костюмов, те, что были поподжарее и побыстрее остальных, направились в погоню по переулку, ориентируясь на крики своих товарищей. Они вырвались вперёд в стремительном броске, и лишь потому, что Баттерс стоял на скейтборде, выдвинув левую ногу, он оказался к ним лицом и заметил их приближение.

Но надо было отдать этому маленькому парню

должное. Он не запаниковал. Вместо этого он сунул свободную руку в карман, выхватил что-то и бросил на дорогу у себя за спиной, одновременно выкрикивая какое-то слово. В чём-то вроде стеклянного шара вспыхнул свет, затем он разлетелся об бетон, выпустив облако густого серого тумана прямо перед лицами преследователей.

Не в силах остановить сближение, оба костюма врезались в туман, погрузились в него и появились с другой стороны, где их шаги резко замедлились. Парочка заспотыкалась и остановилась, осоловело глядя вокруг. А в это время Баттерс и его вспыхивающий оранжевым скейтборд усвистели вниз по улице.

Добравшись до этого места, остальная часть стаи обогнула облако серого тумана. Те двое, что остановились, бросили на своих корешей испуганные, растерянные взгляды, а затем снова тронулись с места, очевидно, в запоздалой попытке присоединиться к погоне и нагнать остальных. Я наконец понял, что только что видел, и пролетел мимо облака тумана, безумно гогоча.

Мозговой туман. Больше десяти лет назад мой противник накрыл целый «Уол-Март» волшебным туманом, приведя память всех внутри во временно нерабочее состояние и безвозвратно

размыв воспоминания о последнем часе или около того. После этого дела Боб и я изучали работу этого заклинания. Видимо, Баттерс и Боб вместе помозговали над реализацией.

Баттерс летел по улице, уворачиваясь от редких тихоходных автомобилей, с успехом использовал своё лассо на фонарных столбах дважды подряд и завернул на Мичиган-авеню, направляясь в самый центр города, где башни и огни Чикаго ярко сияли в морозной дымке.

И тут даже демоны-костюмы притормозили. Города — это не просто улицы и здания. Они сосредоточия чистой воли и решимости каждого человека, помогавшего их строить, и каждой души, что работает и живёт, поддерживая их. Для существ из Небывальщины такое место, как деловой центр Чикаго — это чужеземная цитадель, внушающий страх источник силы. Мордор, так сказать. (Нельзя просто взять и войти в Мордор, хотя именно это все персонажи, так или иначе, делали.)

Точно так же и головорезы Вязальщика не вполне впечатлились чикагским центром, чтобы отказаться от преследования Баттерса. Они поднажали и почти догнали его, и на мгновение показалось, что почти схватили. Но он бросил

второй стеклянный шар с забудь-туманом на мостовую и расстроил погоню в нужный момент. Баттерс испустил демонстративный устрашающий крик и погрозил кулаком преследователям, несколько из которых пошатывались, в замешательстве натыкаясь на остальных.

И тут из ниоткуда на тротуаре перед кафе возник дженосква и пнул прямо в сторону Баттерса каменную кадку величиной с небольшую ванну.

У Баттерса было не больше секунды, чтобы среагировать, и совсем не оставалось времени, чтобы объехать кадку. Дженосква действовал со спокойным и точным расчётом. Баттерс сделал единственное, что мог — отпустил ремень скейтборда и прыгнул в воздух.

На нём не было защиты и шлема. Этот маленький прокачанный скейтборд двигался со скоростью тридцать миль в час, и его ждал лишь холодный асфальт. Я уверен, что всё обошлось бы, если бы он сидел в машине с подушкой безопасности — но это было не так.

Я стиснул зубы и подготовил сферический щит, чтобы поймать Баттерса. Но хотя это уберегло бы его от падения, на некоторое время он оказался бы заперт внутри щита, пока не погаснет инерция движения. Без скейтборда костюмы или

дженосква поймают его в пару секунд, и я буду вынужден драться, чтобы защитить его, что подведёт под моей миссией неутешительный итог.

Да будет так. Нельзя бросать друзей, даже тех, у кого проблемы с доверием к монстрам.

Но вместо того, чтобы упасть на дорогу и разбиться, или упасть в мой щит и обречь нас обоих на смерть, Баттерс сделал нечто другое — его пальто подозрительно заволновалось, вспыхнуло оранжевыми искрами и развернулось в огромные чашевидные крылья. Он замолотил руками и ногами с пронзительным визгливым криком, а затем свернулся в клубок. Оранжевый свет, похоже, превратил пальто в упругую сферу вокруг него. Баттерс отскочил, ударившись о дорогу, а затем, перевернувшись несколько раз, приземлился более или менее на ноги.

Малыш стрелой метнулся прочь от дженосквы — за что его трудно было винить — вверх по ступенькам ближайшего здания, которое оказалось Чикагским институтом искусств. Ближайший костюм прыгнул на его беззащитную спину.

Я выбросил посох вперед с криком: *«Forzare!»* — и невидимой силой расплющил прыгнувший костюм в воздухе, разметав его прямо над плечом Баттерса.

— Черт возьми! — проорал я со всей возможной искренностью, которой собралось немного. — Очистить линию огня!

Баттерс метнул на меня полный ужаса взгляд, отшатнулся, и стукнулся о самого северного из двух бронзовых львов перед Институтом искусств. Он бросил взгляд на статуи, облизал губы и прошептал что-то себе под нос.

Оранжевый свет хлынул из внутренних складок его пальто и быстро просочился в бронзовую статую, подтверждая то, как он выполнял все эти трюки.

Боб.

Боб-Череп свободно носился вокруг, словно какой-то чёртов подручный супергероя.

Боб был тем, кто двигал скейтборд. Боб направлял верёвки на запястьях Баттерса. Боб мутил с пальто Баттерса, чтобы он удачно приземлился.

Чёрт. Боб был просто грандиозен.

Всё объяснялось просто. Хотя Боб был духом, он всегда мог управлять физическими объектами. И если в прошлом он в основном делал это только с довольно небольшими и лёгкими вещами, как любовные романы или собственный череп, то не было никаких известных мне причин, чтобы не взяться за что-нибудь побольше. Я всегда считал,

что ему просто не хватало мотивации.

Я редко выносил Боба из своей лаборатории, и на то были *причины*. Чтобы так контролировать духа, Баттерсу требовалось иметь в своём распоряжении и череп Боба, что он и делал *прямо сейчас*. Он просто *таскал* череп с собой, вероятно, в этом рюкзаке, а это означало, что преданность Боба была столь же хрупка, как и способность Баттерса физически обладать черепом. Если черепом, а заодно многовековыми знаниями и опытом Боба, завладеет кто-то вроде Никодимуса, страшно подумать, для каких целей могут использовать моего старого друга.

Конечно, эти страхи резко отошли на второй план, когда я понял, что именно Баттерс повелел сделать духу.

Из глаз огромного бронзового льва вдруг посыпались оранжевые искры. Затем, двигаясь в точности как настоящий живой зверь, статуя повернула голову в мою сторону, пригнулась и издала мощный и вполне натуральный львиный рык.

— Вот дерьмо, — сказал я.

— Задержи их! — прокричал Баттерс.

Лев снова зарычал.

— Чёрт тебя побери, Баттерс, — огрызнулся я

себе под нос, — я пытаюсь помочь!

И тут несколько тонн ожившего бронзового хищника, управляемые разумом и волей самого могущественного духа, с которым я когда-либо сталкивался, бросилось прямо мне на голову.

Глава 28

Давненько на меня не прыгал грёбаный лев, да и в тот раз он был из настоящей плоти и крови, из зоопарка. Ещё ни разу что-то целиком из металла не пыталось меня убить, если не считать эпизодических встреч с орудиями потенциальной гибели в дорожно-транспортном происшествии, и никогда и то и другое одновременно. Так что этот случай можно считать первым.

И это очень важно в работе. Новые трудности. Что бы я без них делал?

Если бы не Зимняя мантия, я думаю, Боб снёс бы мне голову с плеч. Но вместо этого, я нырнул достаточно быстро и низко, чтобы избежать огромной лапы, которая неслась прямо на меня. Боб перемахнул через меня и врезался в парочку костюмов Вязальщика с сокрушительным энтузиазмом. Они отлетели словно кегли, а бронзовый лев развернулся слишком быстро для своего веса и присел, чтобы прыгнуть на меня снова.

И один из львиных горящих оранжевым огнём глаз, тот, что был с противоположной стороны от улицы, закрылся в самом коротком подмигива-

нии, которое только можно представить.

Боб *всё* понял.

Мой бывший лабораторный ассистент грянул: «Умри, предатель!» — и снова рыкнул.

— Берегись, он вырвался! — заорал я ближайшему костюму, отступая в его сторону и пытаясь удержать внезапную ухмылку. — Он всех нас растерзает!

— Рррарх! — Боб зарычал и снова бросился на меня.

Я шарахнулся в сторону в последнюю секунду, чтобы костюм не заметил приближения Боба, пока не было уже слишком поздно. Бронзовый лев врезался в костюма, его закружило в водовороте сломанных конечностей и шлёпнуло о стену Института искусств. Костюм взорвался в чистую желатиновую слизь, его физическое воплощение было слишком искорёжено, чтобы призванный Вязальщиком дух мог и дальше оживлять его. Лев триумфально зарычал и повернулся к следующему ближайшему костюму.

— Он мой! — крикнул я, навёл посох на Боба и прорычал: — *Fuego!*

Взрыв чистого огня вырвался из посоха, промазал мимо беснующейся статуи льва буквально на дюйм и угодил прямиком в пару костюмов,

охватив их огнём и заставив испускать странные завывания разочарования и гнева, когда они начали терять свои физические формы.

Разъярённые горящие костюмы прыгнули на Боба, и охотничье-стайный инстинкт демонов побудил всех остальных тоже броситься на статую. Боб взревел, огни в его глазах весело вспыхнули, и он начал отбрасывать их лапами, как Мистер, играющий с несколькими мешочками кошачьей мяты на верёвочке.

Я отпрыгнул от этой мясорубки и огляделся в поисках Баттерса. Первым делом я посмотрел туда, где он только что был, но там никого не было — только пустая пластиковая бутылка катилась по ступеням, подгоняемая порывистым северным ветром. Как раз такая, какую я использовал для создания зелий.

Баттерса развеяло по ветру. Чёрт, фактически буквально. Когда-то давно я приготовил эликсир бегства, который спас меня от жабодемона, и, если бы у меня была двадцатка, я бы поставил её против куска жевательной резинки на то, что Баттерс повторил мою старую формулу и использовал её, чтобы иметь возможность быстро исчезнуть в суматохе.

Потому что суматоха была: взрывы, рычание и

шум делали в точности то, на что я и надеялся, — привлекали внимание. Хотя погода и приглушала звуки, а рабочий день уже давно закончился, окружающий нас район не был совершенно безжизненным. Начали загораться огни. В окнах соседних зданий стали появляться лица.

Одной из исходных точек здравого смысла в сверхъестественном мире является то, что вы не привлекаете к себе внимание смертных властей. Отдельно взятый смертный (или двадцать смертных) не много значит для реального сверхъестественного хищника. Я чертовски уверен, что серьёзные плохие парни, как, к примеру, один из них — огромный и волосатый, что прячется в тени Института искусств на противоположной стороне улицы, могли бы без колебаний выйти против толпы смертных и рассчитывать на победу. Но в таком городе, как Чикаго, разборки с человечеством не сводятся к схватке с десятком или даже с парой сотен смертных. Это означало бы конфликт с тысячами, и что более важно, это означало бы конфликт с теми, кто достаточно подготовлен и вооружён, чтобы быть реальной угрозой.

Люди действительно начали появляться на улице, в витринах кафе и ближайших продукто-

вых магазинов. Доставать сотовые. И в радиусе мили от места, где я стоял, было, наверное, с полдюжины отделений Чикагской полиции.

— А ты чего ждешь? — крикнул я дженоскве и указал на ожившую статую. — Протяни руку помощи, здоровяк!

Какую-то секунду дженосква злобно пялился на меня, затем перевёл взгляд на неистово бушующего Боба. Вспышка ужасных жёлтых клыков, блеск злобных, яростных глаз — и существо исчезло из виду. Но, растворяясь под завесой, оно повернуло вверх по улице, в ту же сторону, куда в последний раз направлялся Баттерс.

Хуже того, над головой послышался шум от порыва ветра, и нечто тёмное и стремительное пронеслось в пространстве между мной и парой верхних огней, породив множество завихрений и мерцающих теней на противоположной стороне улицы. Я всмотрелся в дождь и туман, но не видел ничего, кроме большой, крылатой фигуры, быстро движущейся в том же направлении.

Вот дерьмо.

Никодимус и Андуриил решили проветриться. Я не сомневался, что дженосква способен выследить Баттерса не хуже любой гончей, а эликсир бегства, если это был он, мог перенести вас лишь

на относительно короткое расстояние, может быть, на пару кварталов. Значит, будет лишь вопросом времени, когда Баттерса засечёт Никодимус, или дженосква возьмёт его след. И у него уже не было Боба, чтобы разогнать скейтборд или прикрыть ему спину.

Я стиснул зубы, пока Боб отправил ещё одного из костюмов Вязальщика в полёт мимо меня. Я рассеянно поднырнул. Инстинкты подсказывали мне двигаться дальше и как можно быстрее. Но я велел им заткнуться. Можно было продолжать мчаться в произвольном направлении, но вряд ли это привело бы к чему-то дельному. Сосредоточившись на мгновенье, я оттеснил Зимнюю мантию от своих мыслей и почувствовал, как они проясняются. Здесь Зимний рыцарь был не нужен.

Я побежал вниз по улице к брошенной пластиковой бутылке и схватил её. Буквально тут же, с лёгким заносом и разбрызгивая слякоть на середине проспекта, тормознул один из этих мини-внедорожников, и Кэррин высунула голову в окно:

— Садись!

Я рванул к машине, пока Кэррин зачарованно уставилась на зрелище того, как более дюжины

костюмов, толкаясь, карабкаются на льва, изо всех сил стараясь опрокинуть его, а огромное, с пылающими оранжевыми глазами, существо крутится и вращается, как дервиш, пытаясь стряхнуть их.

— Ух, — выдохнула Кэррин. — Что-то новенькое.

Я захлопнул дверь и сказал:

— Это Боб. Баттерс спустил его с цепи.

— А это хорошо? — спросила она.

Я сунул свой посох куда-то за спину и нащупал бутылку.

— По крайней мере, это интересно. Их Баттерс обставил, но Никодимус и дженосква у него на хвосте.

— Наше прикрытие провалено?

— Пока нет, — сказал я. — Мы всё ещё плохие парни. По крайней мере, достаточно плохие, чтобы удовлетворить Мэб. Ты же знаешь, как в драке всё может запутаться.

— Ха, — фыркнула Кэррин. — Каков план?

— Найти Баттерса. Высади меня где-нибудь, где можно укрыться от дождя, и дай секунду, чтобы запустить следящее заклинание.

— Нет необходимости, — возразила она и тронулась с места. — Я знаю, куда он пойдёт.

Я моргнул.

— И куда?

— Ты — Баттерс. Ты в курсе практически обо всем, что происходило в Чикаго за последнюю дюжину лет. Тебя преследует куча демонов и сверхъестественных плохих парней, в том числе рыцари Тёмного Динария, — сказала она. — Куда бы ты отправился?

Я нахмурился в раздумье. Насчёт этого она права. Если Баттерс работал в тесном сотрудничестве с Бобом, он знает довольно много из того, в чём участвовал череп, и он узнает Дейрдре и Никодимуса по именам. Дьявол, да так оно и есть — этим, вероятно, и объясняется его недоверие. Я отказался рассказать ему хоть что-то о том, во что я втравил Кэррин, и он подслушивал, как я коротаю денёк с толпой суперпреступников и рассиживаюсь за столом с Никодимусом Архлеоне.

И где в этом городе лучшее место, чтобы обрести защиту от падших ангелов?

— Адские колокола, — выдохнул я. — Он отправился к Майклу.

— Точно, — согласилась Кэррин с неподдельным гневом в голосе. — Чёрт возьми, он же знает, как это опасно!

Я несколько раз моргнул, а затем почувствовал,

что у меня отваливается челюсть в интуитивном озарении.

— Мечи там, не так ли? И Баттерс это знает.

Её челюсти сжались. Она посмотрела меня и коротко кивнула.

— Я хотела, чтобы ещё кто-то знал, на случай, если со мной что-то случится. Мой дом недостаточно безопасен, даже с тем, что могут сделать паранетчики. И я дьявольски уверена, что не собираюсь доверять такие вещи людям Марконе. Любое зло, что попытается пробраться в дом Майкла, огребёт по заслугам. Это было лучшее, что я смогла придумать.

— Если они поймают Баттерса прежде, чем он доберётся туда, — сказал я, — он труп. Если ты ошиблась в том, куда он пошёл, он труп.

— А если мы остановимся на пару минут, чтобы ты собрал в кулак твою мужицкую силу, мы можем появиться слишком поздно, и уже ничего не сможем поделать, — сказала она и закусила губу. Она выжимала из небольшого внедорожника столько скорости, сколько позволяла погода, полный привод работал непрерывно.

— Что, по-твоему, мы должны делать?

Это всё я виноват. Если бы я доверился Баттерсу, хотя бы дал ему понять, что происходит, то ему не

пришлось бы разнюхивать всё самостоятельно. Но, чёрт возьми, как же я мог сделать это, не…

Аргх…

Я ненавижу эти не-открывай-карт заморочки.

Я лажаю в карты. Я больше по «Монополии».

— Я не общался с Майклом несколько лет, — сказал я. — Но стоило мне встретиться с ним, и в тот же день я запускаю цепь событий, в результате которых несколько монстров в супертяжёлом весе отправляются прямиком к его дому.

— Ага, — сказала Кэррин. — Я заметила.

— Возможно, это не случайность, — сказал я.

Она выгнула одну светлую бровь:

— Вера, Гарри? У тебя?

— Да иди ты! — нахмурился я. — Рули.

Она сверкнула зубами в свирепой улыбке и сказала:

— Пристегнись.

Я так и сделал, в то время как милый ледяной дождик стал превращаться в тяжёлый мокрый снег.

Глава 29

Мы вновь возвращались в пригород и были уже в двух кварталах от дома Майкла, когда едущее слишком быстро такси буквально телепортировалось из мокрого снега. Машина проехала стоп-линию, заставив Кэррин нажать на тормоз и вильнуть в сторону, чтобы избежать столкновения.

Маленький внедорожник сделал всё, что мог, но заскользил по покрытой мокрым снегом улице, отскочил на обочину, пробил деревянный заборчик и застрял передними колёсами в чьём-то пустом бассейне.

Кэррин рывком бросила машину назад и попыталась её вытащить, но задние колёса лишь беспомощно буксовали на льду.

— Дерьмо! — прорычала она. — Иди, я тебя догоню!

Я схватил свой посох и без колебаний выпрыгнул на мокрый снег. Бросившись через дождь в туманную псевдо-тьму, я обернул себя в Зиму. Я двинулся к дому Майкла напрямую: по пути делая краткие пробежки по тротуару, пересекая

чьи-то дворы и прыгая (Паркур!) через заборы и припаркованные автомобили.

Я добрался до дома Карпентеров как раз когда такси, ставшее причиной нашей аварии, скользнуло на стоянку через несколько домов от Майкла. Баттерс выскочил из задней двери, бросил водителю несколько смятых купюр и, опустив голову, побежал к дому Майкла. Он выглядел бледным и трясущимся. Я ему сочувствовал. Это зелье в своё время оставило у меня чувство, что я только что пару дюжин раз прокатился на «американских горках», причём со страшного похмелья. Он не пробежал и пяти шагов, как одна из ног ушла из-под него на обледенелом скользком тротуаре, и он тяжело упал. Я слышал, как его голова стукнулась о бетон, а затем почти почувствовал острую боль, с которой воздух взорвался в его лёгких, когда от падения у него перехватило дыхание.

Я не останавливался, пока не оказался рядом с Баттерсом. Прочесав пристальным взглядом окрестности, я нашёл их тихими и спокойными.

— Иисусе! — выпалил Баттерс, когда я приблизился. Он отшатнулся от меня, подняв одну руку, чтобы защититься от удара, а другой доставая что-то из-под пальто.

— Адские колокола, Баттерс, — сказал я немного обиженно. — Если бы я собирался тебе навредить, я бы просто взорвал тебя к чертям.

— Ты пытался… — хрипел он, всё еще держа руку за пазухой. — Не… подходи. Я… серьёзно.

— Адские колокола, не строй из себя идиота, — вздохнул я и протянул ему руку. — Пошли. Они наверняка уже тебе на пятки наступают. Ты не можешь здесь лежать. Давай я тебе помогу.

Секунду он просто пялился на меня. Было ясно, что он слегка ошалел от падения, и, также очевидно, напуган.

Я нетерпеливо хмыкнул и шагнул вперёд.

Баттерс нащупал во внутреннем кармане пальто что-то вроде стеклянной ёлочной игрушки и слабо бросил в меня.

Зима всё ещё одевала меня. Я немного присел и поймал игрушку на лету, стараясь не сломать.

— Полегче-ка, убийца, — сказал я. — Не хотелось бы, чтобы мы оба забыли, зачем стоим здесь на снегу.

Он смотрел на меня снизу вверх, пытаясь выровнять дыхание.

— Гарри…

— Полегче, — повторил я. — Вот, держи, — я бросил ёлочную игрушку обратно.

Он заморгал на меня.

— Пошли. — Я нагнулся, взял его под мышки и более или менее поставил невысокого парня на ноги. Он тут же снова поскользнулся, и упал бы, если бы я его не держал. Я вернул ему устойчивость, направив его шаги подальше от предательского бетона, на траву перед одним из домов. — Полегче. Пошли, давай хотя бы уведём тебя с холода.

Он застонал и произнёс:

— Боже, Гарри. Ты не… Ты не собирался… — Мы проковыляли ещё несколько шагов, и он продолжил: — Я идиот. Извини.

— Не извиняйся, — ответил я, с опаской оглядываясь вокруг. — Надо войти в дом.

— Как сильно я всё испортил? — спросил он.

— Ничего такого, что нельзя исправить, если мы пошевелимся, — ответил я и в нетерпении нырнул вниз, чтобы подставить ему плечо под мышку и как-то приподнять. Пока я тащил Баттерса за собой, его ноги едва касались земли двора Карпентеров.

Двадцать ярдов.

Десять.

Пять.

Ударил порыв ветра. Что-то похожее на чёрные

паруса заклубилось над снегом, а затем кружащаяся тень отступила, и перед нами возник Никодимус Архлеоне с узким мечом в правой руке, лезвие которого было аккуратно опущено вниз к его ноге. Он посмотрел мне в лицо с лёгкой улыбкой.

Позади него плавными волнами колыхалась его тень, растянувшись на двадцать ярдов вокруг.

Я резко остановился, и ноги Баттерса качнулись назад и вперёд.

Я сделал шаг назад и посмотрел через плечо.

Дженоскава, плохо различимый сквозь густой мокрый снег, стоял где-то в двадцати футах позади, в тени высокой сосны. Его огромная мохнатая фигура плавно сливалась с тенью дерева. Но всё же я мог видеть блеск его глаз.

— О, Дрезден, — промурлыкал Никодимус. — Вы его поймали. И как раз вовремя.

Я осторожно опустил Баттерса вниз поближе к себе. Маленький парень не двигался и не говорил, но я чувствовал, как он содрогается от внезапного и вполне оправданного ужаса.

— Маленький доктор, — произнес Никодимус. — Такой находчивый кролик.

— Шустрый и совсем не опасный, — подтвер-

дил я. — Почему бы его не отпустить?

— Не несите чепуху, — ответил Никодимус. — Он слышал слишком много, и мои источники говорят, что он связан с чикагским альянсом Марконе. Только идиот не увидел бы в нём потенциальную смертельную угрозу безопасности. — Он наклонил голову на бок: — Он должен умереть.

Дженосква испустил голодный урчащий рык.

Баттерс застыл. Он не оглянулся назад. Я его не виню. Мне тоже не хотелось туда смотреть.

Никодимус явно наслаждался происходящим:

— Похоже, Дрезден, для вас настало время сделать выбор. Хотите, я вам его упрощу?

— В каком смысле? — спросил я.

— В практическом, — ответил Никодимус. — Отдайте его мне. Я заберу его. Всё будет быстро и милосердно. — Его глаза переместились на Баттерса. — Ничего личного, молодой человек. Вы вмешались в то, что вам не по зубам. И должны заплатить за это. Но я не держу на вас зла. Вас просто нужно остановить.

Баттерс издал тихий испуганный звук.

— Или вы можете нарушить данное Мэб слово, чародей, — продолжил Никодимус и улыбнулся. — И в этом случае я буду вынужден отказаться

от ваших услуг.

— Без меня вы никогда не пройдёте через вторые ворота, — возразил я.

— После того, как я вас убью, Мэб, несомненно, одолжит мне своего следующего рыцаря или другого слугу с той же готовностью, с которой она одолжила мне вас, лишь бы только не нарушить данное ею слово. Выбирайте.

— Я думаю, — ответил я.

Никодимус раскрыл ладонь в вежливом жесте, разрешающем мне подумать подольше.

Отдавать ему Баттерса был не вариант, и точка. Но и драться с ним тоже не выглядело хорошей идеей. С Никодимусом с одной стороны и дженосквой с другой мне мои шансы совсем не нравились. Даже с мантией Зимнего рыцаря я не был уверен, что смог бы побить одного из этих парней, не говоря уж об обоих сразу.

Если я отдам ему Баттерса, могу остаться в живых. Если не отдам, то мы оба умрём прямо здесь, на пороге дома Майкла.

Выбора не было.

— Ты берёшь на себя парня позади нас, — пробормотал я Баттерсу.

Малыш сглотнул и мотнул головой в крошечном кивке, осторожно сжимая свою ёлочную

игрушку.

Никодимус кивнул, его глаза блестели. Остриё узкого меча поднялось, словно мерцающий язык змеи. Тень Никодимуса внезапно начала танцевать и колебаться в возбуждении. Дженосква издал ещё один урчащий рык и шагнул вперёд. Я сжал свой посох, а Баттерс резко перестал дрожать и замер в наэлектризованном напряжении.

А затем из снега выступила Кэррин с гранатомётом на плече, готовым к стрельбе и нацеленным точно на Никодимуса.

— Привет, — сказала она. — Вы мне очень-очень сильно не нравитесь, динарианец.

— Ха! — сказал я Никодимусу. — Хе-хе!

Его взгляд скользнул от меня к Кэррин и обратно. Его улыбка стала ещё шире:

— Мисс Мёрфи, вы не выстрелите.

— Почему нет? — живо спросила Кэррин.

— Потому что для меня очевидно, что вы его любите, — ответил Никодимус. — Если вы выстрелите, это оружие убьёт чародея, так же как и вашего друга доктора. И на таком расстоянии, я почти что уверен, вам тоже не выжить.

Кэррин, казалось, тщательно обдумывала это замечание. Затем произнесла:

— Вы правы, — и сделала несколько шагов к

нему. — Вот так. Теперь должно хватить, как считаете?

Никодимус подозрительно прищурился:

— Вы этого не сделаете.

Кэррин произнесла очень тихим и очень спокойным голосом:

— Люди делают безумные вещи ради любви. Я лучше убью нас всех вместе с вами, чем позволю причинить ему вред. — Её голос стал немного выше, и она сделала ещё пару быстрых шагов к Никодимусу. — Ещё один шаг, мистер Высокий, Тёмный и Пушистый, и я отправлю нас прямиком в ад.

Я оглянулся через плечо и увидел дженоскву, замеревшего при попытке подкрасться чуть ближе. Его пещероподобные глаза сверкали в тихой ярости.

Кэррин сделала ещё пару медленных шагов к Никодимусу, её глаза странно светились.

— Безумные, безумные вещи. Не подталкивайте меня.

Улыбка Никодимуса превратилась в ухмылку:

— Вы исходите из ложного предположения, — сказал он. — Вы полагаете, что ваша игрушка может реально угрожать мне или моему спутнику.

В его словах был смысл, даже если мне и не хотелось это признавать. С волшебной петлёй на шее, уверен, Никодимус ухмылялся бы так же уверенно и в пламени огнемёта, и в гигантской мясорубке, если уж на то пошло.

— На самом деле, это вы исходите из неверного предположения, — возразила Кэррин тем же смертельно спокойным голосом. Предположительно безумный свет в её глазах всё усиливался. — Вы думаете, что я держу гранатомёт.

И с этими словами она отщелкнула какую-то потайную крышку в торце трубы гранатомёта и достала из её глубины меч.

Да, точно. Она достала меч.

Это была японская катана, в деревянных ножнах-трости, как у легендарного Затойчи. Ещё до того, как фальшивый гранатомёт упал на землю, лезвие меча освободилось от ножен, и Фиделаккиус, меч Веры, вспыхнул яростным белым светом.

Но что более важно, само наличие меча внезапно наполнило ночь едва слышимым звоном, похожим на вибрацию струны бас-гитары. Что-то неконкретное, чего нельзя было услышать, или увидеть, или почувствовать кожей. Но её присутствие было абсолютным, неоспоримым, оно

наполняло пронизанный мокрым снегом воздух. Это была сила, глубокая, как море, твёрдая, как земля и страшная в своей неотвратимости.

Определённо, это была та самая сила, что могла стереть ухмылку с лица Никодимуса.

Его глаза тревожно расширились. Даже его тень резко замерла, словно статуя.

Во время разговора Кэррин потихоньку сокращала дистанцию, и теперь их разделяло лишь несколько шагов. Она ринулась вперёд, её ноги уверенно, едва касаясь, ступали по обледенелой земле, и он едва успел вовремя поднять свой клинок и встать в защитную стойку. Мечи встретились в лязге стали и вспышке яростного света, она вложила в удар всю свою инерцию и всем телом обрушилась на его центр тяжести.

— Следи за большим парнем, — прошептал я Баттерсу, сделал шаг к Никодимусу и Кэррин… и застыл на месте.

Когда Кэррин врезалась в Никодимуса, он поскользнулся на предательски скользкой земле и бросился на одно колено, чтобы не упасть. Она поднажала, мечи сцепились, лезвия давили друг на друга со смертельной силой.

Я не смел вмешиваться. Стоило любому из них сделать малейшее неверное движение или

потерять равновесие, и два острых как бритва лезвия рассекут незащищенную плоть, словно скальпели.

Я смотрел, как они молча давили друг на друга, сила против силы. Кэррин не полагалась лишь на силу плеч и спины. Плотно прижав локти к корпусу, она давила на Никодимуса всем весом, помогая себе ногами. Двуручная рукоять Фиделаккиуса давала ей значительное преимущество против его одноручного меча. Лезвие её клинка с каждым напряжённым ударом сердца подбиралось к его лицу всё ближе и ближе, пока на щеке Никодимуса не появилась тонкая ярко-алая полоска.

Никодимус оскалился на неё, всё его тело затряслось от усилия, но он оттолкнул Меч от своей кожи на драгоценные полдюйма.

— Так значит, — прошипел он, — перегоревшая на работе думает, что нашла своё новое призвание.

Она ничего не сказала в ответ. Кэррин никогда не рвалась препираться с плохими парнями без чертовски хорошей причины. Это не её вина. Врождённый прагматизм. Она сделала медленный, глубокий вдох, и, не ослабляя давления, повернула лезвия, слегка изменив направление,

чтобы сцепленные мечи начали медленный спуск к горлу Никодимуса.

— И вы думаете, что достойны вступить в ряды настоящих рыцарей Меча, — сказал Никодимус вкрадчивым и уверенным голосом. — Вот такая избитая, изрезанная, сломленная. За мои века я отлично изучил, что требуется настоящему рыцарю. И у вас этого нет. Да вы и сами это знаете. Или взяли бы этот меч гораздо раньше.

Её ярко-голубые глаза горели на бледном испуганном лице, она наклонялась вперёд, всё ближе прижимая меч к его шее, к тому месту, где билась артерия. Я знал, сколь острым было лезвие катаны. Когда сталь доберётся до кожи Никодимуса, будет достаточно давления пера и движения травинки, чтобы перерезать горло.

— С вами это впервые, — продолжал он. — Такая близость, напряжение, неподвижность совсем не шутка. Знаете ли вы, сколько раз я говорил с такими новичками, как вы, в почти таких же ситуациях, как эта? Я забыл о настоящих сражениях на мечах больше, чем эта бледная современная копия мира помнит.

Кэррин не обращала на него внимания. Она переместила основной вес бёдер в поисках немного другого угла давления. Пылающий меч опустился

ещё на долю дюйма ближе.

— Дрезден, — сказал Никодимус, — я даю вам роскошный шанс отозвать вашего пса, прежде чем я уложу её. — Его глаза метнулись ко мне. — Кончайте этого низкорослого доктора и возвращайтесь в штаб. Мне незачем убивать всех вас троих.

Я стиснул зубы. Быть убитым, защищая Баттерса — дело одно. Тянуть на тот свет ещё и Кэррин — совершенно другое. Но я знал её. Знал, какой выбор она сделает, даже не спрашивая её об этом.

Кэррин тоже не позволит монстрам забрать её друзей.

Но других вариантов у меня просто не было. Дженосква был совсем рядом, и двигалась эта проклятая тварь быстро. Даже если Баттерс прямо сейчас рванёт в укрытие дома Майкла, ему в жизни не успеть добраться туда. Дженосква схватит его раньше… и с помощью магии мне эту громадину замедлить не удастся.

У меня оставался только один выбор.

— Ладно, — прохрипел я. — Чёрт вас возьми, я согласен.

Я схватил Баттерса и бросил перед собой, наставил на него посох и начал собирать волю. Руны

вспыхнули бледным зеленовато-белым светом кристаллов под Пределом Демона, где я взял древесину для посоха.

— Извини, Баттерс, — сказал я. — Ничего личного.

Глаза Никодимуса расширились. Взгляд Кэррин метнулся ко мне сначала с недоверием, затем с решимостью.

— Гарри? — обратился ко мне Баттерс.

— *Forzare!* — прогремел я, и вспышка невидимой силы сорвалась с посоха.

Удар пришёлся Баттерсу прямо в грудь, пнув его как разъяренный бык и швырнув сквозь снег… через маленький белый заборчик из штакетника в ближайший угол двора Карпентеров.

Всё произошло одновременно.

Левая рука Никодимуса метнулась как молния и извлекла откуда-то короткоствольный пистолет. Он сунул его в живот Кэррин и несколько раз нажал на спусковой крючок.

Я протестующе закричал и выхватил из плаща свой монструозный револьвер, одновременно с этим дженосква бросился на меня. Зимняя мантия делала меня быстрее, чем я когда-либо был, но даже так у меня хватило времени только на выстрел от бедра. Дженосква был уже футах в трёх от

меня, когда мой пистолет громыхнул так, словно стреляли из мощной винтовки. Затем огромная тварь врезалась в меня, словно товарный поезд, подхватила, как ветерок подхватывает букашку, и протащила через улицу, впечатав в соседский минивэн.

Металл ломался и скрежетал. Билось стекло. Серебристая молния пробежала по моему телу, и я не почувствовал никакой боли. Плотоядное зловоние дженосквы заполнило мой нос. Руки ударились об автомобиль, но я удержал револьвер и ткнул его в туловище чудовища. Но не успел я выстрелить, как он добрался до моего запястья. Его огромные руки обхватили моё предплечье, словно я был едва вставшим на ноги малышом, и со стуком ударили о минивэн, прижав револьвер. Другая рука опустилась мне на голову, толстые пальцы сжали мой череп как щипцы, когти впились в кожу.

— Стой! — услышал я резкий крик Никодимуса.

Дженосква испустил низкое рычание. Ему пришлось обезьяньим жестом повернуть плечи и изогнуться в пояснице, чтобы оглянуться назад — просто в его огромной шее было слишком много мышц для такого движения. В результате, он

перестал загораживать мне обзор.

Кэррин, невредимая на вид, все ещё стояла и прижимала Фиделлакиус к горлу Никодимуса.

Я моргнул и почувствовал внезапный прилив яростной гордости.

Она его *победила*.

— Может, я и не настоящий рыцарь, — прорычала Кэррин во внезапной тишине напряжённым от боли голосом, — но другого здесь нет. Прикажите горилле отпустить Дрездена, или я снесу вам голову и верну церкви петлю вместе с вашей монетой.

Никодимус внимательно посмотрел на неё. Затем медленно разжал руки, и меч с пистолетом оба упали на мёрзлую землю. Мокрый снег продолжал падать в тишине.

— Я сдаюсь, — произнёс он спокойным насмешливым голосом и слегка наклонил голову в сторону Баттерса. — И отказываюсь от притязаний на кровь невинного. Пощади меня, о рыцарь.

— Скажите дженоскве отпустить его, — сказала Кэррин.

Никодимус вытянул руку. Роящиеся вокруг него тени резко заколыхались, сгустились и устремились к нему. Они собирались у него на ла-

дони, и через мгновение там блестела небольшая серебряная монета, отмеченная чёрным пятном в форме какой-то печати. Не глядя на Кэррин, он бросил монету, и она упала на ледяной тротуар, не подпрыгнув, словно была сделана из чего-то гораздо более тяжёлого, чем свинец.

— Отпустите Дрездена, — гнула своё Кэррин.

Никодимус безмолвно улыбался, не шевельнув ни рукой, ни взглядом. Затем приподнял и снял петлю со своего горла, и она упала на землю рядом с монетой.

Кэррин оскалила зубы:

— Отпустите его. Я не буду повторять ещё раз.

Никодимус всё улыбался и улыбался, а затем произнёс:

— Размозжи ему череп. Но так, чтобы побольнее.

Дженосква повернулся ко мне, сверкая глазами из-под своего пещерного лба, и сжал свои пальцы на моём черепе. Я бросил посох и попытался оторвать его руку от моей головы, но быстро понял, что до смешного далёк от него по части физической силы. Если я напрягу всё тело, то получу шанс против одного из пальцев дженосквы. Что я и попробовал. Тиски сжались. Серебристое чувство пошло красными трещинами, дышать

стало трудно.

— Я же сдался, — уверил Кэррин Никодимус. — Нет никаких сомнений, что вы должны делать дальше. — Его улыбка вернулась, и голос источал презрение: — Спаси меня, о рыцарь!

— Ты сукин сын! — прорычала Кэррин. Её дыхание стало сбиваться на всхлипы. — Ты сукин сын!

Боль наконец начала пробиваться через мантию Зимы. Я услышал собственный животный крик, когда хватка дженосквы стала крепче. Его дыхание тоже становилось быстрее и резче. Он наслаждался.

Кэррин заметно содрогнулась в ответ на мой крик.

Я понимал, что происходит и чего добивается Никодимус. Я попытался предупредить её, но, едва начал говорить, дженосква резко стукнул меня головой о минивэн, и ничего не вышло.

— Спаси меня, — повторил Никодимус, — и смотри, как он умирает.

— Будь ты проклят! — прорычала Кэррин.

Её бёдра и плечи развернулись для смертельного удара.

Свет лезвия угас так внезапно, словно кто-то выдернул лампу из розетки. Вибрирующая сила,

что резонировала с самим воздухом, исчезла.

Упреждая любую реакцию Кэррин, Никодимус, словно змея, качнулся в сторону и ушёл от меча волнообразным движением позвоночника и плеча. Из-за отсутствия сопротивления равновесие Кэррин немного пошатнулось, и руки Никодимуса схватили её за запястья.

Они боролись какое-то время, затем Фиделаккиус резко взмыл над головой Кэррин. Она побелела от ужаса при взгляде на меч, который теперь блестел не больше, чем обычный.

Затем руки Никодимуса разбили древний меч о бетон тротуара, плашмя бросив его лезвие на промёрзшие плиты.

Он разбился с пронзительным звоном протестующего металла, блеснув осколками в свете уличных фонарей. Кусочки лезвия разлетелись во всех направлениях, и теперь мерцали во тьме, отражая свет. Кэррин с недоверием смотрела на них.

Никодимус медленно и глубоко вздохнул. В этом бессловесном вздохе отражалось полное удовлетворение.

Воцарилась ужасающая тишина.

Меча Веры больше не существовало.

Глава 30

Мокрый снег продолжал падать.

Где-то в нескольких кварталах от нас завыла собака. Потерянный и одинокий звук.

Судорожный вдох Кэррин перешёл во всхлип, её широко раскрытые голубые глаза не отрывались от кусочков разбитого лезвия.

— Не судите, да не судимы будете, мисс Мёрфи, — промурлыкал Никодимус. И ударил её головой.

Она отшатнулась от удара, но Никодимус тут же схватил её за руку, не давая отступить.

— Не Рыцарю решать, стоит или нет отбирать чью-то жизнь, — продолжал Никодимус. Не давая ей опомниться, он нанёс жестокий удар, основание его ладони врезалось в её челюсть с отчётливым хрустом. — Не вам приговаривать или казнить.

Кэррин, казалось, взяла себя в руки. Она сделала стремительный выпад, метя Никодимусу в лицо. Тот поднырнул под удар, а затем их сцепленные руки проделали серию сложных и быстрых движений, закончившуюся тем, что левая рука

Кэррин оказалась заломлена вверх, а сама она была вынуждена опуститься на колени на обледенелый тротуар.

Я ещё никогда не видел, чтобы кому-то удалось взять её в захват. Никогда.

— Не знаю, что бы случилось, если бы вы просто нанесли удар, без осуждения, — продолжал Никодимус, — но, похоже, в момент истины ваши намерения не были чисты, — и сделал внезапное, резкое движение плечами.

Кэррин задохнулась криком.

Я боролся против давящего захвата дженосквы. Все мои усилия производили на эту тварь не больше впечатления, чем щенячья возня. Я собрал волю и метнул в него полусформированный сгусток силы, но, ударив, энергия, как и раньше, ушла в землю, не нанеся никакого вреда.

Я не мог ничего сделать.

Никодимус крутанул Кэррин, склонил голову на бок, и затем с сокрушительной силой заехал пяткой ей по колену.

Я услышал звук, с которым сухожилия оторвались от кости.

Кэррин издала полный боли всхлип и упала на землю, сломленная.

— На какое-то время я правда опасался, что

вы не взяли с собой меч, — сказал Никодимус. Он спокойно поднял и вернул на место петлю, небрежно повязав её на шею, словно бизнесмен — свой галстук. — Выжившие в Чичен-Ице — а их было немало благодаря вашим усилиям — описывали ваш вклад в этот конфликт как весьма впечатляющий. В ту ночь вы, несомненно, были готовы, и правда была на вашей стороне. Но вам не было уготовано большее. Вы знали, что большинство рыцарей Креста служат не больше трёх дней? Их не обязательно убивают — они просто выполняют своё предназначение и идут дальше своей дорогой. — Он наклонился к ней ближе и добавил: — Вам не хватило ума поступить так же. Что побудило вас взяться за меч, когда вы знали, что недостойны держать его? Гордость?

Кэррин бросила на него свирепый взгляд через застилающие её глаза боль и слезы, а потом посмотрела на меня.

Он выпрямился, изогнув бровь.

— Ах, разумеется, — сказал он сухо, с ядовитыми нотками в голосе. — Любовь. — Никодимус покачал головой, взяв свой меч в одну руку, а Монету — в другую. — Любовь сокрушит самого Бога.

Кэррин слабо зарычала и бросила рукоять сломанного Фиделаккиуса в голову Никодимуса. Он

взмахнул своим мечом, презрительно отбросив её в сторону. Деревянная рукоять приземлилась во дворе Карпентеров.

Никодимус подошёл ближе к Кэррин, снова опуская меч, нацелив на неё. Как только он это сделал, чернота схлынула с его тела вниз на землю, его тень растеклась вокруг него, словно пятно нефти в чистой воде.

Кэррин неловко подалась назад, подальше от него, но едва могла шевельнуться с лишь одной здоровой рукой и одной здоровой ногой. Мокрый снег приклеил волосы к голове, и торчащие уши делали её меньше и моложе.

Я пнул дженоскву сквозь красную пелену, застилавшую мое зрение. Благодаря Зиме внутри меня, я мог перетирать шлакоблоки в гравий, даже не думая. Это было бесполезно. Он весь состоял из мускулов и твердокаменной шкуры.

— Смиритесь с этим, мисс Мёрфи, — сказал Никодимус, двигаясь вместе с ней. Его тень роилась на земле вокруг нее. — Ваше сердце, — он приставил к нему остриё меча в качестве иллюстрации, — просто было не в том месте.

Он сделал паузу, достаточно долгую, чтобы она могла увидеть приближающийся меч.

Она смотрела на него, её глаза были злыми и

напуганными, лицо побледнело от боли.

И в это мгновенье открылась входная дверь Карпентеров.

Тёмные глаза Никодимуса в тот же миг блеснули и сфокусировались на крыльце.

Майкл на мгновение задержался в дверном проеме, опираясь на свою трость и осматривая происходящее. Затем он захромал вниз по ступенькам, на дорожку, ведущую к почтовому ящику. Он двигался осторожно, постепенно передвигаясь по скользкому снегу, пока не дошел до калитки в белом штакетнике.

Он остановился, должно быть, футах в трёх от Никодимуса, пристально изучая его.

Мокрый снег падал на его фланелевую рубашку и превращался в дождь.

— Отпусти их, — тихо сказал Майкл.

Никодимус усмехнулся одним уголком рта. Его тёмные глаза опасно сияли.

— У тебя нет здесь власти, Карпентер. Больше нет.

— Я знаю, — сказал Майкл. — Но ты их отпустишь.

— И с чего бы это?

— Потому что если ты сделаешь это, — сказал Майкл, — я выйду за калитку.

Даже со своего места я практически видел, как глаза Никодимуса полыхают огнём ненависти. Его тень сошла с ума, метаясь из стороны в сторону и накатывая на белый штакетник, как волны накатывают на скалы.

— Свободно? — требовательно уточнил Никодимус. — По собственному выбору и воле?

Критическая отметка. Если Майкл добровольно выйдет из-под ангельской защиты, его телохранители ничего не смогут сделать. Ангелы обладают ужасающей силой — но не свободой воли. Майкл будет беззащитен.

Так же, как был беззащитен Широ.

— Майкл! — прохрипел я. Я был под некоторым давлением. И разбрызгал намного больше слюны, чем намеревался. — Не делай этого!

Майкл слабо улыбнулся мне и ворчливо сказал:

— Гарри.

— Нет никакого смысла, — задыхаясь, выдавила Кэррин тонким голосом, — в твоей смерти. Он просто прикончит нас после.

— Вы оба сделали бы то же самое для меня, — сказал Майкл, глядя на Никодимуса с той же слабой улыбкой.

И тут снегопад просто… остановился.

Я не имею в виду, что он закончился. Он просто перестал *падать*. Полузамёрзшие капли зависли в воздухе, словно миллионы маленьких бриллиантов. Слабый ветерок стих. Собачий вой оборвался так резко, словно кто-то вырубил тумблер.

В то же время за калиткой появился мужчина. Он был высок, молод и худощав, с широкими плечами профессионального пловца. Черты его лица были словно фарфоровые. Его волосы были черными, блестящими и вились кудряшками, его кожа была насыщенного карамельного цвета, а глаза блестели серебристой зеленью. Его явление не сопровождали фанфары. Мгновение назад не было ничего, в следующее — появился он.

Его присутствие было таким же абсолютным, как и внезапным. Уличный свет словно бы выделял его ярче и отчётливей, чем всех остальных. Мне даже не требовалась подсказка в виде внезапной остановки движения в физическом мире, ведь я ощущал силу, исходящую от него, словно свет от звезды.

Он появлялся передо мной под многими личинами, но невозможно было не признать его присутствие, его личность.

Мистер Радость. Архангел Уриил.

Его взгляд был сосредоточен исключительно на Майкле, и черты его лица выражали боль.

— Тебе нет нужды делать это, — настоятельно сказал он низким голосом. — Ты и так уже отдал достаточно, даже более чем.

— Уриил, — сказал Майкл, почтительно склонив голову. — Я знаю.

Ангел поднял руку.

— Если ты сделаешь это, я уже никак не смогу тебя защитить, — предупредил он. — И это существо сможет свободно причинить тебе такую боль, какую даже ты не можешь себе представить.

Внезапная, солнечная улыбка появилась на лице Майкла:

— Друг мой…

Уриил моргнул и немного покачнулся, словно эти слова ударили его физически.

— …спасибо тебе, — закончил Майкл. — Но я не Плотник, который установил стандарт.

Никодимус постучал Уриила по плечу.

— Извините.

Ангел медленно развернулся к нему. Лицо его было решительным, глаза — непроницаемыми.

— Ты вмешиваешься в дела смертных, ангел, — сказал Никодимус. — Держись в стороне.

Глаза Уриила вспыхнули, и небеса пронзила молния, а раздавшийся раскат грома заставил задрожать повисшие в воздухе капли.

— Угрожаешь? — спросил Никодимус, и презрение сочилось из его голоса, как кровь из раны. — Пожалуй, тебе лучше не лезть на рожон. В этом вопросе ты бессилен, ангел, и мы оба это знаем. Ты ничего мне не можешь сделать.

С этими словами Никодимус поднял левую руку и не спеша, спокойно завёл указательный палец за большой и щёлкнул ангела по кончику носа.

Глаза Уриила расширились, а вокруг его плеч и головы запылал ужасающе яркий свет. Смотреть на него было больно, глаза жгло, а в голове замелькали вспышки воспоминаний обо всех позорных поступках, которые я когда-либо совершал, опаляя мое сознание пониманием того, с какой лёгкостью я мог сделать иной выбор. Свет нимба Уриила отогнал тени и заставил всех отвести взгляд.

Всех, кроме Никодимуса.

— Давай, ангел! — издевался Никодимус, его тень перетекала и скользила в медленном беспокойном движении. — Накажи меня. Излей на меня свой гнев. Осуди меня.

Уриил уставился на него. Затем взгляд ангела

скользнул по обломкам Фиделаккиуса. Он закрыл глаза на мгновение, и отвернулся от динарианца. Свет его нимба замерцал и исчез. Слеза скатилась по его щеке.

И он отступил и пошел прочь.

— Чувак! — протестующе воскликнул я. Становилось все тяжелее разглядеть хоть что-то сквозь красную пелену. — Блин, да какой же из тебя ангел-хранитель? Сделай же хоть *что-нибудь*!

Уриил даже не обернулся.

— А теперь, — сказал Никодимус Майклу. Его меч по-прежнему был нацелен в сердце Кэррин. — Если я отпущу эту парочку, выйдешь ли ты за ворота?

Майкл кивнул.

— Выйду. Даю слово.

Глаза Никодимуса сверкнули. Он посмотрел на дженоскву и кивнул, в следующее мгновение я оказался на земле, нетронутый, под здоровенной, нависшей надо мной зверюгой. Лохматое, неуклюжее существо установилось на Уриила с ненавистью, но затем этот дикий взгляд обратился на дом и окружающее его пространство, скользя от точки к точке, глядя на что-то, невидимое мне. Кровь прилила обратно к моей голове, тяжело стуча, и пока Зима унимала боль, моё

зрение пульсировало от тёмного к светлому с каждым ударом сердца.

— Давай, Дрезден, — сказал Никодимус. — Отнеси её внутрь.

Мне потребовалось несколько попыток, чтобы встать на ноги, но я сделал это, сунул револьвер обратно в карман плаща и побрёл к Кэррин.

Она была в плохом состоянии, очевидно испытывая сильную боль. Когда я взял её на руки, она закричала бы, если бы могла дышать. Майкл открыл для меня калитку, и я бережно занёс Мёрфи внутрь двора и бережно, как только мог, положил на траву.

Тем временем Уриил дошёл до Баттерса. Он присел на корточки и потряс его. Баттерс начал приходить в себя и сел, потирая голову.

Уриил настойчиво сказал ему что-то своим низким голосом, кивнув в сторону дома. Баттерс сглотнул, глаза его были огромными, словно плошки, и кивнул. Затем поднялся и припустил вокруг дома, на задний двор.

Уриил устремил на меня пристальный взгляд.

«Время, — сказал голос в моей голове. — Дай мне немного времени».

— Я сдержал своё слово, — сказал Никодимус Майклу. — Теперь твоя оче…

— Чёрта с два ты сдержал, — выплюнул я. — Ты только что приказал своему громиле убить меня. Ты нарушил условия сделки с Мэб.

Никодимус перевел взгляд на меня, явно позабавленный.

— Этому? — сказал он. — Ну вы даёте, Дрезден, вы что, не в состоянии распознать уловку?

— Какую уловку? — переспросил я.

— Мне нужно было оказать некоторое давление на мисс Мёрфи, — сказал он. — Но никакой реальной угрозы для вас не было. Вы серьёзно думаете, что дженоскве понадобится больше пары секунд, чтобы размозжить даже такой толстый череп, как у вас?

Он широко улыбнулся, явно довольный собой:

— Так что это было не большей попыткой убить вас, чем ваше участие в погоне за маленьким доктором было нарушением данного Мэб обещания, что вы будете мне помогать.

Проклятье. Здесь уже не получится выторговать какой-нибудь взаимной выгоды. Уверен, что с точки зрения Мэб, мы с Никодимусом сыграли этот раунд вничью. Мои попытки защитить Баттерса можно было списать на невезение и откровенную некомпетентность. Попытку Никодимуса убить меня можно было оправдать

уловкой, необходимой для уничтожения Меча.

Его глаза сузились.

— И я полноправно ожидаю, что ты выполнишь свою половину сделки, Дрезден, независимо от того, что произойдёт в ближайшие несколько часов.

Я стиснул зубы и сказал:

— Ты напал на Мёрфи.

— Я предупреждал, что не могу гарантировать её безопасность, — резонно ответил он. — Но в любом случае, если помните, она напала первой. И она пока ещё жива.

Он продемонстрировал мне свои белые зубы:

— Я бы сказал, что веду себя более чем благоразумно. И ваш сеньор был бы такого же мнения.

И опять он был прав — в понимании Мэб, он действительно был благоразумным человеком.

Уриил тем временем подошёл и встал по правую руку Майкла. Я занял позицию слева от моего друга.

— Сделка заключена, — промурлыкал Николимус Уриилу. — Он добровольно дал слово. Ты не можешь удержать его от исполнения.

— Правильно, — сказал Уриил. — Но я могу помочь ему сдержать слово.

Улыбка Никодимуса увяла.

Уриил спокойно повернулся к Майклу, положил руку ему на плечо и мягко забрал трость.

Майкл моргнул, уставившись на Уриила, расставил руки, чтобы легче было держать равновесие, и весь напрягся в ожидании, что без поддержки трости не удержится на ногах. Но затем вдруг расслабился. Перенёс немного веса на больную ногу, потом ещё немного. Затем коротко рассмеялся и несколько раз подпрыгнул на ней.

В этот момент из-за дома снова показался бегущий Баттерс. В волосах его застряла дубовая веточка со всё ещё висящим на ней мокрым коричневым листком, промокшие колени были перепачканы грязью, а в руках он бережно нёс узкий сверток, обмотанный холстом и клейкой лентой и высотой с него самого. Баттерс на бегу разорвал ленту и протянул свёрток Майклу.

Глаза Майкла расширились и повернулись к Никодимусу, он не глядя вытянул правую руку — ему и не *нужно* было смотреть — и вынул из свёртка Меч, сверкающий стальной клинок с крестообразной рукоятью. Стоило пальцам Майкла сомкнуться на ней, Амораккиус взорвался ослепительным белым светом, и уже во второй раз за вечер воздух наполнила тихая, зловещая мощь одного из Мечей.

Глаза Никодимуса распахнулись:

— Вы жульничаете! — прорычал он.

— Я сказал, что выйду к тебе, — сказал Майкл.

Затем он поднял ногу в рабочем ботинке и пнул белую деревянную калитку, сорвав её с петель. Она ударила Никодимуса в корпус, выталкивая обратно на дорогу, и Майкл Карпентер, рыцарь Креста, под взглядом архангела, чьи серебристо-зелёные глаза мерцали в ответ на свечение Меча, вышел из открытых ворот на обледеневший тротуар.

— Я вышел, — сказал Майкл. — *In nomine Dei*, Никодимус. Я вышел сразиться с тобой.

Стоя на дороге, Никодимус оскалился.

Я испугался за Майкла.

И моё сердце воспарило.

— Ха-ха! — сказал я, словно хулиган из «Симпсонов», указывая на него. Потом я вышел за ворота и встал рядом со своим другом. Я ткнул пальцем в свой посох, упавший на землю там, где меня схватил дженосква, напряг волю и произнёс:

— Ventas servitas!

Посох подбросило вверх резким потоком воздуха. Я поймал его и накачал силой, призывая в руны зелёно-белый свет и серебристый огонь души.

Уриил скупо улыбнулся, взгляд его потяжелел, и ледяной дождь снова начал идти. Он взрывался облачками пара, когда капли касались рун моего посоха.

— Двое вас, — сказал я Никодимусу. — Двое нас. Что думаешь, Ник?

Майкл стоял перед ним прямо, держа Аморраккиус обеими руками. Свет Меча разливался в вохдухе — и тень Никодимуса робела перед ним.

Никодимус наконец отступил. Он опустил свой меч и сказал:

— Дрезден, я ожидаю вашего возвращения в наш штаб к четырём утра.

И развернулся, чтобы уйти.

— Не так быстро, умник, — сказал я.

Никодимус приостановился.

— Если уж я должен играть по этим дурацким правилам, ты тоже должен. Мне всё ещё нужен кто-то, кто прикроет мне спину на этой работе.

— Я буду более чем рад увидеть в этой роли мисс Мёрфи.

— Ты вывел её из строя, — возразил я. — Тебе не стоило этого делать. Ты уже победил её.

— Тогда выбери другого, — отрезал Никодимус.

Я положил руку на плечо Майкла и сказал:

— Я уже выбрал. И ты смиришься с этим, иначе

я восприму это как нарушение договорённостей — как и Мэб.

Никодимус просто стоял, пропитанный мокрым снегом и равнодушный к холоду. Он смотрел на меня в ледяной тишине несколько секунд. Затем изрёк:

— Так тому и быть.

Тени сгустились вокруг него, и растворились в штормовой ночи, забрав его с собой. Я огляделся вокруг и осознал, что дженосква уже ушёл.

Майкл опустил Меч и очень странно на меня посмотрел.

— Что? — спросил я.

— Черити, — предсказал он, — будет очень недовольна.

Глава 31

Как только Ник и Большой Волосатик ушли, я метнулся к Кэррин. Она лежала на спине, вздрагивая, а её глаза смотрели в никуда.

Я повернулся к Уриилу и ткнул пальцем в Кэррин:

— Вылечи её.

— Я не могу, — поморщился Уриил и добавил, спустя мгновение: — Мне жаль.

— Я крайне в тебе разочарован, мистер Радость, — сказал я. — Баттерс?

— Да, да, — отозвался Баттерс, уже на пути к Кэррин. — Господи! — воскликнул он после короткой паузы. — Живее, мы должны убрать её подальше от холода и сырости. Прямо сейчас. Пока у неё не случился шок.

— У меня разожжён камин, — сказал Майкл. — Перетащим диван поближе к нему.

Я снял свой плащ и положил на землю рядом с Кэррин. Мы погрузили её на него.

— Эй, мистер Радость! — обратился я к нему немного грубее, чем следовало. — Есть какие-то космические причины, которое не дают вам под-

нять плащ за угол?

Уриил удивлённо моргнул, но затем поспешил к нам и охотно взялся за свой край плаща. Мы вместе подняли плащ с Кэррин, пытаясь её не потревожить. Но она всё равно издала бессвязный болезненный стон. Баттерс открыл двери, и мы занесли её в дом.

Пока мы её несли, Майкл внимательно наблюдал за моим лицом.

— Что? — спросил я.

— Ты не сердишься на то, что она ранена, — ответил он.

— Чёрта с два! Потом буду сердиться. Ещё не время. После того, как мы о ней позаботимся.

Майкл хмыкнул:

— Ты зол не *больше*, чем был бы, если бы на её месте был я. Или Баттерс.

Я тоже хмыкнул.

— Она не хрупкая принцесса, — сказал я. — Она воин. У воинов есть враги. Иногда воинам бывает больно. — Я чувствовал, как мои челюсти сжимаются. — И тогда их друзья сравнивают счёт.

— Чертовски верно! — встрял Баттерс.

Майкл продолжал смотреть на меня:

— Гарри…

Между тем мы донесли Кэррин до гостиной и

осторожно переложили на диван. В подтверждение слов Майкла в уютном каменном камине действительно горел огонь. Когда Кэррин оказалась на диване, я взялся за один конец, Уриил — за другой, и мы поставили его прямо перед камином, чтобы его тепло окружало её.

— Полотенца, — сказал Баттерс. — Одеяла. Быстрее.

— Я принесу, — вызвался Уриил. Он повернулся, замер, а потом спросил у Майкла: — А где они?

Майкл объяснил ему, где находится бельевой шкаф. Уриил торопливо бросился туда и через секунду вернулся, нагруженный полотенцами.

— Хорошо, — сказал Баттерс, хватая их. Он начал прикладывать их к Кэррин, пытаясь её высушить. Тепло и обтирания полотенцами, вроде бы, привели её в чувство, и она несколько раз моргнула.

— Майкл, — позвала она. — Майкл?

— Я здесь, — сказал он.

Кэррин посмотрела вверх, её лицо исказилось, глаза наполнились слезами:

— Мне жаль. Мне так жаль. Я потеряла Меч.

— Спокойно, — мягко сказал Майкл. — С этим мы справимся. Тебе не надо сейчас беспокоиться об этом.

— Нам надо снять с неё мокрую одежду, — сказал Баттерс. — У вас есть безопасные ножницы?

— У меня в наборе, — сказал Майкл. — На кухне.

— Я принесу, — произнёс Уриил и вышел. Вернувшись, он протянул Баттерсу тот же красный пластиковый ящик для инструментов, с помощью которого Майкл до этого латал меня.

— Кэррин, извини, — сказал Баттерс, — за твою куртку.

Он принялся орудовать безопасными ножницами, разрезая на Кэррин одежду, стараясь не шевелить её руку и плечо. Она все равно заворчала от боли.

— Я не знала, как мне быть, — сказала Кэррин. — Если бы я отвернулась от него, он бы ударил меня в спину. Если бы я не помогла Гарри, он бы умер, — её глаза расширились. — Гарри, он?..

— Я здесь, — ответил я.

Я взял её правую руку в свою. Её глаза метнулись ко мне, а пальцы вдруг крепко сжали мои. Рука была ледяной, да и сама Кэррин дрожала всё сильней.

— Гарри, — сказала она. — Слава Богу.

— Срань господня! — сказал Баттерс. — У нее в

рубашке дырки от пуль.

— Я всё испортила, Гарри, — сказала она. — Проклятье, я всё испортила, — она открыто заплакала. — Они всегда гораздо сильнее. Их всегда больше, и они всегда слишком сильны.

— Кэррин, — сказал я. Я взял её лицо в руки и заставил смотреть на меня, пока Баттерс срезал с неё рубашку. — Заткнись. Ты феноменально облажалась. Хорошо? Мы все выбрались. И со всеми всё будет хорошо. Правильно, Баттерс?

Баттерс одарил меня тяжёлым взглядом.

— Но Меч! — сказала Кэррин.

Майкл наклонился и серьёзно сказал:

— Не теряйте веры, мисс Мёрфи. Не всегда всё настолько плохо, как кажется. Временами тьма лишь помогает увидеть свет.

Я посмотрел на Уриила, который мрачно сжал губы в тонкую линию.

— Ох, слава Богу, — выдохнул Баттерс, — она надела бронежилет.

— Разумеется, я надела бронежилет, — ответила Кэррин, и на секунду её голос прозвучал ясно и раздражённо. Её зазнобило сильнее. — Господи, как холодно.

Баттерс выдернул несколько маленьких, ярких кругляшков металла, протягивая их Майклу:

— Четыре, пять. Сколько раз в неё стреляли?

— Пять, — мгновенно вставил Уриил.

— Двадцать второй, — сказал Майкл. — Возможно, двадцать пятый.

— Крови нет, — доложил Баттерс. — Думаю, жилет остановил их все, — он продолжил срезать рубашку, пока не смог увидеть повреждённое плечо. Оно уже начало отекать. — Нам надо снять с неё бронежилет.

— Зачем? — спросил я.

— Потому что кевлар не растягивается, и она продолжит отекать, и потому что ей надо в больницу. Я бы предпочёл, чтобы она не отвечала на любые вопросы о повреждённом пулями бронежилете, когда мы там окажемся.

— Это может быть небезопасно, — сказал я. — Почему ты не можешь позаботиться о ней здесь?

— Потому что здесь у меня нет нужных ей инструментов, и даже если бы они были, у меня нет опыта их использования, — сказал Баттерс твёрдо. — Послушай, Гарри, не у всех есть твоя способность залечивать раны. Её плечо вывихнуто, возможно, есть и другие повреждения. Я ещё не осмотрел её колено, но думаю, разорвана передняя крестообразная связка. На такую травму нельзя просто не обращать внимания.

Если она быстро не получит должного ухода, может остаться калекой на всю жизнь. Поэтому, как только я буду уверен, что у неё не начнётся гипотермия, мы отправимся в больницу. — Он внимательно посмотрел на меня с решимостью на лице. — И если ты будешь со мной спорить, я позвоню её друзьям из полиции и скажу, что ей нужна помощь.

Ярость застилала мне глаза, я зарычал и сжал руку в кулак, но Баттерс не отступал.

— Гарри, — произнес Майкл. Он встал между нами и положил руку мне на грудь. — Она не может здесь остаться. Она в агонии.

Я моргнул несколько раз и занялся математикой, выталкивая агрессию Зимы подальше из своих мыслей. Ярость отступила, оставив после себя усталость, и голова моя начала раскалываться от боли.

— Правильно, — сказал я. — Правильно… Извини, Баттерс. Эй, мистер Радость! Ты можешь поставить ей какую-то защиту, разве нет?

— Не могу, — ответил Уриил.

— Никакой от тебя пользы, — пробормотал я. Пульсация усилилась, несмотря на серьгу Мэб. — Господи, моя голова!

Сдерживающая рука Майкла стала поддержи-

вающей, в голосе звучало беспокойство:

— Гарри? Ты в порядке?

— Буду. Просто… надо минутку передохнуть.

— Уриил, — произнес Майкл мягко, но настойчиво.

Комната неожиданно накренилась, и я взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. Майкл поймал меня за правую руку. Уриил поймал мою левую своим носом, угодив прямо в алюминиевую шину, но архангелу удалось меня поддержать. Между нами тремя я нащупал стул и присел на минутку, пока моя голова кружилась.

Уриил был поражён, даже испуган.

И из его носа шла кровь.

Я был совершенно уверен, что это невозможно.

Уриил коснулся пальцами лица и отвёл их, яркие от алой крови. Он заморгал с выражением почти детского замешательства. Слёзы навернулись ему на глаза, и он мигнул несколько раз, словно не мог понять, что происходит.

Майкл понял, куда я смотрю, и его ясные серые глаза расширились. Он выпрямился, шокированно уставившись на Уриила.

— Что вы наделали? — спросил он.

— Не в наших силах было исцелить нанесённые вам раны, — сказал Уриил. — Мне очень жаль. Не

случайность привела вас к этому урону, а выбор.

Майкл оторвался от ангела и посмотрел вниз, на свою ногу, затем опять посмотрел на него.

— Что вы наделали? — повторил он.

Уриил перевёл взгляд со своих дрожащих окровавленных пальцев на Майкла и сказал:

— Я одолжил вам мою благодать.

Глаза Майкла стали совершенно круглыми.

— Ух ты! — сказал я. — А-а… разве… разве это не важная штука?

— Это то, что делает меня ангелом, — ответил Уриил.

— Милостивая Богородица… — благоговейно сказал Майкл.

— А-а, — сказал я. — Разве… разве эта штука не слишком могущественна? В смысле… Уриил, твоя сила способна разрушать солнечные системы.

— Галактики, — рассеянно поправил Уриил.

— Гарри, — начал Майкл, — о чём ты говоришь?

— Почему? — спросил я Уриила.

— Я должен был что-то сделать, — ответил он. — Я не мог просто… стоять и смотреть. Но мои возможности ограничены.

— О, я тебя понимаю, — сказал я. — Наверное.

— Гарри, да о чём ты говоришь? — повторил

Майкл.

— Хм, — сказал я и потёр мою больную голову. — Уриил хотел помочь тебе, но без свободы воли не мог повлиять на ситуацию. Я прав?

— Прав, — согласился Уриил.

— Но он мог действовать в соответствии с твоей волей, Майкл. А ты хотел выйти и встретиться с Никодимусом.

— Да, — сказал Майкл.

— Итак, он не мог изменить тебя, — продолжил я, — и не мог изменить мир вокруг тебя, по крайней мере по своей воле. Но он мог изменить себя. И он дал тебе свою силу, чтобы твоё тело стало таким, как раньше. Таким образом, использовать силу было не его решением. А твоим. — Пульсирующая боль начала медленно отступать, и я поднял голову. — Это намного больше, чем тебе было нужно, но единственное, что он мог тебе дать. Это как если бы…. он одолжил тебе свой огромный пассажирский самолет, потому что тебе был нужен свет, чтобы почитать. — Я посмотрел на ангела. — Я прав?

Уриил кивнул и сказал:

— Почти.

Майкл начал понимать и открыл рот.

— Одолжил, — сказал он. — Это не навсегда.

— Но ваша задача очень важна, — покачал головой Уриил. — Благодать нужна вам. Используйте её.

Майкл наклонил голову:

— Но… Уриил, если я использую её неправильно…

— Я паду, — сказал Уриил тихо.

Я закашлялся.

Срань Господня.

Насколько помню, в последний раз, когда архангел пал, были масштабные последствия.

Уриил слабо улыбнулся Майклу:

— Я уверен, что вы так не поступите. — Его улыбка стала немного болезненной. — Но я был бы признателен, если бы вы… не нажимали разные кнопки и не тянули рычаги в моём огромном самолёте.

— Как вы могли это сделать? — выдохнул Майкл.

— Вам был нужен свет, чтобы почитать, — ответил Уриил. — Вы более чем заслужили любую помощь, какую я могу вам оказать. И вы мой друг, Майкл.

— А что происходит с вами, пока я… пользуюсь самолётом? — спросил Майкл.

— Пресуществление, — сказал Уриил и взмах-

нул своими окровавленными пальцами.

— Срань. Господня, — наконец вмешался Баттерс. — Он смертный?

— И он может умереть, — добавил я тихо.

Глава 32

В камине потрескивал огонь.

— Как будто без этого недостаточно поставлено на кон, — сказал я.

Уриил улыбнулся. Улыбка вышла натянутой и страдальческой.

— Забери это, — сказал Майкл. — Ты обязан забрать это назад. Сейчас же.

— Я могу сделать это, — сказал Уриил. — Если таков выбор, я приму его с уважением.

Что-то в его голосе насторожило мои инстинкты, и я сказал:

— Майкл, постой. Подумай об этом.

— О чем тут думать? — спросил Майкл. — Архангел Бога уязвим.

— Правильно, — сказал я, разводя руками. — Так же, как и то, что он думает, что это важно, или типа того. Или ты думаешь, что Уриил такой парень, кто раскидывается такой силой волей-неволей всякий раз, как ветер дует? — я посмотрел на Уриила. — Я прав?

Уриил, помогая Баттерсу укутать дрожащую Кэррин в ещё одно одеяло, просто смотрел на нас

и ничего не говорил.

— Точно, — сказал я. — Так можно вычислить, что ты на правильном пути — он тут же затыкается и из него слова не вытянешь. Это ведь из-за Грааля, так? Из-за того, что Никодимус хочет с ним сделать.

Уриил многозначительно на меня посмотрел.

Я покраснел и сказал:

— Я не раскрываю всех своих карт, ладно? Я знаю, что это нечто большее.

Он положил руку на голову Кэррин и ободряюще ей улыбнулся.

Майкл покачал головой и пошёл к тому месту, где оставил Аморакиус, после того, как отстегнул его от пояса, как только мы занесли Кэррин в дом. Он рассеянно поднял его и принялся стирать с него влагу одним из старых полотенец.

— Вы просите меня принять очень непростое решение.

— Да, — ответил Уриил.

— С потенциально совершенно жуткими последствиями.

Уриил сочувственно на него посмотрел и кивнул.

— Расскажешь, что стоит на кону? Чем я рискую?

Уриил нахмурился, обдумывая вопрос. Затем ответил:

— Душой.

Майкл поднял брови.

— С этого и надо было начинать. — Он вытянул меч и осмотрел его лезвие сверху донизу. — Сейчас я не в отставке, — продолжил он. — Что будет с моей семьёй?

— Защита останется, — сказал Уриил. — Я занял твоё место.

Майкл выдохнул, часть напряжения покинула его.

— Правильно. Думаю, это всё опять привлечет сюда ненужное внимание.

— Вероятно.

— И ваша защита не спасёт от простых смертных, — добавил Майкл.

— Верно.

— Так что смертные запросто могут зайти и убить тебя. Убить всех.

— Потенциально.

— Народ, — сказал Баттерс, — нам надо отвезти её в больницу.

— Точно, — сказал я. — План такой. Баттерс отвозит Мёрфи в больницу и говорит парням из ОСР, что за ней надо присмотреть.

— Эти парни не смогут остановить кого-то вроде Никодимуса.

— Верно, — ответил я. — Но они могут заставить его поднять шум, если он захочет до неё добраться, а Ник не хочет шуметь до окончания дела. Он может послать нескольких своих оруженосцев сделать это, но ОСР запросто с ними разберётся. Майкл, ты не одолжишь Баттерсу автомобиль?

— Конечно, — ответил Майкл.

— Хорошо. Они помогут выгрузить ее в отделении неотложной помощи, Баттерс.

— Точно, — сказал Баттерс. — Отлично.

— Я собираюсь пойти прибраться на местности, — сказал я. — То, что осталось от Меча, гильзы, что там у вас ещё. Выстрелы были приглушены непогодой, но нельзя оставить всё это там валяться, если вдруг кто-то решит вызвать копов.

— Оставите меня говорить с Черити наедине, — сухо заметил Майкл.

— Да, забавно выходит, — сказал я. — Где она, кстати?

— В комнате страха с Мышом и детьми, — сказал Майкл. — Маленький Гарри пружинил от стен, так был взволнован. Не хочу, чтобы он увидел… — он кивнул в сторону Кэррин. — Я всё им

расскажу, когда она и Баттерс уедут.

— Правильное решение, — сказал я.

— Что делать мне? — спросил Уриил.

— Сидеть, — сказал я. — Оставаться внутри. Не совать пальцы в розетку, не играть со спичками и не бегать с ножницами.

— Я не понимаю, — сказал Уриил.

— Не испытывать судьбу, — пояснил я.

— Ох, да, — он нахмурился и сказал: — Но я хочу помочь.

— Тогда сиди, — сказал я. — Это очень поможет.

Он сел на подлокотник дивана и нахмурился.

— Думаю, если её будет нести кто-то один, это причинит меньше всего боли, — сказал Баттерс.

— Точно, — сказал я, поднимаясь, и закачался, когда кровь бросилась мне в голову.

— Гарри, — сказал Майкл и мягко оттеснил меня в сторону. Он подошёл к Кэррин и пододвинул диван, чтобы открыть себе доступ. Он отдал Баттерсу ключи от машины.

— Пострадали её левая рука и нога, — сказал Баттерс. — Старайтесь держать её за правую половину тела, поддерживая левое колено.

— Я буду осторожен, — пообещал Майкл и мягко взял её на руки, стараясь сохранить закутанной в

одеяла. Казалось, что ему это совсем не сложно. Я имею в виду, он не выглядел так, словно получил гору мускулов или что-то такое, но его сила точно была силой рыцаря Креста, которую я помнил, и уж совсем не хромого подрядчика и тренера младшей софтбольной лиги, которым он был последнее время.

Кэррин тихо застонала от боли, закрыла глаза и дисциплинированно принялась ровно и ритмично дышать через нос.

— Хорошо, хорошо, — повторял Баттерс. Он подобрал свой брошенный ранец, когда мы вышли наружу, чтобы загрузить Кэррин в белый пикап Майкла.

Мы посадили её внутрь и пристегнули, несмотря на боль, с которой ей приходилось бороться. Майкл поспешил обратно, прочь из-под мокрого снега. Кэррин на мгновение открыла глаза и подарила мне крохотную улыбку.

— Прости, — сказала она, — что я не смогу прикрыть твою спину.

— Ты отлично справилась, — ответил я. — Мы убедимся, что у тебя будет прикрытие.

— Беспокойтесь о себе, — сказала она. — Я могу сделать несколько звонков. Майкл хороший человек, но он не всегда видит происходящее.

Я закусил губу на секунду, пытаясь решить, должен ли рассказать ей что-нибудь. Но решил не делать этого. Если она будет не в курсе, то и не сможет никого предупредить, что я уже понял часть замысла Никодимуса.

Мне следовало бы поработать над бесстрастным выражением. Кэррин взглянула на моё лицо и криво улыбнулась.

— Секретная информация? Всё понятно, Гарри. — Ей пришлось приложить усилие, чтобы освободить правую руку из-под одеяла, взять мою ладонь и сжать её. — Используй её по полной.

Я подмигнул ей:

— Я тебя скоро навещу.

— Уж постарайся, — ответила она.

Баттерс захлопнул водительскую дверь и оживил пикап ровным гулом восьмицилиндрового двигателя. Сперва он включил все нагреватели и дважды проверил ремень безопасности Кэррин. Затем поправил зеркало, пробормотал что-то о грузовиках размером с дом и сказал мне:

— Можешь закрывать дверь. Я дам тебе знать в случае чего.

— Спасибо, Баттерс, — сказал я, кивнув.

Он скривился и сказал:

— Поблагодаришь меня, когда я спасу твою

жизнь.

— Ты уже спасал её, — сказал я. — Тогда, в музее.

— Так мы в расчёте?

— После первого раза перестаёшь вести счёт, друг, — сказал я. — Осторожнее на дороге.

Я тщательно закрыл пассажирскую дверь и стал смотреть, как Баттерс выкатывает пикап на ледяную улицу. Он включил самую низкую передачу, и шины медленно захрустели вниз по улице.

Он не проехал по дороге и двадцати секунд, когда сверкающий поток огней спикировал с ближайшего дерева и влетел сквозь лобовое стекло пикапа — это Боб вернулся в свой череп, всё ещё спрятанный в рюкзаке у Баттерса.

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Потом торопливо зачистил местность: фальшивый гранатомёт, осколки Меча, рукоять, ножны и все гильзы, и поспешил обратно в дом.

Я закрыл за собой дверь и привалился к ней. На секунду я был совсем один.

Я уже скучал по Кэррин. Головой я понимал, что прямо сейчас ей, скорее всего, не грозит опасность со стороны Никодимуса и компании, но какая-то иррациональная часть меня хотела быть тем, кто

отвезёт её в госпиталь, запугает врачей и будет охранять её покой, когда она наконец заснёт.

Она выглядела такой маленькой, с этими её мокрыми сбившимися волосами, завёрнутая в одеяла.

И она не выглядела бы таким образом, если бы я не вовлёк её во все эти дела.

То есть да, рассуждая логически, это не я причинил ей боль. Это сделал Никодимус. Но где-то за границами моего сознания плескалась огромная, бурлящая волна гнева, абсолютной ярости из-за того, что она пострадала. И пока ей не на кого было обрушиться, какая-то глупая часть моего мозга решила, что сойду и я.

А теперь я собирался вовлечь в этот бардак Майкла. И если он попадёт в такую же компрометирующую ситуацию, что и Кэррин, последствия могут быть куда как более серьёзными.

И всё это потому что я был слаб и заключил сделку с Мэб.

Я сжал зубы и силой заставил себя подняться на ноги.

Что сделано — то сделано. И бессмысленно сейчас рвать на себе волосы… тем более, что подобное самобичевание не поможет мне защитить Майкла и не дать Никодимусу заполучить в свои

руки одну из самых могущественных священных реликвий в мире.

Потом у меня будет ещё куча времени, чтобы всласть помучить себя… если, конечно, я проживу достаточно долго, чтобы сделать это.

Сосредоточься на текущей задаче, Гарри. Разберёшься со всем остальным, когда у тебя появится время.

Да, конечно. Но не тот ли это тип мышления, из-за которого я в первую очередь угодил в этот бардак?

Я пытался научиться продумывать игру на несколько ходов дальше, чем раньше. Поэтому и пытался держать Кэррин в неведении о том, что задумал для Никодимуса и компании. Но, блин, как же тяжело было играть в эту игру.

Мрачные мысли. Я отвлёкся от них при звуке шагов по ступенькам. Я посмотрел наверх.

Наверху лестницы стояли две фигуры: огромная собака и маленькая девочка.

Пёс был серый, мохнатый и размером с мамонтообразного быка из «Звёздных войн». Объёмистая меховая грива на его голове и плечах делала его похожим на льва, его тёмные глаза ярко блестели, а слегка загнутый хвост вилял так яростно, что казалось, он вот-вот свалится на

бок. Увидев меня, Мыш счастливо фыркнул, его передние лапы оторвались от пола, но потом он посмотрел на стоящую рядом девочку и заставил себя осторожно застыть.

Руки маленькой девочки были зарыты в густой мех гривы Мыша, словно она отказывалась признать, что не может просто обнять его руками за шею и унести с собой, как плюшевого мишку. Она была одета в старую футболку Молли с надписью «СПЛЕТТЕРКОН!!!» на груди. Подол футболки висел ниже колен, а рукава были на полпути к её запястьям. У неё были огромные карие глаза размером с мячик для софтбола, а прямые тёмные волосы спускались вниз к маленьким плечам.

У нее было слегка вытянутое лицо. Я видел себя в разрезе её глаз, в форме подбородка. Но полные губы и элегантный нос ей достались от матери.

Мэгги.

Моя дочь.

Моё сердце едва не перестало биться, а потом от ужаса рвануло на самой высокой передаче.

Что мне делать? Что сказать? То есть я знал, что у меня есть ребёнок и всё такое, но… сейчас она *смотрела* на меня. И была такой *настоящей*.

Несколько долгих секунд она серьёзно рассматривала меня с высоты лестницы, а потом

произнесла:

— Ты — Гарри Дрезден?

У неё не хватало одного верхнего бокового зуба. И это было совершенно очаровательно.

— Э-э… — ответил я. — Ага, это я.

— Ты такой большой.

— Неужели?

Она серьёзно кивнула:

— Больше, чем мистер Карпентер.

Я хмыкнул.

— А как ты догадалась, что это я?

— Молли показала мне твою фотографию, — ответила Мэгги и пошевелила плечами, словно пытаясь прижать Мыша к груди, как любимую куклу. — Это мой пёс Мыш.

Мыш яростно завилял хвостом, при этом старательно пытаясь не свалить Мэгги на пол.

— Я знаю, — сказал я. — Это я подарил его тебе.

Мэгги кивнула.

— Так и Молли мне сказала, — кивнула Молли. — Она сказала, что ты подарил его мне, потому что любишь меня.

— Да, — произнёс я и понял, что это действительно правда. — Это правда.

Она наморщила нос, словно запахло чем-то неприятным.

— Ты сердишься на меня?

От удивления я несколько раз моргнул.

— Что? Нет, нет, конечно нет. Почему я должен на тебя сердиться?

Она пожала плечами и опустила глаза на гриву Мыша.

— Потому что тебя никогда здесь нет. Никогда.

Оу.

Зимняя мантия довольно хороша, но с некоторыми видами боли она не могла справиться.

— Ну, у меня очень трудная работа, — ответил я после небольшой паузы. — Ты знаешь, чем я занимаюсь?

— Ты сражаешься с монстрами, — сказала Мэгги. — Молли мне рассказывала. Типа Дракулы и остальных.

Молли заменяла меня, пока меня не было? Это… было очень похоже на то, что делала Мэб, когда я был недоступен — приказывала другим исполнять некоторые обязанности её вассала, пока он отсутствует, или исполняла их сама.

Может, Молли пошла по её стопам? Или, может, она просто оставалась Молли и от всего сердца была ласкова с ребёнком? Или, может, всё было сложнее, чем простое «или-или».

— Ага, — сказал я. — Типа Дракулы и осталь-

ных. Это очень опасно, и работы много.

— Мистер Карепентер работает за двоих. Так миссис Карпентер говорит.

— Она, наверное, права.

— Но он приходит домой каждый вечер. А ты никогда… — Она прижалась ещё ближе к Мышу, словно её поразила какая-то мысль. — Ты собираешься меня забрать?

— Э-э, — сказал я и заморгал. Всё происходило слишком быстро. — Я… э-э… А ты бы хотела?

Она пожала плечами и зарылась глазами в гриву Мыша.

— Я не знаю. Здесь все мои игрушки. И роликовые коньки.

— Что правда, то правда, — сказал я. — Ну, в любом случае, не сегодня.

Она облегчённо вздохнула.

— Хорошо. Молли говорит, ты очень хороший.

— Я стараюсь.

— Мыш, он хороший?

Мыш, продолжая яростно вилять хвостом, коротко гавкнул.

— Мыш умный, — кивнула она. — Прямо как суперпёс. Мы читаем «Джеймс и гигантский персик».

Я моргнул. Она имела в виду, что читала кни-

гу собаке, или что сам Мыш тоже читал книгу вместе с ней? В смысле, я конечно знал, что он не глупее большинства людей, но мне и в голову никогда не приходило, что он может научиться таким абстрактным вещам, как чтение. Эта мысль выглядела очень странной.

С другой стороны, он же ходил с ней в школу. Дьявол, я ведь едва получил аттестат. Если пёс будет с Мэгги достаточно близко и достаточно долго, то может стать образованнее меня. Тогда и поговорить с ним будет не о чем.

— Не рассказывай никому про Мыша, хорошо? — внезапно заволновалась Мэгги. — Это секрет.

— Не буду, — пообещал я.

— Хорошо. Хочешь посмотреть мою комнату?

— С удовольствием.

Я поднялся по лестнице. Мэгги отняла одну руку от собачьей гривы, чтобы взяться за мой указательный палец, и повела меня по коридору.

Когда-то очень давно комната Мэгги была швейной комнатой Черити. Они освободили её и заново отделали в фиолетовых, розовых и светло-зелёных тонах. В комнате стояли крохотный детский стол со стулом и несколько ящиков с игрушками. Все игрушки были аккурат-

но убраны внутрь. На столе лежали несколько учебников. Дверь стенного шкафа была приоткрыта, демонстрируя пол, покрытый одеждой, не поместившейся в маленькую корзину для грязного белья. К стене прилегала кровать на возвышении, из тех, у которых внизу ещё один уровень. Но вместо нижнего уровня на полу под ней лежал большой матрас-футон. Постеры с ярко раскрашенными мультипликационными пони украшали стены и потолок над кроватью.

Как только мы зашли в комнату, Мыш наконец-то издал несколько повизгиваний и подошёл ко мне, усмехаясь во всю свою большую собачью пасть. Я провёл несколько минут, потирая ему уши, почёсывая под подбородком, говоря ему, насколько он хороший пес, и как сильно я по нему соскучился, и как хорошо он справлялся со своими обязанностями. Мыш извивался всем телом и подарил моим рукам несколько слюнявых поцелуев, как и положено совершенно счастливой собаке, а вовсе не таинственному, сверхсильному созданию-хранителю из Тибета.

Мэгги взобралась по маленькой лестнице на свою кровать, чтобы видеть этот обмен чувствами поближе. Через минуту Мыш прильнул ко мне так крепко, что едва не уронил, а потом

счастливо развалился на своём матрасе под кроватью девочки.

— У меня под кроватью есть монстр, и это *Мыш*, — гордо сказала она. — Там был ещё один, но мы с Мышом его убийцанули.

Я заломил одну бровь. В смысле, будь это любой другой ребенок, я бы решил, что она притворяется или играет. С другой стороны… Поймите, она всё-таки *Дрезден*. Возможно, она излагает только факты и ничего, кроме фактов.

— Он самый поразительный пёс на свете, — сказал я.

— Я знаю! — Мэгги была согласна по всем статьям. Она задумчиво прикусила губу жестом, так напомнившем мне о Сьюзен, что в груди кольнуло, и добавила: — Ты не хочешь… уложить меня?

— Конечно, — ответил я.

Она кивнула и плюхнулась на подушку. Я подошёл к кровати и несколько секунд разбирался с одеялом и простынями, прежде чем удалось натянуть их на неё. Когда я закончил, она спросила:

— Ты хочешь мне почитать?

Хвост Мыша с энтузиазмом застучал по стене.

— Конечно, — сказал я. И мы стали читать «Там, где живут чудовища».

Когда я закончил, она сказала:

— У тебя не очень выходит изображать голоса.

Я задумчиво хмыкнул.

— Может, во второй раз у меня выйдет лучше.

— Не знаю, — сказала Мэгги нерешительно. — Наверное, можно попробовать. — Она испытующе посмотрела на меня и спросила тоненьким голоском: — Ты хочешь быть моим папой?

Я ослеп на несколько секунд, пока не сморгнул все слёзы.

— Конечно, — сказал я. Вышло глухое карканье, но она улыбнулась моим словам.

* * *

Когда я закончил второй прогон опуса Сендака, Мэгги уже спала.

Я убедился, что она хорошо укрыта одеялами, поцеловал её волосы, присел рядом с Мышом и обнял его.

— Спасибо, парень, — сказал я. — Спасибо, что заботишься о ней.

Он прильнул ко мне, виляя хвостом, и вжал свою огромную голову мне в рёбра. Я ещё немного погладил его.

— Мне уже скоро уходить. Но я хочу, чтобы ты её охранял. И Карпентеров тоже. Хорошо?

Он вздохнул и прижался поближе.

— Я тоже соскучился, парень, — сказал я, почёсывая ему за ушами. — Мне просто надо немного времени, чтобы со всем разобраться. И понять, что делать дальше.

Решил ли я быть отцом Мэгги прямо сейчас? Я заглянул в себя и понял, что уже решил. Когда *это* успело произойти? Почему никто не держал меня в курсе?

Это случилось, думаю, в тот самый момент, как я её увидел и заговорил с ней.

О Господи.

Это было пугающе.

И… волнующе?

Учитывая все обстоятельства, я не был уверен, что могу доверять своим эмоциям в данный момент. Но одно было ясно.

Если я хочу сдержать слово, данное дочери, я должен вернуться. Это означало остаться в живых завтра.

Я встал, напоследок хорошенько погладил и почесал Мыша, и тихо вышел из комнаты на лестничный пролёт. Свет был выключен во всех остальных комнатах, за исключением комнаты Майкла и Черити. Там свет горел. Дверь была чуть приоткрыта.

И я мог видеть Черити, сидящую на краеш-

ке кровати во фланелевой пижаме, высокую блондинку с превосходным телосложением, чьи волосы уже были посеребрены возрастом. Её заплаканное лицо было несчастным. Говорила она, по-видимому, со своим мужем, сидящим на кровати перед ней. Отсюда мне его не было видно.

Очевидно, Майкл хотел, чтобы разговор прошёл за закрытой дверью.

Я развернулся и пошёл вниз по лестнице. Я сел на нижних ступеньках и попытался привести свою голову в порядок.

Через несколько минут Черити спустилась по лестнице и села рядом со мной. Я потеснился.

— Где Майкл? — спросил я.

— Молится за детей, — ответила она. — Он всегда так делает перед уходом. На случай…

— Да, — сказал я.

— Знаете, — сказала Черити, — я собиралась врезать вам по носу, дважды, едва увижу вас снова. Один раз, чтобы пустить кровь, второй — чтобы сломать.

— О?

— Угу. В первый раз за то, что пытались себя убить. Во второй — за то, что использовали мою дочь для этого.

— Вы, э-э… Вы знаете об этом? Откуда?

— Я наблюдаю. Слушаю. Её реакция на известие о вашей смерти была… слишком бурной. Потребовалось время, но в конце концов я поняла, почему она так злилась на себя.

— Вы можете врезать мне прямо сейчас, если думаете, что это поможет, — сказал я.

— Нет, — устало ответила она. — Я просто хочу вам кое-что сказать.

— Да?

Она кивнула:

— Детям нужно, чтобы их отец был дома, живой и невредимый, Гарри. Сделайте всё, чтобы так и было.

— Я верну его домой или умру, пытаясь. Обещаю.

Черити взглянула на меня и покачала головой, слабо улыбаясь.

— Я говорила не о Майкле, Гарри. Я имела в виду вас, — её взгляд скользнул вверх по лестнице, к комнате Мэгги. — Этот ребенок потерял всех, кого любил. Вы заметили, насколько близко она держится к Мышу? Не думаю, что она смогла бы справиться без него. Если что-то случится с вами…

— А, — тихо сказал я.

— Мэгги ни к чему снова переживать эту боль.

Не подведите её.

Я пожевал губу и кивнул, закрыв ставшие влажными глаза.

— Верно.

— И… пожалуйста, помните, что у Майкла тоже есть дети, которые нуждаются в нём. Пожалуйста.

— Я верну его домой или умру, пытаясь, — повторил я.

Черити прерывисто выдохнула и мягко прикоснулась к моему плечу:

— Спасибо. Пусть Господь будет с вами и вернёт домой невредимыми. Вас обоих.

Глава 33

В три тридцать утра мы приехали в логово зла в минивэне отчаянной домохозяйки с наклейкой: «Мой ребёнок — прилежный ученик в…» на заднем бампере. Стоит отметить, что по меркам моей жизни это было не самое нелепое появление.

Вырубив зажигание, Майкл быстро осмотрел скотобойню и констатировал:

— Это плохое место.

— Да, — сказал я, потирая поясницу. Мне удалось поспать несколько часов, прежде чем мы ушли, на матрасе на полу под кроватью Мэгги. Мыш был рад возможности прижаться ко мне. Балбесу нравится делать вид, что он всё ещё маленький щенок, который может уместиться у меня на коленях, если достаточно постарается, а я слишком устал, чтобы спорить с ним. В результате мне пришлось упражняться в спанье в оборонительной позиции, и теперь спина немного ныла.

Зато даже то небольшое количество сна, что я урвал, на удивление хорошо восстановило меня, или, по крайней мере, силу Зимней мантии. Я

чувствовал себя практически нормально — сломана рука, пулевое ранение, только и всего.

Майкл был одет в свою старую кольчугу, которую держал в чистоте и очищал от ржавчины, несмотря на свою отставку. Под кольчугой был бронежилет, а поверх неё накинут длинный белый плащ с ярко-красным крестом на левой стороне груди.

— Ты уверен, что не можешь надеть что-нибудь чёрное? — спросил я его. — Будешь выделяться среди типовых нарядов злодеев-грабителей.

— В этом и смысл, — ответил Майкл.

— Друг, ты не понимаешь, — возразил я. — Здание, в которое мы собираемся вломиться, принадлежит Джону Марконе. И мы не собираемся вырубать там электричество. Это значит, будут камеры и снимки. Даже самая паршивая техника на свете сможет тебя опознать — и твоим ангелам-хранителям не удастся защитить тебя от людей Марконе.

Майкл покачал головой:

— До этого не дойдёт.

— Твоими бы устами. Но ты не знаешь Марконе.

— Может быть, — сказал он. — Зато я *знаю* Господа Всемогущего, Гарри. Он не дал бы мне силы

лишь для того, чтобы в результате причинить вред моей семье.

Я поморщился:

— Мне кажется, с твоей стороны было бы вежливо сделать парочку разумных шагов — например, надеть тёмную одежду и маску — чтобы Всемогущему не пришлось сходить с Его пути и улаживать твои дела.

Майкл издал короткий смешок и печально мне улыбнулся.

— Значит, ты всё-таки слушал меня всё это время, — покачал он головой. — Никодимус и подобные ему типы действуют тайно, оставаясь в тени. Предназначение Мечей не в этом. Мне нечего скрывать.

— Эй, как тип, сам всегда остающийся в тени, я считаю твое заявление оскорбительным, — заявил я с притворным недовольством.

Майкл фыркнул.

— Ты рушишь здания, сражаешься с чудовищами на улицах города, сотрудничаешь с полицией, появляешься в газетах, числишься в телефонной книге и проехался на динозавре-зомби по Мичиган-авеню, и думаешь, что работаешь в тени? Будь разумным.

— Я буду, если и ты будешь, — сказал я. — На

худой конец, надень лыжную маску.

— Нет, — спокойно сказал Майкл. — Господь мне помощник, и не убоюся, что сотворит мне человек. Доверяй Ему, Гарри.

— Наверное, не в карточных играх, — сказал я.

Его улыбка стала ещё шире:

— Тогда доверься мне.

Я всплеснул руками.

— Прекрасно. Как хочешь. А ты уверен, что ваши люди смогут найти Граалю безопасное место, если мы его вернём? Потому что они, похоже, просто выходят и кидают Монеты в торговые автоматы, чтобы немного подкрепиться — эти штуки довольно быстро возвращаются в оборот.

— *Быть в обороте*, как ты выразился — это часть природы Монет, — сказал Майкл. — Дольше их не удержать. Грааль — это совсем другое дело. Его они сумеют сохранить.

— И ты знаешь правила, по которым я должен играть, правильно? — спросил я.

— Ты должен помочь Никодимусу заполучить Грааль, — сказал он. — А потом ты сможешь палить во все стороны.

— Правильно. И ты будешь уважать это?

— Я буду делать то, что правильно, — сказал Майкл.

Я облизал губы.

— Да, но… не мог бы ты отложить все эти правильные вещи до тех пор, пока мы не освободимся от ограничений Мэб?

— Учитывая все обстоятельства, — сказал Майкл, — нет. Я не буду рисковать.

Другими словами, он не будет делать (или не делать) ничего, что может опорочить благодать Уриила, невзирая на обстоятельства.

«Спасибо большое, Мэб, за эту совершенно замечательную игру. Может, в следующий раз мы сыграем в „Приколи хвост чародею“?» — подумал я.

— Я более чем уверен, что Никодимус будет играть по правилам, по крайней мере, до тех пор, пока мы не вернёмся обратно в Чикаго, — сказал я.

— С чего бы?

— Потому что я скажу «пожалуйста».

Майкл скептично выгнул бровь.

— Я собираюсь сказать это на его родном языке, — пояснил я.

— На языке силы?

— В точку.

Никодимус не удосужился предупредить своих оруженосцев, чего ожидать, так что когда вслед

за мной зашёл Майкл, Джордан и его братья по оружию наставили на нас действительно впечатляющий арсенал, причём, похоже, просто запаниковав.

Майкл просто встал, заткнув большие пальцы за ремень с Аморакиусом, безобидно висящим в ножнах на боку.

— Сынок, — обратился он к Джордану, — у тебя больше других дел нет, кроме как тыкать в меня этой штуковиной?

— Опустите оружие, — прорычал я достаточно громким голосом, чтобы было слышно на всю скотобойню. — Пока я не начал сокращать штат вашей организации.

Оружие они не опустили, но моя угроза заставила некоторых поглядывать на меня с опаской. Молодец я.

— Эй, Ник! — крикнул я. — Твои мальчики перевозбудились. Ты их сам успокоишь или мне это сделать?

— Джентльмены, — спустя мгновение откликнулся Никодимус. — Я знаю, кто сопровождает Дрездена. Пропустите их.

Джордан и компания с явной неохотой опустили оружие, но из рук выпускать не спешили, в любую секунду готовые снова пустить его в ход.

Майкл не шелохнулся, не встал в угрожающую позу, а лишь обвёл всех оруженосцев взглядом, одного за другим.

Все они отвели взгляд. Все до одного.

— Мне жаль их, — произнёс Майкл, когда мы спускались вниз, к столу переговоров.

— Из-за их языков? — спросил я.

— Удаление языков — один из способов сохранить их преданность, — сказал Майкл.

— Да. Обожаю людей, отрезающих от меня части тела.

Он нахмурился.

— Это делается, чтобы держать их в изоляции. Подумай, каково это. Они не могут говорить — насколько сложнее для них становится общаться с другими людьми? Насколько сложнее завязать отношения, которые могли бы помочь им выбраться из этого культа? Они не чувствуют вкуса еды, а значит, не получают удовольствия от пищи… а совместная трапеза — один из основополагающих способов сформировать крепкие отношения между людьми. Подумай, насколько сложнее становятся даже простейшие контакты с посторонними. А совместно пережитые трудности — это залог того, что боль одного оруженосца может по-настоящему понять только другой

оруженосец, — он покачал головой. — Не напрасно это последний шаг подготовки. Как только это сделано, они больше не самостоятельные личности.

— Это не то же самое, что не иметь *выбора*, — возразил я. — И эти парни свой уже сделали.

— Действительно. После всех манипуляций, что Никодимус и Андуриил проделали над этими неразумными молодыми людьми, — он вновь покачал головой. — Некоторые грешат сами. Других к этому подталкивают.

— А разве есть разница уже после того, как они спустили курок?

— Разумеется, есть, — сказал Майкл, — но это не меняет того, что необходимо сделать. Я просто желаю, чтобы они нашли другой способ заполнить пустоту внутри себя.

Когда мы добрались до стола переговоров, команда как раз занималась последними приготовлениями. Анна Вальмон, Ханна Эшер и Вязальщик были одеты в обтягивающую тёмную одежду, у каждого на плече висела кобура. Вальмон развернула на столе кожаный чехол и перебирала по одному все свои приспособления. Эшер потягивала кофе, бублик лежал нетронутым на тарелке перед ней. Вязальщик ещё раз

проверял «Узи» для своей банды.

Погрузочные ворота в дальнем конце скотобойни откатились, и через секунду внутрь прогрохотала пара больших фургонов. Несколько оруженосцев принялись помогать им встать рядом, а затем открыли их задние двери.

— С добрым утром, Дрезден, — поздоровалась Ханна Эшер. — Что случилось с вашей подружкой?

— Она не моя подружка, — сказал я. — И у неё вышло недоразумение с Никодимусом.

Взгляд Анны Вальмон метнулся ко мне.

— Она жива, — успокоил я её, — но в неподходящей форме, чтобы идти сегодня на работу.

— И ты притащил вместо неё этого Капитана Крестоносца? — спросила Эшер. — Он выглядит как ролевик с фестиваля Ренессанса.

Вязальщик резко встал, его глаза расширились:

— Охренеть, девочка! Это рыцарь Меча!

Эшер нахмурилась:

— Я думала, их типа только трое во всём мире.

— Двое, — поправил Майкл, — в данный момент.

Вязальщик уставился на Майкла и сузил глаза, прикидывая варианты.

— Проклятье, Дрезден, всё это из-за того, что у Никодимуса вышла размолвка с вашей подружкой?

— Она мне не под... — Я потёр переносицу. — Слушайте, мне нужен кто-нибудь, кого я знаю и кому доверяю, чтобы прикрывать мне спину. Мёрфи не может, поэтому он будет вместо неё.

— Да что за чушь! — сказал Вязальщик. — Думаешь, я не знаю, что такое Монеты и Мечи и какая между ними связь? Ты привёл его не прикрывать спину. Ты привёл его сражаться.

— Скажем так, я не против иметь под рукой сдерживающий фактор, — сказал я. — Если Никодимус будет играть честно и держать своё слово, я буду поступать так же, и все мы разбогатеем.

Вязальщик нахмурился и посмотрел на Майкла:

— Это правда, рыцарь?

— Гарри вообще очень честный человек, — подтвердил Майкл. — Но лично меня деньги не интересуют.

Вязальщик и Эшер склонили головы на бок, как псы, услышавшие какой-то необычный звук.

Анна Вальмон улыбнулась, слегка покачала головой и вернулась к проверке своих инструментов.

— Так что случилось прошлой ночью? — спросила у меня Эшер. — Головорезы Вязальщика живописали ему какого-то льва. Те из них, которые вернулись, конечно.

— Ага, ночь была немного безумная, — ответил я.

— Вы поймали парня? — спросил Вязальщик.

— Не-а, он улизнул. Никто не виноват, честно. Хитрый, скользкий маленький ублюдок.

Вязальщик пристально посмотрел на меня:

— Да уж. Всё яснее ясного. Сначала читаете мне длинную речь о том, что сделаете с моей шеей, если я притронусь к кому-нибудь в вашем городе. Затем вы двое выскакиваете отсюда, чтобы принять участие в охоте на человека, а Мёрфи полностью выходит из строя после «недоразумения» с Никодимусом.

— Вязальщик, расслабься, — блаженно улыбнулся я ему. — Операции ничто не угрожает. Я убедился, что он никому ничего не расскажет. Ведь в этом же и была главная цель охоты?

Вязальщик нахмурился:

— Я думал, что Белый Совет не разрешает вам использовать магию для манипуляций с разумом.

Ту магию, которую я даже не упоминал, и кото-

рую на самом деле не мог использовать, учитывая полное отсутствие таланта в этой области, хотя Вязальщик этого и не знал.

— Я сделал то, что было нужно, — сказал я. — И в этом есть положительная сторона — теперь мне не обязательно топтаться у тебя на горле.

Вязальщик выглядел скептически, но не стал лезть глубже, что было умно. Его единственное умение и правда устрашало, но ни на что другое он не был способен. Вязальщику не выстоять один на один против чародея Белого Совета, и он это знал.

Майкл налил себе чашку кофе и посмотрел на меня. Я кивнул, и он захватил ещё одну.

— Очень большой загон для только лишь четырёх коз, — заметил он.

Это означало, что дженосква возвращался сюда вчера вечером и отведал ещё пару блюд. Проклятье, эта тварь много ела, намного больше, чем существо его размера могло бы переварить. Но многие сверхъестественные существа имели сверхъестественный метаболизм, который помогал питать их исключительную силу и скорость. Вурдалаки могли умять сорок или пятьдесят фунтов мяса, и назавтра им требовалось ещё. Может, у Большого Волосатика тоже был такой двига-

тель с высоким расходом топлива, питающий его физическую силу.

Я прихлёбывал кофе и ждал. Без четверти четыре появился Гудман Грей. Скромно выглядящий человек остановился в десяти шагах от стола и уставился на Майкла тяжелым взглядом. Майкл ответил таким же и небрежно положил ладонь на рукоять Амораккиуса, и так и оставил её там, расслабив пальцы.

— Что не так? — спросил я его.

— Я очень сильно не люблю этого человека, — сказал Майкл. — Он совершал ужасные вещи.

— Ну естественно, — настороженно ответил Гудман Грей. — Я же наёмный монстр. Но сегодня нам с вами не из-за чего ссориться, сэр рыцарь.

— Может быть, — сказал Майкл. — А может и нет.

Взгляд Грея переметнулся на меня.

— Чародей, ты всерьёз ожидаешь, что я буду работать на одной стороне с кем-то вроде него?

— Да, — сказал я. — Тебя наняли, не забыл? Покажи свой профессионализм.

Грей хмыкнул и вроде бы немного расслабился.

— Хорошо. Я не собираюсь давать ему поводов для раздувания конфликта. Но если он первый

начнёт, не думай, что я не порву его части.

— Более чем уверен, что не сможешь, — заметил я. — Но наверняка будет забавно посмотреть, как ты попытаешься.

Грей бросил на меня кислый взгляд и пошёл к кофейнику.

Без пяти минут четыре прибыли Никодимус и Дейрдре. Дейрдре была в своей демонической боевой форме, вся в фиолетовых чешуйках и со стальными лентами волос. Обе пары её глаз настороженно уставились на Майкла. Никодимус выглядел как обычно, только ещё более самодовольно.

— Доброго утра всем! — сказал он. — Займите места за столом, пожалуйста.

В тенях за Никодимусом я разглядел громадный силуэт тихо притаившегося дженосквы.

Мы все собрались вокруг стола, где Никодимус разложил большой лист бумаги с переведённым на него планом банка.

— Войти будет просто, — сказал он и указал на парадные двери банка. — Мы пойдём через эти двери. Там будет от трёх до шести сотрудников службы безопасности, и я жду, что Вязальщик и Дрезден отвлекут их внимание и в итоге их обезвредят.

Остальные возглавят отход к хранилищам. На пути туда есть две защитные двери, но мы не будем возиться с их открытием. Мисс Эшер пройдёт через стены рядом с ним здесь и здесь. — Он отметил соответствующие места красной ручкой. — После этого, мисс Вальмон и мистер Грей направятся к главному хранилищу. Мисс Вальмон откроет дверь в хранилище, а мистер Грей откроет помещение, принадлежащее нашей цели. После того как мы обойдём обе охранные системы, и двери откроются, наши чародеи без проблем войдут в хранилище. — Он широко улыбнулся. — А потом начнётся самое интересное. Есть вопросы?

— Что произойдёт, когда мы доберёмся до нужного места? — спросил я. — У вас есть его план?

— К сожалению, нет, — ответил Никодимус. — Думаю, путь будет очевиден. Наша цель использует для своего хранилища активные средства защиты, а не обманки.

— Нет плана, — сказал я. — Только какие-то мутные намёки про ворота.

— Чтобы получить огромную награду, нужно идти на такой же огромный риск. Оказавшись внутри, мы просто будем действовать по обстоятельствам.

Я ни на минуту не поверил в то, что Никодимус больше ничего не знает про сокровищницу Аида. Но выступать с этим заявлением не было особого смысла.

— Если вопросов нет, то нам пора загружаться, — сказал Никодимус. — Дрезден со своим сопровождающим, Грей и Вальмон поедут в левом фургоне. Остальные займут тот, что справа. Я взял на себя смелость приобрести прочные рюкзаки для каждого из вас, чтобы вы смогли собрать ваше вознаграждение. Мистер Вязальщик, по двадцать ваших коллег в каждый фургон, если не возражаете.

— Понятно, — ответил Вязальщик. Он сделал свой проволочный круг и начал вызывать костюмов, вручая им по прибытии «Узи» и пару запасных магазинов. Они бросились к ожидавшим их фургонам и с готовностью забрались в них.

Майкл наблюдал за этим и качал головой.

— Не унывайте, мистер Карпентер! — сказал Никодимус. — Когда завтра взойдёт солнце, вы будете на двадцать миллионов долларов богаче.

— У меня есть семья. Я и так непомерно богат, — сказал Майкл. — Но я не жду, что вы меня поймёте.

Лицо Никодимуса потемнело, глаза смотрели холодно.

Вот это я решил для себя отметить. Это была самая эмоциональная реакция, которую я видел от него за всё время. Похоже, слова Майкла задели его за живое.

— Время обсуждения и планирования закончилось, — провозгласил Никодимус. — Настало время для действий. По фургонам!

Глава 34

Внутри фургон был набит под завязку: двадцать головорезов Вязальщика, четверо нас и пара водителей-оруженосцев.

— Ладно, Дрезден, — обратился ко мне Грей. — Давай запястья.

— Что? — удивился я. — Ах, да, наручники.

— О чём это он? — спросил Майкл.

— Терновые наручники, — пояснил я. — Подавляют магические способности. Они должны значительно уменьшить мои шансы вывести из строя одну из систем безопасности здания, просто проходя мимо — придётся не снимать их, пока не откроем все двери.

— Его запястье сломано, — сообщил Майкл Грею. — Они налезут на щиколотки?

Грей держал пару наручников на тяжёлой стальной цепи. Они выглядели так же, как те, что я видел раньше, но вместо странного серебристого металла сидхе тяжело отливали сталью. Внутреннюю поверхность покрывали небольшие острые стальные шипы. Когда наручники закроются, шипы воткнутся в плоть — и как только

сталь порвёт мою кожу, Зимняя мантия разлетится на куски.

Звучало это не весело.

— Всё равно, — ответил я им. — Я не смогу использовать магию, даже если на мне будет только одно кольцо. Просто надену оба кольца на одну руку и обмотаю цепь вокруг, чтобы не мешалась. Дай их мне.

— Точно не хочешь, чтобы я помог? — спросил Грей.

— Не-а, ты мне и так достаточно не нравишься. Я их сам надену.

Я взял наручники у Грея и взглядом дал знать Майклу, чтобы не спускал глаз с остальных. Он кивнул и так и сделал.

Чтобы обмотать цепь вокруг запястья, пришлось немного поработать локтями и освободить место. Затем я прикрыл глаза и начал медленно, глубоко дышать, концентрируясь. Блокировать боль я научился давным-давно, и умел делать это совсем неплохо, если мне давали время приготовиться. В основном, плохие парни не предоставляли такую услугу перед тем, как сделать мне больно. Но, к счастью, в этот раз плохим парнем был я, и я охотно дал себе отсрочку. Чтобы возвести ментальные барьеры, мне понадоби-

лась пара минут. Затем я открыл глаза, поднял рукав плаща, надел наручники на правое запястье и закрыл их на ключ.

Сотня крошечных стальных зубов впилась в мою кожу, и Зимняя мантия исчезла. Моё тело завопило о своих травмах так же резко, как вспыхивает свет, когда нажимаешь на выключатель.

С рукой дела были довольно паршивы, а спина, похоже, превратилась в один большой ушиб, когда дженосква треснул меня о припаркованный автомобиль. Голень непрестанно горела там, где в неё попала пуля. Ноги тоже меня просто убивали. Но какого чёрта? Обувь, что ли, была не того размера или что-то вроде? Колени ломило, и ещё я как-то ухитрился заработать порезы на языке и десне — раньше я их совсем не замечал, но сейчас был чертовски уверен в их существовании.

А моя голова… о моя больная голова… Маленькая серёжка Мэб была холодна, как грузовик с мороженым в Антарктике, но из-за подавляющего влияния наручников, усиленного сталью, мне казалось, что голова вот-вот расколется, и из неё польются потоки расплавленного свинца.

Я быстро перестроил ментальные шиты, когда стало понятно, что именно нужно блокировать, и медленно выпрямился.

— Гарри, ты совсем бледный, — сказал Майкл.

— Больно, — коротко сообщил я. — Со мной всё будет в порядке.

Я положил ключ от наручников в карман, достал свой армейский вещмешок и начал в нём рыться. На чародейский посох я надел кожаную петлю, и теперь он висел у меня на плече, словно винтовка.

— Грей, я собираюсь использовать свет и шум, когда мы войдём внутрь. Если испытываешь желание что-нибудь сделать с охранниками, попробуй что-нибудь несмертельное.

— Или что? — спросил Грей.

— Я сниму наручники и обижусь.

— Может, просто дать охранникам тебя пристрелить?

Я вежливо улыбнулся:

— Ну и кто тогда откроет тебе проход к хранилищу? Понадобились годы уроков, прежде чем я узнал достаточно для этого фокуса. Я гарантирую, что эта ваша Эшер не справится. — Я покосился на Грея: — Можно спросить тебя кое о чём?

— Конечно.

— Зачем ты взялся за это? — спросил я. — С твоими талантами ты можешь получить деньги любым способом, каким захочешь.

Грей пожал плечами.

— Нет никакой загадки. Всем нужно платить Ренту, — сказал он, и что-то в его голосе вставило большую букву в последнее слово.

— Не понимаю, о чём ты.

— Знаю, — спокойно ответил Грей. — Но это не моя проблема.

— Прошу прощения, джентльмены, — заговорила Вальмон впервые с тех пор как мы сели в фургон. — Вы, может, думаете, что вам досталась плёвая часть работы, но мою выполнить почти невозможно. И я бы попросила немного тишины, пожалуйста.

Я посмотрел на Вальмон, фыркнул и молча начал перекладывать поудобнее содержимое своего мешка.

Понадобилось не много времени, чтобы добраться до места. Фургон остановился, и через мгновение Джордан откатил заднюю дверь.

Капристи-билдинг — один из последних небоскребов, появившихся в северной части Чикаго, прямо через дорогу от Линкольн-парка. Белый бетон и стекло — заурядный образчик бездушной современной архитектуры, чьи однообразные квадраты и прямые углы тянулись всё выше и выше во всё ещё сыплющие мокрым снегом небеса.

Из-за погоды и раннего часа улицы были почти полностью пусты и неподвижны — что, в общем-то, меня немного беспокоило. Эта неподвижность делала наши фургоны весьма заметными для любого, кто видел их движение. Я шагнул из фургона, поскользнулся на льду и едва не упал, но схватился за машину. Точно! Нет Зимней мантии — нет помощи со льдом.

К этому времени все поверхности в поле зрения уже были покрыты полудюймовым слоем прозрачного льда. Линии электропередач провисли под его весом. В парке позади меня деревья согнулись почти вдвое, ветки ломались и падали под тяжестью льда. Улицы не были расчищены, и только осторожное вождение и вес тяжело нагруженных фургонов удерживали их от постоянного скольжения.

Табличка на втором этаже Капристи-билдинг гласила: «Подлинный доверенный банк Чикаго». Хорошее название для гангстерского банка. На втором этаже были помещения для клиентов, охрана располагалась ниже. Почти половина фасада здания была из стекла, и внутри я видел охранника, пялящегося на наши фургоны.

— Майкл! — позвал я, шагнув в сторону охранника и готовя снаряжение из вещмешка. — Две-

ри!

Майкл встал передо мной и произнёс, словно напоминая себе:

— Здание принадлежит уголовному авторитету и существует только, чтобы помогать его злым делам.

Затем он поднял Аморакиус, нанёс два размашистых удара, и всё стекло из двери немедленно выпало к моим ногам.

Я вытащил то, что подобрал днём раньше: в частности, самовоспламеняющуюся бутановую горелку и пачку из двух дюжин больших римских свечей, которые я смотал вместе. Майкл отскочил в сторону, когда я, держа круглую связку фейерверков под левой рукой, уже поджигал фитили горелкой. Когда охранник начал вставать со стула, двадцать четыре римские свечи на двадцать выстрелов каждая пустили визжащие снаряды, взрывающиеся с оглушительным громовым треском.

Это был сплошной поток огня и звука, света и дыма, и бедный охранник понятия не имел, что ему делать. Он начал нащупывать пистолет, когда первый снаряд пролетел в футе от его носа, и прежде, чем он смог очухаться, ещё два десятка заполнили всё пространство вокруг него.

Стыдно признаться, но… это было довольно весело. Я имею в виду, это словно палить из собственной пиротехнической мини-пушки, стреляющей римскими свечами. Они наполняли воздух запахом горелой серы и густым дымом, который, как я надеялся, скроет нас от камер видеонаблюдения.

Охранник за пару секунд был подбит двадцатью или тридцатью шипящими боеприпасами и схоронился за своим столом, а я бомбардировал стену за его спиной ещё большим количеством хрипящих снарядов. Пока я этим занимался, Грей вошёл внутрь, увернувшись, словно танцор, от последней пары выстрелов из моей связки, и ударил охранника в челюсть с зубодробительной силой.

Охранник сполз на пол стонущей кучкой.

Грей посмотрел на что-то позади стола и заявил:

— Он добрался до тревожной кнопки.

— Хорошо, — сказал я, бросил первую связку римских свечей и вытащил вторую из вещмешка. Ещё двое мужчин в такой же форме рванули вверх по ступенькам лестницы, ведущей вниз в хранилище. Я зажёг вторую пачку, пошёл к лестнице и начал поливать её фейерверком.

Эти двое были не такими медлительными, как первый, и у них были ружья. Тем не менее, ущерб, который вы можете причинить, весьма ограничен, когда вы ничего не видите и не слышите, а громкие штуки взрываются в полудюйме от вашего лица или одаривают вас ожогами первой степени, с шипением тыкаясь в руку. Они сделали несколько бесцельных выстрелов, пока Дейрдре, в своей демонической форме, не подкатила к ним, идя на лентах своих волос, словно они были многочисленными ногами какого-то морского ракообразного. Пара лент бросилась к ним, разрезав ружья пополам, и охранники начали спешно отступать назад вниз по лестнице.

Грей бросился вслед, не касаясь ногами ступенек. И сквозь вой фейрверков снизу послышались звуки эффективного и жестокого насилия.

— Чисто! — крикнул Грей.

Встав на верхнюю ступеньку, я глянул вниз. Грей усадил обоих охранников спина к спине на нижней площадке, перед первой защитной дверью. Он был занят, сковывая их запястья друг с другом их же наручниками.

Я окатил его последней парой зарядов из римских свечей. Он закатил глаза и возмущённо на меня посмотрел.

— Ой! — воскликнул я, извиняясь, и отбросил опустевшую связку фейерверков.

Никодимус появился на лестнице рядом со мной и тоже посмотрел вниз на Грея. Он приподнял бровь:

— Все трое ещё живы. Становитесь мягкотелым, Грей?

— Они нажали тревожную кнопку, — сообщил Грей. — Это значит, полиция уже в пути. Вязальщику будет проще уговорить полицейских на переговоры, вместо того, чтобы просто зачистить всё это место, если у нас будут заложники, а не трупы.

— Полагаю, вы правы, — согласился Никодимус. Он повернулся и крикнул: — Мистер Вязальщик, если можно, приведите сюда своих коллег и приготовьтесь защищать здание. Мисс Эшер, мы вас ждём.

Я погасил факел, положил его обратно в мешок и снял посох со плеча. Никодимус наблюдал за моими действиями.

— Фейрверки, — констатировал он.

— Думаете, вы единственный парень в мире, кто может добиться своего без сверхъестественных причиндалов? — спросил я его.

Он замахал рукой, разгоняя дым перед лицом,

и мягко произнёс:

— Будем надеяться, что система пожаротушения не включает…

Взревела пожарная тревога, и на всём этаже включились разбрызгиватели, заливая всё вокруг холодной и слегка затхлой водой.

— …разбрызгиватели, — со вздохом закончил фразу Никодимус.

В здание торопливо вошла Ханна Эшер и одарила меня презрительным взглядом:

— Фейрверки? Серьёзно?

— Оглушить и отвлечь, помнишь? — окликнул я её, когда она уже спускалась по лестнице. — Я — король шума и отвлечения!

— Я не только должна прожечь стену насквозь, — пробормотала она, — я ещё должна сделать это под потоком воды.

— Давай, бесись. Это поможет приглушить избыток магической энергии, — сказал я немного раздражённо.

Эшер обернулась ко мне и указала на разбрызгиватели:

— Ты это специально сделал?

— Ага, точно. Иногда мне становится скучно, и я останавливаюсь и думаю.

Она подняла небольшой баллончик:

— Как мне нарисовать круг на полу, если он покрыт слоем воды? Ты об этом подумал?

— Дейрдре! — позвал Никодимус.

Дейрдре спешно просеменила до середины лестницы, и её волосы с лязгом метнулись в сторону Эшер и шлёпнулись на пол вокруг неё. Плоские ленты волос развернулись поперёк и заскребли по мраморным плитам, словно резиновые щётки, отгоняя стоячую воду прочь.

С Эшер, похоже, едва не случился сердечный приступ, пока Дейрдре это проделывала. Она бросила свирепый взгляд на динарианку, но всё же взяла баллончик и начала распылять на пол слой чего-то вроде жидкого пластика или резины. Вокруг неё образовался большой круг, переходящий в круг на стене, поднимающийся на пару дюймов выше её головы. Получилось кривобоко, но технически круг не должен быть идеален, чтобы сдержать магию. Просто это было намного более эффективно, не говоря уже о профессионализме.

Эшер, чертовски привлекательная в своей намокшей одежде (и, чёрт побери, как я мог сваливать свою реакцию на Зимнюю мантию, когда она была в плену стали?), вновь обошла круг и убедилась, что слой пластика достаточно толстый, особенно на стыке пола и стены. Затем

кивнула, наклонилась и повернула запястья так, что несколько капель крови упали с наручников на круг. За мгновение из круга поднялся экран невидимой энергии, она быстро открыла свои наручники и бросила на пол у ног. Эшер прищурилась, прикоснулась пальцем к стене внутри круга и тихо прошептала какое-то слово.

Внезапный яростный свет вырвался из её пальца. Капли воды, падая на её руку и стену, превращались в шипящий пар. Она начала медленно двигать пальцем, и прямо на глазах мрамор, гипсокартон, бетон и металл под ним начали трещать, чернеть и расступаться. Светящиеся пылинки и искры густым потоком летели на её руку, чернели и падали на пол, прожигая дыры в рукаве, но, судя по всему, оставляя её плоть нетронутой.

Я поднял брови. В смысле, думаю, я, конечно же, могу превратить свой палец в дуговую сварку, но не факт, что при этом моя рука не превратится в головешку. Для такого уровня владения стихиями требуется талант совершенно иного порядка и величины — талант, которым, по моему опыту, обладали очень немногие чародеи.

Вот это да! Когда Эшер сказала, что большей частью работает с огнём, она не шутила.

Пока Эшер была занята своим делом, Вязальщик вошёл в банк вместе со своими головорезами, осмотрелся и начал расставлять группы на ключевых оборонительных позициях. Анна Вальмон в это время тихонько скользнула по полу, встала рядом и посмотрела на терновые наручники на моём запястье.

— Смотреть не могу на такие штуки, — сообщила она. — Должно быть, больно.

Я проглотил ехидный ответ. Она не этого от меня ждала, когда встала рядом.

— Ага, довольно сильно.

Она нервно повертела в руках свои инструменты и облизала губы:

— Как скоро, думаешь, сможешь их снять?

— Понятия не имею, — ответил я. — Наверное, зависит от Эшер.

Внизу подавшийся металл громко треснул и заскрипел, Эшер прорычала: «Вот тебе, сучка!» — и с деловым видом стала надевать кандалы обратно.

Ей потребовалось меньше трёх минут, чтобы вырезать в укреплённой стене отверстие достаточное, чтобы пролез человек приличных размеров.

Эшер стёрла часть круга ногой, и избыточная

энергия заклинания растворилась в воздухе и немедленно была поглощена падающей водой. Затем она положила руку на вырезанный кусок и начала толкать.

Перед ней возник Грей и сказал:

— Лучше пустите меня вперёд, мисс Эшер.

Он упёрся плечом и без видимых усилий толкнул вырезанный кусок стены, тот выпал наружу со знатным бумом… и тут же с другой стороны коридора на него словно эхом отозвался хриплый грохот дробовика.

Сбитый с ног Грей упал на пол, где стал центром быстро расширяющейся лужи крови.

Эшер издала сдавленный крик и в отчаянии распласталась в стороне от пролома, под укрытием безопасной части лестничной клетки.

Ружьё грохнуло ещё дважды, и Дейрдре бросилась в пролом. Ружьё выстрелило ещё раз, затем закричал мужчина.

И настала тишина.

Я беззвучно зарычал и бросился вниз по лестнице, чтобы проверить Эшер, а затем заглянул в дыру в стене. Дейрдре, как настороженная кошка, сидела на корточках, её волосы медленно колыхались вокруг прядями водорослей в ласковых водяных струях. Четвёртый охранник лежал на

полу перед ней определённо мёртвый, его ослабевшая рука всё ещё держала ружьё.

— Грей! — позвал Никодимус напряжённым голосом.

Конечно, он беспокоился о Грее. Ведь Грей ещё должен был обойти для него сканер сетчатки.

Эшер трясло, но на ней не было ни царапины. Я быстро сжал её плечо и повернулся к Грею, пытаясь вспомнить всё, что знал об оказании первой помощи и наложении жгутов.

Но беспокоился я зря. Не успел я повернуться к Грею, как он уже начал садиться. Его волосы были растрёпаны, но, помимо этого и окровавленной одежды, он выглядел полностью здоровым. На его лице читалось раздражение:

— Проклятье, как больно!

— Плакса, — прокомментировал я. — Всего лишь небольшой заряд картечи прямо в грудь.

Я подал ему руку.

Грей с мгновение недоуменно пялился на неё, словно ему нужно было время, чтобы вспомнить, что этот жест означает. Затем он ухватился за неё, и я поднял его на ноги. Он покачнулся разок, потряс головой и встал ровно.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Сердце задето, — объяснил он кровь на по-

лу. — Я буду в порядке через минуту.

— Ничего себе! — восхищенно сказал я. — Продолжает тикать даже после хорошей взбучки.

Грей оскалился в улыбке, повернулся, покачнулся ещё раз, снова восстановил равновесие и вышел в пролом вслед за Дейрдре.

Ханна Эшер медленно встала на ноги и уставилась на размазанную лужу крови на полу. Затем сглотнула и начала спускаться по лестнице.

Я протянул руку и остановил её:

— У копов уйдет время, чтобы сюда добраться, но не стоит торчать на этаже, когда они появятся.

— Совершенно верно, — сказал Вязальщик, появившись из-за спины Вальмон на верху лестницы, и подтолкнул её вниз, как бульдог пихает носом нерешительного ребёнка. — У пуль нет уважения к людям. Давай, девочка. И Эш, любовь моя, не забудь заполнить мой рюкзак.

Через плечо Эшер была перекинута пара пустых чёрных рюкзаков.

— Знаю, знаю. Ты любишь красные.

Никодимус приволок потерявшего сознание охранника к лестнице и начал спускаться по ступенькам, не слишком аккуратно обращаясь со своим грузом. Дотащив его до подножия лест-

ницы, он продел его наручники в наручники тех двоих, что уже сидели на полу, и сковал их вместе.

— Прекрасно справились, мисс Эшер, — сказал Никодимус. — Мы посторожим коридор, и вы сможете повторить вашу превосходную работу на второй двери. Мисс Вальмон, прошу вас присоединиться к нам — я хочу, чтобы вы занялись дверью в главное хранилище, как только мы получим к ней доступ.

Стоящая возле меня Анна Вальмон напряглась, её пальцы затеребили свернутый чехол с инструментами, стряхивая с него капельки воды.

— Майкл, — сказал я, — почему бы тебе не пойти с Вальмон и не посмотреть, не нужно ли ей чего?

Майкл удивлённо поднял бровь, но кивнул и спустился вниз к Анне Вальмон. Он ободряюще ей улыбнулся, она нерешительно улыбнулась в ответ, и они вдвоём прошли в дыру вслед за остальными.

— Дрезден, вы же не думаете, что я что-нибудь сделаю женщине просто потому, что она выполнила своё предназначение? — спросил Никодимус так, словно я его забавлял.

— Не сделаете, если хотите, чтобы я открыл

проход, — ответил я.

Никодимус улыбнулся мне. Рядом с длинным мечом, который он уже пускал в ход, на ремне у него висел изогнутый бедуинский кинжал.

— Вот видите. Вы всё же можете научиться играть в эту игру.

Он пролез сквозь защитную дверь. Мгновение спустя на узкой лестнице промелькнула огромная тень. Самого дженоскву я не видел, но почувствовал слабое прикосновение пёстрого меха на коже правой руки, да уловил слабый след его вони, а когда огромный зверь протискивался сквозь выжженую дыру, на её краях появились кусочки пепла и пахнуло палёной шерстью.

— Здесь воняет, — сообщил Вязальщик через секунду сдавленным голосом. — Воняет как в аду.

— Ха, — сказал я. — Наверное, это наш меховой шарик.

Он фыркнул, и мы ждали в тишине ещё три или четыре минуты, пока не появилась Эшер, снова перепачканная пеплом и сажей после прожигания второй стены и снова одетая в наручники.

— Эта большая штуковина наводит на меня дрожь, — сообщила она.

— Точно! — согласился Вязальщик. — Не могу понять, зачем такой штуковине драгоценности,

а?

С ним было не поспорить.

— Ты прав, — сказал я. — От него несёт недобрым.

Эшер обменялась долгим взглядом с Вязальщиком.

— Может, нам лучше уйти?

Вязальщик поморщился:

— И оставить старину Ника у огненных ворот? Он не сможет через них пройти и, думаю, примет это близко к сердцу. Помнишь второе правило дядюшки Вязальщика?

— Не спускай глаз с денег, — ответила Эшер.

— Правильно, — сказал Вязальщик. — Не принимай ничего близко к сердцу, не нервничай. Мы профессионалы, крошка. Делай своё дело, получай деньги и уходи.

— Здесь на кону больше, чем просто деньги, — сказал я тихо.

— Ник и его чаша? — спросил Вязальщик. — С тех пор, как этот шарик начал крутиться, было много плохих парней и много могущественных предметов. И шарик не перестанет крутиться.

— Может, да, а, может, и нет, — сказал я. — Никодимус дотошен, как никто другой. Что, если я сделаю вам предложение?

— Деньги? — спросил Вязальщик.

— Ну, не такое предложение, — поморщился я.

Он цыкнул и глянул на Эшер:

— Помнишь первое правило дядюшки Вязальщика?

— Деньги или ничего, — ответила она. — За всё остальное нужно платить слишком дорого.

Он кивнул.

— Так что не надо предлагать свои услуги, чародей, или снисхождение Белого Совета, или силу королевы Феерии. Все эти вещи ничего не стоят. Они все очень-очень привлекательны, но у них есть условия, и рано или поздно ты запутаешься в них как муха в паутине. Деньги или ничего.

— А как насчёт свободы? — спросил я его. — Копы окружат это место к тому времени, как мы сюда вернёмся. Как ты собрался прокладывать себе путь через армию чикагских полицейских?

Вязальщик тихо и безудержно захихикал.

— Да вы посмотрите на себя, Дрезден. Охренеть, вы такой наивный. Это гангстерский банк, принадлежащий местному королю преступного мира. Уже восемь минут, как нажали на тревожную кнопку, и где же сирены? Где патрульные?

Я поморщился. Я тоже это заметил.

— Вы правда думаете, что сигнал вызывает по-

лицейских? — Он покачал головой. — Двадцать к одному, он сначала идёт к его людям. Затем они решают, звонить ли им копам или уладить дело самостоятельно.

Да уж, люди Марконе.

Я сглотнул.

Вязальщик решил убедиться, что стонущие и шевелящиеся охранники полностью разоружены и освобождены от ключей от наручников.

— А теперь позвольте откланяться. Велики шансы, что у этого вашего Марконе хватит мозгов попытаться застать меня врасплох. Мне нужно подготовиться. — Он ткнул пальцем в Эшер.

— В сотый раз, красные, — сказала Эшер, слегка изогнув губы в улыбке.

— Я куплю нам милый тропический остров с милым пляжем и достану тебе новый купальник, — сказал он и подмигнул.

— Везёт же мне! — ответила Эшер ему вслед.

— Я попридержу для тебя дверь. Не опаздывай слишком сильно. — Вязальщик пошёл вверх по лестнице, его глаза-бусинки поблёскивали, едва не вываливаясь от избытка энергии.

Я хмыкнул.

— Что? — спросила Эшер.

— Ты и Вязальщик… между вами ничего нет?

Уголки её губ дрогнули.

— Не из-за отсутствия попыток.

— Что ж, — сказал я, — его сложно винить. Ты чертовски привлекательна.

— Пытался не он, — пояснила она, — а я. Это он меня отшил. — Она посмотрела на лестницу и вздохнула: — Правило номер один. Он не ввязывается в интрижки.

— Ох, — ответил я, пытаясь представить, как Эшер подкатывает к Вязальщику и получает от ворот поворот. Разумеется, я её тоже отшил. Что… ну, думаю, это не могло так уж хорошо повлиять на её самооценку.

Потому что на самом деле не важно, насколько ты хороша. Важно, насколько привлекательной ты себя ощущаешь. Никто не чувствует себя привлекательным, слыша «нет» довольно часто.

— Не пойми меня неправильно, — сказал я, — но ты не поверишь, как много раз за мной ухлёстывали хорошенькие девушки, которые буквально собирались съесть меня заживо. Поэтому парни относятся к таким девушкам немного напряжно.

Эшер почесала нос одним пальцем, гремя наручниками. Она поморщилась, когда шипы врезались в её запястья.

— Постой-ка. Ты говоришь, что я *слишком* хороша, чтобы быть привлекательной?

— Для парней в нашем деле — пожалуй, — ответил я. — Такие заманчивые девушки, как ты, сильно нервируют. Мне кажется, Вязальщик тоже относится к ним настороженно.

Её голос стал задумчивым:

— Значит, если бы я была постарше и поневзрачней, может, с тобой бы мне повезло больше. Как Мёрфи.

Я нахмурился.

— Мёрфи сделана из сплошных мышц. Просто под костюмом и бронежилетом не видно, — сказал я. — И ей со мной тоже не повезло.

Эшер пялилась на меня целую секунду, а затем медленно моргнула:

— Ты ведь… не серьёзно, правда?

— У нас все сложно, — сказал я.

— Потому что ты нервный?

— А у неё за плечами два развода. И её бывший парень меня вроде как застрелил.

— Что?

— Я его попросил, — поспешно добавил я.

— Что?

Мой рот всё не мог заткнуться:

— Да ещё и весь этот обряд инициации с Мэб,

разве что, я думаю, что всё это произошло только у меня в голове, или типа того. Травмирующе — как заниматься этим с ураганом. Думаю, это как-то в целом оттолкнуло меня от секса.

Эшер смотрела на меня секунду, а потом покачала головой и отвернулась.

— Чувак, — сказала она. — Не пойми меня неправильно, Дрезден, но спасибо, что отшил меня. Я вроде как уклонилась от пули.

— Эй! — запротестовал я.

— Серьёзно, — сказала она. — Слишком много драмы для любого здравомыслящего человека.

— Нет у нас никакой драмы. Просто…

— Всё сложно? — спросила она. Она покачала головой. — Это не сложно. Ты просто открываешься и впускаешь кого-то. И что бы ни произошло потом, вы справляетесь вместе.

— Это не так просто.

— Чёрта с два. У тебя был шанс, и ты его упустил? Ты грёбаный идиот. Я не делаю таких же ошибок.

Из коридора за защитной дверью послышались шаги, и появился Майкл с Амораккиусом в руке. Меч светился слабым, угрожающим светом.

— Гарри, — сказал он. — Проблемы.

— Что случилось?

— Никодимус собирается убить Анну Вальмон.

— Тогда почему ты здесь?

— Их четверо, а я всего один, — сказал он.

Я достал ключ от наручников и убедился, что он под рукой.

— Дрезден, — напряжённо сказала Эшер. — Стоит тебе прикончить электронику, ты всё дело кончишь!

— Люблю, когда шикарная пташка щебечет грязные слова! — весело крикнул Вязальщик сверху.

Я сжал зубы, взял посох в правую руку и сказал Майклу:

— Пошли!

И побежал по коридору.

Глава 35

Коридор за первой защитной дверью оказался почти сто футов длиной, и я обнаружил, что стоило нагрузке на организм чуть увеличиться, и мои ментальные щиты от боли тут же засбоили. Я стиснул зубы и терпел, пока Майкл двигался без единого усилия. Ну, хоть «благодать» на моей стороне, даже поддержала меня разок, когда я закачался.

В конце коридора была ещё одна дверь с выжженной дырой в стене неподалёку, и снова мне в нос ударило зловоние палёной шерсти дженосквы.

Я нагнулся и нырнул в дыру, Майкл последовал за мной, и мы оказались в комнате, две стены которой были покрыты, как мне показалось на первый взгляд, какими-то ящиками, но, посмотрев повнимательнее, я понял, что это охраняемые депозитные ячейки. Полагаю, это были ячейки с минимальным уровнем охраны, в которых люди хранят копии важных бумаг и остального, подходящего по размеру.

Третья стена была сделана из сплошной непо-

датливой стали, поверхность которой нарушала только стальная дверь с относительно небольшой скромной панелью управления по центру. По мне панель не выглядела высокотехнологичной. Это была просто клавиатура, большой наборный диск и маленький жидкокристаллический экран.

Анна Вальмон стояла перед панелью, все её инструменты были готовы к работе, чехол с ними лежал раскрытый у её ног. В руке она держала что-то вроде крошечного фонарика. И смотрела не на дверь, а на Никодимуса.

Лидер динарианцев стоял в стороне, целясь прямо в Вальмон из своего маленького автоматического пистолета. Дейрдре стояла справа, а Грей — слева от него. Дженосква выглядел как гигантское вонючее размытое пятно на стене между ними.

— Я по-прежнему не вижу проблемы, — сказал Никодимус.

— Проблема в том, — сказала Вальмон, нервно стрельнув глазами в мою сторону, — что это *не та дверь, что на вашем плане*.

— Мои источники безупречны, — возразил Никодимус. — Они заверили меня, что именно указанная дверь была установлена при строи-

тельстве банка.

— Очевидно, ваши источники не так умны, как им кажется, — ехидно ответила Вальмон. — Марконе мог тайно поменять дверь уже после установки.

— Тогда откройте *эту* дверь! — сказал Никодимус и махнул оружием. — И сейчас же.

— Вы не понимаете, — сказала Вальмон. — С чертежами и после целого дня подготовки, я может быть и взломала бы её. Может быть. Это тоже Фернуччи, но индивидуальный заказ, и её конструкция может в корне отличаться. А кроме того, *эта* дверь…

Меня пронзила ужасная догадка:

— Адские колокола! Она, что, заминирована?

Грей хмуро посмотрел на меня:

— Как вы узнали?

От девушки моего брата, которая несколько лет назад своими глазами видела, как для защиты от злого фоморского мага Марконе оборудовал один из своих бастионов. Там всё было усеяно простыми минами, минами-ловушками и огневыми точками. Томас рассказывал мне об этом. Но Грею я ответил только:

— Как? Я же долбаный чародей, вот как.

Вальмон мрачно мне кивнула и махнула голо-

вой в сторону дыры в стене, через которую мы явились.

— Нам повезло, что Эшер не задела их.

Я дотащился до стены и осмотрелся. По краям выжженной дыры виднелись оплавленные края пластикового корпуса, форма которого была мне знакома по прошлому ужасному опыту — противопехотные мины «Клеймор». Они были установлены в стену, между бетоном и гипсокартоном, и обращены в сторону комнаты.

Я сглотнул. Один «клеймор» словно дробовик великана изрыгал при взрыве сотни шариков, разлетавшихся перед ним по широкой дуге. Я насчитал восемь мин, установленных вертикально, по одной на каждый фут. Думаю, между рядами мин тоже было около фута.

Итак. Предположим, Марконе хотел приготовить сальсу из каждого, кто попытается сунуться в его хранилище. Предположим, он прекрасно знал, как трудно ранить большинство сверхъестественных существ. Как бы он с этим разобрался?

С помощью оружия тотального уничтожения, вот как.

Предположим, что на каждом квадратном футе стены по одной мине. Умножим для простоты на триста шариков в каждой, и у нас получится

огромная долбаная куча круглых кусочков металла, ждущая, чтобы разорвать нас в клочки. Они будут отскакивать от стальных стен комнаты, грохоча как дробь в жестяном ведре, и любое тело, оказавшееся внутри, превратится в мясной соус.

— Прикольно, — пробормотал я и повернулся к Никодимусу: — Похоже, эта вечеринка закончилась. Вы подготовились недостаточно тщательно.

— Мы не остановимся на достигнутом, — ответил Никодимус, не отрывая глаз от Вальмон. — Открывайте хранилище, мисс Вальмон.

— Это глупо, — возразила Вальмон. — Думаю, с первой дверью я бы справилась. Но об этой я не знаю ничего. Даже если я всё буду делать правильно, всё равно могу задеть что-то, что активирует взрыватель, просто потому, что понятия не имею, где он может находиться.

— Я даю вам три минуты на то, чтобы открыть хранилище, мисс Вальмон. Затем, я вас убью.

— Вы, что, спятили? — возмутилась Вальмон.

— Да адские ж колокола! — сказал я. — Успокойтесь. Цель никуда не денется. Вы не становитесь старше. К чему такая спешка?

Он оскалился:

— Время — понятие относительное, Дрезден.

И прямо сейчас его осталось мало. Мы откроем хранилище сегодня. Или мисс Вальмон сделает это, или умрёт.

— Или она активирует мины, и умрём мы все? — выпалил я. — Об этом варианте вы забыли?

— Если вы напуганы, не стесняйтесь, подождите снаружи, — посоветовал он спокойно.

И я понял, что мог бы. Я мог бы выйти из комнаты и утащить с собой Майкла. Вальмон некуда идти, у неё не было других вариантов, и я точно знал, что она сделает перед лицом неминуемой смерти — взорвёт себя в надежде прихватить Никодимуса и Дейрдре. А может, она сотворит маленькое чудо и откроет дверь, и мы вернёмся к тому, с чего начали. Если она умрёт, налёт будет сорван и долг Мэб Никодимусу выплачен или хотя бы отложен, и, если мне повезёт, заодно будет покончено с целой комнатой нехороших людей. Если Вальмон выживет, то мне хуже не будет.

И все, что мне нужно было был сделать, это бросить женщину на съедение волкам. Математика утверждала, что это умный ход.

— Математика никогда не была моим любимым предметом, — пробормотал я. — Майкл, уходи.

Майкл стиснул зубы, но он работал со мной

достаточно давно, чтобы доверять в критических ситуациях, и мы оба знали, что даже Аморакциус и самые чистейшие намерения в мире не спасли бы его от взрыва, который подготовил Марконе. Он вышел.

— Я не напуган, — сказал Грей. — И хочу, чтобы все это уяснили. — И тоже вышел из комнаты.

— Что вы делаете, Дрезден? — спросил Никодимус.

— Помогаю. Прекратите трясти часами над душой и дайте поработать спокойно, — сказал я.

Убедившись, что наручники плотно сидят на запястье, подошел к Анне Вальмон.

— Ну, хорошо, — сказал я ей. — Давай возьмёмся за дело.

Она вытаращила на меня глаза:

— Что ты делаешь? Уходи!

— Я тебе помогаю. Помогаю открыть эту дверь, не взорвав никого к чертям. Особенно себя. И меня тоже.

Она развернула маленький фонарик и осветила землю у моих ног.

— Стой!

Свет был ультрафиолетовый. Я едва успел остановить ногу, прежде чем она наступила на круг неясных норвежских рун, выведенных на

каменном полу. Невидимые в обычном свете, они проявлялись под лучом фонарика Вальмон.

— Звёзды и камни! — выдохнул я. — Это оберег!

Она посветила на пол перед дверью хранилища. Поблизости виднелось не меньше дюжины других обрегов размером с тарелку.

— Так вот в чём отличие этой двери, — сказал я. — По всей чёртовой комнате разбросаны пассивные заклинания.

— Я успела потоптаться по первому, прежде чем его заметила, — сказала она. — И что-то мне подсказывает, что я не тот человек, который может их активировать.

— Посвети-ка опять, — попросил я, и она осветила пол у моих ног. Я наклонился и стал рассматривать оберег, внимательно его изучая. — Ты правильно поняла. Они созданы, чтобы реагировать на ауру практикующего магию. Силы в них немного — для этого нужен порог, а его здесь нет — но достаточно, чтобы уловить всплеск магической энергии.

— Думаешь, достаточно, чтобы активировать взрыватель?

— Определённо.

— Стоит только практикующему магу пройтись

под одному из них и… — Вальмон элегантным жестом одновременно растопырила все пальцы левой руки. — Бум!

Вверху закашляла автоматная очередь — один из костюмов открыл огонь из «Узи». Мы с Вальмон одновременно вздрогнули от внезапного звука.

— О Боже, — выдохнула она.

— У нас нет времени, — сказал Никодимус. — Открывайте дверь, мисс Вальмон.

Она сглотнула и посмотрела на меня.

— Посвети мне под ноги, чтобы я видел, куда ступать, — попросил я.

Она подняла фонарик, и я запетлял между оберегами, пока не добрался до неё.

— Итак, три вещи, — сказал я. — Во-первых, я не собираюсь сбегать и бросать тебя здесь одну. Во-вторых, я не собираюсь дать ему тебя застрелить. И в-третьих, ты можешь это сделать.

— Я не знаю, могу ли, — тихо прошептала она. — А если эта дверь ещё сложнее первой?

— Этого не может быть, — возразил я.

— Ты этого не знаешь.

— Нет, я в этом уверен, — сказал я. — Из-за того, как магия взаимодействует с технологией. Марконе разбросал слабые заклинания вокруг двери. Какая бы электроника или механика не была

внутри этой двери, чем она сложнее, тем быстрее магия в этой комнате разнесёт её и активирует взрыватель. — Я поднял палец. — Эта дверь собрана из более простых частей и гораздо более простой электроники, чем первая. Вот почему она была установлена тайно — не чтобы сделать её неожиданным препятствием, а чтобы скрыть тот факт, что она менее сложна.

Вальмон смотрела на меня нахмурившись:

— Ты уверен?

— Ага, — сказал я. — Ну, ты знаешь, в теории.

— Чёрт, Дрезден, а если ты ошибаешься?

— Что ж, — сказал я, — если так, то ни один из нас этого никогда не узнает. Потому что я никуда не пойду.

Она посмотрела на меня с сомнением.

Я положил ей руку на плечо и сказал:

— Что же произошло с дерзостью женщины, которая украла мои плащ и машину после того, как я спас её от неминуемой гибели? Я помню тебя немного более решительной, чем сейчас.

В её глазах вспыхнул мятежный огонёк, а может, огонёк веселья, или и того, и другого сразу.

— Я уже и не помню, что всё было именно так.

— Вероятная гибель, — пояснил я и почувствовал, что ухмыляюсь как деревенщина. — Очень

вероятная гибель. Вспомни, Анна, ты ограбила *Ватикан*, когда воровала Плащаницу. Неужели сложно справиться с дрянным гангстером из Иллинойса?

Она медленно, глубоко вздохнула.

— Весомый аргумент, — сказала она, склоняясь над своими инструментами.

Двигалась она быстро, невероятно профессионально. Она свинтила крышку управляющей панели за полминуты, и несколько секунд спустя уже ковырялась в проводах.

— Ты был прав, — доложила она. — Тут вообще нет чипов и микросхем.

— Можешь открыть? — спросил я.

— Если не наделаю ошибок. Да. Думаю. А теперь тишина.

Пока она работала, наверху раздалось ещё несколько выстрелов. Ответной стрельбы слышно не было, но я был уверен, что громилы Вязальщика не будут палить из оружия просто забавы ради.

Грей скользнул обратно в комнату и обыденно сообщил:

— Они используют оружие с глушителями. Их достаточно много, чтобы устроить большой беспорядок в нашей операции, но пока что они

просто зондируют нас.

— Хех, — сказал я. — Зонд.

— Чародей, — немного нетерпеливо произнес Грей, — ты уверен, что хочешь продолжать так давить?

— Да, — ответил я. — Думаю, что да.

— Грей, приготовься, — сказал Никодимус. — Если Вальмон откроет хранилище, ты должен будешь управиться со сканером.

Грей хмыкнул.

— Думаю, мне лучше надеть своё рабочее лицо.

И, как и раньше, он, казалось, затрепетал на одном месте, движением, за которым я не мог уследить, и внезапно Грей исчез и на его месте уже стоял Харви, нервно поглядывая через прожжённый вход в хранилище. Выстрелы зазвучали ближе, и Грей-Харви вздрогнул, бросив быстрый взгляд за спину.

Ха.

— Чёрт возьми, — пробормотала Вальмон, доставая другой инструмент. Она начала ковырять кодовый замок, наблюдая за подрагивающей стрелкой на каком-то сенсоре, пока делала это. — Невозможно работать среди всей этой болтовни.

— Я могу устроить немного белого шума для

тебя, — услужливо сказал я и издал что-то вроде: — Хсссссссшшшшшшшшшшшшшшшшшш.

— Спасибо, Дрезден, за ещё один отвлекающ… — её глаза широко распахнулись от внезапного ужаса, и она затаила дыхание.

Я почувствовал, как мой позвоночник окостенел от предчувствия. Если все эти клейморы придут в движение, мой плащ совершенно точно не сможет защитить меня от такого количества летящего металла. Я сжал зубы.

Вальмон посмотрела на меня и оскалилась в улыбке тигрицы, сказав:

— Попался! — затем она нажала последнюю кнопку резким движением, и дверь хранилища издала зловещий щелчок. Она повернула ручку, и огромная дверь тяжело распахнулась. — И впрямь дрянной гангстер из Иллинойса.

— Ещё раз посвети ультафиолетом на обереги, — попросил я.

— Принято! — отрапортовала Вальмон.

— Грей! — позвал Никодимус.

Грей-Харви довольно ловко проскакал между оберегами, освещаемыми Вальмон, и вошёл в дверь хранилища.

Я пошёл за ним, навострив все мои чувства на поиски других магических ловушек, которые

могли нас ждать в хранилище джентльмена Джонни Марконе.

Оно было огромно. Пятьдесят футов шириной. Сто футов длиной. Вдоль стен шли двери из стальных прутьев, которые остановили бы даже Кинг-Конга. На каждой из дверей висела стальная табличка с номером и именем. Первая справа гласила: «ЛОРД РЕЙТ—00010001». Помещение за ней было завалено коробками, размером подходящими для больших картин, ящиками, похожими на сейфы, и несколькими поддонами со связками стодолларовых купюр, сложенными в четырёхфутовые кубы и завёрнутыми в прозрачный полиэтилен.

У комнаты с другой стороны от нас имелась табличка с надписью: «ФЕРРОВАКС—00010002». И она была заполнена рядами закрытых несгораемых сейфов.

И вдоль каждой стороны хранилища было расположено ещё по одиннадцать комнат.

В промежутках между дверьми располагались сберегательные ячейки, полки, загруженные драгоценными произведениями искусства и ещё большим количеством огромных кубов денег, которые я не хотел даже начинать считать.

Там было состояние маленькой страны. А воз-

можно, не такой уж и маленькой.

И единственная здесь дверь с маленькой компьютеризированной глазосканирующей штуковиной была в самом-самом дальнем конце хранилища, в центре задней стены — Камера Хранения Подземного мира.

— Похоже, что это оно, — сказал я.

Грей-Харви так ничего и не ответил, и я покосился на него. Он медленно осматривал всё хранилище.

— Это — просто деньги. Сохраняй спокойствие и оставайся в игре, — сказал я.

— Я ищу стражей и мины-ловушки, — сказал он.

— Ох. Продолжай, — хмыкнул я.

— Я не должен быть здесь, — едва слышно пробормотал Грей. — Это глупо. Меня поймают. Меня точно поймают. Кто-то за мной придёт. Все эти штуки достанут меня.

Я адресовал ему удивленный взгляд.

— Эй, что?

Грей моргнул и посмотрел на меня:

— А?

— Чего ты там бормочешь? — спросил я.

Он слегка нахмурился. Хмурый взгляд превратился в гримасу, и он потёр лоб.

— Ничего.

— Чёрта с два ничего, — возразил я.

— Я сейчас слишком Харви, — сказал он. — А он очень сильно не любит подобные ситуации.

— Эм, — сказал я. — Что ты имеешь в виду под «слишком Харви»?

— Такое глубокое преобразование не для чайников, — ответил он. — Тебе не о чем волноваться. Верь мне.

— С чего бы мне это делать?

Его голос стал раздражённым:

— Потому что я долбаный перевёртыш, и мне лучше знать, вот почему, — он посмотрел на меня. — Лучше подожди здесь. Наручники или нет, но эти сканеры сетчатки ужасно капризны.

— Я буду неподалеку, — сказал я и начал отходить к дальней стене хранилища. Я не сомневался, что Грей прав насчёт сканеров, но был не настолько доверчив, чтобы выпустить кого-то вроде него из поля зрения, если мог этого не делать. Я остановился в тридцати-сорока футах от задней стены хранилища, и Грей-Харви скользнул к панели. Он поднял руку и набрал на клавиатуре последовательность из двенадцати или пятнадцати цифр, да так быстро, словно пальцы двигались чисто рефлекторно. Стоило

ему закончить, как панель повернулась, и выехала небольшая трубка. Он наклонился вперёд и заглянул в неё, последовала вспышка красного света. Он, моргая, выпрямился, и секундой спустя раздался тихий щелчок.

— Была не была, — сказал он и повернул ручку двери в защищённую комнату.

Дверь в смертное хранилище бога подземного мира (промаркированная АИД-00000013) открылась гладко и беззвучно. Мне пришлось бы приложить больше усилий, чтобы открыть холодильник Майкла.

Грей повернулся ко мне, вернулся в свой облик, и рот его искривился в невероятно самодовольной ухмылке.

— Чёрт, а я хорош.

— Хорошо, — сказал я. — Приведи всех остальных. Я подготовлю Путь.

Грей повернулся было идти, но остановился и посмотрел на меня.

— Если бы я хотел угробить всё дело, — заметил я, — то мог бы это сделать много раз за последние двадцать минут. — Я перешёл на маниакально-неопределённый европейский акцент и сказал: — Мы пройдём насквозь!

— «Чёрная дыра»? — недоверчиво переспросил

Грей. — *Никто* не цитирует «Чёрную дыру», Дрезден. Никто даже не помнит, что это.

— Фигня. Эрнест Боргнайн, Энтони Перкинс и Родди МакДауэлл вместе в одном фильме? Бессмертно.

— Родди МакДауэлл всего лишь озвучил робота.

— Да. И роботы были потрясающими.

— Дешёвая имитация «Звёздных войн», — усмехнулся Грей.

— Одно не обязательно исключает другое, — возразил я.

— Я беспокоился не о том, что ты испортишь миссию, — сказал он. — Я боялся, что ты можешь возомнить себя эдаким Робин Гудом, противостоящим персонажу этого Марконе.

— Сомневаюсь, что это сделает его ещё злее, чем он и так будет, — парировал я. — Но взлом *этого* хранилища — не наше дело.

Грей изучал меня некоторое время, затем кивнул.

— Точно. Я приведу команду, — он повернулся и припустил ко входу в хранилище…

…и был внезапно *выдернут* из хранилища резкой и грубой силой.

— Да уж, это явно пло… — начал было я.

Не успел я договорить, как в хранилище влетела Тесса, невероятно быстрая и ужасающе сильная в своём обличье богомола, и захлопнула дверь у себя за спиной. Её задние ноги провернули механизм, который позволял открывать и закрывать дверь изнутри, и замок тяжёлой двери хранилища закрылся с довольно безапелляционным щелчком.

Внезапно единственным источником света в помещении оказались маленькие лампочки вдоль стен, которые безумным блеском отражались в тысяче фасеточных глаз богомола.

— Ты! — с ненавистью произнес ее двойной, жужжащий голос. — Это всё *твоя* вина.

— Что? — спросил я.

Моя рука потянулась к шипастым наручникам на запястье… и замерла. Майкл и остальные всё ещё были снаружи, в заминированной охраняемой комнате. Если я начну швыряться магией, даже на таком расстоянии, я почти наверняка активирую античародейскую ловушку Марконе, встроенную в неё.

— Неважно, — выплюнула Тесса. — Твоя смерть прекратит это всё даже легче, чем смерть финансиста.

И затем разъярённый рыцарь Тёмного динария

бросилась на меня на невероятной насекомьей скорости — и если я буду сражаться с ней с помощью магии, я отправлю своих друзей прямиком на тот свет.

Глава 36

Крылья Тессы трепетали, и она шла прямо на меня, подняв свои серповидные руки-крюки для удара.

Голос в моей голове кричал пронзительным, словно у испуганной девочки, голосом, и на секунду мне показалось, что я сейчас обмочусь. Не было времени для остроумных высказываний, не было места, куда бы я мог убежать, и без суперсилы Зимней мантии я был уже считай что мёртв.

Если только…

Если Баттерс был прав, то сила, которая досталась мне как Зимнему рыцарю, была у меня всегда — скрытая до тех пор, пока не возникнет чрезвычайная ситуация. Единственное, что сдерживало меня — это природные ограничители, встроенные в моё тело. Но, кроме этого, у меня был ещё один козырь — последние года полтора, с тех пор, как я умер и затем пришёл в себя, я яростно тренировался. Сперва — чтобы снова встать на ноги и быть в форме, если понадобится драться, а потом уже — потому что испытывал давление, и мне нужно было как-то выпустить пар.

У любой тренировки есть одно непреодолимое ограничение — долбаная боль. Маленькие травмы накапливаются, лишают энергии, ухудшают результаты в том, чем вы там занимаетесь, создают дисбаланс в тренировках и слабые точки.

Но только не у меня.

Всё время моих тренировок я был защищен от боли эгидой Зимней мантии. И это не просто сделало меня физически сильнее — это ещё позволило тренироваться дольше и тяжелее, и более тщательно, чем обычно. Я стал быстрее и сильнее, чем раньше, не только потому, что носил мантию Зимнего рыцаря — я ещё и надрывал свою задницу ради этого.

Мне не нужно было победить Тессу. Мне просто нужно было выжить. Анна Вальмон, должно быть, уже у двери хранилища, открывает её снова. И раз уж она так ловко открыла её один раз, уверен, второй раз займёт гораздо меньше времени. Сколько она потратила на дверь в первый раз? Четыре минуты? Пять? Надеюсь, она справится за три. А потом Майкл войдёт в дверь, и ситуация изменится.

Три минуты. Это целый раунд на боксёрском ринге. Я должен был продержаться хотя бы раунд.

Пришло время сотворить чудо без магии, только своими силами.

Когда Тесса подошла ближе, я швырнул в неё свой почти пустой вещмешок, сделал финт вправо, а сам метнулся влево. Тесса проглотила наживку и повелась, заскользив мимо меня по гладкому полу. Я запрыгнул на пачки денег и, не останавливаясь, прыгнул ещё раз, на верхнюю полку стеллажа с какими-то предметами искусства, покрепче уцепился ногами и, подняв посох над головой, повернулся к приближающейся со скоростью молнии Тессе.

Я громко заорал и со всей силы опустил тяжёлый посох. Я угодил ей прямо в треугольную голову, треснув так сильно, что в плечи ударила отдача. Она, может, и была быстрой и сильной, как ангел-психопат, но при этом была ещё и маленькой, и даже в демонической форме весила не слишком много. Удар полностью погасил инерцию движения, и она начала сползать на пол.

Но вместо того, чтобы упасть, она вонзила свои крючья в металл полки, пронзая сталь как картон, а затем издала полный ярости крик и принялась карабкаться ко мне.

Мне эта идея не понравилась. Поэтому я приземлился ей на лицо подошвами своих больших

и тяжёлых ботинок.

Удар вырвал её крюки из полки, и мы оба повалились на пол. Я приземлился сверху, от чего мои лодыжки закричали от боли, а Тесса издала задыхающийся крик. Я попытался использовать инерцию себе на пользу и перекатиться, но это удалось мне лишь отчасти. Я перевернулся на четвереньки за долю секунды до того, как Тесса ударила конечностью-косой прямо туда, где до этого находился мой пах. Она приземлилась на спину и какое-то мгновение молотила конечностями воздух на манер жука.

Поэтому я бросил посох, схватил одну из опор металлической конструкции и обрушил прямо на неё.

Целая секция тяжёлых стеллажей вместе со всеми предметами искусства обрушилась прямо ей на голову с невероятным грохотом и оглушающим шумом бьющихся скульптур. Я подхватил свой посох и начал отступать к входу в хранилище Аида.

Тесса оставалась поверженной не дольше полутора секунд. Затем полки вспучились, и она крюками отшвырнула их прочь, вскочив на ноги с ещё одним воплем ярости. Повернулась и прыжками ринулась на меня.

Я резко затормозил, вытащил из кармана плаща свой огромный пятидесятый калибр, тщательно прицелился и подождал, пока Тесса не приблизится настолько, чтобы промахнуться было просто невозможно. Я нажал на курок, когда она была уже в шести футах от меня.

Револьвер в замкнутом пространстве хранилища рявкнул, словно из пушки, и большая пуля врезалась в её грудную клетку, пробившись сквозь экзоскелет с фонтанчиком ихора и отбросив её в сторону. Позади неё денежный куб внезапно взорвался облаком летающих Бенджаминов.

Я успел сделать два или три шага прочь, прежде чем она двинулась на меня снова. Тогда я остановился и, ещё раз прицелившись, влепил в неё ещё одну пулю. Отступив на шаг, я выстрелил в третий раз. Ещё шаг и четвёртый выстрел. После пятого мой пистолет был пуст, а Тесса всё ещё приближалась.

Пуль было недостаточно, чтобы добиться большего, чем просто замедлить её, но они купили мне то, в чём я нуждался больше всего — время.

Я вошёл в хранилище Аида и захлопнул дверную решётку как раз тогда, когда Тесса вновь кинулась на меня. Она врезалась во внешнюю

сторону двери, пытаясь выломать прутья своими серпами, но дверь, хотя и сотрясалась от силы ударов, но запиралась при закрытии и держалась крепко. Тесса снова пронзительно завизжала, и её серповидные конечности молниеносно метнулись ко мне сквозь решётку. Я вовремя отшатнулся и избежал продырявливания, ударившись плечами в заднюю стену хранилища.

— Адские колокола! — выпалил я. — Скажи мне хотя бы *почему*!

Богомольи серпы-крюки ухватились за пару прутьев и напряглись в попытке раздвинуть их. Металл застонал и начал сгибаться, а я вдруг осознал, что совершил огромную глупость. Тесса была не такой уж и *большой*, и чтобы пролезть в камеру хранилища, ей потребуется не такой уж большой зазор между прутьями, но сам я при этом не смогу пролезть в ту же дыру и сбежать. Если она раздвинет их достаточно, чтобы войти, я умру жестокой и грязной смертью. Секунды тикали, как в замедленной съёмке, а демон-богомол тем временем дрожала от физического напряжения и чистой ненависти.

— Почему? — потребовал я. Мой голос, возможно, вышел немного визгливым. — Какого *дьявола* ты лезешь в это дело?

Она не ответила. Прутья застонали и очень медленно раздвинулись где-то на дюйм. Но их изготовили особо толстыми, будто специально рассчитанными на противодействие сверхчеловеческой силе — что, кстати, вполне вероятно. Тесса откинула свою насекомью голову и испустила визг, жёстко ударивший по моим ушам.

Голова и лицо богомола просто *вспучились* и исчезли на полпути, а визг превратился в очень человеческий и до жути яростный вопль, на месте головы богомола появилось лицо Тессы, с двумя парами широко раскрытых, горящих безумным огнём глаз.

— Я потратила пятнадцать веков *не* для того, чтобы это обернулось ничем! — крикнула она.

Я растерянно на нее уставился, сердце бешено колотилось у меня в груди. Я пытался придумать что-нибудь умное, изящное или обезоруживающее в ответ, но вместо этого растерянно повел руками и выдал:

— Совсем крыша поехала?

Она уставилась на меня полным ярости взглядом и выплюнула несколько слов, которые могли быть каким-то заклятьем, но ярость, овладевшая ею, помешала влить в него силу. Вместо этого она просто открыла рот и снова *завопила*, и этот

вопль никогда не смог бы выйти из человеческих лёгких. Он всё продолжался и продолжался, вырываясь из её рта вместе с частичками слюны, затем со сгустками чего-то более тёмного, а затем — с ещё более крупными кусками какой-то дряни, у которой, как я осознал через пару секунд, были ноги, и она *извивалась*.

Затем её крик перешёл в бульканье, и она начала блевать облаком, нет — *роем* летающих насекомых, просачивающихся сквозь прутья решётки, которые затем ринулись на меня почти твёрдым потоком, врезавшись в моё тело с напором брандспойта.

Удар вышиб из меня дух, поэтому я не смог сразу вздохнуть — и вовремя. Насекомые прицепились к моему телу — тараканы, жуки и прочая непонятная мерзость — и начали карабкаться по моему телу к носу, рту и ушам, будто направляемые чьей-то злой волей.

Несколько забрались в мой широко раскрытый рот до того, как я изо всех сил его закрыл, прикрыв нос и рот рукой. Я сжевал их с отвратительным хрустом, почувствовав на языке вкус крови. Оставшиеся твари направились к моим глазам и ушам, зарылись под одежду, чтобы вгрызться в плоть.

Я сохранял спокойствие около двадцати секунд, отмахиваясь от насекомых, лезущих в лицо, сделав несколько судорожных вздохов через слегка раздвинутые пальцы рук, а затем насекомые забрались между пальцев, в глаза и уши почти одновременно, и я издал полный ужаса крик. По моему телу разлилась жгучая агония, а рой все вгрызался и вгрызался в меня. Последней вещью, которую увидели мои горящие от боли глаза, было тело Тессы, сдувающееся как воздушный шар, по мере того как насекомые продолжали выходить из него, а у меня оставалась ещё секунда чтобы осознать, что она *находилась* в хранилище вместе со мной.

А затем мои ментальные щиты против боли начали трещать по швам по мере того, как я поддавался панике, и агония заставила меня упасть на колени, по пояс погрузив в сосредоточие злобы тысяч и тысяч крошечных ртов.

Я опустил свои руки вниз в отчаянной попытке нашарить ключ от терновых наручников, потому что без помощи магии я был бы подвергнут одной из самых отвратительных смертей, которую в силах представить, но мои руки будто были в огне, и я не мог *нащупать* чёртовы наручники и отверстия для ключей под слоями и слоями

роящихся паразитов, которые, похоже, были преисполнены дьявольской решимости спрятать от меня путь к спасению.

Через несколько секунд рой заполнил мои ноздри и принялся жевать губы, а также заставил меня закрыть веки, либо потерять глаза, и даже так я чувствовал, как они поедают мои веки и грызут ресницы.

Меня обучали психическим приёмам, большую часть которых обычные люди не могли даже представить, не то что повторить. Я, не дрогнув, смотрел в лицо ужасу такого же калибра. Но не такому.

Я проиграл.

Мысль ускользнула. Боль хлынула через мои щиты. Ужас и отчаянное желание *жить* заполнили каждый уголок моего разума, слепой инстинкт брал верх. Я бился, полз и корчился, пытаясь укрыться от роя, но с тем же успехом я мог спокойно лежать на полу, и через некоторое время нехватка воздуха заставила меня упасть на бок и свернуться в позе эмбриона в попытке защитить глаза, нос и уши. Глаза застлала мешанина чёрного и красного.

А уши наполнили голоса. Тысячи шепчущих голосов, шипящих непристойные, ненавист-

ные слова, грязные секреты, ядовитую ложь и ужасающие истины на полусотне языков сразу. Эти голоса давили на меня, пробивались в мою голову, словно ледорубы, продалбливали дыры в мыслях и эмоциях, а я не мог сделать ровным счётом *ничего*, чтобы им помешать. Я чувствовал, как во мне зарождается крик, который заставит меня открыть рот, и его заполонят крошечные яростные существа, но знал, что сдержать этот крик уже не смогу.

А затем мне на темя опустилась широкая рука, и глубокий голос прогремел:

— *Lava quod est sordium!*

Свет проник сквозь мои закрытые веки, сквозь покрывающие их слои насекомых, и от моей макушки, от этой руки, начал распространяться неистовый жар. Он разливался, двигаясь не быстро и не медленно, и там, где он касался моей кожи, горячий, как кипяток, рой тут же исчезал.

Открыв глаза, я увидел Майкла, опустившегося на колени подле меня. В левой руке он сжимал Аморакиус, правая покоилась на моей голове. Глаза его были закрыты, а губы двигались, непрерывно произнося поток ритуальных слов на латыни.

Чистый белый огонь разлился по моему телу,

и я вспомнил, когда видел нечто подобное в последний раз — когда-то давным-давно Майкла попытались избить вампиры, и их обратил в головешки тот же самый огонь. Теперь, когда свет окутал меня, рой начал рассеиваться: верхние слои начали панически разбегаться, а нижние в это время испепелял огонь. Это было больно… но боль была жёсткая, очищающая и какая-то настоящая. Пламя охватило меня, а когда угасло, я уже был свободен, а рой рассеивался по хранилищу, просачиваясь в крошечные вентиляционные отверстия, рассыпанные по всему помещению.

Я поднял взгляд на Майкла, хватая ртом воздух, и наклонил голову вперёд. Какое-то время боль и страх ещё владели мной, и я не мог заставить себя пошевелиться. Я лежал и просто дрожал.

Его рука переместилась с головы на плечо, и он пробормотал:

— Господь Всемогущий, не оставь этого доброго человека и придай ему сил, чтобы справиться с невзгодами.

Я не почувствовал ничего мистического. Не было всплеска магии или иной силы, не было вспышек света. Только тихая и спокойная сила Майкла и искренняя вера в его голосе.

Майкл всё ещё считал меня хорошим чело-

веком.

Я сжал покрепче челюсти, давя в себе рыдающие вопли, всё ещё пытающие вырваться из меня, и оттолкнул подальше эти крошечные, ужасные слова — голос Имариила, должно быть. Я заставил себя равномерно дышать, несмотря на боль и жжение на коже и в лёгких, несмотря на жгучие капли слёз и крови в моих глазах. И снова поднял щиты, отодвигая боль на безопасное расстояние. Они были шаткими, и некоторое количество боли просочилось сквозь них обратно на своё место, но я сделал это.

Потом я поднял взгляд на Майкла и кивнул.

Он адресовал мне быструю, свирепую улыбку и встал, протянув мне руку.

Я ухватился за нее и поднялся, глядя мимо Майкла на стоящего неподалеку Грея, снова сменившего обличье Харви на своё собственное. Он опять открыл дверь в хранилище Аида. Позади него подтягивались остатки команды (минус Вязальщик), пока большой, расплывчатый силуэт дженосквы закрывал дверь с громким, пустым звуком схлопывающегося воздуха.

— Она пробежала мимо быстро, пока шла перестрелка, — сказал мне Майкл. — Не было никакой возможности ее остановить.

Горло жгло и ощущалось ободранным, но я прохрипел:

— Всё обошлось. Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Никодимус подошёл к нам с совершенно нейтральным выражением на лице и посмотрел на Майкла.

— Нет нужды бояться дальнейшего вмешательства Тессы. Ей потребуется некоторое время, чтобы взять себя в руки. Как вам это удалось? — спросил он.

— Я ничего не делал, — просто ответил Майкл.

Никодимус и Дейрдре обменялись беспокойными взглядами.

— Вы все, услышьте меня, — тихо сказал Майкл. Он повернулся и встал между ними — падшими ангелами, чудовищами, негодяями и отменными извергами — и мной. — Вы думаете, что ваша сила создаёт мир, в котором вы живёте. Но это иллюзия. Мир создаёт ваш выбор. Вы думаете, что ваша сила защитит вас от последствий этого выбора. Но вы ошибаетесь. Вы создаёте свои собственные награды. Есть Судья. В этом мире есть Справедливость. И в один прекрасный день вам *воздастся* по заслугам вашим. Выбирайте тщательно.

Его голос странно отдавался в воздухе, он не был громким, но пробирал насквозь. Это был не просто голос смертного, в нём сквозило понимание чего-то, лежащего вне времени и пространства. В этот миг он был Посланником, и никто из услышавших его не усомнился бы в этом.

В хранилище воцарилось молчание, и никто не двигался и не говорил.

Никодимус отвернулся от Майкла и спокойно произнес:

— Дрезден, ты в состоянии открыть Путь?

Я вздохнул, чтобы успокоиться, и огляделся в поисках ключа от наручников. Я уронил его, пока меня одновременно жрали, душили и сводили с ума. Чёрт, да мне невероятно повезло, что это всё не вызвало у меня анафилактический шок.

Или, учитывая все обстоятельства, возможно, удача тут вообще ни при чём.

Майкл заметил ключ и поднял его. Я протянул ему руку, и он принялся открывать наручники.

— Что это значит? — шёпотом спросил я его.

— Ты всё слышал не хуже меня, — ответил он, слегка пожав плечами. — Полагаю, это сообщение предназначалось не нам.

Я медленно посмотрел на остальных, пока снимал наручники и думал, что, возможно, так

и было.

«Уриил, — подумал я. — Ты подлый ублюдок. Но ты не сказал мне ничего такого, о чём бы я уже не подозревал».

Терновые наручники были сняты, и ледяная сила Зимы вновь растеклась внутри меня. Боль исчезла. Ободранная, пожёванная кожа перестала ощущаться. Истощение ушло прочь, и я глубоко, медитативно вздохнул.

Затем я призвал свою волю, развернулся на каблуках, резанул воздух своим жезлом и произнёс:

— *Aparturum!*

С хлынувшей волной моих воли и силы, с внезапно вспыхнувшей полосой красного угрюмого света в воздухе, я разорвал пространство, открывая проход в Подземный мир.

Глава 37

Все лампочки разлетелись вдребезги с фонтанами искр, и в тот же миг за нашими спинами прогремел взрыв, и закрытая дверь хранилища загудела, как огромный колокол. Толстые стальные стены должны были выдержать взрывы противопехотных мин, но мне не хотелось думать, сколько кусков металла сейчас срикошетило и отлетело во всевозможных направлениях, и я спрашивал себя, не погиб ли кто-нибудь только что.

Раздался жуткий скрежет, словно какая-то часть здания медленно рушилась где-то за стенами хранилища, и в тусклом красном свечении, шедшем из разрыва в ткани реальности, я едва мог разглядеть окружавшие меня лица.

— Адские колокола! — сказал я Майклу. — А как же Вязальщик? И заложники?

— Я помог ему их перетащить, — быстро ответил Майкл. — Отчасти поэтому я так долго до тебя добирался. Как только узнали о минах, мы убрали всех из того коридора и подняли на второй этаж.

— Где вокруг пули так и летают, — сухо доба-

вил Грей.

Я поморщился, но поделать ничего не мог. Марконе заложил эти мины, а не я, и мне только оставалось надеяться, что первый удар, направленный на хранилище, лишил ударное ядро большей части силы.

Между тем лента света, разрывавшая реальность, стала расширяться, и перед нами открылся проход в Подземный мир, красный свет заполнил всё помещение, и я увидел алые языки пламени, танцующие на той стороне. Из прохода повеяло запахом серы. Мгновение спустя внезапный порыв горячего ветра принёс запах посильнее и сдул волосы с моего лба.

Когда танцующее пламя склонялось под порывами ветра, я мог разглядеть позади него тёмный силуэт стены, поднимающейся где-то в сорока ярдах от нас, с хорошо различимой аркой у подножия. Арка была наполнена сверкающим огнём, таким плотным, что за ним ничего не было видно.

Никодимус подошёл ко мне и, встав рядом, заглянул в Подземный мир. В его тёмных глазах сияли алые блики.

— Врата Огня, — пробормотал он. — Прошу вас, мисс Эшер.

— Гм! — ответила Ханна Эшер и сглотнула. — Никто мне не говорил, что я пойду в Подземный мир первой.

— Я не уверен, что кто-либо другой выдержит там больше секунды, — сказал Никодимус. — Дрезден?

Я покосился на ад, бушующий за проходом, и сказал:

— Спорить с огнём очень нелегко. Поэтому чародеи так любят использовать его как оружие. Там такой жар, что я мог бы сдержать его секунд на десять или двадцать, если бы вы дали мне поесть и поспать прежде, чем приглашать к следующим воротам. — Я присмотрелся получше: — Взгляните вон туда, на арку. На стене справа где-то в пяти футах от земли.

Ханна Эшер встала рядом со мной и сощурилась:

— Это что, рычаг?

— Похоже на то, — ответил я. — Подойти, дёрнуть за рычаг. Выглядит довольно просто.

— Чересчур просто, — сказала она и начала снимать терновые наручники.

— Конечно, просто. Если у тебя иммунитет к огню, то это раз плюнуть. — Я выдохнул. — Я успею добежать, прежде чем мои щиты падут. Навер-

ное. Если, конечно, не споткнусь и куда-нибудь не упаду. Не видно, что там на земле.

— Нет, чёрт возьми! — сказала она. — Нет, думаю, я сама должна заработать свои деньги.

Она посмотрела на проход и бросила на пол два пустых рюкзака, которые висели у неё на плече. Потом сделала короткий вдох и сняла свой чёрный свитер одним плавным движением, открыв чёрный спортивный лифчик.

— Ух ты! — сказал Грей. — Мило.

Она закатила глаза и покосилась на него, затем сунула свитер мне в руки:

— Подержи.

— Хорошо, — согласился я. — А зачем?

Её сапоги и военные брюки отправились следом, и Майкл решительно развернулся и начал изучать пустой участок стены.

— Потому что моя одежда не выдержит огня, а я бы не хотела всё оставшееся время ходить без неё.

— А я был бы не против, — сказал Грей.

— Грей, прекрати, — сказал я.

— Мы теряем время, — напомнил Никодимус.

На секунду Эшер встретилась со мной взглядом — довольно смело для практикующего мага — и слегка покраснела, прежде чем сбросить носки и

нижнее бельё быстрым, лишённым нарочитости движением. Сунув оставшуюся одежду мне в руки, она сказала:

— Ничего странного с этим не делать!

— Я собирался покрыть их лаком и подать в них ужин из четырёх блюд, — сказал я, — но раз ты так щепетильна, то, так и быть, я просто их подержу.

Эшер искоса глянула на меня:

— Ты что, только что пригласил меня на ужин?

Я почувствовал, что губы сами собой растянулись в улыбку. Ничего я не любил сильнее, чем отчаянных женщин.

— Послушай-ка, когда мы оба выберемся отсюда в целости и сохранности, я покажу тебе, где продают лучшие сэндвичи со стейком в городе, — сказал я и добавил: — Удачи!

Эшер бросила мне быструю нервную улыбку и повернулась к проходу. Она всматривалась туда несколько секунд, облизнула губы, пару раз нервно сжала руки, а затем стиснула зубы и, обнажённая, шагнула через проход в огонь Подземного мира.

Конечно, мне раньше не встречался никто, владеющий такой же точной и сильной пиромагией,

как у неё, но, несмотря на это, я сжался, когда она столкнулась с первой стеной пламени. Пламя потянулось к ней навстречу, словно обладало разумом и жаждало её поглотить… но добилось не больше, чем волны, бьющиеся о каменистый берег. Огонь окутал её и тут же отпрянул, скрученный в крошечные вихри, трепавшие её длинные тёмные волосы и так и этак. Ветер, дувший со стороны пламени, ревел и то и дело менял направление. Порывы были так сильны, что заставляли её шататься. Она расставила руки в стороны, как будто шла по скользкому льду, и стала двигаться медленно и осторожно. Я видел, какой прямой и напряжённой стала её спина от постоянной сосредоточенности, — и нет, я не пялился на её задницу. Только немного, в пределах приличия.

Я заметил, что Грей стоит рядом и пристально наблюдает за Эшер с непонятным выражением лица. Я сознавал его присутствие, хотя мы не смотрели друг на друга, разве что периферийным зрением.

— Люблю отчаянных женщин, — сказал он.

— Ты слишком много болтаешь, — заметил я.

— Как она это делает? — спросил он. — Я понимаю принцип, но никогда не видел ничего

похожего.

— Перенаправляет энергию. Видишь, как пламя бьётся об неё, отскакивает и закручивается?

Он хмыкнул.

— Она берёт тепло и превращает его в кинетическую энергию, когда оно касается её ауры. Это чертовски впечатляет.

— До некоторой степени. Но почему ты так считаешь?

— Потому что иметь дело с таким количеством тепла, когда ты в него погружён, чертовски трудно, — пояснил я. — Она не просто останавливает его в нужный момент. Она останавливает его со всех сторон одновременно, и ей нужно в одно мгновение использовать магию не меньше дюжины раз, чтобы остановить тепло совсем, на всех доступных уровнях.

— И это так трудно?

— Вот попробуй сыграть одновременно в «Саймона», «Память», шашки, шахматы, солитер, «Монополию», судоку, «Улику», «Риск», «Ось и союзников», покер, блэкджек, перечисляя все простые числа до двадцати тысяч, стоя на одной ноге и пытаясь удержать на голове пластиковый стаканчик с горячим кофе. И когда научишься, можно будет поговорить о том, чтобы пройти

через небольшой костёр.

— Я умею играть в покер, — сказал Грей без тени иронии. — Так значит, она отчаянна и она хороша.

— Ага.

— Хорошо иметь её в нашей команде.

— Или плохо иметь её в чужой команде, — добавил я.

Глаза Грея повернулись ко мне. У его взгляда был почти физический вес.

— В каком смысле?

— Ни в каком, — покачал я головой.

Он пялился на меня некоторое время, затем пожал плечами и снова повернулся к Ханне Эшер. А кто поступил бы иначе?

Она уже прошла почти весь путь к воротам, прежде чем на сцене появилась саламандра.

Нечто похожее на комодского варана, будто состоящего из звёздной материи, с рёвом вышло из самой плотной завесы пламени под вратами. Варан двигался с той же поспешностью, которой обладает ящерица, и Эшер сумела лишь перекатиться в сторону, прочь от его первого рывка. Саламандра выразила своё неудовольствие рёвом, схожим с рычанием доменной печи, и свет вокруг её туши стал ещё сильнее и интенсивнее.

Огненная буря вокруг Эшер тоже закружилась сильнее, и она отступила на несколько шагов назад с напряжённым от концентрации лицом. Огонь вокруг неё завихрился и уплотнился, превратившись в миниатюрный и медленно кружащийся ураган, а глазом этого урагана была уязвимая плоть.

Саламандра снова взревела и кинулась на неё.

— Проклятье, — произнёс я.

Майкл встал возле меня и заметил:

— У неё даже нет оружия.

— Ты можешь до неё добраться? — спросил я своего друга.

Майкл покачал головой, его глаза выражали беспокойство:

— Она не невинная душа в опасности. Она сама избрала свою участь.

— Грей?

— Я тут тоже не помощник, — ответил он. — Я продержусь там не дольше твоего.

Я повернулся к Никодимусу и произнёс:

— Помогите ей.

Он пронзил меня взглядом и кивнул. Затем вытащил висящий на боку меч, прищурился, сделал два лёгких шага вперёд и метнул оружие.

Мечи не предназначены для подобного рода

вещей. Тем не менее, летящие куски метала с длинными острыми краями и заострёнными же концами по умолчанию опасны, а Никодимус, возможно, проводил выходной каждые несколько десятилетий, швыряясь вокруг мечами просто развлечения ради. И после двух тысячелетий подобного хобби он точно знал, что делает.

Вращающийся клинок врезался в морду саламандры, прочертив на её раскалённой плоти линию расплавленного огня и выбив фонтан багровых искр. Существо снова взревело, на этот раз — от неожиданной боли, и попятилось вбок, а потом ринулось к Пути, разъярённо стегая воздух хвостом. На нас хлынул бешеный порыв раскалённого сернистого воздуха, и края моего пыльника яростно захлопали, а из глаз хлынули слёзы. Майкл в колыхающемся белом плаще поднял руку, чтобы прикрыть лицо.

— Рычаг! — крикнул я. — Беги к рычагу!

Не знаю, услышала ли меня Эшер, или наши мысли просто совпали. Когда саламандра от неё отвернулась, она быстро побежала к рычагу во вратах. Саламандра увидела её и развернулась, пытаясь цапнуть за ноги, но Эшер уже проскользнула мимо, быстро и грациозно. Она бросилась к рычагу и навалилась на него — испустив при

этом крик боли.

Раздалось громкое шипение и оглушительный металлический скрежет… и внезапно пламя во всей комнате потемнело и опустилось ниже. Я сразу понял, что происходит. Чтобы поддерживать столько пламени, требовалось огромное количество кислорода, и рычаг каким-то образом снизил его приток.

Плоть саламандры за несколько секунд из желтовато-белой стала тёмно-оранжевой, и она снова зарычала, испустив из пасти ещё одну волну жара, а затем отступила назад, гораздо медленнее, чем двигалась всего секундой раньше. Она нырнула в нору в одной из стен арки. Её огонь и свет на мгновение заполнили туннель, а потом увяли. И одновременно с этим всё пламя у Врат Огня сошло на нет, оставив после себя лишь едва теплящиеся угли.

— Ещё не время! — крикнула Эшер напряжённым голосом, тяжело дыша, когда Никодимус шагнул к Пути. — Дайте ему пару минут, чтобы охладиться!

Я подождал секунд сорок пять, а затем поднял вокруг себя сферический щит, направляя энергию через посох. Мой старый браслет из щитов, конечно, годился для этого лучше, но собрать

приличный набор инструментов для тонкой работы по металлу стоило времени и денег, и у меня не хватало времени даже на то, чтобы восстановить хотя бы их часть, а не то чтобы оборудовать такую же лабораторию, какая была в моей старой квартире.

Заклинания, которые я вырезал на моём новом посохе, были почти такими же, как и на моём старом браслете из щитов, хотя и менее эффективными и хуже фокусировавшими силу. Но всё же это было куда лучше, чем обходиться без фокусировки вообще, и вполне достаточно, чтобы защитить меня от ещё дымящейся раскалённой земли.

Переход из мира смертных в Небывальщину не так уж впечатляет, как можно подумать. Никаких ощущений, кроме похожего на затяжную дрожь слабого покалывания на коже, когда вы идёте по проходу. Но войдя в Небывальщину, я знал, что только что преодолел невообразимое расстояние. Моё тело стало немного тяжелее, как будто сама гравитация была иной, чем на Земле. Горячий воздух, с примесью серы и других минералов, казался совершенно чуждым в моём носу и рту. Земля вокруг была каменистой, присыпанной глыбами чего-то похожего на ещё не потухший

уголь, я видел оплавленные куски, видимо, бывшие когда-то известняковыми сталагмитами, а сейчас похожие на растаявшие восковые свечи. Разбитые и наполовину расплавленные остатки того, что, видимо, было сталактитами, упали с высоты теряющегося во тьме потолка и теперь валялись вокруг.

Ну конечно. Мы же были в пещере. Немыслимо огромной пещере. Позади нас она простиралась насколько хватало взгляда, залитая светом Пути, а перед нами её преграждала высокая, не меньше сорока футов, стена с аркой.

Я быстро сократил расстояние до Эшер. Мой щит был хорош, когда речь шла об остановке огня, но, похоже, совсем не так хорош, как любой из уровней её защиты, которую она удерживала вокруг себя.

— Эй! — окликнул я её. — Ты в порядке?

— Я вспотела, — сообщила Эшер, и на её лице появилась гримаса боли. Она подняла руки, чтобы продемонстрировать мне линию волдырей, вздувшихся на ладони там, где её коснулся рычаг. Сам рычаг светился красным от всё ещё сохраняющегося в нём жара. — Чёрт возьми. Пот превратился в пар и испортил последние несколько уровней защиты.

— Ты только что схватила долбаный раскалённый докрасна металл голыми руками, и тебе показать-то нечего, кроме волдырей, — сказал я. — Да просто офигеть!

Улыбка на мгновение пробилась через гримасу боли на её лице:

— Ага, можно и так сказать. Это была саламандра?

— Так точно, — подтвердил я.

— Они куда больше, чем в этих книгах о стране Ксанф.

— И не говори. Может, Аи… наш клиент уговорил одну на гормональный эксперимент. — Я протянул ей свою сломанную руку, на которой бережно покоилась одежда: — Без лака.

Она взяла её с очередной гримасой боли:

— Спасибо.

Грей двигался по раскалённой земле лёгким прогулочным шагом. Если температура ему и досаждала, он это никак не показывал.

— Хотите, помогу с одеждой?

Эшер вскинула бровь в ответ:

— Помощь от вас? Я же не такая дура.

— Вы так говорите только потому, что думаете, я интересуюсь не вами, а вашим телом.

— Естественно, да.

— Это так несправедливо, — возразил Грей с обезоруживающей улыбкой. — Меня ещё интересует, что именно с вашим телом можно было бы сделать. — Он добавил более серьёзным голосом: — Вы не справитесь с кнопками и застёжками с такими пальцами. Я же вижу.

Эшер покосилась на него. Она бросила на меня неуверенный взгляд, и сказала Грею:

— Вы, наверное, правы.

Она оделась. Грей помог ей без всяких предосудительных поползновений, а остальные члены команды присоединились к нам через мгновение.

— Может, надо было дать тебе с этим разобраться, Дрезден, — сказала она. — Махнуться на твои фокусы со льдом. Обычно, когда сталкиваюсь с какой-нибудь жутью, я использую огонь. А здесь он бесполезен.

— Я никогда бы не справился с жаром сильнее этого. Но если ты хочешь разобраться с моими воротами вместо меня, я не возражаю.

— Может, я и соглашусь, — заявила Эшер с дерзкой усмешкой.

— Идёмте, — сказал Никодимус. Он поднял свой меч. Одна из его кромок почернела и заметно затупилась, сталь вздулась, словно край

блина на слишком горячей сковороде. — Нанеся поражение саламандре, мы, несомненно, выдали кому-то наше присутствие. Чем меньше времени потратим впустую, тем лучше.

И все мы двинулись сквозь Врата Огня — в туннель около тридцати футов длиной. Меня заставили немного поволноваться Бойницы Огня, видневшиеся на потолке, но ничего угрожающего из них так и не появилось. Мы вышли из туннеля в другую огромную часть каменной пещеры.

И она оказалась покрыта льдом.

Сталагмиты и сталактиты были на месте, и, если честно, располагались они подозрительно равномерно, покрывая почти геометрическим рисунком всё пространство в пару сотен ярдов между нами и следующими воротами. На них лежал толстый слой старого-старого льда, который одинаково успешно спускался вниз со сталактитов и поднимался вверх по сталагмитам. Встречаясь, они образовывали огромные колонны толщиной в мой рост. Лёд сверкал в свете последних тлеющих остатков пламени Огненных врат, отбрасывая радужные блики. Примерно через десять футов от выхода из предыдущих ворот пол начинал покрывать тот же мерцающий лёд. Воздух был сухим и мучительно холодным, и я

заметил, как Эшер задохнулась и резко остановилась, когда он достиг её лёгких.

Я уставился на сверкающий ледяной собор между нами и вратами Льда, и ладони мои предательски вспотели. Я облизал губы и вздохнул, чтобы успокоиться, изучая лежащий впереди переход.

Майкл подошёл и встал рядом.

— Выглядит не так плохо.

— Да, — ответил я. — Это-то меня и беспокоит.

— Дрезден, — сказал Никодимус. — Настало время время сдержать данное Мэб слово.

— Попридержи своих демонических коней, — раздражённо произнес я.

Я на мгновение вытянул руку вперёд, прикрывая глаза и сосредотачиваясь на своём чародейском чутье. Воздух был таким морозным, словно очутился тут прямиком с Южного полюса, но доставлял мне не больше дискомфорта, чем прохладный октябрьский вечер в Чикаго. Я не чувствовал никаких чар, но в Небывальщине это ещё ничего не значило — здесь чары запросто могли быть частью самой ткани бытия и привлекать не больше внимания, чем гравитация или воздух в смертном мире.

Я сделал несколько осторожных шагов вперёд

и придвинул пальцы левой ноги к самому краю ледяного пола.

Как будто какая-то колоссальная машина пробудилась к жизни, и глыба льда размером с небольшой дом низринулась сверху и ударилась о пол в пяти футах передо мной, не повредив свои острые грани и сохранив правильную форму. Не успела глыба упасть, как её перевернуло, и она плюхнулась на бок. Вторая глыба размером с дом прогромыхала откуда-то сбоку, заскользила по ледяному полу и ударилась о первую глыбу. Они разлетелись на мгновение, затем хлопнулись друг о друга снова и рассыпались на десятки маленьких глыб, каждая из которых начала двигаться самостоятельно, вертясь на месте, ударяясь о другие со скоростью и энергией столкновений на гоночном треке, собираясь в случайные кучи каждые несколько секунд. Все удары отзывались в огромном пространстве пещеры громким хрустом.

Я в смятении смотрел, как хрустят и бьются ледяные болиды, и наблюдал, как всё большие глыбы выскальзывают в пещеру из тьмы и падают сверху.

Немереное количество глыб.

За несколько секунд тысячи глыб одна за дру-

гой трескались, раскалывались и разбивались вдребезги на всём пространстве между мной и вратами Льда. Воздух наполнился звуками ударов, как будто ледник ожил и начал сердиться.

Попади я под самую маленькую из глыб, половина моего тела оказалась бы смята в томатную пасту.

— Дрезден, — начала Эшер и нервно сглотнула. — Э-э… Я тут подумала и решила, что разбираться с этими воротами лучше тебе.

Глава 38

Гигантские, злобные, разрушительные глыбы льда — в наличии.

Одно древнегреческое божество, готовое разгневаться не по-детски — в наличии.

Банда буйных плохих парней, в глазах которых я вот-вот потеряю большую часть своей ценности — ещё как имеется.

Решаем проблемы в порядке очереди.

Я отвернулся от врат Льда, направил посох на далёкое сияние портала, оставшегося открытым позади нас, высвободил волю и громогласно скомандовал:

— *Disperdorius!*

Магия вырвалась из моего посоха разрушительным копьём лихорадочного зеленого света, вокруг которого обвивался штопор зеленовато-белой энергии. Рассеивающее заклинание врезалось в портал и разорвало его в клочья, разрушая проход между миром смертных и Подземным миром так же основательно, как динамит обрушивает туннель.

Подземелье мгновенно погрузилось в кро-

мешную тьму, нарушаемую лишь немногими тлеющими остатками врат Огня, смутно различимыми на другом конце туннеля.

Послышалось несколько резких вдохов прежде, чем я успел вызвать свет, пробормотав заклинание и направив незначительное усилие воли в посох и амулет-пентаграмму моей матери. Зелёный и голубой источники света, соответственно, озарили пространство вокруг меня и распространились на значительное расстояние, бесконечно отражаемые вратами Льда и тысячами их движущихся частей.

Свет явил из мрака жёсткие, сузившиеся глаза Никодимуса.

— Дрезден, — процедил он. — Объяснитесь.

— Непременно, — сказал я. — Видите ли, насколько я понял, после того, как я доставлю вас через эти ворота, моя общественная полезность для ваших людей упадёт до нуля. Удачное время для вас, чтобы воткнуть нож в мою спину.

— Такого в плане не было, — сказал Никодимус.

— Ну да, ты же у нас просто мальчик-бойскаут, Ник, — согласился я, — и намерения у тебя самые чистые. Но давай, просто ради интереса, предположим, что это не так. Допустим, ты бес-

принципный ублюдок, который с удовольствием загнал бы меня в могилу. Допустим, ты понял, что здесь, в самой охраняемой части Подземного мира, во владении могущественной Силы, Мэб не может напрямую наблюдать за тобой. Допустим, ты с самого начала планировал прикончить меня и оставить здесь, в Подземном мире, возможно даже попытаться свалить всё на меня, чтобы в дальнейшем не беспокоиться о клиенте… ты мог бы просто натравить его на Мэб, а потом спокойно сидеть на своей злодейской заднице и смеяться надо всем этим до упаду.

Что-то уродливое мелькнуло в глубине глаз Никодимуса. Вряд ли я угадал каждую мелкую деталь его плана, но был уверен, что попал в десятку.

— Возможно, ты всё ещё можешь сделать это, — продолжил я. — Но тогда тебе придётся найти другую переправу. Если я не доберусь до финиша, некому будет открыть Путь домой, и мы *все* останемся здесь.

Он сжал челюсти, но помимо этого в выражении его лица ничего не изменилось.

— Господи Боже, Дрезден, — недовольно выступил Грей. — Что, если ты угробишься при попытке пройти через эту штуку? Как, по-твоему,

нам тогда выбираться отсюда?

Да, это меня тоже беспокоило, но вариантов было не так уж много. И если выбирать между крайне опасными, сопряжёнными с жуткими трудностями действиями и притаившимся за спиной Никодимусом, которому не для чего оставлять меня в живых, то я был чертовски уверен, что с большей вероятностью приведёт к моей смерти… и как только Никодимус сведёт счёты со мной, он ни за что не оставит в живых моих друзей, свидетелей его предательства.

— Ну что же, Гудман. Тогда, полагаю, у вас у всех будет хорошая мотивация, чтобы по-настоящему желать мне удачи и мыслить позитивно, — подытожил я. Я повернулся к массивному размытому пятну, за которым скрывался дженосква. — Начиная с тебя, здоровяк. Иди-ка сюда. Мне нужно получше разглядеть эту штуку.

По воздуху прокатилось утробное рычание, слышимое даже сквозь грохот у врат Льда.

— Эй, — сказал я, разводя руками. — Можно и так, если хочешь. Ведь не похоже, чтобы такая позиция могла привести к тому, что все вы застрянете в Подземном мире на что-то типа вечности. Я слышал, из этого места вроде как сумели выбраться человека два или три. За всё время.

Из-под ряби завесы показался дженосква и двинулся прямо на меня. Я искренне верил, что мне это только кажется, и на самом деле земля подо мной не трясётся от его шагов, но внезапно мне захотелось замахать перед собой руками и драпануть со всех ног. Но вместо этого, пока он приближался, я твёрдо стоял на ногах, глядя на дженоскву и гордо выпятив подбородок.

Майкл положил руку на меч и встал между Анной Вальмон и остальной частью группы, вопросительно посмотрев на меня. Я отрицательно мотнул головой. Если бы Майкл всерьёз обратил Амораккиус против этой команды, то это был бы бой до смерти. Я был не против драки, но сейчас место для неё было не самым лучшим из возможных, как и соотношение сил.

— Ник, — обратился я к Никодимусу, не глядя на дженоскву, — посчитай выгоду, прежде чем твоя горилла сделает какую-нибудь глупость.

Я увидел, как Никодимус кивнул в сторону, и Дейрдре внезапно проскользнула между мной и дженосквой, обратив к нему ладони в жесте примирения.

— Остановись, — произнесла она тихо. — Чародей невыносим, но он прав. Он всё ещё нам нужен.

Дженосква мог отбросить Дейрдре назад, как пустую пивную банку, но вместо этого притормозил, посмотрел на неё сверху вниз, а затем, ещё более пристально, на меня.

— Заносчивый ребёнок, — прогрохотал дженосква. Его взгляд обратился к вратам Льда, а затем назад, к уже закрывшемуся проходу в реальный мир. — Ты думаешь, ты умный.

— Я думаю, что хочу вернуться домой живым, — парировал я, — и если бы предполагал, что представители твоего народа способны проявлять что-то похожее на здравомыслие хотя бы пять минут, делать подобных вещей не потребовалось бы. Заткнись, соблюдай правила и не жалуйся, если проиграешь. Подними меня. Мне нужно хорошо оглядеть всё вокруг.

— Можно подумать, это принесёт пользу. — Он приподнял толстую губу, показав клыки, и сказал, обращаясь Дейрдре: — Лучше сгнию здесь, чем стану помогать ему хотя бы две минуты.

Затем он повернулся к нам широкой, мохнатой спиной и потопал прочь.

Дейрдре шагнула ко мне. Лезвия её волос скрежетали, скользя вокруг нее, а голова подёргивалась от отвращения.

— Этот раунд ты выиграл, парень. Только спля-

сать от радости тут пока негде.

— Мне всё ещё нужен большой парень, чтобы поднять меня повыше.

— Зачем?

Я ткнул пальцем в сторону врат.

— Они движутся по шаблону. Если я увижу всё поле, то смогу его понять и найти путь для прохода, но я не вижу дальше первого ряда ледяных глыб. Мне нужно забраться повыше.

Дейрдре пристально посмотрела на меня двумя парами глаз, и я поспешно отвёл взгляд. Последнее, что мне было нужно на данный момент, это случайно проникнуть в душу падшего ангела или убийцы-психопата с многовековой историей тёмных дел.

— Очень хорошо, — сказала она. — Я подниму тебя.

— Как? — спросил я.

Её волосы вдруг резко взметнулись, чиркая по каменному полу пещеры и высекая снопы искр там, где стальные пряди глубже врезались в скалу. Я бы отпрыгнул от неё, если бы мог сделать это и не оказаться достаточно далеко на льду, чтобы меня тут же расшибло в лепёшку. Затем ещё несколько лезвий скользнули на пол и улеглись бок о бок в несколько слоёв. Это напоминало

напольную плитку, сделанную из бритвенных лезвий.

— Становись сюда, — сказала Дейрдре. Множество прядей её волос оставались свободными и слегка колыхались. — Я подниму тебя.

Моя бровь поползла вверх.

— Ты верно шутишь? Что произойдёт, если ты меня уронишь? Будет похоже, словно я свалился в блендер.

— Ну что же, Дрезден, — невозмутимо ответила она, — тогда, полагаю, у тебя будет хорошая мотивация сохранять равновесие и мыслить позитивно.

— Ха, — одобрил Грей.

Я сердито сверлил его взглядом целую секунду, а затем сказал:

— Прекрасно, — и ступил на волосы Дейрдре, не разгибая до конца колени.

Волосы пришли в движение, и она медленно подняла меня вверх, а другие её бритвенно-острые пряди в это время шелестели и скрежетали вокруг меня. В этом движении было что-то нарочито осторожное, будто она изо всех сил сдерживала желание нарезать меня на конфетти. Так что я решил, что отпускать комментарии о секущихся кончиках и применении масла для

бензопил в качестве кондиционера сейчас лучше не стоит.

Это то, что я называю дипломатией.

Она оторвала мои ноги, наверное, футов на десять от земли, чего было более чем достаточно, чтобы получить обзор на целых двести ярдов вокруг. Я поднял посох и пробормотал заклинание, застав его засветиться ещё ярче. Там, где врезались друг в друга ледяные глыбы, воздух был наполнен капельками воды и крошечными осколками льда, и всё застилал сверкающий туман, но движения глыб я мог проследить достаточно хорошо и даже увидел впереди, рядом с аркой, еще один рычаг, такой же, как у врат Огня.

Выглядело довольно просто. Проскочить сквозь дробилку. Добраться до рычага. Я поискал логово какой-нибудь ледомандры, но ничего не увидел. Ничто, из того, что я знал, не могло выжить во взбесившейся дробилке, молотящей направо и налево, но это не означало, что не существовало нечто, о чём я понятия не имел, для которого это плёвое дело.

Моё воображение незамедлительно угостило меня картинкой тягуче-вязкого, бесформенного монстра, который мог бы залечь на полу с идеаль-

ной маскировкой и быть раздавленным между жерновами без особого ущерба для себя и способный расплавить моё лицо спустя секунду, как коснётся меня. Затем моё воображение показало мне самого себя без кожи, бьющегося в агонии, словно жертва из фильма ужасов, фонтанируя кровью во все стороны — ну где-то в течение пары секунд. А затем я представил, как два ледяных жёрнова перетирают меня на желе, которое легко может быть удалено процессом осмоса.

Да моему воображению лечиться надо.

Я на секунду прикрыл глаза и затолкал подобные полёты фантазии куда подальше. Прямо сейчас мне требовалось совсем другое. Необходимо было определить последовательность движений между мной и вратами, чтобы найти путь, по которому я смогу попасть внутрь. Я снова открыл глаза и стал наблюдать.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы вычленить начало цикла. Движения ближайших глыб повторялись каждые семьдесят пять секунд или около того. В следующем ряду была похожая схема, хотя цикл несколько отличался. Так же как и в следующем, и следующем, и в следующем за ними.

Я стоял там, наблюдая за порядком движения

ледяных глыб добрых пятнадцать минут, сосредоточенно отслеживая их и запоминая каждое отдельное движение, во многом так же, как приходилось поступать с наиболее сложными заклинаниями, и понял, что могу упростить модель для каждого ряда до вида шестерни с одним сломанным зубом. Если я войду в ряд в момент, когда этот зуб окажется напротив, то сумею проскочить. Так что осталось только рассчитать скорость бега так, чтобы пустоты выстроились передо мной. Теоретически.

Я наблюдал ещё десять минут, пока не убедился, что прав, и не нашёл расположение глыб, открывающее вереницу пустот.

— Гарри? — в конце концов заволновался Майкл.

Я поднял руку, призывая его к тишине, легонько отбивая ритм, чтобы было легче отслеживать смену шаблонов. Проход собирался открыться через… сейчас.

Я спрыгнул на землю и побежал.

Я сделал пять шагов по льду и нырнул в пустоту в первом ряду зубьев, прежде чем понял, что мог просчитаться, и тогда никакой пустоты в предпоследнем ряду не будет.

Ничего не поделаешь. Проход у меня за спиной

уже исчез. Придётся действовать по обстоятельствам.

Я опять продвинулся вперёд, промчавшись между парой зубьев размером с дом до того, как они столкнулись, едва не размазав меня. Затем пробежал по диагонали ещё через пару рядов, и воздух становился всё холоднее и холоднее по мере моего движения. Я мог стоять в центре пещеры глубоко внутри ледника, голый и мокрый после душа и не дрожать, но *этот* холод начинал меня доставать. Дыхание оставляло большое различимое в воздухе облако, а парящая ледяная крошка собралась на ресницах, и я боялся, что если моргну, мои веки смёрзнутся.

Я двигался, словно лошадь на скачках с препятствиями, преодолевая по одной маленькой глыбе за раз, а холод проникал всё глубже и глубже, и хотя Зимнему рыцарю не грозило подскользнуться на простом льду, натёртый от столкновений и припорошенный ледяной крошкой пол пещеры даже мне малиной не казался.

Сто восемьдесят ярдов или около того, и дела шли неплохо. А потом я понял, что и правда просчитался.

Я побежал к тому месту, где должен был открыться проход в ряду беспорядочно вертящихся

и сталкивающихся зубьев, и сообразил, что этого не произойдёт, когда был уже в шаге от нужного места.

Так что я навёл посох на самую побитую глыбу перед собой, собрал волю и крикнул:

— *Forzare!*

Невидимая сила врезалась в глыбу, и она отлетела от меня, дико крутясь. Та глыба, с которой она собиралась столкнуться, начала вращаться вслед, словно связанная взаимным притяжением. Я двигался за ними, когда они врезались в пару глыб в следующем ряду, и лёд разлетелся облаком тумана и осколков. Что-то ударило меня в живот, и ещё что-то — в руку. Кусок глыбы закувыркался прямо на меня, и я подскочил в прыжке на добрые шесть футов над полом пещеры с криком: «Паркур!»

Выбравшись из дробилки, я сделал перекат и приземлился в безопасности под аркой.

Холод казался живым существом. От него я согнулся в три погибели, меня трясло, тело покалывало. Потребовались все мои силы, чтобы поднять руку, ухватиться незащищёнными пальцами за рычаг и постепенно опустить его вниз.

Раздался громкий скрежет, словно разом ожили древние обледенелые шестерни, и жуткий глу-

хой стук, напоминающий отдалённые взрывы. Ужасный холод почти сразу же ослабел до просто антарктического, и я опустился на одно колено и оглядел проделанный мною путь.

Глыбы остановили своё движение, просто застыв на месте там, где они только что двигались, крутились или сталкивались.

Я пробрался.

Выпрямившись, я широко махнул из стороны в сторону всё еще светящимся посохом. Затем взял паузу, чтобы заняться собой.

На рубашке и правой руке была кровь. Когда я приподнял рубашку, на животе обнаружилась небольшая рана. Хотя на это ушла целая минута, мне удалось зацепить пальцами кончик ледяного осколка, напоминающего размером и формой небольшой ноготь, и вытащить его, вызвав маленький фонтанчик дымящейся красной крови. Выглядело скверно, но осколок не смог пройти сквозь мышцы и задеть брюшную полость. Ничего опасного. Я проверил правую руку. Её пробил похожий осколок, но он был меньше, и моя тёплая кровь, похоже, растопила его. Не так уж и плохо. Я оставил немного кожи на обледенелом металле, когда отключал ворота. Но не более того.

Но как же я был рад, что сейчас передо мной не

было зеркала.

К тому времени как до меня добрались остальные члены команды, воздух стал просто морозным, а я снова был на ногах и уже уничтожил кровь на маленьком осколке льда и сам осколок с помощью маленького огненного заклинания.

Майкл подошёл ко мне с широко раскрытыми глазами и сказал:

— Боже милостивый на Небесах! Гарри, это было удивительно. Я никогда не видел, чтобы ты двигался так быстро.

— Ага. У мантии Зимнего рыцаря не так много преимуществ, и это одно из них.

— Ты кричал: «Паркур»? — спросил он меня.

— А как же иначе, — сказал я. — Это было, типа, в стиле паркура.

— Гарри, — Майкл с трудом сдерживал улыбку, — я точно уверен, что никто не кричит: «Паркур». Полагаю, паркуром просто занимаются.

— Разве я критиковал твои воинственные кличи на латыни? Нет, ни разу.

— Это правда, — рассудительно сказал Майкл и кивнул на мой живот: — Как ты?

— Поверхностная рана, — ответил я. — Обработаю дезинфицирующим спреем, когда вернёмся. Или разрешу Черити вытащить её бутыль с йо-

дом.

— Она будет не против, — кивнул Майкл.

— Брр! — сказала Эшер, ступая под аркой, прижав сложенные руки к животу. — Я ненавижу холод.

— Надо надевать что-нибудь посвободнее, — посоветовала Вальмон таким сухим голосом, что любые попытки найти в её замечании сарказм померкли. — Хорошо движешься, Дрезден.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Я на этой неделе пробуюсь на роль лягушки в продолжении «Фроггера».

Никодимус, Грей, дженосква и Дейрдре вошли в арку вместе мгновение спустя. Что выглядело крайне подозрительно.

Майкл повернулся ко мне с недоумённым выражением на лице и открыл было рот, чтобы задать вопрос, когда дженосква бросился на меня с устрашающей скоростью и просто схватил за плечи, его большие пальцы надавили на грудь, ладони обхватили мои руки и прижали к бокам.

Майкл выругался и потянулся за мечом, но Грей вдруг схватил Вальмон за волосы и запрокинул её голову назад. Орлиные когти, выросшие на его пальцах, аккуратно проткнули горло и выдавили несколько бусинок крови.

— Полегче, сэр рыцарь! — сказал он. — Нам не нужны бессмысленные кровопролития.

Дженосква наклонился и злобно на меня покосился.

— Сопротивляйся. Пожалуйста, — прогрохотал он. — Я-то люблю бессмысленные кровопролития.

— Никодимус, что это значит? — резко поинтересовалась Эшер.

Никодимус вышел из арки под руку с Дейрдре.

— Мы подошли к вратам Крови, дети мои, — сказал он и вытащил бедуинский клинок из-за пояса. Его дамасская сталь блеснула в свете моего посоха и амулета. — Для одного из вас пришло время умереть.

Глава 39

Меч Майкла выскользнул из ножен, и арку залил серебристо-белый свет Ауораккиуса. Он ничего не сказал. Ему и не нужно было. Он просто обхватил обеими руками рукоять меча и замер наготове.

Дейрдре и Никодимус немедленно разделились, чтобы вынудить Майкла разделить между ними внимание. Она присела в боевой стойке, в то время как Никодимус лишь нахмурился и затих. Грей бесстрастно рассматривал Майкла, в то время как Анна Вальмон в его захвате совершенно побледнела и замерла. Я почувствовал, как сарделькообразные пальцы дженосквы болезненно напряглись.

— Ну-ну, сэр рыцарь, — сказал Никодимус, голос практически перешел в рычание. — Нам ведь не надо, чтобы всё это переросло во всеобщий хаос, не так ли?

— Я не позволю тебе причинить им вред, — сказал Майкл.

— Опусти меч, — сказал Никодимус, — или я прикажу Грею убить Вальмон.

— Если ты это сделаешь, — спокойно ответил Майкл, — мы с Дрезденом будем биться до смерти.

Я почувствовал, как расширяются мои глаза, и голос мой, должно быть, звучал не так глубоко и уверенно, как обычно, но мне удалось сказать:

— Точно. Мы будем сражаться с тобой. Не между собой. На тот случай, если вдруг ты не понял.

— Насколько ты уверен в своей победе? — спросил Майкл Никодимуса. — Сколько раз за множество столетий Амораккиус срывал твои планы?

— Тебе ни разу не удалось одолеть меня, рыцарь, — сказал Никодимус.

— Всемогущий Господь мне свидетель, и Он благословляет меня, — сказал Майкл. — Если ты причинишь вред этой женщине, я сокрушу тебя.

— Точно, — сказал я. — И я тоже.

Никодимус раздражённо взглянул на меня и вновь обратил своё внимание на Майкла:

— Тебе стоило остаться в своем маленьком домике, спокойно живя на пенсии, — сказал он. — Ты здесь не нужен. Ты меня более не волнуешь. Если ты начнёшь драку здесь, ты больше никогда не увидишь свою семью.

— Вот здесь ты ошибаешься, — слегка улыб-

нулся Майкл. — С Божьим благословением, это займёт довольно много лет. Но я увижу их вновь.

— Подумай, где ты находишься, сэр рыцарь, — сказал Никодимус, изогнув рот в насмешливой ухмылке. — Подземный мир — это тюрьма для душ. Думаешь, ты настолько хорош, чтобы сбежать отсюда?

— Я не настолько хорош, — тихо сказал Майкл. — Но Господь таков.

Улыбка Никодимуса чем-то очень напоминала акулий оскал.

— Одно из самых больших разочарований в убийстве рыцаря — это то, что ты знаешь, что он или она в итоге не страдают. Но ты в Подземном мире, христианин. Здесь, я думаю, твоя вечность будет чем-то радикально иным, чем тебе было обещано.

— С одной стороны, у меня есть твоё слово, — сказал Майкл. — С другой, у меня есть слово моего Отца. Думаю, я знаю, к чьему голосу мне стоит прислушаться.

— Это земли Смерти, — сказал Никодимус. — Смерть должна быть частью нашего пригласительного билета. Ты столько раз был так близок, чтобы пожертвовать своей жизнью, сэр рыцарь. Может быть, сделаешь так ещё раз, чтобы не

заставлять меня убить кого-то другого?

Майкл сузил глаза.

— Я так не думаю, — сказал он. — Никто ни к чему тебя не принуждает, Никодимус, кроме твоих собственных амбиций. Ты можешь выбрать повернуть обратно — а я не позволю тебе уничтожить чью-то жизнь в угоду твоим стремлениям.

— Даже если, сделав это, ты заставишь меня свалить всё на Дрездена и его хозяйку? — поинтересовался Никодимус. — Ты знаешь, каковы будут последствия, если он опозорит Мэб, не сумев исполнить данного ею слова… ты ведь и сам здесь под его честное слово. Если из-за тебя миссия будет сорвана, Дрезден нарушит слово Мэб. Представляю, насколько мучительной будет его смерть.

Одно совершенно ужасное мгновение Майкл молчал.

— Майкл, нет! — сказал я. — Ты уже несешь достаточное бремя.

Он взглянул на меня, в его глазах застыла тревога. Мы и так уже балансировали на довольно шатких моральных принципах, и если мы пойдём дальше, станет только хуже. Отдать свою жизнь за друга вполне подходило под понятие самопожертвования, но сделать это, чтобы один

монстр заполучил в руки сверхъестественное оружие невероятной силы — это уже несколько иная ситуация, и не слишком лестная. Особенно для человека, который всеми силами пытался сберечь благодать архангела, трясясь над ней как над бесценным фарфором.

— Подождите! — сказала Ханна Эшер, выходя вперед, поднимая руки ладонями вверх. — Люди, подождите. Сейчас не время начинать враждовать между собой. Мы уже близко. Твоя драгоценная чаша, Никодимус. Двадцать миллионов каждому из нас. Если вы сейчас всё разрушите, никто из нас ничего не получит, кроме того, что застрянет тут. И я как-то не думаю, что клиент будет таким уж добрым и отзывчивым хозяином, учитывая, зачем мы сюда пришли.

Взгляд Никодимуса метнулся к Эшер, и затем обратно к Майклу. Он буравил Рыцаря взглядом довольно долго, потом бросил:

— Дейрдре, на пару слов, — он посмотрел через плечо на Грея и дженоскву, — если они начнут драку, убейте их.

Он отступил от Майкла на шаг и развернулся, спокойным шагом двигаясь к противоположному концу арочного прохода. Дейрдре следовала за ним.

Эшер с резким шипением выдохнула из себя воздух:

— Да что с вами, верующими, такое?

— Имя навроде Ханны Эшер, и ты не еврейка? — спросил я.

— Это другое, — фыркнула она.

Я фыркнул, не сводя глаз с Никодимуса и Дейрдре. Они отошли к концу туннеля, где открывался ещё один участок открытой пещеры, оканчивающийся каменной стеной. В камне были вырезаны очертания арки, но настоящих врат там не было. Сверху нависали тяжёлые тени. Никодимус и его дочь остановились в пяти футах от каменной стены и начали тихо переговариваться.

Я чувствовал, как дженоскву буквально трясёт от жажды насилия. И знал, что стоит мне показать хоть малейший признак сопротивления, и он тут же примется за меня. Может быть, он меня даже не убьёт — тогда ему не вернуться домой — но точно будет счастлив переломать мне несколько ребер, оторвать пару пальцев или, может, выдавить один глаз. Если дела пойдут совсем плохо, может, мне и придётся заплатить эту цену, но в данный момент лучше было не двигаться и внимательно наблюдать.

— Грей, — сказал я. — Я думал, что ты профес-

сионал.

— Так и есть, — спокойно ответил Грей. — Ты ведь знал, что что-то такое произойдёт, чародей, — его пальцы мягко сомкнулись на горле Вальмон, в качестве демонстрации. — Ты действительно хочешь, чтобы всё развалилось прямо сейчас?

Я активно обдумывал это с минуту.

— Пока нет. Послушай, всё, что я делал, я делал для подстраховки, — сказал я, — но он говорит об убийстве одного из нас…

Минуточку.

Если Никодимус выбрал этот момент, чтобы обернуться против нас, вопреки здравому смыслу, тогда какого черта он пытается как-то договориться? Во-первых, нет никакого смысла выступать против меня, особенно до тех пор, пока он нуждается в моей помощи при побеге. Ещё меньше смысла в том, чтобы заварить всё это и потом начать колебаться. Я знал его достаточно хорошо, чтобы понимать, что он не был треплом. Если Никодимус решил, что ему надо кого-то убить, он его убивает, и потом переходит к следующему пункту в своем списке.

Он что-то затевает, никак иначе. Но что?

Никодимус был лжецом, как ни крути.

Это всё спектакль. Обязан быть.

И тут меня озарило, я понял его план: Грей и дженосква схватили нас не потому, что Никодимус собирался напасть на нас и убить. Он затеял это, чтобы заставить Майкла держаться рядом с нами на случай, если ему понадобится вмешаться — вместо того, чтобы вмешиваться где-то в другом месте.

Дейрдре и Никодимус стояли рядом друг с другом, его рука на её плече. Я видел, как девушка в демонической форме смотрит ему в глаза, на её лице застыла неуверенность, и я весь обратился в слух, Прислушиваясь так старательно, как только мог.

— …хотел бы, чтобы был другой путь, — тихо сказал Никодимус. — Но ты единственная, кому я могу доверять.

— Я знаю, отец, — сказала Дейрдре. — Всё в порядке.

— Ты будешь здесь в безопасности от Врага.

Дейрдре вздёрнула подбородок, её глаза были влажными.

— Я выбрала свой путь. Я ни о чём не жалею.

Никодимус наклонился вперед и поцеловал дочь в лоб.

— Я так тобой горжусь.

Слеза скатилась по щеке Дейрдре, когда она улыбнулась, а её демоническая форма таяла, пока не осталась лишь худощавая девушка, глядящая на него снизу вверх.

— Я люблю тебя, отец.

Голос Никодимуса немного дрогнул:

— Я знаю, — очень мягко произнёс он. — В этом и проблема.

И он ударил изогнутым бедуинским кинжалом.

Это был удар под углом, через грудину и прямо в сердце. Дейрдре не отвела взгляд и не пошевелила ни единым мускулом. Лезвие вошло по самую рукоять, и единственной её реакцией был тихий вздох. Затем она придвинулась ближе к Никодимусу и поцеловала его в губы.

Затем её ноги подкосились, и она медленно опустилась на землю. Никодимус опускался вместе с ней, на колени, осторожно её придерживая, украшенная драгоценностями рукоять кинжала резко выделялась на фоне её тела.

— Матерь Божья, — выдохнул Майкл. — Он только что…

Никодимус держал её около двух минут, не двигаясь. Затем, крайне бережно, опустил её тело на пол пещеры и с такой же бережностью выта-

щил нож. Опустив два пальца в рану, он секунду прощупывал её, а затем вытащил оттуда что-то маленькое, сверкающее и покрытое кровью. Серебряную монету. Он очистил её и кинжал от крови дочери при помощи носового платка. Положил Монету в карман, убрал кинжал в ножны, спокойно поднялся и пошёл обратно ко всем нам. Его лицо было пустым, как пол под его ногами. Все до одного шокированно уставились на него. Даже Грей выглядел удивлённым.

— Матерь Божья! — выдохнул Майкл. — Что ты наделал?

Никодимус посмотрел на Майкла ровным взглядом и заговорил с тихим презрением:

— Неужели ты думаешь, что ты единственным в этом мире был готов умереть за то, во что ты веришь, сэр Рыцарь?

— Но ты… — Майкл выглядел так, словно сдерживал слёзы. — Она просто позволила тебе сделать это. Она же была твоим ребёнком!

— Разве твой драгоценный Господь не попросил того же у Авраама? Разве не позволил он Люциферу уничтожить детей Иова? У меня, по крайней мере, была для этого причина, — он коротко махнул Грею и дженоскве и сказал: — Отпустите их.

Грей отпустил Вальмон сразу же. Дженосква

неохотно освободил меня, дав мне напоследок небольшой тычок, который чуть не сбил меня с ног на землю.

Майкл открыл и закрыл рот.

— Я мог бы поговорить с ней, — сказал он.

— Если бы он дал тебе шанс, — сказал я. — В этом и был весь смысл драмы с заложниками. Чтобы убедиться, что бы будешь занят совсем другими делами.

Никодимус холодно на меня посмотрел.

— Он беспокоился, что ты можешь что-нибудь сказать, Майкл. Что в самый последний момент, когда она понимала, что сейчас умрет, её вера могла пошатнуться. Особенно если кто-то вроде тебя мог предложить ей альтернативу.

Никодимус склонил голову ко мне, совсем слегка. Затем сказал:

— Ты ни разу не победил меня, сэр Рыцарь. И никогда не победишь.

— Ты безумен, — тихо и печально сказал Майкл.

Никодимус начал было поворачиваться, но остановился.

— Возможно, — сказал он, отрешённо глядя куда-то вдаль. — Или возможно, я тут единственный, кто не безумен.

Анна Вальмон подошла ко мне и тихо произнесла:

— Смотри.

Я посмотрел.

Труп Дейрдре шевелился.

Нет, не совсем так. Было какое-то движение на трупе, но само тело не двигалось. Но от него стало исходит слабое серебристое свечение. Затем свет сдвинулся и образовал некую фигуру, напоминающую человеческую, которая через мгновение стала полупрозрачной серебристой тенью Дейрдре. Она села, отделившись от трупа, и поднялась на ноги. Повернулась и замерла, хмуро глядя на тело, потом подняла свою руку и посмотрела на неё.

То же серебристое свечение, окружавшее её тело, начало заливать твердое каменное изображение прохода в стене позади неё. Оно распространилось на резьбу по краям, где появился серебристый рычаг, в том же месте, где находились рычаги предыдущих ворот.

Тень Дейрдре обернулась посмотреть на отца, печально улыбнулась, затем отвернулась и пошла к рычагу. Она ухватилась за него призрачными руками и медленно потянула вниз. Свечение в камне усиливалось, становясь всё яр-

че и ярче, затем всё вокруг залила яркая вспышка света, а исчезнув, забрала с собой тень Дейрдре и камень, оставив на его месте открытый проход.

Из открытой арки прохода лился свет.

Золотой свет.

— Дамы и господа, — спокойно сказал Никодимус, — у нас получилось!

Глава 40

Я просто стоял и не двигался, всё ещё шокированный тем, что совершил Никодимус.

Я попытался представить, что могло заставить меня совершить нечто подобное с Мэгги. И не смог. Не было ничего, абсолютно ничего на всём белом свете, что я бы не сделал ради защиты моего ребёнка.

«Разве ты не был готов перерезать горло её матери? — произнёс горькие слова голосок в моей голове. — Разве ты чем-то лучше?»

Да. Я был лучше. То, что я сделал со Сьюзан, было и её выбором тоже, и мы сделали это ради спасения Мэгги и, если уж на то пошло, ради десятков, или сотен тысяч, или миллионов будущих жертв, жизни которых унесла бы Красная Коллегия.

Ради чего Никодимус обрёк свою дочь на смерть? Этот золотой свет, заливавший комнату, он…

Ну, ладно.

Я, прямо скажем, не самый алчный парень, но…

Все мы непроизвольно сделали несколько шагов навстречу этому золотому свету. Даже Майкл.

— Вот и всё, — тихо произнесла Анна Вальмон.

Эшер сглотнула и нервно хихикнула.

— Как вы думаете, что там?

— Богатство и слава, малыш, — сказал я. — Богатство и слава.

— Дрезден, Эшер, — позвал нас Никодимус, — проверьте путь на наличие любой магической защиты. Вальмон, ищите мины-ловушки. Дженосква будет сопровождать вас и окажет содействие в случае столкновения с каким-нибудь охранником.

— Я думал, когда пройдём через трое ворот, дальше будет чисто, — сказал я.

— Вся доступная мне информация, касающаяся этого места, ограничена списком хранящихся здесь предметов, — сказал Никодимус. — Если здесь есть какие-то мифические силы, я полагаю, что они вмешаются именно сейчас.

— Он прав, — согласилась Вальмон. — Нельзя считать себя в безопасности, пока не заберёшь добычу, не уберёшься восвояси и не сплавишь её.

— Майкл, идём со мной, — сказал я. — Просто на тот случай, если что-нибудь большое, плохое

и вонючее попытается меня убить.

Дженосква испустил какое-то рассеянное рычание. Его глаза-бусинки блестели, отражая золотой свет.

— Конечно, — согласился Майкл. Он держал Аморакиус не в ножнах, а поперёк груди, наискосок, аккуратно сжимая в одной защищённой перчаткой руке лезвие меча, а в другой — рукоять.

— Грей, прикрывайте нас сзади, — сказал Никодимус. — Если увидите кого-нибудь или что-нибудь, дайте знак.

— Отсюда трудно будет дотянуться до моей добычи, — возразил Грей.

— Я вас сменю, когда Грааль будет у меня.

Грей кивнул, хотя и неохотно:

— Хорошо.

— Дрезден! — позвал Никодимус.

Я встал во главе, с Эшер по правую руку и Вальмон — по левую. Майкл и дженосква изображали два непарных держателя для книг, при этом я заметил, что дженосква не делал никаких угрожающих жестов и не издавал угрожающих звуков по отношению к владельцу Аморакиуса. Мечи имеют свойство вселять в настоящих злодеев настороженность.

Я потряс головой и сосредоточился на задаче. Медленно двигаясь вперёд и напрягая свои магические чувства, я искал любой намёк на обереги, заклинания, неизвестные силы или существа. Я чувствовал, что Эшер рядом со мной делает то же самое, хотя мои ощущения подсказывали, что она, говоря магически, была настроена на несколько иной диапазон частот. Она охотилась на более тонкие ловушки, иллюзии, психические эквиваленты мин. Ей было не под силу обнаружить так много вещей, как мне, но она наверняка превосходила меня в поиске того, что искала. Вальмон отцепила от своей сумки устаревший фонарик с лампой накаливания, такой, который вряд ли выйдет из строя в присутствии чародея, если только вокруг не начнёт носиться серьёзная магическая энергия. Она тщательно освещала всё вокруг, медленно водила по земле и вдоль стен впереди нас, ища тени от растяжек или нажимные крышки мин, или другие явно известные ей злодейские штуковины, что нужно было искать.

Шажок за шажком мы медленно прошли арку, а затем вошли в туннель. Я напряг свои чувства до предела.

Но ничего не нашёл.

И тут мы оказались внутри сокровищницы

Аида.

Она…

…э-э…

Представьте сокровища, накопленные Смаугом. А теперь представьте, что дракон страдал тяжёлой формой обсессивно-компульсивного расстройства и обладал фантастически хорошим вкусом.

Получится бледная тень, которая не в силах описать то, что нужно видеть своими глазами, но это лучшее, на что я способен. Добавлю только, что глядя на хранилище сокровищ Аида, я почувствовал себя грязной вонючей крысой, прогрызшей себе дорогу в кладовую. Моё сердце понеслось вскачь. И я почти уверен, что зрачки в моих глазах исчезли и поменялись на значки доллара.

Свет в основном шёл из вытянутых рук двух двадцатифутовых золотых статуй, стоящих посредине комнаты. Я обошёл статуи сбоку, чтобы разглядеть детали каждой из них. Обе изображали фигуры трёх женщин, стоящих спина к спине, образуя треугольник, их руки были протянуты вперёд и вверх, ладони обращены к потолку. Одна из женщин была древней старухой. Другая — зрелой женщиной в полном расцвете

сил. Третья — юной девушкой, только что вышедшей из детства. Пламя одной статуи горело золотисто-зелёным. Пламя другой — ледяным зелёно-голубым.

И стоило мне лишь взглянуть на них, как моё сердце вновь забилось быстрее.

Потому что я встречал каждую из этих женщин. Я узнал их лица.

— Это Геката? — пробормотала Эшер, глядя на статуи со страхом. — Триединая богиня перекрёстков?

Я сглотнул:

— А-а… Это… Да, может быть.

А ещё это могли быть Матери Лето и Зима, Мэб, Титания, Сарисса и Молли Карпентер. Но вслух я ничего такого не сказал.

Я с трудом оторвал глаза от статуй и заставил себя оглядеть остальную часть хранилища.

Размером комната могла сравниться с футбольным полем. Стены покрывала мозаика из платиновых и золотых треугольников, терявшихся где-то в вышине. Пол был выполнен из гладкого белого мрамора с прожилками чистейшего сверкающего серебра. Коринфские колонны поддерживали крыши десятков небольших выставочных павильонов, словно бы попавших

сюда прямиком из Древних Афин. Некоторые из них возвышались над землёй футов на семь-восемь, и к ним вели лестницы из такого же белого с серебром мрамора. Другие опускались вниз изогнутыми рядами, почти как греческий амфитеатр, только с витринами вместо сидений.

Я поглядел на ближайшее… святилище. Или выставочный стенд. Или что это там было.

Промежутки между колоннами были выложены золотыми слитками. Они были всего лишь фоном. Фоном!

Ближайший стенд был заполнен картинами итальянских мастеров эпохи Возрождения, объединённых идеей божественности и изображающих святых, Богородицу и Христа. Венециано. Донателло. Ботичелли. Рафаэль. Кастаньо. Микеланжело. Долбаный да Винчи. Где-то около пятидесяти картин, выставленных столь скрупулёзно, как если бы они должны были висеть в Лувре, в защитных футлярах, с освещением от странного вида фонарей, отлитых из бронзы, которые вообще не чадили.

Картины были обрамлены фигурно постриженной зеленью… но, приглядевшись повнимательней, я понял, что это не живые растения, а изумруды. Понятия не имею, как неизвестному

мастеру удалось придать им такую форму. Чёрт побери, да я едва мог отличить их от настоящих растений. В центре павильона фонтан беззвучно изливал воду в сверкающий бассейн, но потом я понял, что это не вода, а бриллианты, крошечные и блестящие, они потоком сыпались вниз, производя впечатление жидкости.

В этом фонтане хватило бы бриллиантов, чтобы наполнить все наши рюкзаки и любые импровизированные ёмкости, которые мы могли бы сделать из одежды. Если забыть про изумруды. Если забыть про тонны золота. Если забыть про сотни миллионов долларов, которые можно было получить за бесценные предметы искусства и картины, которые наверняка давно были объявлены утерянными навсегда.

Это был только один из стендов. И, медленно окинув взглядом всё вокруг, я понял, что он был одним из самых скромных.

— Ладно, — вздохнула Эшер, широко раскрыв глаза. — Не знаю, то ли я сейчас в обморок упаду, то ли у меня будет оргазм.

— Ага, — просипел я. — Я тоже.

Вальмон первой стряхнула с себя благоговейное оцепенение, навеянное этим местом. Она подошла к бриллиантовому фонтану, расстегну-

ла рюкзак и прозаичным жестом подставила его под струю, словно набирая ведро воды.

— Серьёзно? — спросила её Эшер. — И даже не взглянешь на остальной ассортимент?

— Самое высокое соотношение цены и веса, — с нажимом ответила ей Вальмон. — И они достаточно маленькие, чтобы легко было их сбыть. Нет смысла брать что-то, что ты не сможешь продать, вернувшись домой.

— Но здесь так много всего, — опять вздохнула Эшер.

— Эшер! — сказал я. Через пару секунд я повторил уже громче: — Ханна!

— Э-э-э, да?

— Сходи скажи Никодимусу, что вроде бы всё чисто. Забираем то, за чем пришли, и валим отсюда.

— Точно, — сказала она. — Правильно. Сваливаем.

Она развернулась и поспешила из комнаты.

Я повернулся к Майклу с дженосквой и сказал:

— Мы с Вальмон быстренько осмотрим комнату по периметру, на всякий случай, вдруг тут ещё чего припрятано. Не бродите нигде, пока я не дам добро.

Майкл медленно кивнул. На свете не суще-

ствовало рюкзака, достаточно большого для дженосквы. Но он нанизал несколько военных вещмешков на длинный крепёжный трос, который часто можно увидеть на дизельных фурах на шоссе.

— Давай, Анна, — сказал я. — Поищем ещё несколько мин-ловушек.

Я двинулся вперёд. Вальмон подхватила свой рюкзак и пошла за мной. На ходу я поднял свой посох, вызывая всё больше света, пока Вальмон не начала щуриться от него, и мы вышли из поля зрения всех остальных. Наши тени просто исчезли от настолько интенсивного освещения.

— Что за световое шоу? — спросила она меня.

— Доверься мне, — тихо сказал я и понизил голос до едва слышного шёпота, наклоняясь к её уху: — Когда всё начнётся, держись ближе ко мне. Я тебя защищу.

Ее глаза распахнулись, и она быстро мне кивнула, ничего не ответив.

Я одобрительно кивнул, затем прислонил свой посох к ещё одной коринфской колонне, вливая в него достаточно воли, чтобы он светился ещё некоторое время. Затем я приложил палец к губам и поманил Вальмон следовать за мной.

Я срезал путь через несколько стендов, чтобы

быстрее добраться до амфитеатра, затем спустился вниз, к площадке у ног двух огромных статуй.

Вальмон обернулась на мой ярко светящийся посох, внезапно догадавшись, зачем он был нужен.

«Смотрите все, Дрезден и Вальмон здесь! Далеко-далеко от основной части коллекции», — словно говорил он.

Сцена амфитеатра, в отличие от остальных выставочных стендов, не поражала богатствами, фантастическими драгоценностями или ценными металлами. Она была абсолютно пустой и голой, с единственным блоком мрамора с серебристыми прожилками, высотой примерно четыре фута, в самом её центре.

И на этом мраморе лежали пять простых вещей.

Древняя деревянная табличка, надпись на которой так поблёкла, что буквы уже нельзя было разобрать.

Венок, сплетённый из веток терновника.

Глиняная чашка.

Сложенная ткань.

Нож с деревянной рукояткой и листовидным лезвием.

Зачем красть одну бесценную священную ре-

ликвию, если можно забрать все пять?

И я точно знал, какая реликвия была нужна Никодимусу на самом деле.

Я повернулся к Анне и прошептал:

— Проверь-ка.

Она кивнула, опустилась на корточки и принялась тщательно осматривать блок, медленно двигаясь вокруг. А я тем временем потянулся к предметам своими чувствами, осторожно прощупывая их на предмет любых защитных чар.

Это была ошибка. Ловушек на этих предметах не было, но аура силы вокруг них опалила моё осознание так резко, словно я сунул палец в электрическую розетку. Я зашипел и откинулся назад, а мой мозг закипел от энергии, сосредоточенной в артефактах. В сравнении с их общей аурой гудящая мощь разбуженного Аморакиуса походила на тусклую лампочку.

— Господи, — выдохнул я, прежде чем вспомнил, что необходимо соблюдать тишину. — Это оружие, — я медленно огляделся вокруг. — Это не хранилище. Это арсенал.

Анна Вальмон не ответила.

Если быть точным, она даже не пошевелилась.

Я обошёл вокруг куска мрамора и увидел её, рассматривающую блок сзади со сосредоточен-

ным выражением лица. Она была полностью заморожена.

Тут я осознал, что свет как-то изменился, и посмотрел на огонь в вытянутых руках двух статуй Гекаты. Пламя тоже перестало мерцать. Оно не исчезло — оно просто застыло на месте.

Волосы на затылке не только встали дыбом, но и начали тихонько подвывать и затряслись в бешеной дрожи вместе со мной.

— Ты, разумеется, прав, — произнес низкий грохочущий голос за моей спиной. — Это оружейная.

Я медленно повернулся.

Человек в совершенно чёрном костюме стоял на сцене амфитеатра позади меня. Ростом семь футов без одного дюйма, с пропорциями профессионального спортсмена и благородными чертами короля-воителя. Его тёмные волосы падали назад гривой до самого основания шеи. Борода была совершенно чёрной, хотя и помеченной на подбородке единственной полоской серебра. Его глаза…

Я отдёрнул взгляд от этих пещер абсолютной непроглядной тьмы, прежде чем меня в них затянуло. Желудок скрутило, и внезапно мне пришлось сражаться с желанием блевануть. Или

упасть. Или начать скулить.

— Что… — я запнулся. — В смысле, кто… э-э-э, в-в-вы..

— Точнее, — сказал он, — это *моя* оружейная, смертный.

— Я могу объяснить, — выпалил я.

Но прежде чем я попытался, Аид, Повелитель Подземного мира, греческий бог смерти, схватил меня за ворот плаща, и меня поглотило облако чёрного пламени.

Глава 41

Чёрное пламя схлынуло, оставив меня полуприсевшим и обхватившим голову руками. Вполне может быть, что я издал несколько сдавленных панических всхлипов, прежде чем осознал, что огонь не жжёт, да и вообще не причиняет мне никакого вреда.

В ушах громко стучала кровь, и я усилием воли заставил себя дышать ровно и выпрямиться. Страх не то чтобы исчез, но снизился до контролируемого уровня. В конце концов, если я не умер, значит, Аид не хотел моей смерти.

Он, наверное, хотел поговорить со мной в другой обстановке, потому что мы были уже не в хранилище.

Я стоял в зале, которая могла бы принадлежать царю Спарты. Обставлена она была минималистично и просто, но все вещи были искусно изготовлены из самых лучших материалов. Деревянные панели, окрашенные дымом и временем, обрамляли камин и изображали греческий сонм богов и богинь на фоне горы Олимп. Перед огнём стояли два глубоких кресла из полированного

красного дерева и дорогой чёрной кожи, между ними — низкий стол, блестевший тем же тёмно-красным отливом. На нём стояла керамическая бутыль. Рядом с ней приютился пустой бокал для вина.

Я оглядел комнату. Возле каждой стены стояли книжные шкафы, аккуратно заполненные рядами редчайших книг, на корешках которых можно было разглядеть надписи на головокружительном количестве языков. Дверей я не обнаружил.

Но я был не один.

Аид сидел в одном из кресел перед огнём, небрежно держа в руке второй бокал. Он смотрел в камин, и в его глазах отражалось пламя. Освещение здесь было явно лучше, чем в хранилище. Я мог разглядеть несколько дюжин крошечных объектов, движущихся вокруг его головы по постоянной орбите, дюймах в восьми или девяти от черепа. Каждый из них напоминал маленький тёмный сгусток теней и оставлял за собой небольшой хвост чёрного и фиолетового дыма или тумана и…

Адские колокола! Это был мордит. Вещество, настолько смертельное, что если хоть немного касается чего-то живого, то моментально разрушает его, пожирая жизненную энергию, как

маленькая чёрная дыра. И у Аида была *корона* из него.

Рядом с Аидом на полу лежала гора меха и мускулов. Даже когда он лежал на животе, плечи зверя доставали до подлокотников кресла, а его лапы, должно быть, оставляли отпечатки размером с суповые тарелки. Одна из его голов шумно дышала, как это делает любая собака во сне. Оставшиеся две головы немного похрапывали. Шкура пса была гладкой и чёрной, за исключением одного пятна серебристо-белой шерсти, которое я смог разглядеть на его широкой груди.

— Сэр Гарри, — пророкотал Аид. — Зимний рыцарь. Будь моим гостем.

Я моргнул. Таким приветствием Аид оказал мне гостеприимство. В сверхъестественном мире есть всего несколько непоколебимых правил, и роли гостя и хозяина являются практически святыми понятиями. Неслыханно для гостя предать хозяина, или наоборот, чтобы хозяин навредил гостю, и ужасная судьба ожидает того, кто нарушит эти правила, и если нарушитель вдруг выживет, его имя будет опорочено навеки.

Аид предложил мне свою защиту — и вместе с тем обязательства хорошего гостя. Обязательства ничего не *красть*, например. Мне стоило

очень тщательно продумать свои действия. Плохие-Вещи-Произойдут-Со-Мной, если я посмею нарушить правила гостя. Но я не мог не подумать, что Плохие-Вещи-Произойдут-Со-Мной ещё быстрее, если я вдруг оскорблю долбаного греческого бога, отказавшись от его гостеприимства.

Я довольно плохо помню своего отца, но одно я помню точно — он говорил мне всегда быть вежливым. Это ничего тебе не стоит, но зачастую может спасти твою жизнь.

Что? Не смотрите на меня так. Я такой хитрожопый только с монстрами.

И с людьми, с которыми по-другому нельзя.

И когда мне это на руку.

Так что да. Я собираюсь чрезвычайно тщательно обдумывать каждый свой шаг.

— Благодарю, владыка Аид, — после паузы ответил я. Мой голос немного дрожал.

Он кивнул, не отрывая взгляда от огня, и вяло махнул свободной рукой в сторону второго кресла.

— Прошу, присоединяйся.

Двигаясь очень осторожно, я медленно опустился в кресло.

Аид коротко мне улыбнулся. Он налил вина из керамической бутыли во второй бокал, и я

принял его с кивком благодарности. Я сделал глоток. Я вообще не разбираюсь в вине, но оно было тёмное, густое и на вкус казалось очень дорогим.

— Я… — начал было я, но потом подумал получше и захлопнул рот.

Взгляд Аида переместился на меня, и его голова чуть наклонилась. Он кивнул.

— Думаю, я должен спросить вас о течении времени, — сказал я. — Очень может быть, что всякие чувствительные ко времени события происходят без вашего ведома, пока мы разговариваем.

— Очень немногие события в твоей жизни и жизнях твоих компаньонов за последние несколько дней произошли без моего ведома, — ответил Аид.

Меня посетило то дурное ощущение, возвращающее меня в те времена, которые я провёл перед столом директора в младших классах.

— Вы, эм… Вы знаете?

Он одарил меня мягким, терпеливым взглядом.

— Точно, — тихо сказал я. — Это же ваше царство. Конечно же, вы знаете.

— Вот именно, — ответил он. — Кстати, неплохо сработано с вратами Льда. Очень немногие, кто

пытался их пройти, сначала останавливались, чтобы понаблюдать.

— Гм! Спасибо?

Он мимолётно улыбнулся.

— Не беспокойся о времени. Для твоих товарищей в хранилище оно течёт гораздо медленнее, чем здесь.

— Вот как, — сказал я. — Окей. Это хорошо.

Он кивнул. Он сделал глоток вина, переместил свой взгляд обратно на огонь и начал почёсывать пальцами свободной руки ближайшую голову собаки, лежащей около его кресла.

— Я немного нелюдимый, если можно так сказать, — сказал он, хмурясь. — Я никогда не был ужасно социальным. Если бы у меня была сноровка, я бы, пожалуй, сказал тебе что-нибудь успокаивающее и заверил, что тебе нечего опасаться моего гнева.

— Ваши действия говорят сами за себя, — сказал я.

Лёгкая тень улыбки проскользнула в уголках его глаз.

— О! В некоторой проницательности тебе не откажешь.

— Приходится, — сказал я. — Став старше, я осознал, насколько невежественен.

— «Мудрость начинается с сомнения», или как там у Сократа, — сказал Аид. — Он говорит это всякий раз, когда мы завтракаем.

— Ух ты! — удивился я. — Сократ… э-э… тут, внизу?

Аид выгнул бровь и поднял вверх ладонь свободной руки.

— Точно, — сказал я. — Извините. Эм. Вы не возражаете, если я спрошу?..

— Его судьба в Подземном мире? — спросил Аид.

Я кивнул.

Уголок рта Аида приподнялся.

— Люди задают ему вопросы.

Пёс заметил, что его больше не гладят, и ближайшая голова поднялась, чтобы подтолкнуть руку Аида. Повелитель Подземного мира рассеянно вернулся к почёсыванию, как это сделал бы любой человек со своей собакой.

Вторая голова отрыла один глаз и посмотрела на меня из-под мохнатой собачьей брови. Затем зевнула и снова уснула.

Я отпил ещё немного вина, чувствуя себя немного не в своей тарелке, и спросил:

— Почему вы… вмешиваетесь в это… вторжение только сейчас?

Аид обдумывал мой вопрос некоторое время, прежде чем ответить:

— Возможно, я это сделал, чтобы помешать вам и покарать вас. Ведь злодеи именно так и поступают?

— Только вот вы не злодей, — сказал я.

Тёмные, очень тёмные глаза повернулись ко мне. Огонь шипел и потрескивал.

— Конечно, я основываюсь на классических историях, — сказал я. — Которые могут быть настолько фольклорными, что опустили множество деталей или подрастеряли их за прошедшее время. Но вы точно не греческая версия Дьявола.

— Вряд ли ты пришёл к этой мысли под влиянием телевидения, — мягко сказал Аид.

— Телевидение редко рассказывает настоящую историю событий, — сказал я. — Но истории подтверждают, что вы можете и не быть настолько уж ужасным человеком. Я имею в виду, ваши братья возвысились путём всевозможных интриг. Причём совершенно неадекватных интриг. Превращение в быка и соблазнение девственницы? Насколько пресытившимся надо быть, чтобы *это* посчитать забавным?

— Осторожно, — сказал Аид очень, очень мягко. — Я не отрицаю сказанного тобой, но они всё

же моя семья.

— Да, точно, — сказал я. — Ладно. Моё мнение таково, что у каждого есть своя сфера ответственности, и кажется, что они провели много времени, этой ответственностью пренебрегая. Что не мне судить, конечно, но такое суждение было бы невозможно без всяких доказательств.

Аид хрустнул несколькими пальцами в подтверждение моего заявления.

— Но суть в том, что про вас нет таких историй. Остальные могли временами показывать свой капризный характер и причинять людям вред. А вы нет. Вы слывёте справедливым, но никогда — жестоким. Быть может, за исключением того случая… ну, с вашей женой.

Огонь очень ярко отражался в его тёмных глазах.

— Как я украл Персефону, ты имеешь в виду?

— А вы украли? — спросил я.

И почти сразу же об этом пожалел. На секунду я очень сильно захотел узнать заклинание, которое позволило бы мне растечься по полу дрожащей лужей «пожалуйста-не-убивайте-меня».

Аид смотрел на меня в течение долгого напряжённого периода молчания, а затем выдохнул что-то, что можно было посчитать чрезвычайно

изысканным фырканьем через нос, и отпил ещё вина.

— Она пришла по своей воле. Её мать не смогла справиться с ситуацией. Синдром пустого гнезда.

Я наклонился вперед, увлёкшись вопреки себе.

— Серьёзно? А… штука с гранатовыми семенами?

— Что-то вроде политического решения, — пояснил Аид. — Геката подала идею, и мой брат её подхватил. Это был компромисс, все остались недовольны.

— Это определённо признак хорошего компромисса, — заметил я.

Аид поморщился и сказал:

— В то время это было необходимо.

— Истории преподносят это совсем иначе, — произнёс я. — Кажется, я припоминаю Гекату, водящую Деметру в поисках Персефоны.

Это замечание вызвало вспышку белозубой улыбки.

— Вот это уже ближе к правде. Геката водила Деметру вокруг. И кругами. Это был её свадебный подарок нам.

Я медленно моргнул на это замечание.

— Медовый месяц без тёщи.

— Ценится больше, чем золото и драгоценные

камни, — сказал Аид. — Но, как я и сказал, я никогда не был самым общительным в семье. Никогда не просил муз складывать обо мне легенды, не являлся своим почитателям, которых у меня немного, со всякими откровениями. Честно говоря, я не понимаю смертных, которые мне поклоняются. Что бы они ни делали, рано или поздно они всё равно попадут в моё царство. Неужели они думают, что добьются этим какого-то снисхождения при оценке их душ? — он покачал головой. — Я не так работаю.

Я серьёзно смотрел на него мгновение, хмурясь, обдумывая.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Слова не моя сильная сторона, — сказал он. — Может, задашь вопрос получше?

Я сел обратно в кресло, немного болтая вино в бокале.

Аид знал, что мы идём, но мы всё равно пробрались. Он знал, кто я такой. И совершенно очевидно, что между Аидом и королевой Феерии была какая-то связь. Я отпил вина. Собрать всё вместе и…

Я чуть не задохнулся, глотая вино.

Это вызвало у моего гостеприимного хозяина искреннюю улыбку.

— А, — сказал он. — Озарение.

— Вы *позволили* Никодимусу найти это место, — сказал я.

— И?

— Мэб. Это игра Мэб, верно?

— Зачем бы ей такое делать? — спросил меня Аид с фальшивым упрёком в голосе.

— Оружие, — сказал я. — Война с Иными. Мэб хочет больше оружия. И месть будет ещё слаще, если одновременно с этим можно прошвырнуться по магазинам.

Аид пил вино, глаза его поблёскивали.

Я уставился на него, внезапно почувствовав себя дурно.

— Подождите. Вы хотите сказать, что *предполагается*, что я заберу все эти штуки отсюда?

— Этот вопрос уже получше, — отметил Аид. — Мой арсенал существует для того, чтобы хранить оружие ужасающей силы во времена, когда оно не нужно. Я собираю эти вещи и берегу от злоупотребления их силой в мирные времена.

— Но зачем хранить их там, куда каждый может попасть, имея под рукой достаточно ресурсов? — спросил я.

— Чтобы уберечь их от использования людьми без надлежащих навыков, — сказал он. — В мои

обязанности не входит беречь оружие вообще от всех смертных — только от некомпетентных.

Потом до меня дошло, и от осознания мой желудок провалился в бездонную пропасть.

— Это вообще было не ограбление, — сказал я. — Вся эта заварушка… Это была *проверка*?

— Ещё один хороший вопрос. Но не самый актуальный.

Я сжал губы и попытался заставить свой мозг работать. Это казалось слишком простым, но, чёрт побери, почему бы не спросить напрямик?

— И *какой же* вопрос тогда самый актуальный?

Аид сел обратно в кресло.

— Почему я, Аид, настолько лично заинтересован в тебе, Гарри Дрезден?

Адские колокола. Я чертовски уверен, что мне не понравилось, как это прозвучало. Вообще.

— Ладно, — сказал я. — И почему?

Он протянул руку к центральной собачьей голове и почесал ее под подбородком. Одна из задних лап пса начала быстро стучать по полу. Это напоминало звуки, исходящие из мастерской.

— Ты знаешь, как зовут моего пса?

— Цербер, — без запинки ответил я. — Но это все знают.

— Знаешь, что это означает?

Я открыл и закрыл рот. Покачал головой.

— Это от древнего слова «kerberos». Означает «пятнистый».

Я моргнул.

— Вы настоящий греческий бог. Вы владыка Подземного мира. И… назвали свою собаку Пятнышко?

— Кто хороший пёс? — сказал Аид, почёсывая третью голову за ушами, заставив пасть зверя распахнуться в собачьей ухмылке. — Пятнышко. Да, ты хороший.

Я ничего не мог поделать. Я рассмеялся.

Аид вскинул брови. Он не улыбался, но всё равно выглядел довольным.

— Такое в моих владениях нечасто услышишь, — кивнул он. — Я защитник подземного царства, в котором обитают ужасающие силы. Страж огромной тюрьмы для теней. Мне поручено защищать её, управлять ею и следить, чтобы всё здесь было правильно. Большинство людей не понимают моего предназначения и боятся меня, многие — ненавидят. Я стараюсь выполнять свой долг так, как считаю наилучшим, не считаясь ни с чьим мнением, кроме своего собственного, и хотя многие мои сверстники пренебрегают

своими обязанностями или сосредоточены на несущественных мелочах перед лицом больших проблем, моего долга это не отменяет… даже если он причиняет мне невероятную боль. И у меня есть очень большая и очень хорошая собака…

Пятнышко стукнул хвостом по полу позади кресла Аида, словно огромной мягкой бейсбольной битой.

— …которую люди иногда считают очень страшной, — он повернулся ко мне, поставил винный бокал и совершенно честно произнес: — Я думаю, что у нас много общего, — он поднялся и встал передо мной. Затем протянул мне правую руку. — Ты здесь потому, что я хотел улучить момент пожать тебе руку и пожелать удачи.

Я встал, чувствуя, что немного теряю равновесие, и протянул руку. Его рукопожатие было…

Вы не сможете пожать руку горе. Не сможете пожать руку землетрясению. Вы не сможете обменяться рукопожатием с ужасной тишиной или абсолютной тьмой на дне моря.

Но если вдруг у вас получится, это, возможно, будет похоже на рукопожатие Владыки Подземного мира и получение его благословения.

— Пожелать мне удачи? — выдохнул я, когда снова смог дышать. — Вы не собираетесь по-

мочь?

— Это не моя прерогатива, — сказал Аид. — Я могу пожелать тебе удачи и надеяться, что ты восторжествуешь. Но даже если бы мы сейчас жили во времена, когда моя воля могла направлять ход судьбы, бог смерти не может принять чью-то сторону в этом противостоянии. Судьба оружия, что вы нашли, полностью зависит от тех, кто его нашел.

— Но вы же уже мне помогли, — возразил я. — Хотя бы уже тем, что рассказали, что на самом деле происходит.

Аид не улыбнулся, но в уголках его глаз показались смешливые морщинки.

— Всё, что я сделал — это задал тебе несколько вопросов. Ты готов?

— У меня есть ещё один вопрос, — ответил я.

— У смертных так всегда.

— Что будет с Дейрдре?

Аид медленно втянул в себя воздух. По его лицу ничего нельзя было прочесть. И в какой-то момент я даже решил, что он не собирается отвечать, но затем он произнёс:

— В последнее время в моё царство попадает сравнительно мало теней. В основном это те, кто погиб во вратах, в том числе во вратах Крови. Она

останется в моих владениях.

— Вещи, которые она делала, — тихо сказал я. — Люди, которым она навредила. И правосудие обойдёт её стороной?

Глаза моего гостеприимного хозяина стали тверды и безжизненны, как кусочки угля.

— Это моё царство, — сказал он, его голос грохотал, словно сталкивающиеся тектонические плиты.

Пятнышко позади него предупреждающе зарычал. Усиленное тремя глотками и рокочущее в огромной груди, рычание звучало, как грохот машин на бойне.

Я не ответил. По крайней мере, у меня было достаточно мозгов, чтобы заткнуться и ничего не говорить. Я склонил голову так покорно, как только мог.

Голос Аида вновь смягчился, и по велению его руки Пятнышко успокоился.

— Если переживёшь следующий час, перечитай классику ещё раз, сэр Гарри. И вернись к этому вопросу в своих мыслях.

Я кивнул и подумал об остальных в Подземном мире. Тантал. Сизиф. Стервятники, рвущие печень, вода, которую можно переносить только в сите и вечно горящие круги огня, наказания,

специально подобранные для каждой отдельной души.

Я не знал, что конкретно случится с Дейрдре — но от наказания она не уйдёт.

— Я понял, — тихо ответил я.

Аид кивнул.

— Ты вернёшься в тот момент, когда я остановил время, — сказал он, — и на той же позиции. Ты готов?

Я медленно глубоко вздохнул.

— Думаю, мне стоило бы.

Его глаза замерцали, и он коротко мне кивнул, должно быть, одобряя.

И меня вновь поглотило чёрное пламя.

Глава 42

— Если какие-нибудь устройства и встроены в эту штуку, то я их не вижу, — почти шёпотом сообщила Вальмон и поднялась из-за алтаря.

Я начал немного беспорядочно озираться вокруг, моим глазам нужна была секунда или три, чтобы привыкнуть к новому освещению. Как и сказал Аид, я вернулся точно туда, где и был несколько фактических долей секунды назад.

Пять артефактов. Мэб обещала Никодимусу, что я помогу ему добыть Грааль. Но ни черта не сказала о других вещах. И значит, прямо здесь и сейчас мне нужно было держать от него подальше остальные четыре артефакта. Ник их ещё не видел и не мог знать наверняка, что они здесь. Нужно было их сохранить, но держать подальше любой ценой. Это означало убрать их из виду и по возможности разделить.

Но это означало ещё одну вещь. Это означало победу в игре, в которую меня втравила Мэб.

Или, как я теперь понимал, в игре, которую Мэб для меня *организовала*. Мэб специально подготовила мне такую цель, по которой я бы и при

всём желании не промахнулся. Это была не очень аппетитная цель, но не всякая работа, которую мне приходилось делать, доставляла радость и проходила без сучка и без задоринки.

И я знал, как выиграть эту игру к удовлетворению Мэб. Но нужно было не только выиграть её, но ещё и *выжить* при этом.

Мысленно я просмотрел карты, которые были у меня на руках.

Да. Если разыграть их должным образом, думается мне, шансы на победу у меня неплохие.

— Ну, ладно, — сказал я тихо, потянулся к алтарю и начал собирать артефакты. Табличка. Венок.

— Возьми это, — прошептал я, передавая их Вальмон. — Убери с глаз долой. Спрячь в рюкзаке, если выйдет. Или в каком-нибудь другом месте, если не выйдет.

Вальмон уставилась на меня широко раскрытыми глазами:

— Зачем?

— Нельзя, чтобы они попали не в те руки, — сказал я.

— Дрезден, — сказала она, — я пришла сюда за деньгами и местью, если выпадет такая возможность. Я здесь не ради правого дела.

На мгновение мои челюсти сжались, но затем я обратился к Вальмон начистоту:

— Анна, разве я когда-нибудь предавал тебя? Мне нужна твоя помощь. Кому ты больше веришь? С кем у тебя больше шансов выйти отсюда? С Никодимусом? Или со мной?

Она лишь долю секунды напряжённо смотрела на меня, прежде чем с коротким кивком взяла артефакты и начала засовывать их в рюкзак. Он был наполнен бриллиантами едва наполовину, и места там хватало.

— Эй, это что, Плащаница?

— Эта выглядит старше и более потёртой, чем та, что ты украла у Церкви, — сказал я, складывая ткань и запихивая её в карман плаща. Материал был тонкий, просто ужасно тонкий, и свёрток получился куда меньше, чем ожидалось. — Чёрт, похоже, следствие не ошибалось. Наверное, у церкви действительно подделка.

— Но разве в той, другой не чувствовалась сила? — спросила она.

— Да, но не так, как в этой. — Мои пальцы всё ещё дрожали от прикосновения к ткани. — Кроме того, речь идёт о силе веры. Достаточно много людей считали подделку настоящей святой Плащаницей, и этого было достаточно, чтобы дать

ей силу.

— Похоже на жульничество.

— Не критикуй.

Она вскинула голову, и её глаза расширились.

— Дрезден! — прошипела Анна.

Через пару секунд послышался звук приближающихся шагов. Моё сердце часто забилось. Я успел взять нож и заткнуть его в рукав плаща, а затем аккуратно передвинуть чашу ровно в центр алтаря. Даже короткий контакт с ней походил на прикосновение к оголённому проводу. Дрожь поднялась вверх по моей руке и поставила дыбом каждый волос на моем теле.

Мне удалось подавить дрожь, и через полсекунды показался Никодимус с Майклом, Ханной Эшер и дженосквой. Эшер несла мой посох в руке, свечение вырезанных на нём рун начало медленно угасать. Она выглядела усталой, но самодовольной. Один провисший от тяжести рюкзак был на её плечах, второй она тащила за собой, словно слишком тяжёлый багаж в аэропорту.

— Вот они! — воскликнул Майкл, заметив меня. Он был налегке, и, насколько я понял, ничего не взял из хранилища. — Слава Богу!

Я помахал им рукой, используя этот жест, что-

бы нож провалился немного поглубже в рукав.

— Сюда! Я её нашёл.

Все они спустились ко мне на сцену амфитеатра. Глаза Никодимуса были прищурены от подозрения:

— Дрезден, вы нашли Грааль?

— Я просил Вальмон проверить алтарь на предмет ловушек, и она считает, что всё чисто, — мои слова были почти что правдой. — Я сам только что закончил его осматривать.

— Зачем вы оставили свой посох? — спросил Никодимус резко. — Чтобы отвлечь на него наше внимание?

— Подумал, что вы, ребята, сможете использовать его как ориентир при поисках меня, — нагло соврал я и отошёл в сторону с жестом ведущей «Колеса Фортуны» Ванны Уайт, демонстрирующей чашу как главный приз: — Та-да!

Никодимус секунду пристально глядел на меня, затем перевёл взгляд на чашу на мраморном алтаре. Я прямо видел, как у него в голове вертятся шестерёнки. Глаза Майкла тоже обратились к чаше и расширились.

— Эта она? — спросил Майкл. — Это правда она?

— У меня даже зубы гудят, такая эта штука

мощная. Да, думаю, это она, — ответил я ему и посмотрел на Никодимуса: — Вы получили свою чёртову чашку. Давайте, закругляемся, берём долю Грея и валим отсюда к дьяволу.

Никодимус медленно обошёл вокруг алтаря, рассматривая чашу. Его тень крутилась и корчилась от нетерпения на полу рядом с ним. Я брезгливо шагнул в сторону, чтобы тень меня не коснулась.

— Знаю, что тебе страсть как хотелось бы заграбастать мой посох, — сказал я Эшер, пока Никодимус был занят осмотром алтаря. Я протянул руку: — Но только я имею право ласкать мои инструменты. Чародейские причуды, знаешь ли.

— Ну, ты даёшь! — сказала Эшер, и на её лице мелькнула улыбка. От моих слов она покраснела. — Ты мне просто выбора не оставил. Мне даже добавить нечего.

— Да, я хорош, — согласился я.

Она не слишком точно швырнула мне посох, и я было ухватил его, но потом чуть не уронил. Не легко ловить посох одной правой рукой, когда левую нужно держать под определённым углом, чтобы нож не выскользнул из рукава.

Медная рукоятка ножа щёлкнула по алюминиевой шине на моей левой руке.

Никодимус резко поднял голову на этот звук.

Его тёмные непроницаемые глаза на мгновение остановились на мне.

— Мисс Вальмон, — произнёс он тихо, — возвращайтесь ко входу. Встаньте там на стражу и скажите Грею, что он может идти забирать свою долю.

Вальмон заколебалась и вопросительно посмотрела на меня.

Здесь она мне только мешала. Если от неё избавиться, Никодимусу будет трудно использовать её против меня. Кроме того, чем дальше друг от друга мне удастся унести артефакты, тем лучше.

Я кивнул, и Вальмон бесшумно испарилась в направлении входа в хранилище.

Майкл подошёл и встал рядом. Резко наклонив голову на бок, он уставился на статуи.

— Гарри, тебе не кажется, что эта статуя похожа на Молли?

Вот дерьмо! Мне только этого сейчас не хватало.

— Пфф, что? — спросил я. — Нет. Что за ерунда. Может, чуть-чуть. Ну, может, кто-нибудь с тобой и согласится. У неё, это, одно из таких часто встречающихся лиц.

Он поджал губы и внимательно на меня по-

смотрел.

— Ты можешь не отвлекаться от дела? — сказал я. — Мы в ловушке в Подземном мире, вокруг нас, наверняка, всякие эпические греческие опасности. Пожалуйста, сосредоточься.

Майкл продолжал на меня смотреть.

Чёрт возьми, это было так некстати. Как раз сейчас Анна удачно не мешала. Какое-то время Грей будет занят сбором своей доли и оставит Ника и дженоскву один на один против меня и Майкла.

Я бы принял этот бой.

Но где в конечном итоге окажется Ханна Эшер? Выбранная ею сторона бесспорно получит перевес. С одной стороны, Эшер я нравился. Но с другой стороны, Никодимус спас её от саламандры, и она подписалась быть частью его команды, а не моей. Если она верна правилам наёмника Вязальщика, она будет играть за Ника, а не за меня. Я ломал голову над тем, как в данных обстоятельствах заставить её перейти на мою сторону. Но в голову ничего не приходило.

Вот блин!

Может, мне не стоило отказывать ей. Особенно после того, как она уже пережила отказ Вязальщика. Может, из-за этого она на меня ополчилась.

С другой стороны, кто знает? Время уже не вернуть. Может, это только снизило бы мои шансы.

Что-то безотчётно грызло меня, не давая покоя, какая-то мысль, связанная с Эшер, слишком расплывчатая, чтобы обрести форму.

Сомнение и напряжение начали покидать Никодимуса. Если не поторопиться, можно упустить момент. Пришло время начинать давить.

— Нельзя ли поторопиться? — спросил я Никодимуса. — Я не хочу быть съеденным трехглавым псом или, например, столкнуться с призраком горгоны Медузы, потому что вы тут упиваетесь своим торжеством, как какой-то Тёмный Властелин. Я же сказал, что проверил алтарь.

— Если вы не против, я хочу убедиться сам, — ответил Никодимус и вернулся к своей проверке.

— Боже, вы должно быть шутите! — воскликнул я. — Мэб увёртливая сука, но слово своё держит. Она обещала, что пока вы играете по правилам, я буду помогать вам сохранить и вынести отсюда чашу, и именно это я и делаю. Всё безопасно. Чтоб мне провалиться.

Никодимус продолжал медленно двигаться по кругу.

— Стали сверхосторожным? — спросил я и, переместив посох на сгиб левой руки, подхватил

Грааль.

Рука Никодимуса потянулась за мечом, глаза прищурились, а я просто демонстративно крутил и подбрасывал чашу в руке.

— Видите? Никаких ловушек. Это не фильм про Индиану Джонса, приятель.

Никодимус застыл на своём месте, но его тень рванула назад через сцену амфитеатра и выросла вверх до самой середины последнего ряда сидений. Её края вздувались, как голова чудовищной кобры. Что и говорить, выглядела она чертовски большой.

Когда я начал говорить, мой желудок сжался от страха, но я постарался никак этого не выдать.

— Вы ведь за этим сюда пришли, верно? — спокойно сказал я. — И ваша дочь умерла ради того, чтобы вы это получили. Эй, думаете, она разобьётся, если я её уроню?

— Дрезден, — проговорил Никодимус, и в его голосе больше не было шёлка, только наждак.

— Сила тяжести здесь немного больше, — сказал я. — Вы заметили? Наверное, как раз достаточно большая, чтобы такая штука разбилась, если я её уроню. И тогда получится, что она умерла напрасно.

— Отдай мне Грааль, — его голос превратился в

угрожающий шёпот. — Сейчас же.

— Да пожалуйста. Подойди и возьми, — ответил я.

Он погнался за мной вокруг алтаря, но я без труда зеркально повторял его движения, и алтарь всё время оставался между нами.

— А вы знали, что мы с Дейрдре вчера разговаривали о ваших с ней отношениях? — спросил я.

Он сглотнул. Его тень начала меняться, сгущаясь вокруг меня и растекаясь в большой круг с нами в центре. Свет в воздетых руках двух тройных статуй немного потускнел. Было похоже, что внезапно всё вокруг накрыли огромные тёмные крылья.

— Она рассказывала о веках, которые вы провели вместе, — небрежно начал я. — О том, что нет такого слова, которое бы объяснило, как близки вы стали друг другу, потому что ни один смертный не в силах это понять. Чёрт, думаю, это правда. Потому что вы выбросили её, словно мусор. Я не знаю слова, которое может описать отца, способного на такое.

При этих словах Никодимус снова бросился ко мне.

— Отдай мне Грааль, — прошептал он. — И закрой свой вонючий рот.

— Вы сказали, что она была единственной, кому вы доверяли, прежде чем убить. — продолжил я доверительно, сделав небольшое ударение на глаголах. — Может я и ошибаюсь, но, как по мне, следующие несколько тысячелетий у вас будут долгими, холодными и пустыми. Я это про синдром опустевшего гнезда. Монета в вашем кармане, должно быть, кажется сейчас такой тяжёлой.

Никодимус задышал чаще.

Ему были тысячи лет. Он был злодеем, забывшим больше жертв, чем самый безумно успешный серийный убийца когда-либо присваивал себе. Я не сомневался, что он убивал людей по значительно меньшей причине, чем я ему сейчас дал. Он был специалистом в каждой из форм насилия и убийства, какие мог предложить этот мир. Он был самым опасным противником, с которым я когда-либо сталкивался лицом к лицу.

Но где-то глубоко внутри этого монстра пряталось нечто, всё ещё выдававшее в нём человека. Нечто, способное чувствовать потерю. Способное чувствовать боль.

И поэтому он был в бешенстве.

И начинал терять над собой контроль.

«Это определённо лучший из твоих планов,

Гарри», — подумал я.

— Это, должно быть, очень трудно для того, кто собрал в своих руках столько власти, — начал я, — понять, что после всего пройденного пути не нашлось никого, кто бы добровольно пошёл с вами, позволил себя убить и потянул за рычаг после этого. Бьюсь об заклад, вы мурыжили эту проблему много лет, пытаясь её решить. Было больно, когда вы поняли, чем должны пожертвовать?

Грудь Никодимуса вздымалась, глаза расширились.

Краем глаза я видел Майкла, держащего меч у груди, его глаза расфокусированно смотрели немного в сторону. Дженосква маячил у него за спиной. Я заметил, как Майкл зашевелил пальцами правой руки, беря Аморакиус в боевой хват, и медленно, сосредоточенно вздохнул.

— Самое смешное, что и речи не идёт о том, что она избежит Ада, — продолжил я. — Вы привели её сюда, в Ад, и ждёте, что она не получит наказания? Вы ведь читали греческие мифы? Вы ведь знаете, как Аид наказывает людей, какие вещи заставляет их делать? По крайней мере, в Аду, по всем отчётам, ко всем подходят на более-менее общих основаниях. Здесь, внизу, все получают своё *личное* наказание. В последнюю минуту

ты ведь наплёл ей какую-нибудь ложь в утешение? Просто чтобы убедиться, что она потянет за рычаг?

Меч Никодимуса прыгнул в его руку.

— Отдай мне Грааль, или я тебя убью.

Адские колокола! Я его задел.

Я посмотрел на Грааль. Мне не нравилось то, что я собирался сделать, но я не колебался ни секунды. У меня было оружие, не имеющее отношения к стали, взрывам или необозримой мистической силе, и я его использовал.

— Вы помните? — спросил я очень тихо. — Помните, как первый раз увидели её? Первый раз, как она взглянула на вас? Помните, как всё изменилось? Как весь мир вдруг перевернулся? Помните, как глядя на неё, поняли, что никогда больше не будете прежним? Думаете, эта чашка может вызвать такие чувства?

Я бросил ему Грааль, послав его в воздух по широкой дуге.

Глаза Никодимуса расширились от удивления, но он ловко поймал чашу и содрогнулся всем телом, когда его захлестнула идущая от неё сила.

Я наблюдал за ним, его лицом, его позой. Каждую каплю презрения, что у меня была, я вложил в свой голос:

— Не знаю, как говорили у вас в давние времена, но, держу пари, что её первое слово было «папа».

В нём что-то оборвалось.

Он перестал дышать.

На щеке появилась одинокая слеза.

И он произнёс совершенно спокойным и совершенно мёртвым голосом:

— Убить их.

И в ту же секунду игра закончилась.

Я победил?

Глава 43

Этими словами Никодимиус разорвал договор с Мэб и освободил меня от обязательств помогать ему сохранить Грааль. Я выполнил обещание, которое она дала ему, до последней капли. Или, по крайней мере, в точности выполнил все обязательства с точки зрения Мэб. Чёрт, я ведь на самом деле *отдал* ему Грааль. И если он не смог принять немного суровую правду, Мэб сочтёт, что это уже проблема Никодимуса, а не её.

Ладно. Проблема Никодимуса — и моя. Большой недостаток плана вывести из себя эмоционально травмированного психопата до такой степени, чтобы он попытался прикончить меня, заключается в его второй части, где этот псих действительно принимается за дело.

Место предполагаемого боя было лучше многих. Здесь собралось так мало человек, как только было возможно, и мало что могло повлиять на бой извне. Если бы я медлил до возвращения в Чикаго, то там Ник получил бы в своё распоряжение неограниченное количество гражданских, которым мог бы навредить или которых мог бы

захватить в заложники. Да и не только он, но и я сам имел весьма вероятные шансы кого-нибудь задеть, и мне не хотелось бы подходить к любому бою с главой динарианцев с ненужной деликатностью. Кроме того, если бы мы схватились с ним в Чикаго, мне пришлось бы беспокоится, на чью сторону бросится Вязальщик, не говоря уже о возможной ударной команде динарианских оруженосцев, прячущихся за кулисами. И плюс ко всему этому, я был уверен, что специалисты по устранению проблем, посланные Марконе, попытаются прикончить нас всех.

Здесь, в Подземном мире, я мог драться жёстко. Бой будет честным, насколько это вообще возможно, и мне не придётся беспокоиться о невинных жертвах.

Ну, просто Майкл и я.

Я мог только теоретически размышлять о решениях, приведших к этому бою, потому что настоящий бой развивался так быстро, что на любые размышления не было времени.

Дженосква рванулся ко мне, совершив глупейшую ошибку — ему следовало броситься на Майкла.

Рыцарь Креста переместил вес на носки, и Амораккиус вспыхнул яростным светом. Он не

двигался с какой-то невероятной скоростью. Атака Майкла была рассчитана на правильный выбор времени, и момент был выбран просто идеально. Когда дженосква проносился мимо, Майкл развернулся, от чего его плащ взметнулся вверх, и нанёс удар с разворота, начавшийся на уровне щиколоток и резко устремившийся вверх, пока его руки не подняли Аморакиус над головой. По дороге меч прочертил светящуюся линию на обратной стороне одного из толстых волосатых колен дженосквы.

Я услышал, как внезапно порвались толстые как канаты сухожилия, щёлкнув как тетива, и нога дженосквы ушла из-под него на середине шага.

В этот же самый момент Никодимус простёр руки перед собой, и на меня опустилась ужасная обволакивающая тьма.

У меня было припасено два варианта ответа на его первую атаку — и речь шла правда об ответах, а не о моих собственных атаках. Когда всё закончится, я хотел, чтобы в голове Мэб не было никаких сомнений, что он напал на меня, а не наоборот. Он мог броситься на меня с мечом, как он в обычных обстоятельствах и делал во всех виденных мной случаях. И щит остановил бы его,

по крайней мере, на время.

Или в ярости он мог выпустить на меня всё зло Андуриила. Что он и сделал.

Данные обстоятельства обычными для Никодимуса не были.

Я подготовил соответствующую защиту.

— *Lumios!* — выкрикнул я, когда тьма сомкнулась, и собрал волю в том же заклинании света, что использовал раньше — только я подмешал туда немного огня Души.

Светящийся шар прыгнул вперёд и взорвался искрами, налетев на нечто, что просто *пожрало* его, заглотив в небытие при первом приближении. Изнутри это выглядело чертовски странно. Скользящая вокруг меня тьма окружила излившийся свет, отпрянула при виде искр, а затем хлынула назад в бешеном возбуждении — но не смогла подойти ближе, чем на расстояние вытянутой руки.

Я слышал, как Никодимус выкрикивает что-то на непонятном языке, а дженоскова воет от безумной боли. Что-то тяжёлое заставило затрястись землю у меня под ногами, и что-то страшно загрохотало.

— *In nomine Dei! Lux et veritas!* — прогремел серебряными трубами голос Майкла.

Сталь звякнула о сталь, и я понял, что всё же ошибся в расчётах. Не я и Майкл против Ника и дженосквы. Я и Майкл против Ника, дженосквы и *Андуришла*. И последние два достались в этом танце мне в партнёры.

Дженосква взревел, и я понял, что он движется прямо на меня. Но я не мог и шевельнуться, чтобы не ступить в обволакивающую тьму, что не казалось удачной идеей. Вместо этого я сложил руки на груди и пробормотал:

— Давай посмотрим, как ты заземлишь вот это, страшила. — Затем я призвал Зиму и выкрикнул: — *Arctispinae!*

Я резко развёл руки, и холод Зимы заморозил воздух в тысячи ледяных шипов, острых как иглы, и бросил их во тьму и дальше. Магия была использована только при создании шипов, а затем они просто стали острыми и опасными кусочками твёрдого материала. Я поставил на то, что сила дженосквы могла нейтрализовать только воздействие непосредственной магии, и, насколько я знал, он всё ещё соблюдал её законы.

Расчёт оправдался. Дженосква издал очередной оглушительный рёв боли не более чем в семи-восьми футах от меня.

Я использовал звук как точку отсчёта и замахал посохом по дуге, его зелёно-серебристый свет с примесью огня Души отогнал немного назад сущность падшего ангела, всё ещё пытающегося прижать меня. Моя воля собрала ещё немного Зимнего льда на конце посоха в неровный, твёрдый как камень шар размером с мою голову. Я нацелился на источник звука и выкрикнул:

— *Forzare!*

Копьё чистой кинетической энергии как ядром метнуло во тьму градину с конца моего посоха, и она ударилась обо что-то огромное и мясистое с глухим стуком твёрдого льда, врезавшегося в покрытую мышцами плоть. Я, должно быть, попал ему в живот, потому что вместо рёва дженосква издал слабое бульканье.

Сталь снова звякнула о сталь, и я услышал, как рабочие ботинки затопали по мрамору, приближаясь ко мне. Майкл крикнул: *«Omnia vincit amor!»* — и слепящее белое пламя Амораккиуса разбило тьму вокруг меня словно сухую яичную скорлупу.

Моё зрение вернулось. Никодимус с мечом в руке следовал по пятам за Майклом, но закричал и зашатался, когда Андуриил был разбит. Он упал на одно колено, и то только благодаря

тому, что успел выбросил вперёд левую руку для поддержки.

Невдалеке дженосква поднимался с места своего падения. Вызванная мной градина, видимо, отбросила его назад через мраморный алтарь в центре сцены, и теперь одна сторона его грудной клетки выглядела помятой. Существо скрючилось на трёх конечностях, волоча за собой ногу, и оскалилось на меня в немом рычании, демонстрируя пожелтевшие клыки.

— Довольно, Никодимус! — прогремел Майкл, и его голос отразился от мрамора и сокровищ хранилища. — Довольно!

Меня поразила вся сила и громкость его голоса. Я обнаружил, что стою с Майклом спина к спине и могу держать дженоскву в поле зрения.

— Вам на сегодня ещё не достаточно? — спросил Майкл голосом, понизившимся почти до мольбы. — Во имя Господа, ваши глаза ещё не прозрели?

— Майкл, — тихо прорычал я сквозь зубы, — что ты делаешь?

— Свою работу, — ответил он мне так же тихо и мягко обратился к поверженному Никодимусу: — Никодимус Архлеоне, посмотрите на себя. На свою ярость. На свою боль. Посмотрите, куда они

вас привели. Куда они привели вашего собственного ребёнка.

Распростёртый на мраморном полу Никодимус поднял глаза на Майкла, и я увидел на его лице то, что прежде мне никогда не доводилось видеть.

Усталость. Надрыв. Неуверенность.

— Они забрали её у вас, Никодимус, — спокойно продолжил Майкл. — Это дорога во тьму жадности и амбиций. Вы стоите среди несметных, невообразимых богатств, но из-за них потеряли единственное, что действительно имело значение. Из-за *лжи* и происков падших.

Никодимус не шевелился.

Как и дженосква. Но я собрал ещё одну градину-ядро на конце посоха, чтобы быть точно готовым, если он намылится что-нибудь предпринять.

Майкл опустил меч, и гневный огонь Ауораккиуса стал не таким интенсивным и жарким.

— Ещё не слишком поздно. Разве вы не видите, что здесь произошло? Как многое должно было совпасть, чтобы вы оказались в том единственном месте, где вам суждено прозреть. Где вы можете получить шанс — возможно, ваш последний шанс — сойти с пути, по которому вы так далеко ушли. Пути, который не принёс вам, вашим близким и миру вокруг ничего, кроме

душевной боли и страданий.

— И это то, во что вы верите? — Никодимус говорил ровным деревянным голосом. — В мой шанс на искупление?

— Это не вопрос веры, — ответил Майкл. — Мне достаточно доказательств моих глаз и ума. Именно ради этого я и взялся за меч. Чтобы спасти вас и остальных, которых, так же как и вас, используют падшие. Вот почему мне был ниспослан божий дар снова взять оружие в руки в эту ночь — точно вовремя, чтобы дать вам шанс.

— На прощение? — выплюнул Никодимус.

— На надежду. На новое начало. На мир, — Майкл сглотнул и продолжил: — Мне страшно представить, что с моей дочерью может что-то произойти. Ни один отец не должен видеть, как умирает его дитя. — Голос Майкла остался ровным, тихим и искренним. — Какими бы разными мы ни были, как бы сильно не разделяли нас время и вера, вы всё ещё человеческое существо. Вы всё ещё мой брат. И я сочувствую вашей боли. Пожалуйста, позвольте мне помочь вам.

Никодимус вздрогнул и опустил глаза.

Я пару раз недоверчиво моргнул.

И на секунду мне показалось, что у Майкла всё получится.

Затем Никодимус покачал головой и тихо утробно засмеялся. Он снова встал, и при этом движении его тень, казалось, начала разрастаться, собирая тьму по всей комнате и заполняя ей бесформенный бассейн у его ног.

— Церковный подпевала, — произнёс он с презрением, — думаете, что знаете что-то о самоотверженности. О вере. Но рядом с моими ваши — лишь детские фантазии.

— Не делайте этого, — молил Майкл. — Пожалуйста, не позволяйте им победить.

— Позволить *им* победить? — повторил Никодимус. — Я не танцую под дудку падших, рыцарь. Мы можем двигаться вместе, но музыку играю я. Я задаю ритм. В течение почти двух тысяч лет я следовал своим путём, через каждый предательской изгиб и поворот, через каждое искушение свернуть в сторону, и после столетий усилий, изучения, планирования и побед, они следуют за *мной*. Не наоборот. Свернуть с пути? Я сам прорубал этот путь через века человечества, через века войны, чумы, безумия, хаоса и культа. Я и есть мой путь, а он — это я. Сворачивать некуда.

Когда он говорил, тень у его ног становилась темнее, пульсируя в такт с его словами, и я вздрогнул от этого вида, от его гордости за свои дела,

ясности в глазах и абсолютной, безмятежной уверенности в голосе.

Прямо перед тем, как всё полетело в Ад, Люцифер, должно быть, выглядел именно так.

Я все ещё стоял спиной к спине с Майклом и почувствовал, как его плечи разочарованно поникли. Но когда он отвёл меч назад, готовясь к атаке, в его голосе не было ни капли сострадания или слабости.

— Несмотря на всё то, что вы совершили у них на службе, сейчас перед Амораккиусом лишь вы один. Я искренне сожалею о вашей душе, брат, но на этот раз вы ответите за то, что сделали.

— Один? — промурлыкал Никодимус. — Думаете, я один?

Он улыбнулся голодной акульей улыбкой, и мой желудок рухнул куда-то вниз.

Стоящий за каменным алтарём дженосква тоже улыбнулся. И это было бы жуткое зрелище, если бы над его глубоко посаженными блестящими глазами-бусинками не открылась вторая пара глаз со слабо светящимся закрученным символом в центре лба — от этого зрелище стало по-настоящему кошмарным. Пока я смотрел на дженоскву, из его черепа вырвались закрученные бараньи рога, и без того огромная тварь начала раздувать-

ся, набирая массу, пятнистый мех становился гуще, а из боков вырос дополнительный набор конечностей. За пару-тройку ударов сердца вместо дженосквы появилось существо, похожее на какого-то огромного доисторического медведя, за исключением дополнительных ног, глаз и рогов. Медведя весом не в одну тонну.

— Урсиэль, — выдохнул я. Падший ангел, могущественный настолько, что в прошлый раз понадобилось целых три рыцаря Креста, чтобы избавиться от него. А ведь на это раз он управлял не хилой оболочкой полоумного золотоискателя. — Вот дерьмо!

— То ли ещё будет, — произнёс ещё один голос.

Я посмотрел мимо Урсиэля и дженосквы и обнаружил Ханну Эшер, направляющую свои шаги к сцене. Она бросила рюкзаки и теперь двигалась с ленивой, намеренной чувственностью. Добравшись до сцены, она подняла руки над головой, и её одежда просто… растворилась как дым, превратившись в липкий туман, дрейфующий вокруг неё спиральными завитками — не столько из скромности, сколько ради пущего эффекта, по большей части прикрывая самые деликатные части тела с напускным жеманством веера в руках танцовщицы стриптиза. Она мед-

ленно улыбнулась, и второй набор светящихся фиолетовых глаз открылся над её собственными, а на лбу появился светящийся знак, смутно напоминающий песочные часы.

Я узнал этот знак.

Он несколько лет был впечатан в мою плоть.

— Ласкиэль… — прошептал я.

— Привет, милый, — произнёс хриплый игривый голос, совсем не похожий на собственный голос Ханны Эшер. — Ты не представляешь, как я по тебе скучала.

Я немного наклонил голову к Майклу и сказал:

— Нам с тобой определенно нужно обсудить с церковью значение выражения «надёжное хранение».

Он посмотрел на меня слегка нахмурившись, давая понять, что сейчас не время.

Смех Ласкиэль ласкал мой слух чистейшей музыкой.

— О Гарри, неужели ты думаешь, что можно завернуть порочность в милый чистенький носовой платок и запрятать подальше в ящик? Нет, конечно, нет. Такие силы, как мы, смертным не сдержать, возлюбленный мой. Мы часть вас самих.

Майкл тоже слегка наклонился ко мне и спро-

сил:

— Возлюбленный?

— Всё сложно, — дёрнул я одним плечом.

— Боже ты мой!

Я повернулся к Ласкиэль и сказал:

— Эй, Ханна! Послушай того, кто в теме. Тебе действительно не стоит делать то, что ты делаешь.

Человеческие глаза Эшер сузились.

— О да, конечно, — ответила она своим собственным голосом. — Путь высокой морали так прекрасен. Стражи Белого Совета пытались убить меня большую часть моей сознательной жизни, потому что в семнадцать лет я дала отпор трём мужикам, которые пытались меня изнасиловать.

— Я их не оправдываю, — ответил я, — но ты убила людей с помощью магии, Ханна. Нарушила первый закон.

— Можно подумать, ты его не нарушал! — прорычала она. — Лицемер!

— Эй, попридержи коней! У нас с Ласкиэль есть свои дела, но даже если мы с ней и по разные стороны баррикад, то мы с тобой лично никогда не ссорились.

— Чёрта с два нет! — возразила она. — После

того, как пару лет провела в бегах, я попала в братство Святого Жиля. Ведь ты их помнишь? Кучка людей, воевавших с Красной Коллегией? Они тренировали меня, дали мне безопасное жильё. Дьявол, я шесть лет жила на пляже в Белизе. У меня была настоящая жизнь. Друзья. Я даже боролась за правое дело.

— Ура? — я старался не показать, что сбит с толку. — А я-то тут при чём?

— При том! — заорала она, и багровый туман вокруг неё вдруг наполнился зловещим светящимся пламенем.

Я непроизвольно сглотнул.

— Когда ты уничтожил Красную Коллегию, большая часть братства погибла вместе с ней. Все, кто был полувампирами больше пары десятков лет, просто взяли и *засохли* на наших глазах. Люди, которые доверяли мне. Уважали. Мои *друзья*. — Она покачала головой. — И ведь, держу пари, у тебя, высокомерного сукина сына, и мысли о них не возникло, прежде чем ты это сделал?

— Если бы я и знал, что такое случится, то всё равно сделал бы то, что сделал, — сказал я и добавил про себя: «Потому что иначе Мэгги не пережила бы ту ночь».

— После этого весь мир рассыпался в прах, — вы-

плюнула она. — Финансирование, координация, связь. Я оказалась на улице. Если бы Вязальщик не нашёл меня… — Она опять покачала головой.

— Ага, Вязальщик и его правило номер один, — сказал я. — А он ведь не знает, что ты натворила?

Она прищурила глаза, и её голос стал на несколько градусов горячее:

— Никодимус, Ласкиэль и другие динарианцы отнеслись ко мне с *уважением*, — ответила она. — Они советовались со мной. Доверяли мне. Работали вместе. Сделали меня *богатой*. Когда одна сторона смотрит на тебя как на урода и загнанного зверя, а другая — как на равного, очень просто выбрать, на какой из них ты хочешь быть.

С этом трудно было поспорить. Но я попытался.

— Это не значит, что нужно бежать делать абсолютно всё, что он хочет, — ответил я.

Она резко захохотала.

— Но я этого хочу, — сказала она. — Я предвкушала. Каждый раз, как ты смотрел на меня, флиртовал, говорил со мной.

— Как и я, — добавил голос Ласкиэли из того же рта. — Прежде никто никогда не отказывал

мне, Гарри. Ни разу. И при этом я тебе и правда нравилась.

— Мы бы с тобой не сработались, крошка, — ответил я.

— Может быть, — сказала она, — а может и нет. В любом случае, будь уверен, что я дам один из самых точных прогнозов во Вселенной, когда скажу, что «и небеса не знают ярости сильнее, чем обратившаяся в ненависть любовь, в самом аду нет фурии страшнее, чем женщина, которую отвергли».

Ах, вот о чём моё подсознание пыталось меня предупредить. Ласкиэль была прямо тут, у меня под носом, и нетерпеливо жаждала расплаты.

— И что это значит? — спросил я.

— Это значит, что раз мой план нашептать тебе на ушко желание убить себя провалился, я собираюсь отбросить всякие сантименты, разодрать твою голову и забрать себе нашего ребёнка. Она слишком ценный приз, чтобы умереть вместе с тобой.

Я вытаращил на неё глаза:

— Ты… ты в курсе.

— Ребёнка? — задохнулся Майкл.

— *Всё сложно*, — повторил я сквозь стиснутые зубы.

Ну и ладно. По крайней мере, теперь я знал, на чьей стороне Эшер.

— Я бы мог попросить вас отдать мне нож, Дрезден, — произнёс Никодимус, продолжая улыбаться. — Но в отличие от вашего друга, вторых шансов я не даю. Да и через секунду он вам не будет нужен.

Урсиэль издал звук, который у меня обычно ассоциируется с большегрузными фурами, и который, вероятно, означал голодное рычание. Затем он без особого труда перешагнул алтарь высотой в четыре фута и почти беззвучно подошёл ко мне слева. Ласкиэль заняла позицию немного справа от меня, и Никодимус стал третьей точкой окружившего нас с Майклом кривобокого треугольника.

День летел ко всем чертям немного стремительнее, чем я ожидал. На самом деле, проносясь мимо, он даже забросал гравием лобовое стекло худшего из моих предполагаемых сценариев развития событий.

А затем раздались шаги, и в амфитеатр не спеша спустился Грей, небрежно накинув на плечо рюкзак Анны Вальмон.

На нём была кровь, как и на пальцах Грея.

— А вот и Грей, — сказал Никодиус. Он на-

слаждался небольшой ответной местью, после разыгранного мною представления. — И как?

— Вальмон мертва, как и было приказано, — спокойно произнёс Грей. Приблизившись, он осмотрел нашу композицию и одобрительно задержался взглядом на Ласкиэль. — Мы здесь уже почти закончили?

— Ещё пара деталей для ясности, — сказал Никодимус. — Вы рассмотрели моё предложение?

— Монету? — спросил Грей, пожал плечами и снова посмотрел на Ласкиэль. — Может быть. Но у меня есть вопросы. Давайте закончим работу и обсудим это за ужином.

— Превосходный вариант, — согласился Никодимус. — Вы не присоединитесь к нам?

Под моим пристальным взглядом, следующим за каждым его движением, Грей занял место в четвёртом углу квадрата со мной и Майклом в центре, поставил рядом рюкзак с бриллиантами и артефактами и, хрустнув пальцами, улыбнулся.

— Я всегда претендовал только на роль злодея, — сказал он, словно мой взгляд его смутил. — Ты же видел, к чему всё идет, чародей.

— Ты действительно её убил? — спросил я.

— Нет, ну зачем же мне было оставлять её в живых? Но я сделал это быстро.

— Ты вероломный сукин сын, — сказал я.

Он закатил глаза:

— Может быть, тогда это тебе следовало меня нанять.

Я оскалился в ответ.

На этот раз не будет никаких соблазнительных предложений и сделок, над которыми стоит подумать дважды, и кавалерия не появится из-за горизонта. Никодимус просто хотел убить нас.

Нам с Майклом было не выстоять в этом бою.

Я услышал, как Майкл сделал глубокий вдох и спокойно забормотал тихую молитву. Он встал в позицию и поднял меч в высокой стойке.

Я взял посох правой рукой, подхватив его за другой конец несколькими пальцами повреждённой левой, и призвал свою волю и Зиму, готовясь к безнадёжному сражению.

Ласкиэль повернула руки ладонями вверх, и в них появились жгучие точки фиолетового света. Волны тепла мерцали вокруг тела Ханны Эшер.

Андуриил забурлил вокруг Никодимуса, как тёмный плащ, сотканный из прибойных волн, пенящихся вокруг его тонкой фигуры. Динарианец поднял свой меч и двинулся на нас.

Урсиэль испустил инфразвуковой гул, отдавшийся в моей груди, и глаза-бусинки дженосквы

с ненавистью уставились на меня с морды доисторического медведя-демона.

Грей напрягся и немного присел, нерезкие черты его лица были расслаблены в ожидании забавы.

А я больше был не в состоянии бороться с безумной ухмылкой, рвавшейся на волю всё время, пока я прятал свою главную карту.

— Приехали, — сказал я. — Конец игры.

Глава 44

Хороший обман на пустом месте не провернуть.

Всё дело в подготовке.

Перемотаем плёнку назад.

Поставим машину времени на три дня назад, сразу после того, как кончилась наша первая встреча с Никодимусом и Дейрдре, и мы с Мэб ехали из «Хард Рока» в лимузине.

Я сказал ей, кого бы я хотел увидеть.

Какое-то время она не реагировала. Её глаза были устремлены куда-то за пределы крыши лимузина, а голова медленно двигалась, как будто она всё ещё могла видеть Никодимуса и Дейрдре в их номере. Её лицо ничего не выражало, абсолютно ничего — но внутренний микроклимат лимузина изменился на несколько градусов, это было единственное проявление напряжения, которое она скрывала.

— Твоя мудрость растёт, мой рыцарь, — сказала она, поворачивая голову ко мне. — Медленно, но растёт. Он лучший консультант по данному вопросу. Я уже договорилась о встрече.

— Вот оно как, — сказал я, от нечего делать теребя серёжку, отдававшуюся в ухе непривычным ощущением металла. — Это хорошо.

— Прекрати с ней играться, — приказала Мэб. — Чем меньше ты привлекаешь к ней внимания, тем лучше.

Я нахмурился и ещё немного повалял дурака с серёжкой, только чтобы показать ей, что я это могу. Но она была права. При данных обстоятельствах она выглядела просто как дань моде. Если Никодимус поймёт, что может вывести меня из строя, отобрав серьгу, то когда мы наконец схватимся с ним, мои дела быстро полетят под гору.

Поэтому я опустил руки и всю оставшуюся до встречи часть пути внушал себе смириться с новыми ощущениями и полностью изгнать их из мыслей.

Когда лимузин остановился, я начал играться с ней снова, и Мэб вздохнула.

Паб Мак-Энелли — лучшее питейное заведение в Чикаго, обслуживающее сверхъестественное сообщество. Бар находится в подвале, как бар из сериала «Будем здоровы», но на этом сходство заканчивается. Всё вокруг отделано крашеным или полированным деревом, над головой под потолком лениво кружат громоздкие электриче-

ские вентиляторы тридцатых годов. Потолок не очень высок, поэтому он быстро заканчивается на пару дюймов выше моей головы, и каждый раз, войдя в дверь, я напоминаю себе не прыгать как кролик.

Как правило, у Мака идет оживлённая торговля, но сегодня на табличке на двери значилось: «Закрыто. Частная вечеринка». С другой стороны двери висела вторая табличка, сделанная из дерева, с аккуратно выжженными на ней словами: «Установленная нейтральная территория». Это означало, что это заведение было официально провозглашённой нейтральной территорией, в соответствии с принципами Соглашения неблагих, являвшегося Женевской конвенцией сверхъестественного мира. Мэб составила этот договор, и каждому, кто его не подписал, грозила неприязнь сверхъестественного сообщества и, что ещё хуже, её личная немилость.

Один из углов таблички потрескался и обуглился после боя с Иными, у которых было не очень развито чувство гражданского долга.

Мак, лысый, худой и молчаливый, стоял за стойкой бара в своей обычной хрустящей белой рубашке и безупречном фартуке. Когда Мэб вошла, он положил тряпку, которой полировал

деревянную столешницу, и поклонился ей, каким-то образом продемонстрировав этим свою вежливость, а не подобострастие.

— Бармен, — поприветствовала его в ответ Мэб, склонив голову заметно ниже, чем перед Никодимусом несколько минут назад. — Пусть ваши клиенты будут щедрыми и честными.

Мак, как правило, говорил односложно. Но сегодня он произнёс:

— Пусть ваши весы всегда находят равновесие.

Уголок её рта изогнулся в улыбке, и она сказала:

— Льстец.

Он улыбнулся и кивнул мне:

— Гарри.

— Мак. У меня не было хорошей еды целые месяцы. Хотя, хм, я немного стеснён в средствах. Я с удовольствием заплачу тебе за сегодняшние бутерброд и пиво во вторник.

Он кивнул.

— Спасибо.

Мэб повернулась к ближайшему к двери столу и посмотрела на меня. Мне понадобилась пара секунд, чтобы сообразить, чего она хочет, и выдвинуть стул. Она фыркнула и села, сложив руки на коленях и глядя куда-то в пространство, пол-

ностью исключив всех нас из своего восприятия, словно запершись в отдельной комнате.

Мой собеседник ждал за столом в дальнем углу, и я присоединился к нему. Это был большой мужчина во всех смыслах этого слова: высокий, сильный и крепкий, с бочкообразной грудью и бочонком поменьше на животе. Его волосы и борода были серебристо-белыми, хотя розовые гладкие щеки отрицали любые признаки возраста, а голубые глаза смотрели ясно. Он был одет в кольчужную рубашку и кожаные охотничьи штаны, а длинный красный кафтан, отделанный мехом, лежал на спинке стула рядом с ним. Простой потёртый палаш висел у него на боку, а большой комковатый кожаный мешок лежал на полу. Он выглядел здесь не более неуместным, чем почтальон со свое сумкой.

— Сэр рыцарь, — поздоровался он.

— Вы шутите или правда пришли сюда как Крингл? — спросил я.

Крингл подмигнул мне:

— Зимний рыцарь позвал меня как официальный эмиссар Зимней династии. Мэб имеет право призывать Крингла. Если бы она позвала Ваддерунга, я бы посоветовал ей занять очередь.

Донаром Ваддерунгом звали генерального ди-

ректора компании «Монок секьюритиз», которая занималась корпоративной безопасностью, что означало предоставление информации и высококвалифицированных специалистов тому, кто мог заплатить кучу денег. Я не знал никого, за исключением разве что членов Верховного Совета Белого Совета Чародеев, у кого бы был доступ к такому количеству информации, как у Ваддерунга. Только он обращался с этой информацией куда умнее. По ряду веских причин я также считал, что он был Одином. Тем самым Одином. Или, как минимум, ужасно хорошо им притворялся. Ах да, ещё он был Санта-Клаусом.

Ваддерунг — сложный парень.

— Но ведь ты и Крингл — один и тот же человек, — возразил я.

— Говоря юридически, Крингл и Ваддерунг — это два совершенно разных человека, которым просто посчастливилось занимать одно и то же тело, — ответил он.

— Это просто изящная выдумка, — сказал я. — Небольшая игра с правилами.

— Маленькие игры с правилами — это проявление уважения, особенно по отношению к тому, с кем не очень ладишь. Это может быть утомительно, но в целом создаёт меньше проблем, чем

дуэль.

Мак выставил пару своего домашнего пива на барную стойку. Я взял бутылки в охапку, вернулся к столу и поставил их по центру. Кринг выбрал одну, кивнул на стул рядом, и я сел.

— Для начала положим, что вы знаете, чем я занимаюсь, — сказал я.

Он отхлебнул пива, и в уголках его глаз появились весёлые морщинки.

— Мудрое предположение.

Я кивнул и отпил своё. Ух ты! Пиво Мака — отличный аргумент не только в пользу существования Бога, но и в пользу того, что Он хочет, чтобы мы были счастливы. Я смаковал его пару секунд, а затем с трудом заставил себя снова вернуться к делу.

— Я хочу кинуть вам некоторые из своих мыслей, а вы послушаете, как они звучат.

— Всенепременно.

— Во-первых, — сказал я, — Никодимус нацелился на что-то очень могущественное. Я не знаю, что это, но знаю, что он солжёт, если пытаться его разговорить. Он никогда не позволит никому узнать его истинную цель, если можно будет этого избежать.

— Согласен, — сказал Кринг.

Я кивнул.

— Он соберёт команду. Некоторые будут его людьми, некоторые — наёмными специалистами, но я уверен, что по крайней мере один из них будет подсадным — будет выглядеть совершенно независимым, но носить в кармане Монету и слушать то, что падший нашёптывает ему в уши.

— Считаю это весьма вероятным, — снова согласился Крингл.

— В-третьих, — продолжил я, — в какой-то момент он обязательно меня предаст. Он любит упреждать события и одержим контролем, поэтому будет первым, кто вонзит нож. Он знает, что воля Мэб меня ограничивает, поэтому захочет провернуть это всё после того, как я приведу его куда нужно, но прежде, чем мы закончим работу, чтобы его удар был гарантированно первым.

— И это тоже звучит правдоподобно.

— Чёрт возьми! — воскликнул я. — Я надеялся, что ошибаюсь хоть в чём-то. Я подчиняюсь правилам Мэб, и выбор у меня не большой.

Взгляд Крингла перешёл на стройную фигуру за столом у двери.

— Могу ли я предложить вам небольшой совет, основанный исключительно на моём знании нрава королевы?

— Конечно.

— Пути Мэб неисповедимы, — сказал он, глядя на меня с усмешкой. — Мерзкие, неожиданные, коварные, терпеливые и таинственные. Я не думаю, что она бы послала такую ценную фигуру, как вы, на гиблое дело. Ищите удобный случай, ищите слабости. И вы их найдёте.

— Вы видели этого парня в действии? — спросил я. — Никодимус Архлеоне… Он круче, чем я. Умный, опасный, безжалостный и опытный. Он сам по себе достаточно сильно пугает. Я даже ни разу не видел, чтобы он отправлялся на скамейку запасных. Все остальные динарианцы налево и направо вытаскивают наружу своих приятелей падших, но Никодимус, насколько я могу судить, в основном просто позволяет ему крутиться поблизости. У меня нет ни малейшего представления, на что способен Андуриил, потому что Ник никогда не обращался к нему за помощью.

— Может быть, это потому, что Никодимус так же хорошо, как и вы, понимает, где кроется истинная сила, — сказал Крингл.

Я приподнял бровь в ответ.

— В знании, — сказал я и задумался, собирая все кусочки воедино. — Подождите. Вы хотите сказать, что он не использует Андуриила в бою,

потому что Андуриил не боец.

— Любой из падших абсолютно смертелен в бою, — серьёзно произнёс Кринг л, — даже в таких стеснённых обстоятельствах. Но Мастер Теней предпочитает работать не так, нет.

Теперь я лучше понимал, как Никодимусу удаётся контролировать такую банду суперсильных психов.

— Мастер Теней. Это старое-старое название мастера шпионажа.

— Верно, — сказал Кринг л. — Никодимус знает почти столько же, сколько и я. Андуриил имеет возможность услышать что-либо, сказанное в пределах досягаемости любой тени живого существа, а иногда даже смотреть из неё и видеть.

Мои глаза расширились, и я посмотрел на свою собственную тень на столе.

— Нет, — сказал Кринг л. — Вот почему Мэб здесь, она защищает этот разговор от прослушивания. Есть места, до которых Андуриил не может достать, например дом вашего друга Карпентера или ваш остров, теперь, когда вы его разбудили. И падшие должны быть с вами знакомы, чтоб обратить внимание на вашу тень, иначе это просто фоновый шум, но можно с уверенностью предположить, что Андуриил будет внимательно

слушать вашу тень во время всей операции. Всё, что вы говорите, Никодимус будет знать. Даже записывать то, что может скомпрометировать.

— Адские колокола! — сказал я. В таком случае, общаясь со мной, мои друзья запросто могут попасть в ловушку. Неудивительно, что Никодимус всегда на пару шагов впереди всех остальных. — Мне… придётся держать свои карты чертовски близко к груди.

— На вашем месте, я бы их вообще проглотил, просто на всякий случай, — сказал Крингл.

Я потягивал пиво и барабанил пальцами по столу.

— Ладно, — сказал я. — Хорошо. Полезная информация. Но этого не достаточно. Мне нужны ещё преимущества.

— Никогда не считал, что преимущества бывают лишними.

— Было бы здорово внедрить моего собственного подсадного, — сказал я. — Такого, которого Никодимус не заподозрит. Но в этом случае, нужно знать, кого он набирает в команду, кого он уже запланировал взять.

Крингл принял вид профессора, поучающего своего тупого протеже:

— Как бы вы общались с неким теоретическим

лицом и координировали свои действия, если бы у вас не было возможности поговорить с ним?

— Спрятал бы наши сообщения у всех на виду, — сказал я, — под видом чего-то другого. Придумал бы код.

— Интересно. Продолжайте.

— Э-э… — протянул я. — Он будет получать от меня указания, так что ему придется задавать мне вопросы. Нужно сказать ему, чтобы называл меня «чародей» перед тем, как задать вопрос по текущей обстановке. Первое слово моего ответа и будет ответом. Тогда наш реальный разговор со стороны будет звучать совершенно иначе. Мы будем играть поодиночке, пока не настанет время начать действовать. Затем я скажу: «Конец игры», и мы нанесём удар.

Крингл затянулся своим пивом.

— Неплохо. Не идеально, но ничто на свете не идеально.

Отставив бутылку в сторону, он полез рукой в мешок, лежащий у его ног. Он немного порылся в нём, а затем извлёк большой конверт, который протянул мне.

Я озабоченно посмотрел на него. Среди фей принято прилагать к подарками чертовски много всяких обязательств, а мы оба, Крингл и я, при-

надлежали к Зимним.

— У меня ничего нет взамен, — сказал я.

Он небрежно махнул другой рукой:

— Считайте, что это запоздалый рождественский подарок, без всяких обязательств. Ваш остров труднодоступен для доставки.

— Докажите, — сказал я. — Скажите: «Хо-хо-хо».

— Хо-хо-хо! — повторил он добродушно.

Я усмехнулся и взял конверт. Внутри обнаружилась фотография и краткая поясняющая записка.

— Кто это?

— Тайный шпион, наёмник, — ответил Кринглл. — Один из лучших.

— Никогда о нём не слышал.

— Потому что он тайный? — иронично приподнял он одну бровь.

Я слегка тряхнул головой, засчитав Кринглу очко.

— Почему я сейчас смотрю именно на него?

— Есть четыре человека, которые смогли бы исполнить вакантную роль в предприятии Никодимуса, — сказал он. — Двое из них в настоящее время работают по контракту в другом месте, а третий — задержан. Это оставляет Никодимусу только один вариант, и уверен, что он не начнёт

действовать до самого последнего момента — и этот момент не за горами.

— Вы думаете, если доберусь до него первым, я смогу его нанять?

— Если я вас представлю, и мы договоримся, что ваше общение будет происходить под эгидой Мэб? Да, сможете.

— Но если он наёмник, то его по определению можно купить. Что помешает Никодимусу перекупить его у меня?

Крингл откинулся на спинку стула, чтобы обдумать вопрос. Затем он сказал:

— Если вы купите этого человека, он останется купленным. Он такой.

— Вы просите меня довериться профессиональной чести незнакомца, — скептически поднял я бровь.

— Нет, не прошу, — сказал Крингл. — Я прошу довериться мне.

Я медленно выдохнул и сделал большой глоток пива.

— Чтоб мне провалиться! — сказал я. — Куда катится мир, если больше нельзя доверять Санта-Клаусу? — Я наклонился вперед, вгляделся в резюме и сказал: — Так давайте встретимся с Гудманом Греем.

Глава 45

Не успел я выговорить «ы» в «конец игры», как Грей уже пересёк сорок футов, отделяющие его от Урсиэля-и-дженосквы.

Одно мгновение — Грей стоит, самодовольно и выжидающе. Следующее — мерцание в воздухе, и тварь процарапывает себе путь к спине Урсиэля. Размерами и примерной формой она напоминала гориллу, но голова на её плечах могла принадлежать какой-то отвратительной помеси вервольфа с бульдогом, а кончики пальцев венчали гротескно вытянутые когти. Жутковатые золотистые глаза были Грея. Прежде чем Урсиэль понял, что его атаковали, Грей-тварь оседлал его медвежью спину и погрузил клыки в здоровенный горб мускулов, намертво вцепившись громадными челюстями. Медвежище вздыбился на задних лапах — только лишь для того, чтобы Грей обхватил его голову длинными, как у гориллы, руками и воткнул девятидюймовые когти в глаза, подобно кинжалам.

Урсиэль-и-дженоскова издал ушераздирающий рёв боли.

Я развернул тяжелый конец посоха к Никодимусу и прорычал:

— *Forzare!*

Огромная градина пулей сорвалась с конца посоха, но хотя Никодимус явно ещё не оправился от шока из-за предательства Грея, его великолепные рефлексы находились в отменном состоянии, и он увернулся от летящего снаряда, упав на бок и перекатившись.

Майкл крикнул: «Гарри!» — и оттащил меня в сторону за миг до того, как сфера всесжигающе-белого жара возникла точно там, где была моя голова. Последовавший взрыв был настолько силён, что подпалил мне волосы. Я повернул голову, чтобы увидеть Эшер-и-Ласкиэль, поднимающую другую руку, готовясь бросить вторую сферу.

— Ник твой, — выдохнул я.

— Не возражаю, — ответил Майкл.

На заднем плане продолжал рёв и разрушения Урсиэль. Я не видел, что там с Греем, но Урсиэль грохнулся со сцены в витрину с как минимум дюжиной статуй всяческих святых и священных фигурок, обратив их в щебень и раскидав сказочно дорогие драгоценности во все стороны.

В меня полетела вторая сфера, и я отразил её, подняв посох и прокричав заклинание: *«Defendarius!»*

Передо мной замерцала широкая стена силы, и сфера ударилась об неё, взорвавшись облаком пламени, распространившимся вдоль и поперёк, будто ища лазейку в защите. Жар был невыносимо сильным, и достаточное его количество в иных обстоятельствах проникло бы через щит — но всё решил объём. Эшер выстрелила в меня с точностью, достаточной, чтобы попасть в остриё булавки, но благодаря этому сила заклинания оказалась незначительной. Я отразил его грубой силой, используя достаточно большой щит, чтобы распределить жар по достаточной площади и не дать ему просочиться ко мне.

Эшер разочарованно зарычала и швырнула ещё одну сферу. Её тактика была очевидна — если она могла продолжать поливать меня огнём и заставлять заслоняться от него щитом, то в итоге она либо разрушит его, либо истощит мои силы на поддержание заклинания. Я принимал подобный вызов от множества практикующих чародеев, и относительно немногие члены Белого Совета могли потягаться со мной лошадиными силами в магическом эквиваленте. Но если обычные чародеи выбились бы из сил, пытаясь пробить мои щиты, то в отношении Эшер у меня возникла твёрдая уверенность, что она могла

продолжать атаковать огнём, пока я не рухну на землю задыхающейся грудой, особенно учитывая знания и опыт, которыми снабжала ее Ласкиэль. Что ещё хуже — Ласкиэль знала меня, как внутри, так и снаружи.

Или, по крайней мере, знала прошлого меня. Поэтому настало самое время использовать несколько трюков, которые я разработал, когда наши дороги разошлись.

В прошлом я носил кольца, предназначенные, чтобы накапливать незначительное количество кинетической энергии каждый раз, когда я двигал рукой. Затем, когда мне это действительно требовалось, я мог выпустить всю сохранённую энергию разом в одну точку с достаточно разрушительным эффектом. У меня не было возможности изготовить новые кольца, поэтому я вырезал то же заклинание на своём новом чародейском посохе.

Семьдесят семь раз.

Посох был не столь удобен, как мои многочисленные кольца — энергия не была разбита на множество маленьких сосудов, а вся хранилась в одном большом резервуаре, так что выстрел у меня был только один.

Но чертовски мощный.

Поэтому когда очередная раскалённая сфера растеклась пламенем по моему щиту, я крутанул в сторону Эшер тем концом посоха, где были вырезаны накапливающие энергию заклинания, сфокусировал концентрацию на щите, опёрся на ноги и выкрикнул:

— *Arietius!*

Посох брыкнулся у меня в руках, словно живой, заставив отступить на несколько дюймов назад, и накопленная энергия вырвалась наружу и ринулась в щит с внутренней стороны. На какое-то мгновение я заволновался, выдержит ли посох — я ещё не испытывал его в деле с таким огромным количеством энергии, и нельзя было исключать вероятности, что при создании заклинания я мог превысить расчётную мощность. В этом случае я стану эпицентром собственного зрелищного взрыва с большим количеством щепок. Но работу я выполнил на славу, и посох сработал отлично. Я укрепил структуру щита и позволил энергии посоха нести его вперёд, к Эшер, и вдруг огромная, жёсткая и чрезвычайно твёрдая невидимая стена ринулась на неё, словно стремительно надвигающийся товарняк, оставляя за собой огненный след.

Я не опускал щит, и мои действия трудно было

различить за пожирающим его пламенем — поэтому Эшер увидела надвигающуюся угрозу на секунду позже, чем было необходимо, продемонстрировав тем самым свою неопытность. Может, она и обладала настоящей силой и талантом к огню, но в схватке некогда продумывать каждое заклинание и контрзаклинание. Ты либо сделал домашнюю работу, либо нет, и несмотря на поддержку Ласкиэль, Эшер оказалась просто не готова к подобному. Она была полностью сфокусирована на нападении, даже не думая совмещать его с защитой, поэтому не смогла отразить атаку вовремя.

Стена врезалась в неё с силой несущегося на полном ходу грузовика и вышибла из завесы пурпурного тумана, обрамлявшего её обнажённую фигуру. Она улетела со сцены мельницей вертящихся конечностей и врезалась в витрину с особенно тонкими церковными одеждами, большая часть которых тут же загорелась, стоило мерцающему жару, окружавшему её тело, коснуться ткани.

Как только это произошло, свет в огромном хранилище изменился. Огонь в ладонях двух тройных статуй вспыхнул большим и опасным на вид багровым костром, окрасив всё в оттенки

текущей крови. Я поднял взгляд на статуи и увидел, что их рты шевелятся. Из них не исходило ни звука, но эти чёртовы штуковины говорили, и животный инстинкт подсказал мне, что произошло. Бессмысленное уничтожение части коллекции включило какую-то сигнализацию.

А мы все стояли — более или менее — в одной невообразимой тюрьме для духов умерших.

Майкл с Никодимусом в это время яростно обменивались ударами. Аморакциус сиял, точно маяк, воздух наполняла его гудящая сила. Тень Никодимуса угрожающе плясала, размывая его фигуру, а сам он двигался с проворством маслянистой ядовитой жидкости, меч его так и сверкал — но всё это я уже видел.

Чего я не видел — так это Майкла, сражающегося изо всех сил.

Майкл был большим парнем, широкоплечим и сильным, поэтому контраст между ним и Никодимусом поражал. Есть одна прописная истина боя, которая гласит, что опытный большой человек побьёт опытного маленького. Преимущество большего роста, размаха и большей физической массы и силы неоспоримо, и впервые я увидел, как Майкл задействовал всё это разом.

Удар за ударом обрушивался на Никодимуса

в череде яростных атак, и менее крупный человек мог только отступать шаг за шагом под натиском рыцаря Меча. Его более лёгкий клинок смог сделать выпад один раз, второй, но оба раза Майкл повернулся телом и принял удар в кольчугу, доверившись выкованной Черити для его защиты броне — и она справилась с задачей. Он продолжал наступать, и ни один из его ударов не предназначался для того, чтобы только ранить или вывести из строя. Аморакиус ударял в голову, горло, живот, сердце Никодимуса, и любая из этих атак могла нанести смертельное ранение.

Я кинул взгляд туда, где, насколько я знал, лежала охваченная пламенем Эшер. Я подумал, не подойти ли туда, чтобы удостовериться, что она нам больше не помешает, но от одной мысли об этом меня замутило, и я решил, что не готов ещё зайти так далеко. Кроме того, как бы опасна она ни была, Никодимусу она и в подмётки не годилась. Майкл уже почти одолел его. И это был наш шанс избавиться от этого монстра.

Майкл оттеснил Никодимуса к краю сцены, но тут динарианец зарычал и, крутанувшись, спрыгнул на землю. Он перекатился и снова поднялся на ноги, ловкий как акробат.

А я швырнул в него ещё одной градиной до того,

как он обернулся и увидел её приближение.

У меня не было времени собрать столько же льда, сколько для первых двух, но градина, ударившая его, была размером с очень большое яблоко и летела значительно быстрее, чем прямая подача питчера высшей бейсбольной лиги. Градина при ударе не пострадала. Чего нельзя сказать о Никодимусе. С влажным шлепком лёд врезался ему в левый бок, под рёбра, заставив подскочить на носки и выгнуться от боли дугой. Затем динарианца качнуло вбок, и он упал на одно колено.

Майкл сделал два шага и спрыгнул со сцены. Он замахнулся и обрушил клинок на голову противника, как палач обрушивает свой топор. И никакая демоническая сила или падший ангел не могли спасти Никодимуса от этого удара, нанесённого этим человеком, с этим Мечом.

Ник спасся благодаря хладнокровию.

Амораккиус обрушился вниз, а Никодимус с искажённым от боли лицом поднял для защиты от Майкла не меч — но святой Грааль.

Майкл испустил испуганный крик и крутанул бёдрами, направив замах в сторону, и удар прошёл мимо Никодимуса, даже его не задев. Майкл потерял равновесие и упал, тяжело перекатив-

шись. Не вставая с земли, Никодимус сделал выпад своим длинным мечом в спину Майкла, погрузив остриё в одно из его бёдер. Майкл снова вскрикнул от боли и с трудом поднялся на ноги, зажимая рану.

Никодимус поднялся следом, его тёмные глаза блестели, левая рука была плотно прижата к рёбрам, куда его ударила градина, он с трудом двигался. Он повернулся, чтобы поймать в обзор и меня, и Майкла, явно испытывая проблемы с распределением веса. Он был ранен.

Но далеко не так ранен, чтобы это меня устраивало.

Я призвал к навершию посоха ещё одну градину, затем поднял его и прицелился.

Никодимус снова поднял Грааль, держа его между нами, будто заложника, и слегка улыбаясь:

— Осторожнее, Дрезден, — сказал он. — Неужели ты готов пойти на такие жертвы?

— Ага, — ответил я и снова прорычал: *«Forzare!»* — послав в него очередной заряд льда.

Глаза Никодимуса расширились, но он сумел развернуться, чтобы заслонить собой Грааль, а градина ударила его в правую лопатку. Он издал ещё один задыхающийся крик — и внезапно воз-

никшая тьма окутала его и унесла волной прочь.

— Майкл, — сказал я и поспешил к своему другу.

Глаза Майкла напряжённо метались вправо-влево, высматривая Никодимуса. Он повернулся так, чтобы я смог взглянуть на рану. Она была колотая — узкая, но глубокая. Кровь не хлестала по его джинсам ручьём, и я решил, что артерия не задета.

— Что произошло? — спросил я. — Он ушёл?

— Я… Я не уверен… — ответил мне Майкл. — До этого я не видел, чтобы у кого-либо получилось заставить его сбежать.

— Нужно его добить.

— Согласен, — ответил он мне. — Но как? Он только что улетел прочь.

— Дай мне минутку, — сказал я и почувствовал, что мои губы сами собой расплываются в ухмылке. — Как нога?

— Бывало и хуже, — напряжённо ответил он, затем переместил вес, пробуя опереться на ногу, и зашипел… но раненая нога выдержала. — Обычная рана.

— Ага, — сказал я. — Это всего лишь царапина! Продолжаем, ты, педик!

Он заморгал и уставился на меня:

— Педик?

— Ох, — ответил я. — Так ты не фильм цитировал. Извини.

— Какой фильм?

— «Священный Грааль»?

— Всё ещё у Никодимуса.

— Проехали, — вздохнул я.

С другой стороны амфитеатра раздался грохот рушащихся камней, и, оглянувшись, я увидел, как падают несколько пар коринфских колонн под аккомпанемент яростного рёва Урсиэля.

— Так объясни мне, — сказал Майкл, — Грей на нашей стороне?

— Ага. Я нанял его ещё до того, как всё это началось.

— Но он убил мисс Вальмон!

— Нет, не убивал, — возразил я. — Он соврал Никодимусу. Она должна ждать нас где-то снаружи хранилища.

Майкл выглядел сконфуженным:

— Ох. Но всё равно его жизнь меня не заботит.

— Эй, мы же ещё живы!

— Да, правда, — согласился Майкл и глубоко вздохнул. — Раз уж он остался тебе верен, мы должны ему помочь.

В этот момент Урсиэль встал на дыбы. Грей

всё ещё находился в своём чудовищном обличье и всё ещё держался. Глаза самого дженоксвы представляли из себя одну кровавую рану, но глаза Урсиэля ярко пылали яростным зелёным огнём. Огромная похожая на медведя зверюга издала рёв, который наверняка ещё долго будет преследовать меня в кошмарах — если я проживу достаточно долго, чтобы их увидеть — и опрокинулась на ещё одну коринфскую колонну, пытаясь размазать по ней Грея. Они рухнули с очередным звучным грохотом и брызгами сверкающих драгоценных камней. Звук удара был… охренительно громким. Такой звук ассоциируется скорее со сносом зданий, а не с дракой.

Я сглотнул:

— Ага. Думаю, нам сл…

Я запнулся на полуслове, когда по моей спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с движением молекул.

Это ощущение было мне знакомо. Я уже испытывал его раньше, окружённый враждебными призраками, когда был почти что мёртв. Это было жуткое, совершенно отвратительное ощущение, и они излучали его, как человеческое тело излучает жар.

Впрочем, это не обязательно значило что-то

серьёзное в физическом мире. Призраки обычно не могут контактировать с материальными объектами, либо могут, но лишь специфическими и сильно ограниченными способами. Но мы не находились в физическом мире. Это была Небывальщина, Подземный мир, и здесь, внизу, духовные сущности были столь же реальны и смертоносны, как и физические враги — даже намного смертоноснее.

В сущности, учитывая, как много действительно жутких монстров сразили разнообразные древнегреческие герои, у Аида, возможно, действительно был очень, очень неприятный отряд стражи. Этот парень, возможно, и вправду был единственным человеком во вселенной, кто мог на полном серьёзе дать команду: «Выпускайте кракена». Но с чего бы им спешить к нам? Я имею в виду, что мужик пожелал мне удачи. Он, конечно, не вмешался, но…

Я поднял взгляд на движущиеся губы статуй и вздрогнул:

— О чёрт.

— Что? — спросил меня Майкл.

— Я думаю, что мы привели в действие какую-то автоматическую систему безопасности, — ответил я. — Думаю, в этот самый момент полчище

опасных духов мчится к нам на всех парах.

— Значит, нам нужно уходить.

— Я бы сказал, драпать. Забираем Грея и сматываемся.

Мы оба повернулись и двинулись к Грею — Майкл мог двигаться разве что быстрым шагом — но не успел я сделать и дюжину шагов, как позади меня раздался крик чистой ярости.

— Дрезден! — гневно взвыла Ласкиэль через рот Эшер. Я оглянулся и увидел, как её фигура с пылающими фиолетовыми глазами поднимается из маленького филиала ада, бушующего на стенде с одеждой. Она твёрдо встала на ноги и втянула в себя воздух — и огонь вокруг неё вдруг ослаб и заполыхал тем же отвратительным пурпурным оттенком, что и её глаза. Воздух наполнился запахом серы.

— Вот дерьмо, — выдохнул я.

А затем копье из чистого Адского Огня с рёвом понеслось прямо в меня.

Глава 46

Раздумывать было некогда. Я доверился инстинктам.

Я не мог оградить себя щитом от пламени, замешанного на адском огне, демонической версии огня Души. Адский огонь на несколько порядков увеличивает разрушительный потенциал магии. Когда тень Ласкиэль была внутри меня, я тоже им пользовался. Если бы у меня был мой старый браслет из щитов, я бы мог парировать большую его часть, но даже этого было бы недостаточно, чтобы мгновенно его остановить.

Не мог я и отразить его Зимой. Если бросить лёд навстречу пламени, они образуют пар, но адский огонь не остановится и продолжит своё движение. Тот же результат, только я буду приготовлен на пару, а не поджарен.

Раз или два в жизни мне удавалось достаточно быстро открыть перед собой Путь и переправить атакующее заклинание в Небывальщину или из неё, в какое-нибудь другое место в мире смертных. Но отсюда, из охраняемого хранилища, было бесполезно даже пытаться открывать Путь — для

этого нужно было как минимум снова выйти за первые врата.

С огнём и так достаточно трудно иметь дело. Но если смешать его с адским огнём, его почти невозможно остановить.

Так что я даже и не пытался его остановить.

Вместо этого я его перенаправил.

Когда огненный снаряд понёсся на меня, я поднял посох правой рукой, завертел им туда-сюда перед собой, выделывая восьмёрки, и с криком: *«Ventas cyclis!»* — пустил через него свою волю, сплетённую с огнём Души, навстречу адскому огню падшего ангела.

Воя и кружась, ветер вырвался из моего посоха и свернулся в тугой вихрь, когда его достиг адский огонь. Вспыхнула молния, грянул гром, и резко запахло озоном, когда две диаметрально противоположные силы встретились и вступили в бой. Вращающийся воздушный вихрь поймал фиолетовый огонь, отклонил его к высокому потолку пещеры и закачал гейзер сверхъестественного пламени из стороны в сторону.

Чтобы контролировать этот ветер, потребовались огромные усилия, но хотя огонь прошёл всего в нескольких футах, исходящий с моей стороны воздушный поток не дал тепловому рас-

плыванию зажарить меня на месте. Моя защита отвела всю мощь удара на потолок пещеры, где огонь разлетелся брызгами, затанцевал и свернулся в огромные волны.

Это на самом деле было дьявольски красиво.

Когда последняя вспышка удара ушла ввысь, у Эшер вырвалось короткое разочарованное рычание. Я отпустил заклинание ветра, но посох оставил медленно вращаться, готовый, если придется, к повторному противостоянию. Гнева, всё ещё бушевавшего в ней, у Эшер было в изобилии, и она обратилась к нему, чтобы собрать в своих руках ещё больше огня.

— Не делай этого, Ханна, — окликнул я её. — Тебе меня не побить. У тебя нет того, что для этого нужно.

— Ты — заносчивый сукин сын, — ответила она. — У меня есть всё, что нужно, чтобы справиться с тобой, страж. Боже, я была идиоткой, воображая, что ты хоть чем-то отличаешься от остальных.

— Вот тебе главное отличие, — продолжил я. — Отступи. Уходи отсюда. Я мешать не стану.

Она коротко, недоверчиво рассмеялась.

— У самомнения Белого Совета действительно нет границ, не так ли? — спросила она. — Вы

думаете, что можете осуждать и выбирать, кому жить, а кому умереть. Устанавливаете все эти правила, по которым все остальные обязаны жить.

— Эти правила существуют не без причины, Ханна, — сказал я. — И в глубине души ты знаешь это. Но речь не о Законах магии или Белом Совете. Она о нас с тобой и о том, выйдешь ли ты из этого хранилища живой.

Я попытался смягчить свой голос, чтобы он казался менее испуганным и злым.

— Это существо внутри тебя влияет на твои эмоции. Манипулирует тобой. Она может показывать иллюзии, настолько реальные, что ты не поймёшь разницы, не прибегая к Зрению. Сказала ли она тебе об этом?

Эшер молча смотрела на меня. Я не был уверен, что она меня слышала.

Чёрт возьми. Если Ласкиэль была в голове Эшер, прямо сейчас обманывая её органы чувств иллюзией, она могла меня и не слышать.

— Ты не могла владеть ее Монетой так уж долго. Пару недель? Месяц? Я прав?

— Не притворяйся, что знаешь меня, — выплюнула она.

— Ты права, — согласился я. — Тебя я не знаю.

Но я знаю Ласкиэль. Эта Монета была у меня какое-то время. Мне приходилось терпеть её в своей голове в течение многих лет. Я знаю, что она такое, как она может извращать вещи.

— Она не делает этого, — сказала Эшер. — Не со мной. Она дала мне силу и знания. За последние несколько недель я узнала от неё о магии больше, чем ото всех других чародеев за всю свою жизнь.

Я покачал головой.

— Магия огня — это чистая страсть, Ханна. И я знаю, в тебе, должно быть, накопилось много ярости. Но тебе следует обдумать свой путь к этому. Она не сделала тебя сильнее. Она просто раздула твой гнев, чтобы питать огонь. Ничто не даётся даром.

Эшер испустила горький смешок.

— Ты боишься, Дрезден. Признайся. У меня есть доступ к власти, которая делает меня опасной, и ты боишься того, что я могу сделать.

И, именно сейчас, она продемонстрировала принципиальную разницу между нами.

Я любил магию как таковую. Она — нет.

Искусство может требовать большого труда, иногда оно может быть утомительным, а иногда даже болезненным, но по большому счёту — я люблю его. Я люблю концентрацию, дисци-

плину, баланс. Люблю работать с энергиями и изучать, что можно сделать с их помощью. Люблю накапливающееся напряжение заклинания и почти болезненную ясность концентрации, необходимую, чтобы превратить это напряжение в действие. Я люблю практику так же, как и теорию, исследования, эксперименты с новыми заклинаниями, обучать магии других. Люблю накладывать заклинания на разнообразные изделия моего магического инвентаря, и, больше всего, я люблю, когда могу использовать свои таланты, чтобы изменить мир к лучшему, пусть даже совсем немного.

Эшер… наслаждалась, взрывая всё вокруг и сжигая дотла. В этом она была хороша. Но она не любила свой талант за то чудо, каким он был.

Она просто любила то, что могла делать, пользуясь им.

И это привело её сюда, в место, где она обладала ужасающей силой, но не тем состоянием психики, чтобы правильно понимать последствия и результаты её использования — или, по крайней мере, не настолько, насколько в том нуждалась, в глубине души. Чтобы управлять мощью, которой она теперь обладала, она должна была понимать всё на уровне животных инстинктов, проникаясь

Искусством магии так полно, чтобы подлинная его суть воспринималась неосознанно.

Именно поэтому, практически каждый раз, когда она использовала магию за последние несколько дней, её целью было разрушение либо защита собственной шкуры от прямых последствий её же силы. Поэтому она не была способна применить на практике то, в чём нуждалась в противостоянии с кем-то, кто обладал широким спектром навыков. Поэтому она сосредоточилась исключительно на нападении на меня и пренебрегла собственной защитой несколькими минутами ранее. Вот почему она сказала *«да»* падшему ангелу, который теперь сводил с ума её эмоции.

И по той же причине она не обдумала последствия высвобождения такого количества энергии изначального разрушения в большом, но в конечном счёте, ограниченном пространстве.

У Эшер был талант, но не было образования, практики и склада ума — набора, необходимого, чтобы стать профи.

— Я боюсь, — сказал я ей. — Мне страшно за тебя. Тебя занесло на плохую дорожку, Ханна, и мне чертовски жаль, что это случилось именно с тобой. Пожалуйста, просто уходи. Пожалуйста.

Ханна сощурилась, лицо её покраснело, и она произнесла, отрубая каждое слово:

— Снисходительный ублюдок. Прибереги свою жалость для себя.

А затем с криком послала на меня ещё одно копьё адского огня удвоенной силы.

Я снова поймал его вихревым заклинанием, переплетённым с огнём Души, хотя усилий понадобилось ещё больше. И снова послал его по спирали вверх к потолку, но на этот раз направил в одну точку.

За мгновение до того, как последние капли адского огня врезались в потолок, я встал на одно колено, вытянул посох вверх и поднял самый мощный щит, который только смог создать, между собой и Эшер. Расчёт был в том, чтобы немного отвлечь её внимание на меня, подставив цель, которую она психологически не смогла бы проигнорировать.

Она закричала, яростно глядя на меня, и вновь начала собирать в руках огонь, видя только пассивную цель, ослабленную и упавшую на одно колено, которую можно было размазать третьим заключительным ударом. Но я видел горящие глаза Ласкиэль, расширившиеся от внезапного смятения и понимания, когда падший ангел

сообразил, что сейчас произойдёт, на несколько сотых доли секунды позже, чем успел бы это предотвратить.

Через мгновение несколько сотен тонн расплавленных и раскалённых докрасна камней, вырванных из скальной породы собственным адским огнём Эшер, обрушились ей на голову.

Шум был ужасный. Разрушения устрашали. Светящиеся горячие камни отскакивали от моего щита, а затем начали накапливаться с обратной стороны, тесня меня и толкая назад по земле. Груда камней пихала меня добрых двадцать футов по полу амфитеатра, а Майкл лихорадочно ковылял впереди меня на карачках, чтобы оставаться под защитой щита.

Через несколько секунд падение камней стало не таким бурным и беспорядочным, и я опустил щит, задыхаясь от затраченных усилий. Я всё стоял на одном колене, не двигаясь с места и наклонившись вперёд, пытаясь отдышаться, вымотанный напряжением последних секунд. Хранилище всё крутилось и крутилось перед глазами. И когда это только началось?

Воздух загустел от пепла, жара и запаха серы. Половина долбаного амфитеатра была погребена под упавшими камнями. Одна из огромных ста-

туй была засыпана по самые бёдра.

А Ханна Эшер и Ласкиэль исчезли.

Упали несколько последних камней, громко стуча по беспорядочной груде и подпрыгивая. Я смутно отметил, что их прыжки выглядят как-то не так. Сила тяжести здесь действительно была немного больше, чем в реальном мире. На самом деле она была настолько сильной, что мне хотелось просто закрыть глаза и остаться лежать на полу.

— Гарри, — выдохнул Майкл.

— Прости меня за это, Ханна, — услышал я собственный шёпот. — Мне жаль.

Майкл положил руку мне на плечо:

— Гарри? Ты в порядке?

Я помотал головой и слабо махнул в сторону нападавшей груды.

— Адские колокола, Майкл! Это был даже не бой. Это было настоящее убийство. Она не была монстром. Она просто сделала плохой выбор. Пустила эту штуку внутрь, и… та стала провоцировать её. Управлять ею.

— Это то, что они делают, — тихо сказал Майкл.

— Это могло случиться и со мной… Если бы не Божья милость, под завалом был бы Гарри

Дрезден.

Майкл, хромая, подошёл ближе, остановился передо мной и слегка хлестнул меня по щеке:

— У нас нет на это времени. Рефлексировать будешь позже. Мы поговорим об этом потом. Вставай.

Удар не был болезненным, но он слегка ошеломил меня и заставил встряхнуть головой. Изнеможение, вызванное швырянием настолько мощных сил, начало проходить, и я стряхнул вялость, которая последовала за ним. Противное покалывание холода стало ещё ощутимее.

— Гарри, — окликнул Майкл, — ты меня слышишь?

— Голова болит, — пробормотал я. И затем я осознал, что это означает. Серьга Мэб пылала в моём ухе как крошечная ледяная звезда, а голова всё равно начала тяжело пульсировать.

Моё время истекало. И если я не смогу вернуть всех к первым вратам и открыть Путь обратно в Чикаго, оно истечёт и для остальных. Я опёрся на посох и заставил себя встать на ноги. Я чувствовал себя дряхлым, неподъёмным и уставшим, но этой слабости я позволить себе не мог.

Я снова заставил себя сосредоточиться и сморгнул с глаз что-то горячее и влажное.

— О'кей, — сказал я. — Ладно. Забираем Грея и валим отсюда.

И тут по воздуху с дальней стороны амфитеатра к нам понеслась какая-то размытая тощая фигура с огромными крыльями летучей мыши. Одно из его крыльев ослабело, существо рухнуло на мраморный пол, подпрыгивая при посадке. Неясная фигура несколько раз перекувырнулась, и когда остановилась, перед нами лежал ошеломлённый Грей. Нижняя половина его лица, а также руки и предплечья были алыми от крови.

— Майкл, — позвал я.

Действуя вместе, мы поставили Грея на ноги между нами, и двинулись назад к входу в хранилище, огибая адский жар, исходящий от обломков.

— Грей, — спросил я, — что произошло?

— Он проявил сообразительность и перекинулся в меньшую форму, — сказал Грей. — Мои челюсти соскользнули. Но что-то попало ему в глаза, и я оторвался от него прежде, чем он смог превратиться обратно и схватить меня.

Откуда-то позади нас раздался яростный рёв дженосквы и грохот падения ещё одной колонны. Следующее рычание прозвучало огорчительно глубже по диапазону, поскольку дженосква

снова принял демоническую форму Урсиэля и поднялся на задние лапы для лучшего обзора. В результате его голова оказалась в долбаных двадцати футах от земли, и хотя мы уже проделали большую часть пути по лестнице амфитеатра, горящие глаза Урсиэля и истерзанные, кровавые глазницы дженосквы оказались на одном уровне с моими. Демон-медведь раскрыл пасть и взревел от ярости.

— Похоже, он разозлился, — пискнул я.

— Искренне на это надеюсь, — буркнул Грей, немного глотая слова. Он лишь едва поддерживал собственный вес, и его глаза всё ещё выглядели мутными. — Дай мне сек и буду в поряде.

Урсиэль упал обратно на свои шесть лап и двинул к нам. Он хромал на ту ногу, которую перерубил Майкл, но она не просто болталась свободно, как должна бы. Адские колокола, он быстро восстановился.

— Вальмон, — спросил я у Грея. — Где она?

— Отправил её обратно к первым вратам, — ответил Грей, — с магическими артеф… арф… вещами.

— Вот и всё, — сказал я Майклу. — Ты ранен. Грей всмятку. Отведи его обратно к первым вратам и сделай это настолько быстро, насколько

сможешь.

Майкл стиснул челюсти.

— Ты не можешь сражаться с Урсиэлем в одиночку, Гарри. Тебе не победить.

— Нет нужды сражаться с ним, — возразил я. — Нужно просто купить вам двоим немного времени, чтобы выбраться. Доверься мне. Я вас скоро догоню.

Майкл на секунду прикрыл глаза, а затем быстро кивнул мне и принял весь вес Грея на себя.

— Да пребудет с тобою Бог, друг мой.

— Любая помощь приветствуется, — согласился я и остановился на верхней части лестницы амфитеатра, в то время как Майкл и обвисший на его руках Грей отступали по пути нашего прибытия.

В голове стучало. Я вытряс из рукава нож в ножнах и закинул его в карман пыльника, к своему револьверу-переростку, затем проверил, что Плащаница надёжно спрятана в другом кармане.

Из дальнего конца хранилища донёсся устрашающий завывающий вопль. Холодок, пробегавший по коже, становился всё интенсивнее, и ему сопутствовало чувство иррационального, сверхъестественного ужаса. Через мгновение первому воплю эхом отозвались другие, и ощущение

бездумной паники усилилось. Сердце пустилось вскачь, ноги и руки затряслись и ослабли.

Тени приближались.

Урсиэль издал ещё один неистовый рёв, а затем двадцатифутовый рогатый медведь размером с боевой танк проломился на открытое пространство и неуклюже помчался вверх по лестнице ко мне, оскалив клыки, с явным намерением учинить кровавую бойню.

И вместо того, чтобы спасаться бегством как любая здравомыслящая личность, я замахал ему как мельница руками и заорал:

— Эй, Йоги! Я здесь! Иди-ка получи!

Глава 47

Урсиэль был слишком большой, чтобы драться.

Послушайте, люди без умолку болтают о том, что размер — это ещё не всё, и чем ты выше, тем больнее падать, но людям, которые так говорят, вероятно, не приходилось сталкиваться с атакующим медведем-демоном, таким большим, словно он сошёл с экрана кинотеатра на открытом воздухе. С точки зрения обороны побеждает самый что ни на есть размер. Это факт. Спросите слона.

Но…

С точки зрения охоты, быть большим хорошо только тогда, когда те, на кого ты охотишься, тоже весьма огромны. Успешные хищники не обязательно больше, чем те, с кем они расправляются — они просто лучше вооружены и достаточно велики, чтобы справится с задачей, если всё сделают правильно. Слишком многочисленная и проворная добыча может разбежаться, и охотнику будет сложнее угнаться за несколькими целями одновременно.

Грей поступил блестяще, ослепив дженоскву.

Он заставил его полагаться на глаза Урсиэля. А для этого, по-видимому, нужно было оставаться в форме гигантского медведя. Если бы дженосква преследовал меня в своей естественной форме, он поймал бы меня и разорвал в клочки в один миг — я видел, как быстро он мог двигаться. Медведь, возможно, и представлял собой неодолимую массу мышц, когтей и клыков, но у меня был небольшой опыт общения с очень-очень большими существами в процессе движения, и я знал о них одну важную вещь.

Они не слишком поворотливы.

Урсиэль приблизился и, насколько позволяли его размеры, изобразил нечто похожее на атакующий прыжок. Я метнулся в сторону. Гарри Дрезден, чародей, сыграл бы в ящик на этом самом месте. Но сэр Гарри, рыцарь Зимы, на целый волосок разминулся с разящими лапами и щёлкнувшими челюстями, отскочил назад на несколько ярдов и заорал:

— Оле! Торо!

Урсиэль взревел ещё раз, но его голова повернулась в сторону отступающих фигур Майкла и Грея. По моим наблюдениям, Урсиэль не был тактическим гением, но и он, и дженосква были хищниками, а Майкл и Грей были ранены и

уязвимы. Их легко можно было поймать и прикончить, а затем на досуге поохотиться и на меня, словно кошка, которой досталась целая куча надоедливых мышей.

И я поднял свой посох, направил его на демона-медведя и прокричал:

— *Fuego!*

Огненный заряд, который я послал в него, был невелик. Мне не хотелось тотчас же хлопнуться в обморок от истощения, а дженосква-и-Урсиэль проявлял раздражающую устойчивость к моей магии. Но у меня была другая цель. Мини-заряд пламени ударил медведя по носу, и хотя и не обжёг плоть, но подпалил немного шерсти и, клянусь, чертовски его взбесил.

Голова медведя дёрнулась обратно в мою сторону, и сам он качнулся вперёд. Затем горящие глаза стали ярче, и он снова качнулся в сторону раненых, пытающихся уйти из хранилища. Конфликт воли дженосквы и падшего ангела был практически налицо.

— У-у-у-у-у! — протянул я самым раздражающим тоном, которым только мог. — Ты меня разочаровываешь, Джен. Бьюсь об заклад, что Река в Плечах не стал бы на твоём месте так разрываться на части.

Это окончательно его довело.

Большой медведь развернулся ко мне и диким рывком мгновенно ринулся вперёд, и я снова скользнул в сторону — ещё пара дюймов, и меня перемололо бы в пасту. Я метнулся ещё на несколько ярдов в сторону, так чтобы нас разделил один из стендов. Он даже не попытался обойти его, а просто пробился сквозь, разбрасывая повсюду золото и драгоценные камни, и моя голова едва избежала нового украшения в виде упавшей на неё мраморной колонны. Я поскользнулся, но удержался на ногах и продолжил движение, заставляя огромного медведя постоянно поворачивать в разные стороны, если он хотел меня поймать.

В моём субъективном восприятии это длилось полтора века, хотя в реальности, возможно, прошло где-то тридцать секунд. Несколько доспехов были раздавлены или разлетелись на части, когда мелькнувшая огромная лапа выбила мраморную колонну, поддерживающую крышу над стендом, где они стояли. Полдюжины объектов, похожих на яйца Фаберже, покрытых нежной золотой сеткой, разбились в лепёшки, когда один из мощных как кувалда ударов промазал мимо меня на дюйм. В какой-то момент я схватил огранённый алмаз

величиной с мой кулак и с криком: «Зашибись!» — швырнув его Урсиэлю в нос, а затем спрятался за очередным выставочным стендом с редкими священными текстами и несколькими Библиями Гутенберга по центру.

А затем случилось нечто страшное.

Рёв прекратился.

Я мгновенно застыл на месте. Стало тихо, только трепетало пламя в руках гигантских статуй, и откуда-то из-за дальней стены хранилища, нарастая, неслись нескончаемые и пугающе близкие стенания и страшные вопли.

Что-то металлически звякнуло, словно слепой обладатель огромной лапы случайно пнул упавший драгоценный камень, и тот ударился о какой-то предмет из драгоценного металла.

Вот дерьмо!

Я огляделся по сторонам и понял, что обломки и другая мелочь покрывали каждый дюйм пола вокруг на расстоянии пятидесяти футов от меня. Я забыл, что имею дело не только со звериной природой Урсиэля. За ним ещё стоял интеллект дженосквы, и он меня уделал.

Конечно, дженосква в первую очередь пытался меня поймать и убить, но, кроме того, он ещё специально покрыл весь пол вокруг обломками,

чтобы не оставить мне никакой возможности сдвинуться с места, не наделав шума.

Теперь, чтобы поймать и убить меня, ему не нужны были глаза.

— Маленький чародей, — загрохотал дженосква. Тональность его голоса странно прыгала. Наверное, он говорил из-за завесы, поэтому я не мог определить, откуда голос исходит. — Буду откручивать твою голову с твоей тощей шеи. Буду наслаждаться этим.

У меня было что ему ответить, но заговорить я не решился. В любом случае, голос выдал бы мой ужас. Вопли становились чаще, а жутковатое ощущение присутствия теней всё ближе, и моё сердце билось так сильно, что грудь тряслась. Я попытался повернуть голову, совсем не сдвигаясь с места и не шурша одеждой, чтобы поискать дженоску. Его я не увидел, но голос был близко.

Я знал, что у меня только одна попытка на рывок. Если я ошибусь, он меня догонит и проделает всё то, что обещал. При этой мысли по шее пробежали неприятные мурашки. Мне нужно было выяснить, где он находится.

— Откручу твою голову, словно крышку, маленький чародей, — продолжал греметь голос дженосквы, после каждой фразы он делал паузу,

чтобы прислушаться. — Выпью твою кровь. Как бутылку колы.

Этот образ получился таким ярким, что я едва не испустил нервный смешок. Но вовремя его подавил, закрыл глаза и изо всех сил напряг свой чародейский слух. До меня доносились слабые короткие звуки. Хруст обломков. Движение на вершине кучи рассыпанных драгоценных камней. Но все звуки были искажены, как голос дженосквы, и их источник невозможно было определить.

Прекрати вести себя как загнанное животное, Гарри, и используй свой мозг.

Точно.

Дженосква не слышал меня и не мог точно знать, где я нахожусь… но если я буду сидеть на одном месте, рано или поздно он меня найдёт. Если я прошепчу слова заклинания, чтобы скрыть свои движения под завесой, их он тоже услышит. Моей пульсирующей голове и так хватало нагрузки, и я не решился попробовать невербальную магию. Я бы смог, но психическая отдача от неё была просто опустошающей, и последнее, что мне было нужно, это ошибиться и вырубиться. Даже использование магических чувств могло меня выдать — дженосква в какой-то мере и сам прак-

тиковал магию и вполне мог учуять, как моя аура расширяется в поисках источников энергии.

Тени стали ближе, а воздух в хранилище — неприятно тёплым от расплавленной скальной породы. Нагретый воздух поднимался вверх, восходящий поток давал пищу огню в руках статуй, и тот тихонько подвывал.

Тяга.

Легко касаясь волосков на тыльной стороне моей ладони, воздух мягко тёк мимо меня откуда-то из-за пределов хранилища, в сторону груды горячих камней, наваленных более или менее в центре огромного помещения.

Не думай, как человек, Гарри. Думай, как хищник. Игнорируй зрение. Забудь о слухе. Как движется хищник, когда преследует добычу?

С подветренной стороны.

Дженосква будет двигаться с подветренной от меня стороны, ориентируясь по моему запаху. Это было не то же самое, что знать, где он находится, но для моих целей годилось.

При условии, конечно, что рассуждал я правильно. Если это не так, я загоню себя в ловушку и стану Гарри Дрезденом, человеком-напитком.

Сил на выполнение заклинаний у меня почти не осталось, но я должен был попытаться.

Поэтому я призвал Зиму, сфокусировал волю в посохе и крикнул:

— *Glacivallare!*

Ледяной холод вырвался из посоха и затвердел в стену изо льда около двадцати футов длиной и в фут толщиной, слегка изогнутую в мою сторону. Я взмолился, чтобы дженосква оказался по другую сторону стены — моя жизнь зависела от этого — повернулся и побежал.

Мне не удалось пробежать и двадцати футов, как что-то врезалось в стену и с треском разбило её. Я бросил быстрый взгляд через плечо и увидел дженоскву, большое человекообразное пятно за завесой, которая задрожала, когда крошечные кусочки льда приземлились на него и растаяли. Завеса замерцала и упала, и он не пытался её восстановить. Восстановив равновесие за полсекунды, он стремительно бросился ко мне, используя для бега свои огромные руки наравне с ногами.

Если бы Майкл его не ранил, дженосква уже сдавал бы мой труп как пустую бутылку в обмен на пятицентовик. Но хотя ему явно было лучше, он всё ещё двигался не на полной своей скорости, и мне удавалось сохранять преимущество в пару шагов. Его запах заполнял мой нос, а громкое

сопение пугало. Он не отставал, следуя за бешеным топотом моих бегущих ног и тяжёлым дыханием.

Я не мог сражаться с этим парнем.

Но это не значит, что я не мог его убить.

Мы вылетели из хранилища, миновали Врата Крови, и я ускорился ещё сильнее, собирая для этого усилия все свои резервы. Затем засветил посох и бросился в туннель, ведущий к Вратам Льда, а добежав до них, воззвал к силе Зимней мантии, чтобы толкнуть железный рычаг обратно в положение «Вкл.» и выломить его у основания одним свирепым движением.

А затем я сломя голову ринулся по двухсотъярдовому смертоносному полю, в то время как глыбы льда размером с дом начали падать, разбиваться, скользить, сталкиваться, и крушить друг друга, словно какая-то громадная, обезумевшая машина для утилизации отходов.

— Паркур! — прокричал я, швырнув себя в скольжение, которое пронесло меня прямёхонько под горизонтально летящей глыбой льда размером с товарный вагон, чтобы тут же вскочить на ноги и продолжить бег.

— Паркур! — выкрикнул я снова, запрыгивая на маленький блок и проскакивая ещё над

несколькими, ныряя и лавируя между ними, с дженосквой, горячо сопящим мне в затылок. Бросая отчаянные быстрые взгляды назад — на него, я замечал, как он дюйм за дюймом сокращает расстояние между нами, а его огромное тело движется с совершенно несправедливой для таких размеров ловкостью, когда он, даже безглазый, преодолевал препятствия куда лучше меня.

А потом холод начал добираться до него.

На первый взгляд не произошло ничего особенного. Сначала он отстал от меня на шаг. Но, на следующем ряду жерновов, один из них рассёк его чудовищное плечо. Он восстановил равновесие и продолжил движение, и мы уже почти пресекли поле, когда я сжульничал.

Перепрыгивая через пару низких глыб, я крутанулся в воздухе и успел ткнуть пальцем в землю позади себя и отрывисто выдохнуть:

— *Infriga!*

Я не использовал много энергии. Едва различимое дуновение, в действительности — как раз достаточное, чтобы покрыть десятифутовый клочок на полу пещеры зеркальным Зимним льдом.

И его нога соскользнула.

Скольжение было недолгим. Но притуплённые холодом рефлексы не справились, и его равно-

весие нарушилось. Не так уж сильно, в конце концов, он бежал на всех четверых. Но достаточно, чтобы он пошатнулся и снова замедлил шаг.

Внезапно передо мной выросла десятифутовая стена ледяных глыб, каждый блок которой вращался, сталкиваясь и разбиваясь, в непредсказуемом ритме. Я испустил крик и перепрыгнул через неё всю, в стиле прыжков в высоту. Мои плечи шаркнули по верхушке стены, попотчевав меня восхитительным зрелищем ещё одной глыбы размером с дом, падающей сверху из темноты прямо на меня, а потом я отскочил от верхушки стены и рухнул на открытое место.

Дженосква ухватился за верхнюю часть стены и с лёгкостью её перескочил, его огромная волосатая туша двигалась без малейших усилий. Каким-то образом он определил наличие преграды. Должно быть, он услышал мой крик и прыжок, а может то, как я задел верхушку. Или, может быть, Урсиэль помогал ему в этой погоне вслепую, так же как Ласкиэль однажды помогла мне, направляя меня в полной темноте.

Но ни дженосква, ни Падший ангел не почувствовали того, что беззвучно падало на них.

И глыба льда размером с целое здание опустилась, как молот Господа Вседержителя, и

раздавила дженоскву, как пивную банку.

Я остановился, перекатившись, и в изнеможении плюхнулся на каменный пол пещеры, сопя как паровоз. Но у меня осталось достаточно энергии, чтобы повернуть голову к ужасным останкам, которые мотало, словно тряпичную куклу, в последнем ряду дробильных жерновов.

— Паркур, — пропыхтел я. — Засранец.

Следующую минуту я просто дышал.

Мгновение спустя ко мне приблизились шаги, и я почувствовал, как чьи-то руки тянут меня вверх. Майкл снова вложил Аморакциус в ножны и поддерживал меня, пока я поднимался. Стоящий неподалёку Грей несколько секунд наблюдал за молотящими глыбами, но затем покачал головой и скривился:

— Фу, гадость.

— Все целы? — спросил я.

Анна Вальмон вздрогнула и повернула ко мне бледное лицо.

— А ты сам как, Гарри?

— Пара месяцев сна в удобной кровати, и я буду как новенький, — ответил я.

До нас внезапно донёсся хор стенающих воплей, как будто тени, которые начали наводнять хранилище, достигли некой критической массы и

теперь выплёскивались наружу. Я всё ещё не видел их, и увидеть вовсе не жаждал. В моей памяти сохранился смутный образ чистящих пузыриков мертвечинки из «Властелина колец», и уверен, что этого вполне хватит, чтобы представить себе стремительно надвигающуюся на нас угрозу.

— Это ещё что? — спросила Анна.

— Вышибалы, — ответил я. — Мы не захотим оказаться поблизости, когда они доберутся сюда. Народ, давайте-ка уберёмся к первым вратам.

Так мы и сделали, торопясь по туннелю к месту открытия Пути. Я сделал глубокий вдох, готовясь к тому, что, как я надеялся, будет последним серьёзным испытанием этого дня.

— Майкл, — позвал я.

— Да?

— Полагаю, Никодимус рассчитывал на Ласкиэль и Эшер, как на резервный Путь домой, — сказал я. Эшер вовсю швырялась Адским огнём. За пару недель обучения у хорошего учителя — скажем, Падшего ангела, который может посылать ей образы и сообщаться непосредственно с мозгом — она могла бы развить достаточно способностей, чтобы научиться управлять Путями — но, вероятно, не из-под горы в несколько сотен тонн расплавленной породы. — Возможно, дже-

носква мог бы сделать это. Но они вне игры. Это оставляет ему лишь один путь для возвращения.

Майкл хмыкнул и обнажил меч. Грей нахмурился и теперь поглядывал по сторонам с куда большей осторожностью.

— Мы не в лучшей форме для сражения, Гарри, — сказал Майкл.

— Так же как и он, — сказал я. — Держим глаза открытыми. Проходим через Путь настолько быстро, как сможем, и я пулей закрываю его за нами. Ник может найти свой собственный путь домой. — Затем я сосредоточил свою волю, прочертил посохом линию в воздухе и произнёс:

— *Aparturum*.

Воздух снова рассекла светящаяся линия, затем расширилась, и с того места, где стоял, я уже мог разглядеть внутреннюю часть хранилища в банке Марконе.

Я тяжело опёрся на посох и обоснованно возгордился собой из-за того, что до сих пор ещё не повалился и не уснул прямо на этом самом месте.

— Майкл, иди, — сказал я.

Майкл вынул свой меч и прошёл первым, внимательно оглядываясь в поисках любой опасности.

— Анна, — позвал я.

Вальмон шагнула вслед, и я заметил, что рюкзак всё ещё при ней. Это был один из тех проигнорированных мной одинаковых рюкзаков, которыми всех обеспечил Никодимус. В амфитеатре Грей использовал для обманного манёвра его точную копию.

— Боже ж ты мой, — сказал Грей, глядя на меня. — Ты не забрал добычу? Как, чёрт возьми, ты собираешься мне заплатить?

— Придумаю что-нибудь, — ответил я.

Грей ухмыльнулся.

— Я знаю, что мы спешим, но кое-что тебе нужно знать.

— Что?

— Никто не озаботился долей для Вязальщика, — сказал он. — Мы все довольно потрёпаны, а у него есть армия демонов, которую он может двинуть на нас. Так, пища для размышлений. — Затем и он миновал портал.

— Вот дерьмо! — выругался я.

Мне просто хотелось где-нибудь чудненько прилечь. Почему всё всегда так сложно?

Я шагнул через проход обратно в мир смертных, и почти мгновенно почувствовал себя лучше, легче, свободнее. Сила тяжести изменилась. Я

тут же повернул голову назад, чтобы не упустить ничего из виду. Никодимус мог спешить по Пути прямо сейчас — как и несколько миллионов разъярённых теней. Не думаю, что Аид позволяет своим узникам просачиваться в мир смертных, но, с другой стороны, с такими типами никогда нельзя быть ни в чём уверенным.

По крайней мере, разрушать сплетённое заклинание было легче, чем его создавать.

— Майкл, — сказал я, — прикрой меня.

Он подошёл ко мне с мечом в руке. Я повернулся к проходу, уставший как собака, поднял посох и прошептал:

— *Disperd…*

И чёрная тень промчалась сквозь Путь, ударив меня, как грузовик.

Я ждал неприятностей и был к ним готов. И Майкл был готов. Либо оба мы устали больше, чем осознавали, либо тень перемещалась с такой скоростью, что ни у одного из нас не было шансов успеть. Или — и то, и другое.

Сила удара завертела меня и швырнула на землю с такой болью, что локти запутались в лопатках.

Я обалдело вскинул голову, выбрасывая руки в оборонительном жесте, чтобы увидеть, как

хвост тени со свистом исчезает в дальнем конце хранилища Марконе, у входной двери.

Из водоворота теней возник Никодимус. Он был бледен и выглядел ужасно, в запавших глазах застыла боль, но держался он прямо. Его меч снова был в ножнах, и в одной руке он по-прежнему небрежно держал святой Грааль. Двигаясь с явным напряжением и болью, он повернул ручку, открывавшую главную дверь в хранилище изнутри, потом толкнул дверь, и она распахнулась.

Затем он взглянул прямо на меня и совершенно спокойно отломал ручку у самого основания.

Было нечто неистовое и ужасное в его глазах — я мог видеть это, даже со своего места.

— Дрезден, — произнёс Никодимус, — как отец отцу скажу, что сработали вы неплохо.

Я почувствовал, как мои глаза расширяются.

— Остановите его! — заорал я и вскочил на ноги.

Майкл бросился бежать. Грей размытой тенью скользнул к дальнему концу хранилища, двигаясь со скоростью, которая обычно ассоциируется с самолётом на низкой высоте.

Ни один из нас не успел туда вовремя, чтобы помешать Никодимусу с резким, горьким смешком захлопнуть огромную дверь.

Тяжело дыша, я добежал до противоположного конца хранилища, ну или большей частью добежал. Анна Вальмон оставалась рядом со мной, всё ещё держа свой свёрток с инструментами.

— Господи! — выдохнул я, пытаясь использовать то, что осталось от ручки, но не смог за неё ухватиться. Дверь в хранилище была заперта, а мы остались внутри. Я резко ударил в неё плечом, но она даже не сдвинулась, и я не был уверен, что смог бы выбить её, даже если бы был полон сил.

— Майкл, ты слышал, что он сказал?

— Слышал, — мрачно ответил Майкл.

— Откуда он мог узнать?

— Ты сказал ему, — спокойно пояснил Майкл. — Когда провоцировал его насмешками про Дейрдре. Ты говорил такие вещи, которые мог знать только другой отец.

Я застонал, потому что Майкл был прав. После того, как Никодимус понял, что я тоже был отцом, ему не понадобилось слишком много времени, чтобы сопоставить этот факт с темноволосой, черноглазой маленькой девочкой, которая внезапно появилась в доме Майкла. В месте, которое, как я чертовски хорошо понимал, Никодимус держал под особым наблюдением, даже если для этого он не мог использовать свою ручную тень.

И она появилась там сразу же после моего безумного штурма Красной Коллегии и моей мнимой смерти в придачу. Нетрудно было догадаться.

Никодимус не смог бы войти к Майклу в дом — но у него был целый отряд неадекватных оруженосцев с автоматами и дробовиками, которые смогли бы, а он был переполнен болью от потери собственной дочери.

Мэгги была там. Как и дети Майкла. И беззащитный архангел.

— Он идёт к тебе домой, — выдохнул я. — Он идёт за нашими семьями.

Глава 48

— Назад, — резко выдала Анна Вальмон и опустилась на колени, развернув на земле набор своих инструментов перед сломанной ручкой. — Дрезден, уйди с дороги.

— Скорей, скорей, скорей, — поторопил я, отойдя в сторону.

— Я знаю, — она принялась выдёргивать инструменты из набора.

— Скорей.

— Я *знаю*.

— Ты не можешь её просто вскрыть?

— Это бронедверь, Дрезден, а не велосипедная цепь, — огрызнулась Вальмон. Она одарила Майкла раздражённым взглядом и кивнула в мою сторону.

Майкл выглядел так, будто тоже хотел её поторопить, но лишь сказал:

— Не мешай ей, Гарри.

— Это недолго, — пообещала она.

— Проклятье, — высказал я, переминаясь с ноги на ногу.

— Дрезден? — вопросил Грей.

— Ну что?

Словно с большого расстояния, до хранилища донеслось эхо от хора стенающих воплей.

Грей поджал губы.

— Должен ли переход вроде этого оставаться открытым?

Я обернулся и уставился на переход. Единственным источником света на той его стороне являлся он сам, но этого было достаточно, чтобы показать мне шагнувшую к порталу огромную фигуру, чья волосатая коленная чашечка находилась на уровне моей груди. Затем она опустилась на колени и огромное, уродливое гуманоидное лицо со сросшимися бровями и единственным громадным глазом в центре лба голодно обратилось на меня.

Я перехватил посох и сосредоточил волю.

— Ну хоть бы *раз* всё пошло по плану, — рыкнул я. — *Disperdorius*.

Энергия покинула меня дурманящей волной; контур перехода сложился в себя и пропал, забрав с собой циклопа. Я отвернулся от схлопывающегося портала обратно к двери ещё до того, как световое шоу завершилось.

Прозвучал тихий хлопок, за которым последовало шипение, и я повернулся, чтобы увидеть

Вальмон, держащую нечто вроде миниатюрного автогена, подключённого резиновыми шлангами к паре маленьких баллонов. Она передала Грею стальную отвёртку и сказала:

— Мне нужен прямой угол.

Грей хмыкнул, взял её обеими руками и прищурился. А затем согнул жало отвёртки под прямым углом так резко, что очертания его предплечий размылись.

— Вставь внутрь гнезда, где он её сломал, вот здесь, и держи, — добавила она.

Грей так и сделал. Вальмон просунула полоску какого-то металла в отверстие, нацепила маленький квадрат из тёмного пластика, чтобы защитить зрение от ослепляющего факела горелки, и от двери полетели искры. Она работала над этим около пятисот лет, что, вероятно, уложилось в пару минут, после чего автоген истратил топливо и погас.

— Держи ровно, — предупредила она. — Хорошо, отпускай.

Грей отпустил ручку отвёртки, застывшую в отверстии примерно в той же позиции, что и оригинальная ручка.

— Готово. Пошли, — сказал я.

— Нет, — отрезала Вальмон. — Материалы не

те, и я не слишком оптимистична по поводу этой пайки. Мы должны дать ей остыть или только сломаем её, а топлива на вторую попытку нет. Шестьдесят секунд.

— Проклятье, — я принялся шагать взад-вперёд. — Ладно, когда мы выйдем, я направлюсь к дому как можно быстрее. Майкл, тебе надо добраться до телефона и…

— Я иду с тобой, — сказал Майкл.

Я обернулся к нему и высказался жёстким, практичным тоном:

— У тебя нога ранена. Ты меня замедлишь.

Его челюсти сжались. Мускулы напряглись. Но он кивнул.

— И тебе надо будет помочь остальным убраться из банка. Надеюсь, без превращения в решето по дороге. Уходи, найди телефон и предупреди Черити. Возможно, у неё хватит времени спрятать всех в убежище.

— Он сожжёт дом вокруг них, — тихо сказал Майкл.

— Чёрта с два, — сказал я. — Иди следом так быстро, как сможешь.

Он кивнул. Потом, молча, протянул мне рукоять Амораккиуса.

— Я не могу забрать его у тебя, — сказал я.

— Он не мой, Гарри, — ответил Майкл. — Я его просто взял на время.

Я положил пальцы на рукоять, а затем покачал головой и толкнул её обратно к нему. Меч обладал невероятной мощью — но и требовал невероятной аккуратности в использовании, а я не имел ни настроения, ни склонности к тому.

— Мёрфи знала, что не должна была использовать Фиделаккиус, но вчера вечером всё равно сделала это, и теперь его нет. Я не гений. Но я быстро учусь.

Майкл легонько усмехнулся.

— Ты хороший человек, Гарри. Но ты допускаешь ту же ошибку, что всегда допускает Никодимус — и которую сделала Кэррин.

— Какую ошибку?

— Вы все думаете, что главное в словах «Меч Веры» — это «меч».

Я нахмурился.

— Мир постоянно считает, что разрушение физической оболочки — это победа, — тихо продолжил он. — Но Спаситель был больше, чем просто клетки, ткани и химические соединения — и Фиделаккиус больше, чем дерево и сталь.

— Его нет, Майкл, — ровно сказал я. — Иногда плохие парни выигрывают.

— Иногда им так кажется. Но лишь на время.

— Откуда тебе знать?

— Я не знаю, — его лицо осветилось внезапной улыбкой. — Вот почему это называется верой, Гарри. Ты увидишь.

Я заметил, что Грей пристально смотрит на Майкла.

— Время, — сказала Вальмон. Она протянула руку и коснулась пальцами отвёртки. Затем, очень мягко, повернула ручку.

Бронедверь издала громкий щелчок и распахнулась.

— Двигаем, — сказал я.

— Если предположить, что Вязальщик нам даст, — добавил Грей.

Мы вышли из хранилища в комнату с депозитными ячейками и обнаружили её совершенно разгромленной. Внешняя стена хранилища была испещрена вмятинами в полтора дюйма глубиной. Ещё больше вмятин и пятен покрывали депозитные ячейки на двух других стенах. Облицовка со стены, в которую были вмонтированы мины, просто обрушилась, обнажив бетонное основание, которое тоже было искромсано и изрублено рикошетившими металлическими шариками заряда, некоторые из которых, неглу-

боко вошедшие в стену, ещё были видны. Пол был покрыт гравием и обломками.

Кроме того, тридцать костюмов Вязальщика стояли полукругом напротив двери хранилища, перекрывая каждое возможное направление. И каждый направил на нас «Узи».

— Ого! — сказал я, сжимая посох. — Вязальщик, притормози!

— Двинешься ещё на дюйм, и от тебя только мокрое место останется! — донёсся голос Вязальщика из коридора снаружи депозитной комнаты. Удивительно, но дверь по-прежнему держалась на петлях, и маленький наёмник стоял где-то за ней. — Где Ханна?

Моим первым побуждением было соврать Вязальщику, что его напарница шла следом за нами, но что-то подсказывало мне, что это было бы плохой идеей. Поэтому я сказал правду:

— Она мертва.

В воздухе на мгновение повисла тишина. Затем Вязальщик снова заговорил огрубевшим голосом:

— Что произошло?

— Она забыла Первое Правило, — ответил я. — Приняла одну из Монет. У меня не было выбора.

— Не было выбора. Вы, ребята из Белого Совета,

часто это повторяете, — очень мягким тоном сказал Вязальщик, что определённо пугало куда больше, чем грубая интонация до этого. — Никодимус сказал, что ваша команда нас предала: убила Дейрдре, Ханну и гориллу, заграбастав всю добычу себе.

— Он скормил тебе полуправду, — ответил я. — Он солгал о том, кто первый попытался воткнуть нож в спину. Мы играли честно. Он нас кинул.

Вязальщик слегка выглянул из-за двери, фыркнул, затем дёрнул подбородком в сторону Майкла и произнёс:

— Сэр рыцарь, всё так и было?

— Ваш партнёр приняла Монету Ласкиэль, — уверенно ответил тот. — Никодимус убил собственную дочь, чтобы отворить Врата Крови. Когда мы проникли внутрь, он приказал мисс Эшер и дженоскве напасть на остальных. Нам пришлось с ними сражаться. И они проиграли.

Вязальщик повернул глаза к Грею, неодобрительно нахмурившись:

— Значит, ты решил переметнуться?

— Дрезден заключил со мной договор до Никодимуса. Я лишь делал то, для чего меня наняли.

Вязальщик изогнул бровь:

— А. Это всё объясняет.

Грей пожал плечами.

— Ханна, — продолжил Вязальщик, снова обратив на меня свой взгляд. — Ты убил её?

— Убил, — признал я. — Я предложил ей отступить. Она отказалась. Мне очень жаль. Она была слишком сильна, чтобы справиться с ней иначе.

Вязальщик злобно выругался и отвернулся:

— Глупое дитя. Неплохой партнёр, но ни капли здравомыслия.

— Мне просто любопытно, — прервал его Грей. — Ты собираешься нас пристрелить или как?

— Чё? — удивился Вязальщик. Затем он кинул взгляд на своих болванчиков, и те опустили оружие, начав прятать его. — А, нет, у парней кончились боеприпасы уже как минимум двадцать минут назад. Потом они вступили в рукопашную, но тут начали прибывать копы, и люди Марконе отступили, чтобы немного поразмыслить.

— Скорее, чтобы дождаться подкрепления из викингов, — пробормотал я. Ребята Вязальщика были внушительной силой, но у них не было ни шанса против отряда самых взаправдашних скандинавских викингов с дюжиной веков опыта за плечами у каждого, уже умерших и не боявшихся умереть ещё раз. — Как здесь обстоят дела?

Глаза Вязальщика будто потускнели на миг. Затем он доложил:

— Дюжина полицейских машин оцепила периметр. Также здесь несколько пожарных машин. Этажи над нами частично охвачены огнём. Предполагаю, что ещё миллион-другой машин в пути, но дороги представляют из себя один большой каток, и на данный момент копы просто перекрывают выходы. Погодка, мягко говоря, паскудная. С озера идёт густой туман.

— Лёд и туман, — ответил я. — Прямо как я люблю.

— Солнце ещё не взошло, — добавил Вязальщик. — А какой-то злой, но обаятельный мужик вывел магией из строя все уличные фонари и прожекторы. Если мы рванём отсюда сейчас, то можем уйти целыми и невредимыми.

— А что с Никодимусом? — спросил Майкл.

— Он улетел, — зло выплюнул Вязальщик. — Сказал мне, что вы убили Ханну, и оставил меня гнить здесь.

Я зарычал.

— Так что насчёт денег? — спросил Вязальщик. — Насколько обещания сошлись с правдой?

— У нас один рюкзак, — тихо ответила ему Вальмон. — Маленькие камешки, легко сбывать.

Нужно будет поделить их, когда выберемся.

Я моргнул и посмотрел на неё.

Она ответила мне спокойным нечитаемым взглядом.

— Все за одного, — произнесла она. — Я тоже хочу отсюда выбраться.

Она была права. Я приближался к лимиту своих возможностей. Вязальщик тоже выглядел истощённым. Если мы просто выбежим на улицу, целиком полагаясь на удачу, то наши судьбы решит чистый случай. Темно ли, туман ли — но патрульные Чикаго были тяжело вооружены, и, учитывая выстрелы, взрывы и так далее, они наверняка пришли к выводу, что произошло что-то типа нападения террористов. Они выстрелят один раз, второй, третий, четвёртый, а вопросы будут задавать только чтобы чем-то заполнить время, пока идёт перезарядка.

Несколько дырок в черепе не помогут мне быстрее добраться до дома Карпентеров… и я был слишком многим обязан Майклу и Вальмон, чтобы позволить копам подстрелить их при побеге с места преступления. Больше всего на свете мне хотелось мчаться к дому Майкла уже прямо сейчас… но для этого мне сперва нужно было вытащить нас из здания в целости и сохранности. А

для этого нам непременно надо было действовать сообща.

— Вязальщик, — обратился я к нему. — Никодимус нас всех подставил. Но я предлагаю тебе прямо здесь новую сделку, совместный пакт о выживании. Мы разделим содержимое рюкзака поровну, между нами пятерыми, как только прорвёмся. Там не красные камушки, но двадцать процентов добычи твои, если будешь работать вместе с нами, чтобы убраться отсюда к чертям.

— Даёшь своё слово?

— Даю своё слово, — подтвердил я.

— Даже не знаю, — задумался Вязальщик. — Вспоминая, как ты не сдержал своё обещание убить меня, если ещё раз увидишь в городе…

Я сердито уставился на него.

— Сэр рыцарь? — снова вопросил Вязальщик. — Вы даёте своё слово?

— Я даю своё слово, — ответил ему Майкл.

— Так ты в деле или нет? — поторопил я Вязальщика.

Последний какое-то мгновение оценивающе смотрел на Майкла, затем кивнул:

— Конечно, я в деле. Разве у меня есть выбор?

— Остальные?

Мне ответили дружным одобрительным гу-

лом.

— Хорошо, тогда слушайте, — продолжил я, всеми фибрами души чувствуя отчаянное желание рвануть за Никодимусом. Но я заставил себя думать головой. Всё по порядку. Вырваться из смертельной ловушки, в которую мы угодили, затем спасти Мэгги из её смертельной ловушки. — План такой.

Глава 49

Привести план в действие не заняло много времени.

Костюмы Вязальщика хлынули из всех щелей банка воющей ордой, круша окна и выскакивая из дверей. Они бежали прямо навстречу шквальному огню из двух дюжин патрульных машин, окруживших здание. Костюмы были живучи, но и они умирали, получив по парочке пуль каждый. Они скакали по автомобилям. Они угрожающе махали руками. Они с самыми что ни на есть преступными намерениями потрясали пустыми «Узи».

Но по-настоящему никому не навредили. Если бы они это сделали, Вязальщик лишился бы своей доли. Погибая, они разбрызгивались обратно в эктоплазму, из которой и были созданы — прозрачное желатиновое желе, которое быстро испарялось, не оставляя после себя ничего, кроме пустых «Узи» и недоумения.

Большинство лакеев вышли из западной части здания. Через несколько секунд за ними вышла и наша команда, покрытая моей лучшей завесой,

которая, стоит признать, выглядела немного размытой и более прозрачной, чем обычно.

Завеса — это не моё, понятно? Особенно завеса, покрывающая столько людей разом.

При таком освещении и погоде, в шумной неразберихе открытого нападения демонов, придерживающихся корпоративного дресс-кода, моей ничтожной завесы было достаточно. Я шёл впереди, Майкл замыкал шествие, и мы все держались за руки, как группа школьников на прогулке. Нам пришлось — иначе завеса прикрывала бы только меня одного.

За кольцом полицейских машин расположились другие аварийные службы — пожарные машины, машины скорой помощи и остальные им подобные были припаркованы на каждом нескользком углу, который им удалось найти среди льда. Начала прибывать пресса, и остатки полицейских пытались оцепить квартал вокруг Капристи-билдинг. Каждый человек старался высмотреть что-нибудь сквозь туман, чтобы получить представление о том, что происходило во время хаотичного нападения и последовавшего шквального огня. Я удерживал завесу вокруг нас, пока мы ковыляли через весь этот бардак в сторону дома Майкла. Она не мешала людям

замечать, что кто-то торопливо проходит мимо, но по крайней мере не давала им нас разглядеть.

Больная нога Майкла дотянула до следующего квартала, а затем он, задыхаясь, выпал из цепочки, доковылял до первого укрытия и прислонился к зданию.

После того как он отпустил руки, завеса дрогнула и распалась, и мы пятеро снова стали полностью видимыми.

— Ладно, — сказал я. — Вы трое продолжайте идти так быстро, как только сможете, пока люди Марконе не допетрили, что здесь происходит. Найдите телефон как можно скорее.

— Нам нужно разделиться как можно быстрее, — сказал Вязальщик. Он был весь бледный, и его трясло. Он родился в ту эпоху, когда о кардиотренажёрах ещё и не слыхивали, и всю ночь вызывал демонов.

Вальмон молча согласилась с Вязальщиком коротким кивком.

— В преступных делах лучше слушаться советов преступного авторитета, — подтвердил я. — Возьмите свои доли, а оставшееся отдайте Майклу.

— Да пребудет с тобой Господь, Гарри, — сказал Майкл.

— Грей, — сказал я, — за мной!

И, повернувшись, призвал Зиму и бросился бежать.

Грею понадобилось несколько секунд, чтобы догнать меня, но далось ему это довольно легко. Он фыркнул и сказал:

— Постарайся не убиться.

— Чего? — выпалил я.

— Паркур, — нетерпеливо сказал он, схватил меня за талию и подбросил в воздух.

Я взмыл вверх, размахивая руками и ногами, а посмотрев вниз, увидел нечто совершенно невероятное.

Грей плавно опустился на четвереньки, его фигура размылась, и внезапно подо мной уже бежала большая длинноногая серая лошадь, а я шлёпнулся ей на спину. Мне удалось изогнуться и минимизировать удар по, гм, критической зоне, перенеся большую часть веса на бёдра, но при этом я едва не свалился, и мне пришлось бешено размахивать руками, чтобы удержаться на месте.

Несмотря ни на что, мне это удалось, и я уселся правильно. Я не ездил на лошади с тех пор, как жил на ферме Эбенизера в Озарке, но тогда я делал это каждый день, и мышечная память

осталась. Ехать на бегущей лошади без седла не просто, когда ты слегка ошалел от того, как кто-то на твоих глазах игнорирует все известные тебе законы физики и магии.

Изменение формы я мог понять, но Грей сделал нечто куда большее — он изменил свой долбаный вес. В общих чертах я конечно знал, как перестроить тело с помощью магии. Вы просто двигаете составные части, но вес всегда остаётся тем же. Правда, я также видел, как Урсиэль оборачивается в медведя и неслабо прибавляет в весе, поэтому знал, что может быть иначе, но полагал, что всё дело в падшем ангеле. Это было логично. Я видел, как Слушающий Ветер довольно значительно уменьшился во время боя с нааглоши, но полагал, что ему удалось сделать некоторые ткани плотнее и тяжелее, уместив ту же массу в меньшей площади.

Грей не просто сделал себя больше. Он сделал себя больше в семь или восемь *раз*, и всего за один миг. Мне было трудно проталкивать мысли сквозь свою пульсирующую голову, но я засунул посох под мышку, чтобы схватиться за гриву коня пальцами здоровой руки, и обнаружил, что бормочу эти мысли вслух.

— О! — услышал я собственный возглас озаре-

ния. — Эктоплазма! Ты наращиваешь массу, как лакеи Вязальщика воплощают себя.

Грей фыркнул, словно я констатировал совершенно очевидную вещь.

Затем тряхнул головой и рванул по-настоящему.

Когда я бегу, одевшись в Зиму, я могу двигаться довольно быстро, так быстро, как только может человек, но я могу делать это дольше. Скажем, со скоростью двадцать пять или тридцать миль в час. Чистокровки на скачках развивают тридцать пять. Скакуны на коротких дистанциях показывают пятьдесят пять миль в час или около того.

Грей бежал как настоящий скакун, может, быстрее, и не останавливался. Мне оставалось только держаться крепче.

Ледяной дождь принёс Чикаго относительное затишье, но на улицах всё ещё попадались редкие движущиеся автомобили, а на тротуарах — пешеходы. Грею пришлось вилять между ними, потому что ни те, ни другие не были достаточно шустрыми, чтобы успеть убраться по своей воле. Когда они замечали Грея, приближающегося к ним сквозь туман, было уже слишком поздно, а я мало чем мог помочь, кроме как держаться и стараться не упасть. В том темпе, в котором

двигался Грей, падение бы больше походило на автомобильную аварию, чем на что-то ещё, только в случае такой аварии я оказался бы без прикрытия, знаете, *автомобиля* вокруг меня. Этот опыт заставил меня оценить по достоинству Кэррин и её «харлей» — за исключением того, что её «харлей» не делал безумных прыжков через почтовые ящики, пешеходов и один из тех малюсеньких электромобилей, когда они попадались ему на пути.

Где-то по ходу дела я заметил, что скользкий лёд, покрывавший улицы и тротуары, для Грея представлял собой такое же препятствие, как и для всех остальных. Временами он скорее скользил по нему, чем бежал, но получалось у него это с поразительной грацией.

Я бы закрыл глаза, если бы это не уменьшало мои шансы пережить скачку.

Мы двигались в правильном направлении, и лишь почти у самой цели до меня дошло, что я никогда не говорил Грею, где находится дом Майкла.

Когда мы туда добрались, Грей дышал как паровоз, и шкура подо мной была потной, взмыленной и очень горячей. Из его широко распахнутых ноздрей брызгала кровь. Перемещение такой

массы с такой скоростью и так долго было из ряда вон, и даже Грею не удалось избежать расплаты за ускоренный метаболизм. Мы прогремели мимо маленького внедорожника Кэррин — по-прежнему застрявшего там, где она вчера вечером попала в аварию — и попытались повернуть на улицу Майкла, но ловкость Грея встретилась с его усталостью, и он запнулся.

Он поскользнулся на кусочке льда, и нас понесло в сторону дома на углу улицы.

Я почувствовал, как мы отрываемся от земли и начинаем кувыркаться в воздухе. Всё должно было закончиться печально. Больше тонны лошадиного веса и около двухсот пятидесяти фунтов чародея собирались шмякнуться о замерзшую землю и врезаться в здание, и я ни черта не мог с этим поделать.

Но ничего из этого не произошло.

Когда мы начали падать, лошадь стала расплываться, и внезапно вместо неё появился Грей и большая слюнявая куча дымящейся эктоплазмы. Он схватил меня в воздухе, с силой потянув сзади за плечи и прижав к себе, и когда мы стукнулись о землю, смягчил своим телом удар, который пришёлся на его спину, а не мой череп. Мы отскочили (это было больно), непроизвольно перевернулись

и врезались в стену дома на четверть секунды позже всей этой эктоплазматической слизи. Грей снова принял удар, щадя меня, и я услышал, как хрустнули его кости. Я совершил жёсткое, но не смертельное приземление между Греем, несколькими густыми кустами у дома и мягкой подстилкой из слизи.

Я заставил себя встать и проверил, как там Грей. Он валялся обессиленной грудой, глаза его были закрыты, а нос и рот все в крови, но по крайней мере он дышал. Его грудь была гротескно деформирована, но раны затягивались прямо у меня на глазах, а пара рёбер возвращалась к более естественной форме. Адские колокола, а этот мужик может перенести реальную трепку. И это говорил *я*.

— На что я только… не готов пойти… — проскрипел он, — чтобы… заплатить ренту.

Я поднял голову и помутневшим взором увидел, как большие фургоны Никодимуса без опознавательных знаков, которые он использовал для транспортировки в начале операции, завернули за угол на противоположной стороне улицы и неуклюже поползли к дому Майкла.

Грей едва успел, но доставил меня вовремя.

Разумеется, теперь, когда я был здесь, вопрос

состоял в том, что я собираюсь по этому поводу предпринять.

Я встал на ноги, снова подняв вокруг себя завесу. Может, она была и не идеальна, но, по крайней мере, не отняла у меня много сил, и я тихо двинулся в сторону врага. Ноги Зимнего рыцаря ступали по льду совершенно беззвучно.

Головная боль меня убивала, накатывая постоянными волнами. Так же дела обстояли и с рукой, несмотря на помощь Зимней мантии. Усталость и многочисленные ушибы скрутили мою спину узлом, и я не знал, сколько ещё заклинаний смогу произнести, прежде чем рухну — и смогу ли вообще.

Так почему, спрашивал я себя, я шёл к фургонам, готовясь к битве?

Я винил в этом Зимнюю мантию, которая постоянно подталкивала моего внутреннего хищника, науськивая меня решать проблемы с помощью схваток, охоты и убийств. Сейчас было подходящее время и место для такого рода вещей, но пока фургоны осторожно тормозили на обледеневшей улице, мое здравомыслие подсказало мне, что не следует начинать боевые действия здесь и сейчас. Может, я и мог обрушить на фургоны огненное заклинание, но взрывы не отличаются

аккуратностью и редко достигают того эффекта, на который надеются вызвавшие их чародеи — а от подобного усилия я запросто могу потерять сознание прямо на скованной ледяной коркой земле. И я бы так и лежал без чувств, пока выжившие убивали бы мою дочь.

Слишком рискованно. Зачем устраивать разборки с плохими парнями, когда я мог бы, например, схватить Карпентеров и Мэгги в охапку и выскользнуть из дома до того, как они туда доберутся?

Так что вместо того, чтобы затевать драку, я остался под завесой и бегом обогнул дом, перескочил забор и побежал к жилищу Карпентеров через задний двор. Я подбежал к задней двери и потянул за дверную ручку. Ручка не сдвинулась, и я рискнул легонько постучать по стеклу наружной двери:

— Черити! — тихо, но настойчиво позвал я. — Черити! Это я!

Я проверил углы дома, на случай, если оруженосцы послали людей через задний двор тем же путем, что прошёл я. А когда я снова повернулся к наружной двери, тяжёлая железная дверь за ней открылась, и в лицо мне уставились оба дула ружья.

Я поспешно скинул завесу и поднял руки. Кажется, я при этом сказал что-то умное, типа: «Ух!»

Голубые глаза Черити расширились, и она опустила ружьё. Поверх пижамы на ней был надет один из её самодельных защитных жилетов — титановая кольчуга, укреплённая с двух сторон множеством слоёв пуленепробиваемой ткани. В набедренной кобуре покоился револьвер, с виду напоминавший кольт модели 1911 года.

— Гарри! — воскликнула она и торопливо открыла наружную дверь.

Я столь же торопливо зашёл внутрь и выпалил:

— Они идут.

— Майкл только что звонил, — кивнула она и закрыла за мной железную дверь на несколько задвижек.

— Где дети?

— Наверху, в убежище.

— Нужно увести их отсюда, — сказал я.

— Слишком поздно, — прервал нас голос из передней комнаты. — Они уже здесь.

Стараясь не шуметь, я прошёл вперёд и обнаружил Уолдо Баттерса, скрючившегося под окнами на улицу и временам выглядывающего наружу.

На нём был бэтменский жилет с кармашками для всяких магических прибамбасов, а в руках он осторожно сжимал помповое ружьё, словно знал, за какую сторону его держать, но не более того.

В дверях кухни стоял Уриил. В переднике. Его майка была запачкана чем-то вроде муки для блинчиков. Вместо того чтобы выглядеть опасным и совершенным, как и положено архангелу, он выглядел слабым, немного уставшим и уязвимым. У него не было оружия, но в руке он уверенно держал длинный кухонный нож, и, даже если бы я его не знал, его безмятежная неподвижность намекала на то, что он может быть опасен.

Возле Уриила сидел чрезвычайно серьёзный Мыш. При виде меня он дважды ударил хвостом по незащищённым ногам архангела.

— Что за х… — начала было Черити, но увидела Уриила. — Что за ерунда? — продолжила она раздражённо. — Ты должен оставаться наверху с детьми.

— Я участвовал в войнах, когда эта планета ещё представляла из себя облако расширяющегося газа, — ответил он.

— Только ты при этом не кровоточил и не умирал, случись кому тебя проткнуть, — парировала

Черити.

Ангел нахмурился:

— Я могу помочь.

— Как помочь? — спросил я, вытаскивая свой монструозный револьвер из кармана плаща. — Порезать бананов для блинчиков? Здесь будет перестрелка.

— Гарри! — настойчиво позвал меня Баттерс.

— Эхммм, — раздражённо протянул я и пошёл к Баттерсу. — Мыш, мальчик, побудь с ним.

— Гав, — серьёзно ответил мне Мыш. Пёс определённо так и планировал сделать, но я где-то читал, что хороший командир никогда не отдаёт приказ, если знает, что его обязательно ослушаются. Поэтому разумно предположить, что он непременно отдаст приказ, если заведомо знает, что тот будет охотно выполнен.

— Погаси свет, — попросил я Черити.

Она кивнула. Почти весь свет уже был выключен, но нас могли выдать несколько переносных ночников, тут и там воткнутых в электрические розетки. Она обошла комнату, выдёргивая их, и внутри дома стало темнее, чем в предрассветной зимней мгле снаружи.

Я пристроился рядом с Баттерсом и начал перезаряжать свой большой револьвер. Снаружи за

полупрозрачными шторами смутно виднелись оруженосцы, выходящие из двух фургонов, припарковавшихся перед домом. Они, как и раньше, несли ружья и винтовки.

— Девять, — Баттерс тихо считал каждого вооружённого человека. — Десять. Одиннадцать. Боже.

— Продолжай считать, — сказал я. — Это может пригодиться.

Баттерс кивнул.

— Четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать? Шестнадцать.

— Сядьте на пол, — приказал я всем. — Держитесь подальше от окон. Не давайте им себя увидеть.

Кто-то зашевелился в темноте и тихо присел рядом со мной.

— Я уже вызвала полицию, — сообщила Черити.

— Вся полиция на другом крупном происшествии, — ответил я. — Они ещё не скоро сюда явятся.

Я заметил, как пара оруженосцев отделилась от остальных, и каждый из них начал обходить дом со своей стороны:

— Нас окружают.

— Я возьму на себя тыл, — сказала Черити.

— Ты же и стрелять умеешь, да? — спросил я её.

Её зубы блеснули в полутьме.

— Мне больше нравятся молоты и топоры. А умею ли я стрелять, выясним через минуту.

— Удачи! — пожелал я ей, и она растворилась где-то в дальней части дома.

Дом Майкла был укреплён так же, как и моя квартира, тяжёлыми бронированными дверями, которые могли противостоять чему угодно, за исключением пробивного подрывного заряда или прямого воздействия гидравлического тарана. Немного удачи, и они потратят кучу времени, пробуя выбить двери, прежде чем поймут, насколько они прочные.

Но Никодимус не оставил в своих планах места для удачи. Восемь человек осторожно двинулись по газону к входной двери. Двое из них несли небольшие заряды пластиковой взрывчатки. Конечно же, он уже всё разведал про это место. Или, может быть, просто собирался взорвать дверь, даже если бы она была сделана из крашеной бумаги.

Чёрт возьми, я не был солдатом. Меня не учили всем этим тактическим штучкам. Но если бы я хо-

тел попасть внутрь дома и ожидал встретить хотя бы небольшое сопротивление, было бы разумно напасть сразу с нескольких сторон. Наверное, я бы послал большую часть парней спереди, и лишь нескольких с тыла, чтобы уменьшить вероятность того, что они поубивают друг друга по ошибке. Если на то пошло, может, я бы просто поставил несколько парней у задней двери, чтобы поймать всех, кто попытается сбежать.

Конечно, весь смысл вламывания в дверь состоит в том, что это нужно делать, когда этого никто не ждёт. Но мы ждали. Это ведь давало нам хоть небольшое преимущество, правда?

Несомненно.

— Они собираются подорвать дверь, — сказал я Баттерсу. — Может, бросят несколько светошумовых гранат, ввалятся сюда и начнут стрелять. Спрячься за диван и жди их. Как только дверь откроется, начинай стрелять через неё.

Баттерс сглотнул и судорожно кивнул. Его бледное лицо покрывал холодный пот.

— Хорошо, — согласился он и пополз к дивану.

Тем временем я подошёл к стене рядом с лестницей, ведущей наверх. Когда дверь подорвут, она распахнётся внутрь, а если её сорвёт с петель — отлетит назад к лестнице. Если присесть около

лестницы, большая часть тела окажется скрыта, за исключением руки с оружием и головы. Я занял позицию и положил револьвер на пол, туда, где его легко будет достать.

И принялся ждать.

Через десять секунд послышалось нечто похожее на стук огромного молота по плоскому камню, и я почувствовал, как мне в грудь ударила волна прибоя, хотя и не реальная. Дверь распахнулась. Я едва мог вздохнуть, но махнул рукой в сторону двери и прошептал:

— *Ventas servitas*.

В дверной проём полетел мощный порыв ветра, и одновременно с этим на крыльцо с тупым стуком упало несколько маленьких предметов, и на меня хлынул такой поток света и звука, что я бы, наверное, ослеп, если бы не успел прикрыть глаза рукой. Снаружи донеслось несколько бессловесных криков растерянных оруженосцев. От переутомления моё поле зрения сузилось до тоннеля. Я увидел, как кто-то зашевелился в дверном проёме, а затем Баттерс открыл огонь из ружья.

Я схватил револьвер, направил его на дверной проём и дважды выстрелил так быстро, как только смог прицелиться. Один человек упал, и хотя мне и хотелось претендовать на звание потряса-

ющего стрелка, но шансов, что ответственность за это несли Баттерс и его ружьё, было намного больше.

Больше ни на что времени не хватило. Может они и были фанатиками, но не идиотами. Им хватило и пары секунд, чтобы убраться с крыльца и линии нашего огня. Даже подстреленный парень уполз куда-то в сторону, оставив за собой кровавый след.

Я прекратил бесполезную стрельбу в связи с отсутствием целей, но Баттерс продолжал выпускать заряд за зарядом в пустой дверной проём. Он не останавливался, пока три или четыре раза не щёлкнул по пустому магазину.

Я бросил взгляд в его сторону и обнаружил, что он пялится на дверь, заметно дрожа и побелев как полотно.

— Чувак, перезаряжайся, — напомнил я.

Он посмотрел на меня выпученными глазами, тряхнул головой и начал шарить в одном из карманов. Я подождал, пока он перезарядит ружьё, и сказал:

— Прикрывай дверь. Я пойду проверю, как там Черити.

— Хорошо, — согласился он.

Я повернулся и зашагал по направлению к

задней части дома, пытаясь вспомнить, где должны быть стены, чтобы в них не врезаться — и, завернув за угол, едва не врезался в оруженосца с дробовиком.

Думать было некогда. Я махнул посохом слева направо, отталкивая дробовик в сторону. Слабая хватка левой руки не позволяла использовать рычаг и вложить в удар достаточно силы, но когда ствол взревел огнём и громом, я не умер, а просто пошатнулся от резкой боли в барабанных перепонках. Оруженосец выбил посох из моего слабого захвата, резко ударив по нему стволом дробовика.

Я дважды выстрелил ему в живот из моего большого револьвера.

Он выдохнул и начал оседать, и когда он упал, я ногой отшвырнул дробовик от его рук.

Сзади стоял его партнёр, целясь в меня из штурмовой винтовки, и я оказался захвачен врасплох. Меня охватил острый ужас. Я попытался броситься в сторону, хотя понимал, что от этого не будет никакого толка.

Уриил со своим кухонным ножом выплыл из тени позади второго оруженосца и одним движением вскрыл его артерии и трахею. Тот рухнул, и Уриил последовал за ним на пол. Он несколько

секунд прижимал карабин одной рукой, пока оруженосец не перестал биться.

Когда он поднял взгляд на меня, его лицо искажала гримаса отвращения.

Я уставился на двух оруженосцев. Они явились откуда-то сзади.

Черити!

К тому времени, когда я добрался до задней двери, она стояла распахнутая. С одной стороны она покорёжилась и почернела от открывшего её взрыва подрывного заряда. Ружьё Черити лежало на полу, пара пустых светошумовых гранат валялись рядом. На тропе, ведущей к дверям, и на льду виднелись следы крови.

Черити исчезла.

Было не трудно понять, что тут произошло. Плохие парни взорвали и заднюю дверь, только возле неё не было чародея, чтобы остановить светошумовые гранаты. Они проникли внутрь, ошеломили и схватили Черити прежде, чем она успела выстрелить.

Я уловил вспышку движения за дверью и отскочил назад прежде, чем грохнуло ещё одно ружьё. Оруженосец промазал, но ненамного, и со стены позади того места, где я только что стоял, исчез кусок гипсокартона размером с мой кулак.

— Гарри! — взвыл Баттерс.

Я поспешил обратно в переднюю часть дома и обнаружил там Баттерса, пялящегося через занавески на улицу с перекошенным от ужаса лицом.

Никодимус стоял на тротуаре напротив дома Карпентеров, а его тень корчилась на земле.

Рядом стояла Тесса в своей человеческой форме, одетая в чёрные брюки и чёрную блузку. Выражение её лица было отстранённым и измученным. Она выглядела ужасно, худая и высохшая, как в фильмах о людях, спасшихся из концлагерей, но её глаза горели каким-то тёмных чувством, которое выходило за границы слова «ненависть».

На моих глазах два оруженосца наполовину подтащили, наполовину поднесли к нему Черити. И бросили её на тротуар перед Никодимусом. Она выглядела сбитой с толку. Её нога была в крови. Бронежилет был помят и порван над её раненым бедром, в том месте, где застряла и остановилась большая часть дроби.

Никодимус схватил Черити за волосы и поднял её лицо вверх, чтобы она могла видеть свой дом.

Моё сердце ёкнуло, и ярость наполнила меня. Я знал, что он делает. Никодимус собирался оставить для Майкла сообщение. Ему было не до-

статочно просто убить детей рыцаря, если он мог убить их и оставить труп Черити рядом, чтобы дать понять, что она была вынуждена наблюдать, как они умирают первыми.

— Смотрите, миссис Карпентер! — прошипела Тесса. — Смотрите!

Никодимус повернул голову в сторону трёх оруженосцев, которые стояли с бутылками водки, превращёнными в коктейль Молотова с помощью кусочков ткани. Бутылки уже были подожжены.

Его скрипучий голос прозвучал низко и твёрдо:

— Сожгите его дотла.

Глава 50

Я шагнул к двери с посохом наперевес как раз тогда, когда трое мужчин швырнули бутылки с зажигательной смесью, прицелился и прорычал:

— *Infriga!*

Из посоха со свистом вырвался морозный воздух. Бутылки взмыли в направлении дома и глухо шмякнулись о крышу, а затем скатились с неё обратно вниз и упали на лужайку осколками стекла и заледеневшего содержимого.

После этого произошло сразу несколько вещей.

Тесса адски завизжала. Она вскинула руку в мою сторону, собирая в ладони силу для атаки, но едва успела выпустить её, как Никодимус схватил её за руку, перенаправив предназначенный мне удар в небо.

Оруженосцы начали палить по мне. Пуля врезалась в плащ над левым лёгким, ударив меня словно кулаком и отбрасывая в сторону.

Мыш рванул вглубь дома.

Я упал, и серьга Мэб взорвалась. Два осколка выстрелили из моего уха в разных направлениях, рикошетом ударяясь о стены прихожей, и вселен-

ская боль обрушилась на меня в тот же миг.

Я смутно слышал, как Баттерс кричит моё имя. Пули лупили в прихожую через дверной проём, проносясь мимо со злобным шипением и щёлкая по лестнице позади меня. Я лежал, оцепенев от боли, и поймал ещё один удар по пыльнику прежде, чем Баттерс с усилием оттащил меня от двери.

Я старался не упускать из виду происходящее вокруг, но в основном был занят тем, что пытался собрать достаточно сил, чтобы свернуться калачиком в позе эмбриона… но у меня ничего не вышло.

— Гарри! — кричал Баттерс, пытаясь поднять меня на ноги. — Гарри, вставай! Они возвращаются!

— Сожгите его! — визжала Тесса. — Сожгите их! Сожгите их всех!

— Гарри! — истошно вопил Баттерс. — *Сделай* же что-нибудь!

Во мне не оставалось сил даже на гримасу боли.

— О, Боже, — всхлипнул Баттерс. — *БожеБожеБоже…*

И именно тогда, на моих глазах, Уолдо Баттерс выбрал путь героя.

Он посмотрел вверх на лестницу, туда, где прятались дети. А затем — в сторону мужчин на улице. И стиснул зубы.

Без лишней суеты он вытряхнул меня из кожаного пыльника. Надел его. Рукава были слишком длинны, да и плащ в целом был несуразно велик, но должен признать, он приобрёл гораздо больше защиты, чем это когда-либо удавалось мне.

— Боб, — позвал он.

Светящиеся огни вспыхнули в одном из отделений его бэтменского жилета, нервно вытанцовывая в медленно нарастающем свете утренней зари.

— Да, босс?

— Выступаем.

— Ох…

— Если со мной что-нибудь случится, — продолжил он, — я хочу, чтобы ты вернулся в череп. Расскажи Энди обо всём, что видел. Скажи ей, я просил передать тебя кому-нибудь ответственному. И скажи, что я люблю её. Хорошо?

— Босс, — спросил Боб подавленным голосом. — Ты уверен?

— Больше некому, — тихо сказал Баттерс. — Гарри повержен. Черити захвачена. Мы не можем рисковать жизнью Уриэля. И если мы будем

ждать помощи, ломая руки, они сожгут детей заживо.

— Но… это не твоё. Ты не сможешь победить их.

— Обязан попытаться, — возразил Баттерс.

— Эта попытка тебя прикончит, — ответил Боб. — И ничего не изменит.

— Я должен верить, что это не так, — сказал он. — Возможно, я сумею задержать их до тех пор, пока не подоспеет настоящая помощь.

— Ох, — тихо-тихо вздохнул Боб.

— Ты готов? — спросил Баттерс. — Ты можешь перейти в плащ?

— Конечно. Это я научил Гарри этим заклинаниям.

— Держи пули от меня подальше, сколько сможешь, — велел Баттерс.

— Принято, — отозвался Боб. — Зададим им жару, босс.

— Дух, ты просто молоток! — похвалил его Баттерс. Он глубоко вдохнул, положил руку на моё плечо и сказал: — Не волнуйся, Гарри. Ты и так сделал достаточно. У меня всё получится.

Мне хотелось крикнуть Баттерсу, чтобы он не ходил, не приносил себя в жертву понапрасну, а взял бы детей и попытался бы сбежать. Тоже

безнадёжный план, но он мог это и не понять. И, по крайней мере, они умерли бы от пуль, а не сгорели бы. Но я не мог ни двигаться, ни думать, ни делать что-либо ещё. Боль была просто слишком велика. Это больше не была головная боль. Это была боль вселенского масштаба. Я больше не чувствовал свою сломанную руку — я вообще не чувствовал своё тело. У меня осталась одна только боль.

Но я начал плакать, когда Уолдо Баттерс встал, закатал рукава моего плаща, чтобы руки высовывались из них, схватил несколько вещей из своего жилета, валявшегося где-то на полу крыльца, и вышел за дверь.

Из первого брошенного им шара внезапно появилось небольшое облако дыма и начало растекаться во всех направлениях, и снаружи загрохотали выстрелы.

Нет, чёрт возьми.

Нет!

Я не мог позволить, чтобы всё закончилось таким образом. Баттерс был моим другом и слишком хорошим человеком, чтобы умереть, пока я лежу на полу, не в силах прийти к нему на помощь.

Я изо всех сил пытался подняться, но мои руки

и ноги не слышали меня сквозь боль. Я попытался снова, подняв все ментальные щиты, что могли оградить меня от агонии, и на этот раз мне удалось сдвинуться с места и тяжело перевернуться на бок. Моя щека прижалась к полу, и мой взгляд оказался направлен вдоль коридора, ведущего в заднюю часть дома, мимо столовой, где я боролся с оруженосцами, ворвавшимися в дом… и где на обеденном столе были тщательно разложены остатки Фиделаккиуса.

В пылу борьбы стол тряхнуло. Отломанная рукоять Меча Веры упала и откатилась к дверям. Сейчас она лежала всего в паре футов от меня.

А что если…

Когда рыцари Тёмного Динария собирались сотворить зло, Мечи противостояли им. Меча Веры больше не было. Но это не означало, что сила, которая направляла Мечи, не могла выразить себя другим способом. Я уже видел, как Черити Карпентер полагалась на свою веру, когда Молли была в опасности. Насколько сильней была бы её вера сейчас, когда в опасности был весь её дом и семья?

Может, Майкл был прав насчёт Меча. Тогда у нас ещё есть шанс.

И я должен был верить в это. Люди, которых я

любил, могли погибнуть. Я должен был верить, что есть надежда.

Надежда помогает нам совершать такие вещи, которые без неё нам просто не по плечу, надежда придаёт сил, когда всё безнадёжно. Видимо, и мне в этот момент помогла именно она… потому что я вынудил свои нервные окончания откликнуться и подтянул себя к рукояти меча, стиснув зубы в лютой борьбе с агонией, заполнившей всё моё существо. Мне казалось, что прошла вечность, прежде чем мои пальцы коснулись деревянной рукояти Меча, но когда я наконец до него добрался и повернулся к двери, Баттерс едва только дошёл до входных ворот. Полы моего плаща разметались и кружились вокруг него, словно живые, обычно невидимые чёрные руны, которые я вытатуировал на коже, переливались оранжевым светом, а пелерина дико вздыбилась, как капюшон кобры.

Полдюжины оруженосцев стояли ошеломлённые и растерянные в рассеивающихся облаках тумана памяти; среди тех, кто ещё мог двигаться, только один сделал точный выстрел в Баттерса. Но рука маленького парня указала на него, и оранжевый колеблющийся свет спрыгнул с неё, тонкая линия обернулась вокруг ствола винтовки

и крепко его ухватила. Баттерс поднатужился и с криком вырвал винтовку из рук стрелка. Шнур освободил оружие от блеска оранжевых огоньков и скользнул обратно в рукав Баттерса.

А затем, прежде чем один из переполошённых стрелков успел его подстрелить, Баттерс перескочил через невысокий заборчик Карпентеров и врезался в Тессу — физической силы этому удару может и не доставало, но энергии в него было вложено до черта.

Толчок оторвал миниатюрную Тессу от Черити, и истощённая динарианка испустила яростный визг и осела под весом Баттерса.

Никодимус выхватил меч и ударил Баттерса в спину, но летающие полы моего плаща отбили лезвие в сторону. Баттерс не был настоящим бойцом, но зато был бойким. Он закричал и ударил Тессу головой.

Тут она подняла руку и что-то выкрикнула. Раздался треск, мелькнула вспышка света.

Баттерс отлетел и приземлился в шести футах от неё, ошалело растянувшись на обледеневшем тротуаре. Я видел, что из одного уха у него течёт кровь. Он рассеянно махнул одной рукой, и оранжевые искры Боба появились из плаща и устремились куда-то в сторону квартиры Бат-

терса.

— Что это было такое? — возмутилась Тесса с яростью в голосе, поднимаясь на ноги.

— Так, мелкая сошка, — жёстко ответил Никодимус. — Глупый, но храбрый, маленький человечек. Славная попытка.

Он подошёл к Баттерсу и занёс над ним свой меч. Баттерс стиснул зубы и вскинул руку в бесполезном защитном жесте. Он знал, что сейчас произойдёт… что должно произойти. И хотя лицо его побелело как мел, взгляд оставался спокойным и твёрдым.

Он сделал выбор и теперь ответит за свои действия.

И в этот момент все вокруг смотрели на Никодимуса и Баттерса… и никто не смотрел на жену Майкла Карпентера.

Надежда открыла мне второе дыхание.

— Черити! — прохрипел я.

Её голова резко повернулась ко мне, и она удивлённо моргнула.

Я со всей силы бросил отломанную рукоять Фиделаккиуса.

В жизни бывают такие моменты, на которые потом оглядываешься и понимаешь, что они были просто идеальны. И чтобы эти моменты

стали возможны, должно было произойти сто миллионов вещей, причём строго в нужное время — что совпало так много всего, что сложно даже представить, что всё это сложилось по чистой случайности.

Это был один из таких.

Отломанная рукоять Меча летела по идеальной дуге. Она поднялась вверх, спустилась вниз и пролетела в дюйме от заборчика вокруг двора перед домом. Вращение её было таким точным, словно бросок жонглёра, направившего рукоять прямо в ладонь Черити.

Но она промахнулась и не смогла её схватить.

Деревянная рукоятка с одиноким безобидным маленьким кусочком лезвия Меча отскочила от обледенелого тротуара и взмыла в воздух. Она подскочила ещё несколько раз, чиркнула по плечу Никодимуса…

…и приземлилась точно в поднятую руку Уолдо Баттерса.

Его пальцы сомкнулись вокруг рукояти Меча Веры, и если бы я не видел это своими собственными глазами, вряд ли поверил бы в то, что произошло.

Вспыхнул свет.

Раздался звук, похожий на рёв священных труб

в сопровождении голосов целого хора.

И вдруг из отломанной рукояти Фиделаккиуса вырос столп ослепительного серебристо-белого света в три фута длиной, и в первом золотистом луче рассвета нового дня он запел со всей силой Меча, но только теперь он звучал громче, мелодичнее и ощущался *физически*.

Меч Никодимуса уже опускался вниз, и когда его лезвие встретилось с лезвием из света, металл протестующе заскрипел, и посыпались искры. Никодимус отшатнулся и сделал три быстрых шага назад, недоумённо уставившись на своё оружие.

Фиделаккиус аккуратно рассёк его, словно он был сделан из бумаги, а не из стали. Обрубленный конец меча раскалился добела.

Рядом со мной кто-то удовлетворённо вздохнул, я метнул туда взгляд и увидел Уриила, притаившегося рядом. Он улыбался, и глаза его блестели.

Баттерс поднялся на ноги, его челюсть отвисла. Он целую секунду смотрел на поющее лезвие в своих руках, и вдруг его зубы оскалились в радостной улыбке, что не мешало ей быть ещё и свирепой.

Его взгляд упёрся в Никодимуса.

Вдруг из-за одного из фургонов раздался бес-

связный крик, затем машину тряхнуло, словно в неё врезалось нечто огромное. Секундой позже из-за фургона вышел Мыш, огромная машина прикрывала его от медленно восстанавливающихся оруженосцев. Собака фу пригнула голову и тело к земле и вся напряглась, шерсть на загривке вздыбилась, поблёскивающие, острые, недавно окровавленные зубы скалились. Он остановился всего в нескольких футах позади Никодимуса, и при его появлении тень Андуриила взбесилась, заметалась и закрутилась в десятке направлений разом, как испуганное животное на привязи.

— Хорошая попытка? — сказал Баттерс. — Мистер, там, откуда я, *никаких попыток не дают*.

И он поднял Меч, готовясь к бою, а его зачарованный плащ нереально драматично развевался позади.

Мыш издал лай, похожий на громкое отрывистое рычание, и бросился вперёд. Серебристо-голубой свет пронизывал его шерсть и сгущался вокруг гривы и челюстей.

Я видел ярость, гнев и недоумение на лице Никодимуса, когда новоиспечённый сэр Баттерс направился к нему, и я увидел ещё кое-что.

Страх.

Яростный свет Меча Веры вновь наполнил его

ужасом.

Он испустил бессильный крик и прыгнул в воздух, где тень Андуриила внезапно собралась вокруг него каплей жидкой тьмы, а затем унёсся вверх в туман, пронизанный лучами рассвета, и был таков.

Баттерс тут же развернулся к Тессе, но динарианка уже скрылась в тумане, оставив только разочарованный крик, который по мере её удаления превращался в дикий вой демона.

Баттерс с Мышом повернулись к оставшимся оруженосцам. В самом ближнем я разглядел Джордана, с растерянным выражением на лице сжимающего своё оружие так, что побелели костяшки пальцев.

По правде, оглянувшись по сторонам, я увидел такое же выражения на лицах каждого оруженосца. Полная растерянность, словно они только что увидели нечто по их мнению совершенно определённо невозможное. Они только что увидели своего непобедимого царя и бога униженным и вынужденным бежать от шмакодявки-рыцаря, который носил очки в толстой чёрной оправе и, наверное, весил не больше ста двадцати фунтов, даже промокший насквозь.

— Всё кончено, — сказал Баттерс, и зловещий

гул Фиделаккиуса наполнил ужасом паузы между словами. — Мы поставим точку прямо здесь. Всё *кончено*, парни.

На глаза Джордана навернулись слёзы, руки его безвольно повисли, как у уставшего ребёнка. Он бросил оружие на землю. И в следующие несколько секунд остальные делали то же самое.

Меч Веры, думаю, обоюдоострый аргумент.

Через мгновение я понял, что моя щека вновь прижата к полу, и вяло отметил, что глаза в какой-то момент перестали работать. Они были открыты, но никаких изображений мне не показывали. Может быть, именно это и имелось в виду под фразой «ленивый глаз». Ха. Я умираю, и у меня истерика.

Я услышал звук — далёкое завывание северного ветра — громкость и высота которого стремительно нарастали.

— Передохни, Гарри, — сказал голос Уриила из темноты. — Молли здесь. Передохни.

А затем я потерял сознание.

Глава 51

Я проснулся в постели. С потолка на меня смотрели цветные мультяшные пони.

Тело болело. Точнее, просто адски болело. Даже дышать было больно. Ужасно хотелось пить и есть, и судя по жалобам от моего мочевого пузыря, я был в отключке довольно долго.

Я посмотрел вокруг, не двигая головой. Я был в комнате Мэгги. Судя по янтарному солнечному свету, льющемуся из окна на одну из стен, наступил вечер. Я задумался, был ли это вечер того же дня или следующего. Постель Мэгги возвышалась надо мной, и я понял, что лежу на матрасе на полу комнаты. Что-то тяжёлое прижимало одну из моих ног, и она затекла. Я слегка шевельнул головой, чтобы рассмотреть, что именно, и тут же об этом пожалел. В черепе застучало, словно какой-то маленький человечек начал колотить по нему молотком.

Я поморщился и сфокусировал взгляд на причине моего дискомфорта. Мыш спал на полу рядом с кроватью, и его массивная челюсть покоилась на моей лодыжке. Его уши шевелись, хотя

глаза были закрыты, и дышал он ровно.

— Эй! — прохрипел я. — Оставишь меня без ноги, если не сдвинешься. Вали отсюда живо.

Мыш фыркнул и поднял голову. Он сонно заморгал, как любой нормальный человек при пробуждении, а затем распахнул пасть в собачьей улыбке. Его хвост завилял, и он поднялся, чтобы подойти к моей голове и наградить слюнявыми собачьими поцелуями, счастливо сопя.

— Ай! — сказал я и в шутку замахал руками, потом принялся чесать ему под подбородком и за ушами, пока он продолжал меня приветствовать. — Полегче, суперпёс, ты так меня совсем зализешь.

Мыш довольно запыхтел, по-прежнему виляя хвостом. Затем он повернулся и потопал прочь из спальни.

Через мгновение он вернулся и привёл с собой Молли.

Войдя в комнату, она произвела на меня сильное впечатление. Я привык к Молли, одетой в старые джинсы, сандалии и линялую футболку. Теперь она носила широкие брюки и тёмно-синюю блузку, судя по всему, пошитые на заказ. Её волосы, которые я прежде видел во всех невероятных оттенках и причёсках, какие можно

вообразить, были теперь длинные и прямые, цвета лунного света на кукурузных рыльцах. Она всё ещё выглядела немного слишком угловатой и худой. Взгляд её глаз, когда я последний раз видел её во плоти, был тревожным и напряжённым. Теперь в уголках глаз у неё, по-моему, добавилось несколько морщинок, а во взгляде появилась серьёзность, какой я не видел в них раньше — но они смотрели спокойно и уверенно.

Не говоря ни слова, она опустилась на колени рядом со мной и крепко обняла меня за шею.

— Ай! — повторил я, но улыбнулся. Снова. Я поднял руку, хотя это вызвало во всех мышцах моего тела приступ боли, и погладил её по волосам. — Привет, кузнечик!

— Мне так жаль, — сказала она и сжала руки ещё сильнее. — Мне жаль, что я не добралась сюда пораньше.

— Эй, всё же удалось, — ответил я. — Я в порядке.

— Конечно, ты в порядке, — возмутилась Молли, и, несмотря на браваду в её голосе, мне показалось, что она всхлипнула. — Я поработала над тобой.

— Послушай, — сказал я, — этот паразит не враждебное существо…

Она закивала, при этом задевая меня своими волосами.

— Знаю, знаю. Парень в чёрном рассказал мне всё, когда я была в твоей голове.

— С духом всё в порядке? — спросил я.

Она выпустила меня из своего обнимающе-удушающего захвата и кивнула мне, улыбаясь, но с подозрительно влажными глазами:

— Ну конечно же, первое что ты хочешь знать, это не пострадал ли кто-нибудь.

Она перегнулась через меня и подняла что-то, лежавшее на полу рядом с моей головой, вне поля моего зрения. Это оказался деревянный череп, который я вырезал для Боба.

— Это были трудные роды, — сказала Молли. — Она очень устала.

Я хмыкнул, поднял руку и взял череп в свои пальцы.

В глазницах немедленно появились крошечные зеленоватые огоньки, и маленький дух тихонько растерянно ойкнул.

— Тссс, — сказал я. — Это я. Отдохни. Мы поговорим позже.

— О, привет. Ладно, — сказал дух, и огоньки исчезли с тихим усталым хлопком.

— Знаешь ли, — сказала Молли, улыбаясь, —

обычно, если ты принимаешь кого-то в семью, тебе полагается иметь для этого собственный дом.

Я уложил череп на сгиб локтя и ответил:

— Дом — это место, куда ты можешь прийти и сказать остальным убираться оттуда, и они должны будут уйти.

Она улыбнулась и убрала несколько прядей с моего лба:

— Радостно видеть, что ты уже начинаешь приходить в себя.

Я слабо улыбнулся в ответ.

— Нас таких двое, — заметил я. — Как ты справляешься?

Её глаза блеснули:

— Это… было по-настоящему интересно. И изнутри всё воспринимается совершенно иначе, чем со стороны.

— Обычно так и бывает, — согласился я. — Расскажешь мне о своей работе?

— Я в буквальном смысле не могу, — прямо ответила она и замахала рукой. — Тайны фейри и всё такое.

— Понимаю. Тебе нравится?

— Не всегда, — ответила она без следа раздражения. — Но… это важная работа. Нужная.

— И всё же своим родным ты о ней ничего не сказала.

Впервые спокойствие Молли немного пошатнулось. Её щеки слегка порозовели.

— Я… Ну, у меня просто ещё руки до этого не дошли. — Её глаза вдруг расширились. — О боже, ты же не…

— Нет, — заверил её я. — Удалось вовремя выкрутиться. Хотя я, возможно, создал у твоего отца впечатление, что мы… ну, ты знаешь.

Она придушенно хихикнула, наполовину от смеха, наполовину от ужаса.

— О! О боже! Так вот что означали все эти взгляды, — затрясла она головой.

— Ты должна ему рассказать, — сказал я.

— Я расскажу, — ответила она с немного излишней поспешностью. — Ты же знаешь. Как только найду повод. — Она закусила губу, похоже бессознательно, и сказала: — Ты же, ну… ты же не против, да?

— Это твой выбор, и я его уважаю. Ты ведь больше не моя ученица, Моллз.

После этих слов она какое-то время смотрела на меня, и я видел, как боль и понимание мелькали на её лице. Затем она кивнула и тихо сказала:

— Думаю, нет.

Я сделал очередное грандиозное усилие и похлопал её по руке.

— Всё меняется. Не стоит об этом грустить.

— Да, — согласилась она, коротко сжала мои пальцы и выдавила улыбку. — Конечно, не стоит.

— Мэб где-то поблизости?

Она покачала головой.

— Она знает, что я хочу поговорить с ней о том, как я оказалась занята в самый неподходящий момент. Но она в городе. Я это чувствую. А зачем тебе Мэб?

— Потому что я тоже хочу с ней поговорить.

* * *

Сразу после захода солнца, один час, один душ и один залп обезболивающих спустя, я был одет и в состоянии дотащить себя вниз по лестнице без посторонней помощи. Мыш старательно сопровождал меня. Молли едва только не носилась вокруг как агент секретной службы, готовый броситься под пули в случае необходимости.

— А знаешь, что странно? — сказал я, добравшись до первого этажа.

— Что? — спросила Молли.

— Отсутствие копов, — ответил я. — Копы долж-

ны быть повсюду. И везде должна быть жёлтая лента. И наручники. — Я показал ей запястья. — Вот здесь.

— Ага, — сказала Молли. — Я тоже заметила.

Я посмотрел на неё и поднял бровь:

— Это не ты?

Она потрясла головой:

— Я совершенно не знаю, как подкупать власти. И не уверена, что Мэб поняла бы саму эту идею.

Первый этаж дома Карпентеров всегда напоминал место восстания, даже в спокойные времена. Сегодняшний вечер не был исключением.

— Догоняй! — прокричала молодая девушка в школьной форме с кудрявыми светлыми волосами и чуть повыше Молли, которая, вероятно, вызывала у одноклассников травмы шеи, когда они поворачивали головы вслед. Она пролетела лестницу, стреляя себе вслед из одного из этих игрушечных пистолетов с мягкими дротиками. Пробегая мимо, она махнула мне рукой, сверкнула улыбкой и поздоровалась: — Привет, Билл!

— Адские колокола, — сказал я, чувствуя себя сбитым с толку. — Это была Аманда?

— Она ещё одета в форму, — сказала Молли, качая головой. — В смысле, даже *после* школы. Ненормальная.

— Арргх! — изобразил рычание парнишка, чей голос ломался между высоким тенором и низким баритоном. Он был долговязый, с тёмными волосами и серыми глазами, как у Майкла, и бежал за Амандой, наклонившись вперёд и прижав руки к груди, словно подражал относительно крошечным передним лапам динозавра. Я сразу узнал «маленького» Гарри. Он выглядел великоватым для своего возраста, развившимся раньше времени, уже начал раздаваться в плечах, а его руки и ступни казались почти комично большими в сравнении с остальными частями тела.

Мэгги сидела верхом на его спине, цепляясь ногами и обхватив одной рукой за шею. Она бы удушила его, если бы сама не была такой маленькой. Она хихикала, а в свободной руке держала игрушечный пистолет, из которого выпустила несколько дротиков, бесцельно разлетевшихся по комнате.

— И вновь побеждает Всадница на Динозавре! — гордо провозгласила она, когда Гарри проносился мимо нас.

Через мгновение появилась ещё одна блондинка, спокойно собирающая упавшие дротики. Старше Гарри, но моложе Аманды и ниже любого из Карпентеров. Она улыбнулась мне и произ-

несла:

— Привет, Гарри.

— Хоуп, — сказал я с улыбкой.

— Хоббит, — поправила она, подмигнув. — Молли, мама просила тебе передать, что нашим гостям пора уходить.

Мэгги, ее скакун и жертва кинулись в обратном направлении, поменявшись ролями, и моя дочь кричала:

— Никто не сможет поймать Ковбойку-на-динозавре! Взять её, Мыш!

Мыш неистово завилял хвостом, подпрыгнул на месте, затем резко обернулся и взглянул на меня.

— Иди играй.

И он увязался за ними.

Наблюдая, как всё это безумие перемещается обратно, я почувствовал на себе взгляд Молли.

— Вот это да, — сказал я тихо. — Это… это всегда вот так?

— Бывают и беспочвенные придирки, и противоречивые требования, — так же тихо ответила Молли предостерегающим тоном. — Но… в основном да. У мамы с папой довольно строгие принципы, но… они умеют создавать семейное тепло.

Я быстро заморгал.

— Когда я был ребёнком… — Я замолчал, чтобы не расплакаться, и улыбнулся им вслед. Когда я был ребенком, я жил в приёмных семьях и отдал бы руку и глаз, чтобы стать частью чего-то вроде этого. Я глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и сказал: — Твоя семья дала моей дочери дом.

— Она просто замечательный ребёнок, — сказала Молли. — То есть по сравнению с остальными спиногрызами она просто потрясающая. Её трудно не любить. Иди, тебя ждут.

Когда мы вошли в кухню, Черити сидела за кухонным столом. Глаза её слегка остекленели от обезболивающих, но она явно была настороже. Раненая нога была уложена на другом стуле, на подушке. Майкл сидел рядом, его собственная недавно раненная нога также покоилась на стуле, зеркально отражая позу Черити, и эта сладкая парочка держалась за руки.

Я отметил, что трость Майкла снова была при нём и лежала на расстоянии вытянутой руки.

Вязальщик и Вальмон сидели напротив, все четверо пили что-то из дымящихся кружек. На столе рядком лежали пять новеньких, словно только что из канцелярского магазина, металлических ящиков для хранения денег.

Вязальщик как раз рассказывал какую-то историю, оживлённо жестикулируя обеими грубоватыми руками:

— Тут я глянул на неё и сказал: «А это вовсе не ручка, любовь моя».

Майкл моргнул и густо покраснел, а Черити откинула голову и расхохоталась. Анна Вальмон улыбнулась и отхлебнула свой чай. Она первой заметила моё появление и просияла, на мгновение одарив меня искренней улыбкой:

— Дрезден.

Вязальщик оглянулся через плечо и произнёс:

— Давно пора, приятель. Паршиво выглядишь.

— Да, и чувствую себя преотвратно, — согласился я и похромал к столу. — А где Грей?

— Он отказался заходить на наш участок, — сообщил Майкл.

Я выгнул бровь, взглянул на него и хмыкнул.

Майкл только развёл руками:

— Он сказал, что будет неподалёку, и что ты ещё должен выплатить ему причитающийся гонорар.

— Сказал, что ему не нужна его доля камней, — с искренним недоверием произнёс Вязальщик. — Что ему должен заплатить ты.

Я вскинул брови:

— Ха!

— Вроде бы и профессионал, и вдруг творит какую-то хрень, — недоумевал Вязальщик.

— Не для всех деньги — главная цель в жизни, — заметила Вальмон, улыбаясь в свою кружку.

— А жаль, ведь так этот мир был бы намного разумнее, — заявил Вязальщик.

— Я поделила камни по весу, — сообщила Вальмон. — Во всех ящиках поровну. Пусть каждый выберет себе свой, а я возьму тот, что останется.

— Разумно, профессионально, — одобрительно сказал Вязальщик. — Дрезден?

— Конечно, — отозвался я, выбрал приглянувшийся ящик и забрал его. Он оказался тяжёлым. Бриллианты — они всё ж таки камни.

Вязальщик тоже взял себе ящик. Майкл же задумчиво нахмурился.

— Майкл? — спросил я.

— Я… не уверен, что могу принять…

Черити твёрдой рукой подхватила один из ящиков и положила себе на колени.

— Нам нужно оплатить ещё по крайней мере двадцать три года обучения в колледже, — заявила она. — А что если потом у нас появятся внуки? Ты думал о том, сколько добра мы сможем сделать с этими деньгами?

Майкл открыл было рот, затем нахмурился и снова закрыл его.

— Но как мы будем их продавать?

— Анна уверяет, что это предельно просто.

— Достаточно просто, — подтвердила Вальмон. — Особенно если делать это по-тихому и маленькими порциями. Я помогу вам с этим.

— О… — только и сказал Майкл.

— Поскольку Грей отказался от доли, у нас остался лишний ящик, — сообщила Вальмон.

— У меня блестящая идея, — заявил Вязальщик. — Отдайте его мне.

— И с какой это стати? — поинтересовалась Вальмон.

— Потому что я отнесу его Марконе и подкуплю его, чтобы он не убивал нас за вторжение в его замечательный банк, — пояснил Вязальщик. — Заработать деньжат — это конечно хорошо, но мне бы хотелось прожить достаточно долго, чтобы потратить их.

— Отдайте его мне. Я об этом позабочусь, — сказал я.

— Гарри? — спросил Майкл.

— Я знаю Марконе, — пояснил я. — Он знает меня. Я использую это, чтобы убедить его держаться от нас подальше. Даю слово.

Майкл громко выдохнул через нос, затем кивнул и произнёс:

— Я согласен. Мисс Вальмон?

Анна поглядела на меня, затем кивнула:

— Согласна.

— Лучше ты, чем я, приятель, — заявил Вязальщик. — Только постарайся хоть как-то предупредить нас, если он убьёт тебя, когда ты придёшь поговорить.

— Буду иметь в виду, — сказал я и взял второй ящик. Вальмон забрала последний.

Мы немного помолчали.

Затем Вязальщик поднялся из-за стола.

— Дамы, господа, счастлив был в последний момент всё же выкарабкаться из этого бардака вместе с вами. Желаю удачи, — произнёс он и направился к выходу.

Вальмон тоже поднялась, слегка улыбаясь. Она подошла ко мне и обняла.

Я посмотрел на неё и устроил небольшое представление, сделав вид, что проверяю, не пропало ли что-нибудь из карманов.

Это заставило её рассмеяться, и она снова обняла меня, на этот раз немного дольше. Затем встала на цыпочки, чтобы поцеловать в щеку, и сказала:

— Я оставила твои вещи в шкафу, в комнате, в которой ты спал.

Я незаметно ей кивнул.

Она отстранилась, улыбнулась Черити и сказала:

— Дайте мне три дня, затем позвоните по номеру, что я вам дала.

— Хорошо, — пообещала Черити. — Спасибо.

Анна ещё раз улыбнулась ей, кивнула Майклу и ушла.

Майкл от нечего делать открыл свой ящик. Бриллианты, кучей лежащие внутри, залили всё вокруг своим сиянием.

— Вот это да! — сказал Майкл.

Черити осторожно взяла один камень и ошеломлённо покачала головой:

— Вот это да!

— Присмотрите за моей добычей? — спросил я. — Мне нужно поговорить с Греем.

* * *

Я обнаружил Грея стоящим на тротуаре возле дома, прислонившись к уличному фонарю, скрестив руки на груди и опустив голову. Он наблюдал, как я вышел из дома и побрёл к калитке у главного входа.

— Дрезден, — поздоровался он.

— Грей. Ты действительно меня поддержал.

— Для этого ты меня и нанял, — ответил Грей, словно считал, что я преувеличиваю.

— Может и так, — сказал я. — Но ты мог слинять. Мог взять деньги Ника.

Он посмотрел на меня так, словно я нёс полный бред.

— Думаю, Ваддерунг был прав насчёт тебя.

Губы Грея тронуло нечто похожее на улыбку.

— Хе, — усмехнулся он. — Он всегда в теме.

— И почему ты не хочешь заходить во двор? — спросил я, проходя через разбитую калитку, чтобы присоединиться к нему.

Грей уставился на меня непроницаемым взглядом. Он повернул голову к дому Карпентеров, посмотрел вверх и оглядел двор, словно отмечая места, где находились невидимые ангелы-хранители. Затем вновь посмотрел на меня.

Черты его лица сместились и стали менее чёткими. Глаза замерцали и изменились от карих со странными золотыми искрами на ярко-золотые, почти жёлтые. Для человеческих глаз радужка стала слишком широкой, зрачки стали вертикальными, как у кота. Я уже видел точно такие же глаза однажды.

Моё сердце ушло в пятки, я дёрнулся и ударился о створку калитки.

— Адские колокола, — пробормотал я. — Нааглоши? Ты долбаный нааглоши?

Грей чуть прикрыл глаза, и они снова стали похожи на карие и человеческие. Он немного помолчал, а затем сказал:

— Ты не выбирал быть сыном Маргарет ЛеФей. Ты не выбирал наследие, которое она оставила тебе вместе с родством. И она была та ещё штучка, парень. Я знал её.

Я нахмурился, но ничего не сказал.

— И я ведь не выбирал себе отца, — продолжил Грей. — И он тоже был тот ещё тип. Но я волен выбирать, как прожить свою жизнь. Так что плати.

Я медленно кивнул и спросил:

— Сколько мне будет это стоить?

Он назвал сумму.

— Сколько? — удивился я. — Так много?

— Только наличными, — заявил он. — И прямо сейчас.

— У меня с собой столько нет.

Он фыркнул и сказал:

— Верю. Но это же не проблема?

— Нет, — согласился я. — Я раздобуду.

— Ладно, — сказал и снова опустил голову,

словно собирался ждать до самого Судного дня.

И я поплёлся обратно в дом, подошёл к Майклу и спросил:

— Ты не одолжишь мне доллар?

* * *

Я наблюдал, как Грей идёт сначала по тротуару, потом заворачивает за угол и уходит дальше своей дорогой. За день земля достаточно прогрелась, чтобы растопить лёд, и вечер был туманный, холодный и влажный. Улицы блестели. Было очень тихо. Я немного постоял там в одиночестве.

— Можно тебя на минутку? — произнёс я в воздух.

И рядом со мной внезапно возник Уриил.

— Ты только посмотри! — сказал я. — Получил назад свой самолёт?

— Без всяких повреждений, — ответил он. — Майкл хороший человек.

— Лучший, что я знаю, — согласился я. — Вы правда прибили бы Грея, если бы он вошёл во двор?

Уриил раздумывал над вопросом какое-то время, затем сказал:

— Скажем, я рад, что он не попытался. Было бы неловко.

— Кажется, я начинаю понимать, что тут к чему, — сказал я. — И кто заварил всю эту кашу.

— Я ждал, что ты поймёшь, — признал он.

— Но я не понимаю, в чём тут твоя роль. За что отвечаешь ты?

— За искупление, — сказал он.

— Для Никодимуса? — спросил я его. — Ты стольким рисковал — своей благодатью, Мечом, Майклом, мной — и всё ради этого клоуна?

— Не только ради него, — произнёс Уриил.

Я секунду раздумывал над этим, потом выдал:

— Джордан.

— И другие оруженосцы, да, — согласился Уриил.

— Но почему? — спросил я. — Они же тоже сделали свой выбор, разве не так?

Уриил некоторое время раздумывал над ответом.

— Некоторые люди сбиваются с пути, — наконец медленно изрёк он. — Некоторых подталкивают к этому.

Я фыркнул, затем произнёс:

— Баттерс.

Уриил улыбнулся.

— Помню, когда Кассий, Человек-Змея, пытался выпотрошить меня, я всё думал, что никакой

рыцарь Креста не придёт и не спасёт меня.

— Кассий был когда-то рыцарем Тёмного динария, — сказал Уриил. — Справедливо, что против него выступил начинающий рыцарь Креста. Как считаешь?

— А сломанный Меч? — не унимался я. — Он тоже был частью плана?

— Я ничего не планирую, — заявил Уриил. — И ничего не предпринимаю. До тех пор, пока один из Падших не зайдёт слишком далеко.

— Да? И в чём же тогда заключается твоя работа?

— Я даю смертным возможность сделать выбор, — ответил он. — Мисс Мёрфи выбрала путь, приведший к разрушению меча. Мистер Баттерс выбрал действовать самоотверженно и храбро, тем самым доказав, что достоин быть истинным Рыцарем. А ты выбрал поверить в то, что разрушенный, сломанный меч может переломить ситуацию. В результате всех этих действий был создан Меч, в какой-то степени даже более великий, чем тот, что был сломан.

— Но я ведь выбрал поверить не для того, чтобы сделать *это*, — сказал я. — Серьёзно. Думаю, это можно истрактовать как нарушение моих авторских прав.

Уриил снова улыбнулся:

— Должен признать, что мне не дано предвидеть, какая именно форма веры возобладает там, где я вмешиваюсь.

— Вера в дурацкий фильм? — спросил я.

— Вера в сказку, где добро побеждает зло, свет разгоняет тьму, любовь преодолевает ненависть. — Он склонил голову на бок. — Разве не оттуда берёт своё начало любая вера?

Я фыркнул и, поразмыслив над этим, изрёк:

— Ха!

Уриил улыбнулся.

— У «Звёздных войн» просто куча фанатов, — заметил я. — Может быть, их даже больше, чем католиков.

— Музыка там неплохая, — ответил он.

* * *

Я взял лишний ящик с бриллиантами и отправился к Марконе.

Молли пошла со мной, но я понял, кого обнаружу там, и без помощи её чутья. Когда мы подошли, она взглянула на здание и произнесла:

— Эта сука.

— Ага, — подтвердил я.

Я постучал в дверь Общества Светлого Буду-

щего. Это был небольшой, но настоящий замок. Марконе заплатил, чтобы его перевезли в Чикаго. От меня не ускользнуло, что он расположил эту штуковину на том самом месте, где когда-то стоял пансион, в котором я много лет подряд снимал себе подвальчик. Вот козёл.

Дверь открылась, и на меня сердито уставился сверху вниз человек, габаритами напоминающий подъёмный мост. У него были длинные волосы, густая борода террориста и достаточно мускулов, чтобы накормить тысячу голодных грифов.

— Тебя зовут Скальди Скьёльдсон, — сказал ему я. — Ты знаешь, кто я. Я здесь, чтобы увидеть Марконе и его гостью.

Скальди нахмурился. Но я провёл последние несколько дней в компании дженосквы, и хмурым Скальди меня было не запугать.

Я вскинул бровь, глядя на него, и сказал:

— Так что?

Хмурый взгляд превратился в сердитый. Но он отошёл в сторону, пропуская меня. Я сказал «спасибо» и направился в комнату для переговоров. Я уже наведывался сюда почти мёртвым призраком и знал, где она располагалась. Скальди поспешил вслед за мной. То, что я уже знал, куда идти, похоже, слегка выбило его из колеи.

Ну я же чародей.

По пути мы миновали ещё нескольких эйнхериев, и наконец я без стука вломился в комнату для переговоров.

За одним концом стола сидела Мэб, с отстранённым и непреклонным выражением лица и идеально прямой спиной. Её волосы и платье были чёрными как смоль, как и её глаза, причём вместе с белками. Значит, она была здесь в качестве Судьи.

Когда Мэб показывается в чёрном, люди *гибнут*. В последний раз, когда я видел её в этом наряде, земля Предела Демона оросилась кровью двух королев Феерии.

По правую руку от неё сидел одетый в тёмный костюм джентльмен Джонни Марконе, некоронованный король Чикаго, член Соглашения неблагих, ставший им (по крайней мере частично) благодаря моей личной подписи. Похоже, на его висках стало чуть больше серебра, чем в прошлую нашу встречу, но от этого он смотрелся ещё более авторитетно. В остальном, он выглядел так же, как и всегда: спокойный, внимательный, безупречно ухоженный и милосердный, как лезвие газонокосилки.

— Могли бы мне всё рассказать в самом нача-

ле, — сказал я Мэб.

Она посмотрела на меня своими неживыми чёрными глазами и склонила голову на бок жестом, до нелепости похожим на птичий.

— Вы с Никодимусом уравновешивали весы, — продолжил я. — Но дело было не в уплате долга. И даже не в срыве его планов. Это была полномасштабная, тщательно рассчитанная месть.

Очень-очень медленно Мэб подняла руки и положила их на стол перед собой. Её ногти были чёрными и выглядели достаточно острыми, чтобы разрезать шёлк.

— Вы с самого начала направляли Никодимуса в ловушку. Вы, Аид и Марконе.

Марконе повёл головой, но ничего не сказал.

— Это единственное, что имеет смысл, — заявил я. — Почему вы отослали Молли подальше — чтобы она не узнала, что вы что-то затеваете. Почему вдруг удалось раздобыть планы хранилища Марконе. Почему кто-то позаботился о телах, и почему копы после этого не заполонили всё вокруг. Чёрт, да они, наверное, списали перестрелку и взрывы на какую-нибудь террористическую атаку. И готов поспорить на что угодно, что оруженосцам очень скоро предложат новую работу, теперь, когда их полубог впал в

немилость. Я прав?

Тень улыбки тронула губы Марконе.

— Никодимус нарушил ваше Соглашение, — сказал я Мэб. — Он похитил Марконе. Похитил одного из эмиссаров, подписавших Соглашение. И это была ваша месть. Вы организовали всё так, чтобы ему в руки попала информация о хранилище Аида. — Я повернулся к Марконе: — А вы *специально* построили своё хранилище так, чтобы из него можно было открыть Путь туда. И всё для того чтобы расквитаться с Никодимусом, через много лет после того, как он перешёл дорогу вам обоим. — Я посмотрел прямо в недрогнувшие глаза Мэб и произнёс: — И вы причинили ему худшие страдания, которые только смогли представить. Вы забрали у него дочь. Нет, даже хуже — вы сделали так, чтобы он сам себя её лишил.

Ни один из них ничего не сказал в ответ.

Но иссиня-чёрные ногти Мэб на самую малость погрузились в дерево стола, а её пустые чёрные глаза сверкнули.

— Теперь он лишился своей главной соратницы, — продолжил я. — Лишился оруженосцев. А когда все узнают о его предательстве, он лишится и своего имени. Никто больше не захочет работать с ним. Никто не захочет иметь с ним дело.

Вы не убили его, вы сделали ещё хуже. Ранили его, лишили его власти и оставили жить с этим.

Одно долгое мгновение никто не произносил ни слова.

Я повернулся к Марконе:

— А что же в результате всего этого получили вы? От вас требовалось построить хранилище и привлечь туда клиентов. Готов поспорить, что Аид был вашим первым вкладчиком. И когда он оказал вам такое доверие, остальные последовали его примеру — и теперь у вас на хранении находится больше всевозможных сокровищ, чем у кого бы то ни было в сверхъестественном мире. И если в качестве побочного эффекта вы ещё и сможете поквитаться с Никодимусом, вы ничего не будете иметь против. И теперь у вас есть куча денег, чтобы разыскать и поймать его — сейчас, когда он ослаблен.

Зелёные глаза Марконе, чей оттенок в точности соответствовал цвету потёртых долларовых купюр, весело глядели на меня. Но он всё ещё не произнёс ни слова.

Затем наконец раздался мрачный голос Мэб:

— Тебе есть что сказать по существу, мой рыцарь?

— Я хотел, чтобы вы знали, что я знаю, — отве-

тил я и повернулся к Марконе: — В ограблении участвовали люди, которые, кроме этого, не имеют никакого отношения ко всей этой истории.

— Но эти люди всё рано вторглись на мою территорию, — спокойно произнёс Марконе.

— Тем самым помогая вам осуществить свою месть. Преследуйте Никодимуса, я не против. Но остальных оставьте в покое. Они ничего вам не сделали.

— Они убили одного из моих сотрудников, — возразил Марконе.

— Женщина, которая сделала это, уже мертва, — заявил я, а затем бросил на стол денежный ящик. Он приземлился с впечатляющим стуком.

Мэб нахмурилась.

Марконе слегка вскинул бровь:

— И что это такое?

— Это вергельд. Слышали о таком?

— Салическая правда, — тут же ответил он. — Компенсация родственникам убитого.

— Именно. Это для семьи вашего погибшего сотрудника. Позаботьтесь о них. И оставьте моих людей в покое. И закончим на этом.

Марконе задумчиво поглядел на ящик, затем на меня:

— А если я не соглашусь с вашими условиями?

— Тогда у нас с вами будут серьёзные проблемы, — ответил я, затем повернулся к Мэб и добавил: — Прямо здесь. Прямо сейчас.

Глаза Мэб расширились.

Если я сцеплюсь с Марконе, может случиться куча вещей… но одна из них Мэб уж точно не понравится. В данный момент она была гостьей под крышей Марконе. Если её рыцарь и орудие предаст это доверие, это полностью разрушит её репутацию. И она прекрасно это знала.

— Да будет вам, Марконе, — мягко и успокаивающе сказала Молли. — Подумайте, сколько вы уже получили. Вы на пути к тому, чтобы уничтожить человека, который по-настоящему вам насолил. Что плохого, если его наёмники пойдут своей дорогой? В конце концов, может, когда-нибудь вам самому потребуются их услуги. Предложение стоящее, — и с этими словами она потянулась к ящику и открыла его.

Марконе редко был щедр на эмоции… но стоило ему увидеть камни, и его глаза расширились, пусть только на мгновенье.

Я неотрывно смотрел на Марконе.

Марконе оторвался от созерцания бриллиантов, встретился со мной взглядом, и мы некоторое время смотрели друг другу в глаза.

Оперевшись на стол, я наклонился ближе к его лицу и произнёс:

— Не забывай, кто спас твою задницу, когда эти маньяки схватили тебя. Ты мне должен.

Марконе некоторое время обдумывал это, затем тихо произнёс:

— Вы сделали это в качестве услуги Мэб. Не для меня. — Он протянул руку и плавно закрыл ящик, затем подтянул его поближе и поставил на угол стола. Его голос был почти шёлковым, но в складках этого шёлка притаилось лезвие: — Но долг остаётся долгом… и к тому же я не хочу, чтобы имя Мэб пострадало даже на малость, когда она оказала мне такое огромное доверие. Я принимаю ваше предложение, Дрезден. Мы в расчёте. Понимаете, что это значит?

Я всё прекрасно понимал. Это значило, что в следующий раз, когда я перейду ему дорогу, ничто не помешает ему стереть меня с лица земли.

Это меня устраивало. К тому же это желание у нас было во многом взаимным.

Мэб была слишком сдержанна, чтобы продемонстрировать хоть какую-то реакцию на успешное разрешение данной ситуации, кроме едва заметного кивка в сторону Марконе. Но она одарила меня недовольным взглядом, обещав-

шим, что она разберётся со мной позже. Такой же взгляд достался и Молли.

Но сомневаюсь, что мою бывшую ученицу он огорчил хоть капельку больше, чем меня.

* * *

— …какой вообще смысл в отряде ангелов вокруг этого дома, если они не делают ровным счётом *ничего*, чтобы защитить его, — раздражённо говорила Молли.

Мы шли по больнице к палате Кэррин. Приёмные часы уже почти закончились, но я не хотел откладывать визит к ней ещё на один день.

— С любой сверхъестественной угрозой они бы в два счёта разобрались. Но Ник, очевидно, тоже знал это. Поэтому и послал обыкновенных смертных с самым что ни на есть обыкновенным оружием.

Молли хмуро поглядела на меня:

— Да уж, чертовки огромная лазейка. Об этом я и говорю.

— Так сделай что-нибудь с этим, — предложил я.

— Уже сделала, — заявила она. — Теперь за домом будут присматривать. Я покупаю участок на той же улице.

— Ты можешь это себе позволить? — удивился я. — Мэб так хорошо тебе платит?

— На моем счету теперь сумма с восемью нулями, — ответила Молли. — Если захочу, я могу выкупить все дома по соседству. Теперь кто-нибудь будет присматривать за домом моих родителей двадцать четыре часа, семь дней в неделю. На случай, если кто-нибудь снова попытается выкинуть что-то подобное.

— Неблагие телохранители, — фыркнул я. — Не уверен, что им это понравится.

— Не обязательно, чтобы им это нравилось, — заявила в ответ Молли. — На самом деле, им даже не обязательно об этом знать.

— Похоже, это уже вошло у тебя в привычку, Молли.

Она глянула на меня, и на секунду я увидел в её глазах беспокойство.

— Гарри… если бы тебя там сегодня не было… — Она сглотнула. — Они же моя семья. Я должна сделать всё, что в моих силах, чтобы защитить их.

Я обдумывал это пару шагов, затем произнёс:

— Да. Должна.

Она слегка улыбнулась мне. Мы как раз подходили к палате Кэррин, и Молли замедлила шаг.

— Иди пока один. Мне ещё нужно кое за чем проследить. Я вернусь попозже.

— Хорошо, — сказал я и потянул ей кулак.

Она покачала головой:

— Вы не слишком-то почтительны, сэр рыцарь.

Я покачал кулаком, подзадоривая её:

— Ну же, давай. Ты же сама знаешь, что хочешь этого.

Она весело рассмеялась и стукнула по моему кулаку своим, затем развернулась и пошла прочь… на ходу доставая из кармана телефон и включая его.

Я опешил.

Мобильные телефоны — техника, наиболее чувствительная к несбалансированным полям энергии вокруг смертного чародея. Стоит одному из нас приблизиться к включённому телефону, тот скорее всего тут же отдаст концы.

Но с другой стороны, всякие нелюди, практикующие магию, казалось, не испытывали таких проблем.

И внезапно мне стало очень страшно за Молли.

У неё была масса секретов от родителей. И теперь я начал задаваться вопросом, сколько всего

она могла скрывать от меня.

Всё больше вещей нужно было не упускать из виду.

Я обменялся приветствиями с Роулинзом и вошел в палату Кэррин, где обнаружил Баттерса, сидящего верхом на стуле возле её кровати и оживлённо размахивающего руками во время рассказа:

— …И я посмотрел на него и сказал: «Мистер, там, откуда я, *никаких попыток не дают*». И я пошёл прямо на него, а этот злобный сукин сын взял и смылся.

Кэррин выглядела так, словно её поколотили резиновыми дубинками, причём после того, как она дважды преодолела триатлонную дистанцию. Но она сидела, и если и выглядела немного изможденно, самообладания явно не теряла. Одна рука у неё была перевязана и прижата к телу перевязью. Волосы спутались и прилипли к голове, к здоровой руке тянулась капельница.

— Ты вешаешь мне лапшу на уши, Уолдо Баттерс, — заявила она, затем повернулась ко мне и её улыбка расширилась: — Привет, Гарри. Ужасно выглядишь.

— В этом я не одинок, — сказал я и на секунду провёл рукой по её голове, ухмыляясь.

— Скажи ей, — потребовал Баттерс. — Гарри, ты же был там, правильно? Скажи ей. — Он моргнул и добавил: — О боже, ты ведь был немного не в себе. Только не говори мне, что ничего не помнишь.

— Нет, я помню, — возразил я. — Баттерс у нас стал настоящим рыцарем-джедаем. С мечом. — И я начал изображать звуки, издаваемые световым мечом: — Вум! Врум-крсум-казарк-скриу-у!

Кэррин с недоверчиво уставилась на меня, затем её взгляд заметался между мной и Баттерсом.

— Вы ведь не серьёзно?

— Он у тебя с собой? — спросил я Баттерса.

— Шутишь? — ухмыляясь, сказал тот. — Да я теперь никогда с ним не расстанусь.

— Так покажи ей.

— Ты думаешь, это… ну, нормально? Так выставлять его напоказ?

— Ты не выставляешь напоказ, — возразил я. — Ты подкрепляешь её веру.

Баттерс нахмурился, но затем сказал:

— Да, думаю, тогда это нормально.

Он полез в карман пальто и вытащил оттуда рукоять Фиделаккиуса. В ту же секунду лезвие света с шипением вытянулось на полную длину,

прогоняя из комнаты все тени и гудя от заключённой в нём силы.

Кэррин распахнула глаза:

— Матерь Божья! И… он просто *сбежал*?

— Не сразу, — уточнил я. — Сначала он попытался ударить Баттерса. И эта штука просто разрезала меч Ника, словно он был сделан из теста.

— Да, — подтвердил Баттерс. — Это, похоже, застало его врасплох. Но даже если бы у него всё ещё был меч, не думаю, что ему бы это сильно помогло. Ведь это как-никак *световой меч*. Даже как-то нечестно вышло.

— Ничего, он это заслужил.

— Баттерс, — сказала Кэррин, покачивая головой, — это… это потрясающе. Я так тобой горжусь.

Если бы Баттерс мог растаять и растечься по полу лужицей, он бы сейчас непременно это сделал.

— Да, я… Спасибо, Мёрф.

Мёрф.

Ну ты даёшь, Баттерс! Свой парень!

— Не за что, ты это заслужил, — ответила она, а затем помрачнела: — Но… Ты же знаешь, если не хочешь, ты не обязан оставлять его у себя.

Баттерс нахмурился и начал убирать рукоятку обратно в пальто. Лезвие исчезло словно бы само по себе.

— Почему я не должен этого хотеть?

— Владеть одним из Мечей — это огромная ответственность, — сказала Кэррин.

— Придётся мотаться по всему свету, — так же серьёзно добавил я.

— Иметь дело с плохими парнями, — заметила Кэррин.

— Постоянно выпутываться из безнадёжных ситуаций, — продолжил я.

— И монстры, призраки, вурдалаки, вампиры, — добавила Кэррин.

— И всё рыцари Тёмного динария дружно захотят сделать из тебя чучело и повесить на стенку, — ещё жёстче добавил я. — Баттерс, ты застал Никодимуса врасплох, в один из самых худших его дней за последние пару тысяч лет. Когда из всей команды поддержки у него осталась только женщина, ловкая настолько, чтобы суметь выскочить за него замуж, которая провела последние два дня, пытаясь сорвать его планы. Он ушёл, потому что встретился с новой, неизвестной для себя угрозой, и это был умный ход с его стороны. В следующий раз, когда ты встре-

тишься с ним, он уже не сбежит. Он подготовит твоё убийство заранее.

Баттерс неуверенно взглянул на меня:

— Вы… вы, ребята, думаете, что я не справлюсь?

Я уставился на него с соответствующим моменту серьёзным выражением. Как и Кэррин.

— Майкл и Черити обещали меня обучить, — со всей серьёзностью ответил он. — И Майкл сказал, что покажет, как тренироваться, что нужно есть, и обещал помочь разобраться, на что способен Меч. Я хочу сказать… Я знаю, что я лишь обычный парень, но… — Он глубоко вздохнул. — Я могу что-то *сделать*. Что-то изменить. Помочь людям. Редко кому выпадает такой шанс. Я хочу это сделать.

Кэррин взглянула на меня и спросила:

— Что ты об этом думаешь?

Я подмигнул ей, и мы оба усмехнулись, затем я сказал:

— Он справится. Ведь он обратил Никодимуса Архлеоне в бегство и всё такое. Думаю, это уже кое-что.

— Ага, — согласилась Кэррин. — Это уже кое-что.

Баттерс облегчённо усмехнулся.

— Но есть одна вещь, с которой у меня… у меня, похоже, проблема, — сказал он.

— Какая проблема? — спросил я.

Он развёл руками и произнёс:

— Рыцарь Креста — *еврей*?

Кэррин издала нечто подозрительно напоминающее хихиканье. Потом она будет клясться, что это из-за действия лекарств.

* * *

Чуть погодя Баттерс оставил нас с Кэррин наедине. У нас оставалось несколько минут, прежде чем появится какая-нибудь чересчур правильная медсестра и вышвырнет меня вон.

— Тебе нужно позаботиться о себе, — тихо сказала Кэррин. — Хотя бы следующую пару недель. Отдыхать. Выздоравливать. Держать рану на ноге в чистоте. Сходить к врачу и наложить на руку настоящую шину. Я знаю, что ты не чувствуешь боли, но важно, чтобы…

Стоя, я наклонился над кроватью и поцеловал её в губы.

Её слова растворилось в едином мягком звуке, от которого вибрировали мои губы. Потом её здоровая рука обернулась вокруг моей шеи, и звук прекратился. Это был долгий поцелуй. Мед-

ленный. Хороший. Пока поцелуй не подошёл к концу, я ничего не замечал вокруг. После я ещё несколько секунд не открывал глаза.

— О-о-о… — протянула она слабым голосом. Её рука скользнула к моей и легла сверху.

— Мы способны на безумные вещи ради любви, — тихо сказал я и, перевернув руку, переплёл наши пальцы.

Кэррин сглотнула, и на её щеках расцвел румянец. Она потупила глаза.

— Я хочу, чтобы ты тоже отдохнула и выздоровела, — сказал я. — Нам с тобой нужно заняться кое-каким вещами.

— Какими, например? — спросила она.

Я почувствовал, что улыбаюсь. Улыбка получилась довольной и немного волчьей.

— Вещами, которые до этого мне только снились.

— О! — выдохнула она, и её голубые глаза засияли. — Этими вещами. — Она опустила голову. — Так это… это я тебе снилась?

— Да, ты. Всё логично. Это же была твоя кровать.

Её рука сжала мою, а лицо расплылось в довольной усмешке. Я поднял её руку и поцеловал каждый палец.

— Я сейчас словила такой кайф, — сказала она.

Я усмехнулся. Она явно говорила не о наркотиках в капельнице.

Медсестра появилась в тот момент, когда мы опять целовались, и многозначительно откашлялась. Два или три раза. Я не обращал внимания. Мы ещё не закончили наш поцелуй. И медсестра вышла в коридор, чтобы пожаловаться Роулинзу, который хотя бы вежливо её выслушает.

После поцелуя Кэррин ещё раз хихикнула.

Она даже не подозревала, что я засунул половину своих бриллиантов ей в пару вязаных носков, пока она не видела.

* * *

Примерно к десяти часам я вернулся в дом Карпентеров. Вечер был не по сезону мягкий, даже немного душный. Я сидел на крыльце с Майклом, в одном из пары кресел-качалок, сделанных им собственноручно. У каждого из нас в руке было по бутылке светлого эля Мака, а ещё по паре уже пустых бутылок стояло у ног.

Мэгги пристроилась у меня на коленях. Она заснула полчаса назад, положив голову мне на грудь, и я бы не нарушил её сон даже ради всего золота мира. Или ради третьей бутылки

пива. Мыш дремал у моих ног, обрадованный возможностью быть так близко к обоим людям, которых он хотел обслюнявить больше, чем всех остальных.

— Так операция Кэррин прошла успешно? Она поправится? — спросил Майкл.

— Возможно, она восстановится не до конца, — ответил я. — Но доктора обещали ей девяносто процентов.

— Замечательная новость, — сказал Майкл. Я заметил, что он посмотрел вниз, на свою больную ногу, лежащую на стуле, который Молли принесла из кухни специально для этих целей. Я почти слышал, как он мечтает восстановиться хотя бы на пятьдесят процентов. По крайней мере, Никодимус ударил его в ту ногу, которая и так уже была повреждена.

— На что это было похоже? — спросил я его. — Снова вступить в бой?

— Ужасно, — сказал он с улыбкой. — И словно на некоторое время… словно я снова стал молодым. Полным энергии и ожиданий. Это было потрясающе.

— О чём-нибудь жалеешь?

— Нет, — сказал он, затем нахмурился и добавил: — Разве только об одном.

— Знаю, — сказал я. — Ник смылся вместе с Граалем.

Он кивнул, и его лицо потемнело от беспокойства.

— Эй, мы ведём по очкам: четыре артефакта из пяти, — сказал я. — Не так уж и плохо.

— Не уверен, что подсчёт очков тут уместен.

— Как ты думаешь, что он будет с ним делать?

Майкл пожал плечами и задумчиво отхлебнул пива.

— Грааль — самый мощный символ Божьей любви и скорби на свете, Гарри. Я не представляю, как он сможет использовать его во вред. Но Никодимус пожертвовал так многим ради него, что, подозреваю, он знает, как его использовать.

— Полагаю, Грааль был вторичной целью, — сказал я. — На самом деле ему было нужно что-то другое.

Нож всё ещё лежал в кармане моего плаща, который был накинут на стул в дань тёплому вечеру.

Майкл взглянул на мой плащ и кивнул:

— Что ты будешь делать с оставшимися четырьмя артефактами?

— Изучать их. Постараюсь узнать о них больше, пока не пойму, когда и как их можно исполь-

зовать.

— А до этого?

— Буду хранить в безопасном месте, — я подумал, что глубокие туннели Предела Демона подойдут.

Он опять кивнул и стал рассматривать свою бутылку:

— Ты не думал о том, чтобы вернуть их назад Церкви?

— Учитывая обстоятельства, нет.

Он поморщился и снова кивнул. И после очень долгого молчания наконец сказал:

— Боюсь, ты прав.

Эти слова заставили меня внимательно на него посмотреть.

— Захваченные нами Монеты не могли просто исчезнуть из своего хранилища так быстро и легко, — медленно произнёс он. — И это значит…

— Что кто-то в Церкви поспособствовал их возвращению в оборот.

— Продажность, — сказал Майкл прямо.

Я подумал о состоянии дел в Белом Совете, телефоне Молли и содрогнулся.

— Да, — сказал я, — вокруг её полно.

— Тогда ты поймёшь, почему я должен это сделать, — Майкл откинул голову назад и крикнул:

— Хэнк!

Мгновение спустя маленький Гарри появился в дверях. В руках он нес Амораккиус, ножны, перевязь и всё остальное. Он передал это всё Майклу, который потрепал волосы мальчика и отправил обратно в дом.

— Вот, — просто сказал Майкл, и прислонил Меч к моему креслу. — Когда будешь прятать артефакты, возьми и его. Ты снова его хранитель.

Я нахмурился:

— Это за то, что я так хорошо справился с этой работой в прошлый раз?

— Вообще-то, — ответил Майкл, — ты отлично справился. Ты защищал Мечи от тех, кто пытался ими завладеть, и перепоручал их тем, кто использовал их правильно.

— Мёрфи не смогла, — сказал я. — Хочу сказать, я знаю, что в конце концов всё обошлось, но мой выбор очевидно был ошибкой.

— Но ты не просил её стать истинным Рыцарем, — сказал Майкл. — Ты доверил ей Меч для одной единственной цели — чтобы помочь спасти твою маленькую девочку в Чичен-Ице. Она сама назначила себя хранителем Мечей после твоей предполагаемой смерти. А сегодня утром ты отдал Меч Веры нужному человеку в нужное

время.

— Это была случайность.

— Я не верю в случайности, — возразил Майкл. — Не тогда, когда речь идёт о Мече Веры.

— Думаю, я не хочу его брать.

— Конечно, выбор за тобой. И это правильно. Но Уриил просил меня передать его тебе. И я тебе доверяю.

Я вздохнул. Мягкое тёплое тельце Мэгги испускало какие-то субатомные частицы, вызывавшие во мне сонливость. Наверное, это были сонливоны. Мыш немного похрапывал, генерируя собственное поле сонливонов. Ласковая ночь тоже мне не помогала. Как и побитое тело.

На мне и так много чего лежало.

— Дело в том, — сказал я тихо, — что хранителю Мечей нужна прежде всего ясность суждений. А я больше не уверен, что на такое способен.

— Почему нет? — спросил Майкл.

— Из-за Зимней мантии. Из-за Мэб. Если я возьму Меч, могут произойти плохие вещи.

— Конечно могут. Но я ни на секунду не поверю, что они могут произойти, потому что ты им позволишь.

— Я хочу сказать, что если… что если Мэб доберётся до меня в конце концов? — Я махнул

рукой. — Звезды и камни! Я только что провёл выходные, работая с динарианцами в интересах долбаного Марконе. Я буду заниматься подобным… сколько? Пару лет? Чем я стану через пять таких лет? Или десять? Или сто пятьдесят?

— Я не поверю в это ни на секунду, — повторил Майкл. — Я тебя знаю.

— Я больше не уверен в самом себе, — сказал я, — и это пугает меня до чёртиков. Что, если ей удастся? Что, если она превратит меня в своего личного монстра? Что она сделает со мной тогда?

— Гарри, — сказал Майкл, — ты задал совершенно неправильный вопрос, друг мой.

— Что ты имеешь в виду? — удивился я.

Он посмотрел на меня серьёзно, даже обеспокоенно:

— Что она сделает с тобой, если ей это *не удастся*?

При этой мысли у меня в животе всё затрепетало от страха. Повисла тишина. Ночь была тёмной, тихой и туманной. Но в это время где-то далеко Мэб не сидела на месте, строила планы. И в этих планах были части — тёмные, кровавые, жестокие части — которые касались и меня.

Мэгги тёплым и мягким клубком прижималась

к моему сердцу. Мыш немного пошевелился, положил свою мохнатую голову мне на ногу и снова уснул. Рядом со мной энергия дома Карпентеров стихала до тихого, ровного гула дома, следующего заведённому распорядку. Время ложиться спать.

Иногда кажется, что стоишь на перекрёстке. Две дороги лежат перед тобой, и ты должен выбрать одну из них.

Не говоря ни слова, я взял Аморакциус и положил его так, чтобы легко достать, когда придёт время подниматься.